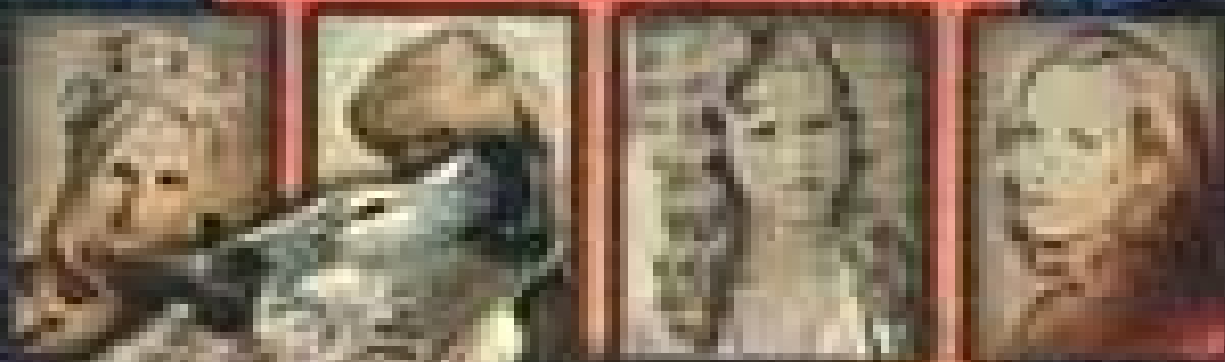

ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН

ЛЕАОВАТЬ ОБРУШЕН

ПЕРВЫЙ ПОВЕЩАНИЕ В СЕРИИ «ЛЕАОВАТЬ»
ОБРУШЕН. В СЕРИИ «ЛЕАОВАТЬ» ПЕРВЫЙ ПОВЕЩАНИЕ
ОБРУШЕН. В СЕРИИ «ЛЕАОВАТЬ» ПЕРВЫЙ ПОВЕЩАНИЕ
ОБРУШЕН. В СЕРИИ «ЛЕАОВАТЬ» ПЕРВЫЙ ПОВЕЩАНИЕ

By Michael

Annotation

Любители современных детективов!

Впервые у вас появляется возможность прочитать мировые бестселлеры Джеймса Паттерсона!

Более 50 миллионов человек по всему миру знакомы с последними книгами Джеймса Паттерсона!

Главный герой — Алекс Кросс — решит любую загадку!

Каждая книга — это увлекательный сюжет, напряженная интрига и потрясающая развязка.

Вы получите незабываемое удовольствие от захватывающего расследования и неожиданного поворота событий.

На этот раз Алексу Кроссу придется встретиться не с убийцей-одиночкой, а с двумя. Один из них «коллекционирует» красивых умных женщин на территории колледжей восточного побережья США. Другой в это время терроризирует Лос-Анджелес неслыханными убийствами. Но самое страшное заключается в том, что эти двое искусных и неуловимых преступников общаются между собой, сотрудничают и соревнуются.

-
- [Джеймс Паттерсон](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)

- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)
 - [Глава 81](#)
 - [Глава 82](#)
 - [Глава 83](#)

- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Глава 87](#)
- [Глава 88](#)
- [Глава 89](#)
- [Глава 90](#)
- [Глава 91](#)
- [Глава 92](#)
- [Глава 93](#)
- [Глава 94](#)
- [Глава 95](#)
- [Глава 96](#)
- [Глава 97](#)
- [Глава 98](#)
- [Глава 99](#)
- [Глава 100](#)
- [Глава 101](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава 102](#)
 - [Глава 103](#)
 - [Глава 104](#)
 - [Глава 105](#)
 - [Глава 106](#)
 - [Глава 107](#)
 - [Глава 108](#)
 - [Глава 109](#)
 - [Глава 110](#)
 - [Глава 111](#)
 - [Глава 112](#)
 - [Глава 113](#)
 - [Глава 114](#)
 - [Глава 115](#)
 - [Глава 116](#)
 - [Глава 117](#)
 - [Глава 118](#)
 - [Глава 119](#)

- [Глава 120](#)
- [Глава 121](#)
- [Глава 122](#)
- [Глава 123](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

Джеймс Паттерсон
Целовать девушек

Посвящается Изабелл Энн и Чарльзу Генри

Пролог

БЕЗУПРЕЧНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАЗАНОВА

Бока-Ратон, Флорида, июнь 1975 г.

Три недели юный убийца прожил буквально внутри стен роскошного пляжного коттеджа из пятнадцати комнат. Снаружи до него доносился шелест прибоя, но он ни разу не удосужился взглянуть на Атлантический океан или белоснежную песчаную полосу частного пляжа, протянувшуюся на добрую сотню футов вдоль берега. Слишком многое следовало разведать, изучить, проделать, находясь в тайнике внутри шикарного, в стиле средиземноморского ренессанса, особняка в Бока. Сердце бешено колотилось от возбуждения.

В громадном доме обитали четверо: Майкл и Ханна Пирс с двумя дочерьми. Убийца исподтишка следил за семейством, не упуская самых интимных подробностей. Ему нравилось все, что окружало Пирсов, в особенности изысканная коллекция морских раковин Ханны и целый флот парусников из тика, свисающих с потолка в одной из гостиных.

Со старшей дочери, Коти, он не спускал глаз ни днем, ни ночью. Они вместе учились в школе Сент-Эндрюс. Она была потрясающей девчонкой, во всей школе не найдешь другой такой красивой и способной, как Коти. На Кэрри Пирс он тоже положил глаз. Хоть ей всего тринадцать, смотрится уже весьма соблазнительно.

Несмотря на высокий рост, преступник без труда помещался в вентиляционных шахтах дома. Худой, как тростинка, он еще не успел раздаться в плечах. Убийца был хорош собой, типичный красавчик из частной школы с Восточного побережья.

В его укрытии была припасена стопка порнографических романов, суперэротических книжонок, которые он раздобыл во время увлекательных путешествий по магазинам Майами. Больше всего ему понравились «История О.», «Школьницы в Париже» и

«Сладострастные посвящения». Кроме того, в своем застенном тайнике он держал револьвер «смит-и-вессон».

Проникал в дом и выбирался наружу он через подвальное окно со сломанной щеколдой. Временами он даже спал в подвале, за старым, тихо урчащим холодильником «Вестингауз», где Пирсы хранили запас пива и содовой на случай торжественных приемов, обычно заканчивавшихся костром на пляже.

Если быть откровенным, той июньской ночью он чувствовал себя не совсем так, как обычно, но, в общем, ничего особенного. Никаких проблем. Чуть раньше, вечером, он разрисовал тело яркими полосами и пятнами: красными, оранжевыми, желтыми. Как и подобает воину, охотнику. Вооружившись хромированным револьвером 22-го калибра, фонариком и своими «учебниками», он притаился над потолком спальни Коти. Прямо над ней, можно сказать.

Сегодняшняя ночь определит его судьбу, станет началом того, что наполняло смыслом его жизнь.

Он устроился поудобнее и принялся перечитывать любимые места из «Школьник в Париже». Фонарик тускло освещал страницы. В книге хватало не только возбуждающих сцен, но и всяких мерзостей. История о том, как один французский адвокат приплачивал грудастой директрисе, чтобы та пускала его на ночь в пансион для девочек богатых родителей. Текст пестрил дешевыми оборотами типа: «его наконечник с серебряным набалдашником», «его бесстыдный жезл», «он оприходовал ненасытных школьников».

Вскоре чтение его утомило, и он взглянул на часы. Пора, уже почти три часа ночи. Дрожащими руками он отложил книгу и приник к вентиляционной решетке.

У него захватило дух, когда он увидел в кровати Коти. Вот оно — настоящее приключение. Все так, как он себе представлял.

Он вновь и вновь смаковал одну и ту же мысль:

«Сейчас начнется моя истинная жизнь. Готов я к этому шагу? Да, готов!..»

Он действительно жил в стенах приморской виллы Пирсов. Скоро этот кошмарный, леденящий душу факт будет обсуждаться на первых страницах всех основных газет Соединенных Штатов. Ему не терпелось почитать «Бока-Ратон ньюс».

ЧЕЛОВЕК В СТЕНЕ!

УБИЙЦА ЖИЛ В СТЕНАХ СЕМЕЙНОГО ОСОБНЯКА!

БЕЗУМНЫЙ МАНЬЯК-УБИЙЦА МОЖЕТ СКРЫВАТЬСЯ В ВАШЕМ ДОМЕ!

Коти Пирс во сне была прекрасна. Безразмерная майка с эмблемой команды «Харрикенс» университета Майами задралась, приоткрыв розовые шелковые трусики.

Она спала на спине, скрестив загорелые ноги. Капризный ротик слегка приоткрылся, губы сложились в маленькую букву «о». С его точки наблюдения она смотрелась словно сама невинность.

Коти почти созрела как женщина. Он наблюдал, как она красовалась перед зеркалом несколько часов назад. Сняв розовый кружевной лифчик с прокладками, рассматривала свои очаровательные груди.

Коти всегда строила из себя «недотрогу». Сегодня он положит этому конец. Он овладеет ею.

Осторожно, бесшумно он снял металлическую решетку в потолке. Затем выбрался через образовавшееся отверстие в небесно-голубую с розовым спальню Коти. Грудь сжимало, дыхание стало прерывистым и натужным. Его бросало то в жар, то в холод.

Два маленьких пластиковых пакета для мусора были натянуты на ноги и подвязаны на лодыжках. На руках — тонкие голубые резиновые перчатки, в которых служанка Пирсов убирала дом.

Он казался себе хитроумным воином-ниндзя, его голое разукрашенное тело должно было вселять ужас. Безупречное преступление. Его возбуждала эта мысль.

Может быть, это сон? Нет, он знал, что это не сон. Все взаправду.

Сейчас свершится! Он глубоко вздохнул и ощутил жжение в легких.

Какое-то мгновение он рассматривал мирно спящую девушку, которой не уставал любоваться в Сент-Эндрюс. Затем потихоньку

скользнул в постель, под бок к своей единственной и ненаглядной Коти Пирс.

Стянув резиновую перчатку, он начал осторожно гладить ее нежную загорелую кожу. Ему казалось, будто он втирает душистое кокосовое масло для загара в тело Коти. Член напрягся как струна.

Ее длинные белокурые волосы слегка выгорели и казались на ощупь мягкими, как кроличий мех. Они были густыми, красивыми и источали аромат лесной свежести, словно бальзам. Да, вот и сбываются мечты.

Внезапно Коти распахнула глаза. Блестящие, зеленые, как изумруды, они могли соперничать с драгоценными камнями в витрине «Гарри Уистона» в Бока.

Она в ошеломлении произнесла его имя — то, под которым знала его в школе. Но он взял себе другое: сам себя переименовал, создал заново.

— Что ты здесь делаешь? — изумилась она. — Как ты сюда попал?

— Это сюрприз, сюрприз. Я — Казанова, — прошептал он ей на ухо. Сердце готово было вырваться из груди. — Я выбрал тебя из всех красавиц Бока-Ратон и вообще всей Флориды. Разве тебе не приятно?

Коти закричала.

— Угомонись, — произнес он и накрыл ее миниатюрный ротик своими губами. В страстном поцелуе.

Он поцеловал и Ханну Пирс той незабываемой кровавой ночью в Бока-Ратон.

Вскоре после этого он целовал тринадцатилетнюю Кэрри.

Еще до исхода ночи он осознал себя истинным Казановой — первым любовником мира.

ДЖЕНТЛЬМЕН-ЛОВЕЛАС

Чепел-Хилл, Северная Каролина, май 1981 г.

Он был истинным джентльменом. Всегда и во всем. Неизменно вежливым и деликатным. Он думал об этом, прислушиваясь к взволнованному шепоту двух влюбленных, прогуливающихся по

берегу озера в университетском городке. Это было так сладостно, так романтично. Как раз то, что нужно.

— Хорошая идея, или не стоит связываться? — услышал он, как Том Хатчинсон спросил Ро Тирни.

Они забрались в светло-синюю лодку, мерно качавшуюся на волнах у озерной пристани. Том и Ро решили «одолжить» лодку на пару часов. Обычная студенческая шалость.

— Как говорит мой прапрадедушка, прогулка на веслах на продолжительность жизни не влияет, — откликнулась Ро. — Потрясающая идея, Томми. Давай попробуем.

Том Хатчинсон рассмеялся.

— А что, если в лодке заняться кое-чем другим? — спросил он.

— Ну, если это другое содержит элементы аэробики, то продолжительность жизни может только увеличиться. — Ро положила ногу на ногу, и ее юбка зашуршала, скользя по гладким бедрам.

— Значит, идея украсть у добрых людей лодку для прогулки под луной не так уж плоха, — заключил Том.

— Потрясающая идея, — вновь заверила его Ро. — Лучше не бывает. Поплыли.

Когда лодка отчалила от пристани, джентльмен соскользнул в воду. Совершенно бесшумно. Он ловил каждое слово, каждое движение, каждый нюанс захватывающего ритуала любовной игры.

Луна была почти полной и казалась прекрасной и безмятежной Тому и Ро, медленно плывущим по поблескивающей глади озера. Чуть раньше, этим вечером, они ужинали в уютном ресторане в Чепел-Хилле, разодевшись оба в пух и прах. На Ро была черная плиссированная юбка, кремовая шелковая блузка, серебряные серьги и жемчужное ожерелье, одолженное у соседки по общежитию. Идеальный наряд для лодочной прогулки.

Джентльмен мог биться об заклад, что даже серый костюм, в котором щеголял Том Хатчинсон, был с чужого плеча. Том приехал из Пенсильвании. Сын автомеханика, которому не только удалось выбиться в капитаны футбольной команды Дьюкского университета, но и умудриться держать индекс успеваемости на уровне 4, 0.

Ро и Том были золотой парочкой. Пожалуй, только в этом вопросе у студентов Дьюка и соседей из университета Северной Каролины не было расхождений. «Скандал» вокруг того, что капитан футбольной

команды Дьюка ухаживает за «Королевой азалий» из Каролины, только придавал роману пикантность.

Пока лодка медленно плыла по озеру, они сражались с непослушными пуговицами и «молниями». В конце концов на Ро остались только серьги и подружкино ожерелье. На Томе — распахнутая белая сорочка, прикрывшая их, когда они в конце концов занялись любовью под бдительным оком луны.

Их тела плавно двигались, и лодка мерно и игриво покачивалась в такт. Ро еле слышно постанывала, и эти звуки сливались с пронзительным стрекотом цикад, доносящимся с берега.

Джентльмен ощутил, как в нем закипает ярость. Наружу рвалась его темная суть: жестокого, коварного зверя, оборотня, невесть как очутившегося в нашем веке.

Внезапно Том Хатчинсон с легким чмокающим звуком оторвался от Ро Тирни. Какая-то могучая сила вышвырнула его из лодки. Ро услышала, как он вскрикнул, прежде чем упасть в воду. Это был странный возглас, что-то вроде «йяаах».

Том глотнул озерной воды и сильно закашлялся. Жуткая острая боль пронзила горло, боль отчетливо локализованная, но мучительная и пугающая.

Затем та странная сила, которая швырнула его спиной в озеро, внезапно отступила. Давление на горло прекратилось. Раз, и все. Его оставили в покое.

Крупные руки Тома, руки ведущего игрока, потянулись к горлу и ощутили что-то теплое. Из горла хлестала кровь и расползлась в озерной воде. Панический, леденящий душу страх охватил его.

В ужасе он снова потянулся к горлу и нащупал торчащую наружу рукоять ножа. «Господи Боже, — пронеслось у него в голове. — Меня зарезали. Я умру на дне озера, так и не узнав за что».

Ро Тирни, оставшись на дне покачивающейся, дрейфующей лодки, была настолько ошарашена, что не могла кричать.

Сердце бешено колотилось, дыхание перехватило. Она вскочила на ноги и принялась судорожно оглядываться в поисках Тома.

«Какая идиотская шутка, — думала она. — Не стану больше встречаться с Томом Хатчинсоном. И замуж за него ни за что не пойду. Никогда в жизни. Тоже мне шуточки».

Ей стало холодно, и она принялась подбирать одежду со дна лодки. Неожиданно у самого борта лодки кто-то или что-то выскочило из черной воды. Будто исторгнутое взрывом со дна озера.

Ро увидела, как над поверхностью появилась голова. Определенно мужская... но не Тома Хатчинсона.

— Я не хотел вас напугать, — вкрадчиво, почти любезно произнес Джентльмен. — Не бойся, — прошептал он, ухватившись за борт покачивающейся лодки. — Мы — старые друзья. Сказать по правде, я наблюдаю за тобой уже более двух лет.

И тогда Ро закричала, да так истошно, будто наступил конец света. Для Ро Тирни он действительно наступил.

Часть первая
Липучка Кросс

Глава 1

Вашингтон, округ Колумбия, апрель 1994 г.

Все началось, когда я сидел на веранде нашего дома на Пятой улице. За окном «дождь лил как из ведра», как любит говорить моя малышка Дженнел, и лучшего места, чем веранда, трудно было подыскать. Бабушка однажды научила меня словам молитвы, которую я до сих пор помню:

«Благодарю за все, что ты нам ниспослал». В тот день, казалось, что это весьма к месту, во всяком случае почти.

На стене веранды висела карикатура Гари Ларсона из серии «Дальняя сторона» с изображением ежегодного банкета Всемирного общества официантов. Одного из участников банкета прирезали: из груди у него торчал нож, всаженный по самую рукоять. Рядом стоящий детектив говорил:

«Боже мой, Коллингс, терпеть не могу, когда понедельник начинается с таких дел». Картинка висела как напоминание, что работой следователем по особо важным преступлениям округа Колумбия моя жизнь не ограничивается. Рисунок Деймона двухлетней давности, прикрепленный рядом с карикатурой, сопровождался подписью: «Самому лучшему на свете папочке». Еще одно напоминание.

Я наигрывал на нашем стареньком рояле темы из репертуара Сары Воан, Билли Холидей и Бесси Смит. ^[1]С некоторых пор блюзу удавалось добираться до самых чувствительных струн моей души. Я вспоминал Джекки Фланаган. Иногда, когда я закрывал глаза, мне виделось ее красивое лицо. Это видение преследовало меня, и я старался закрывать глаза не слишком часто.

Двое моих сорванцов, Деймон и Дженнел, уселись по бокам от меня на широком, хотя и слегка расшатанном рояльном стуле. Дженнел маленькой ручонкой, насколько могла достать, обхватила меня за спину, то есть примерно за треть спины.

В свободной руке она держала пакет с жевательными конфетами «Гамми-Беарс», как всегда, не забыв поделиться с друзьями. Я потихоньку посасывал одну такую — красную.

Вдвоем с Деймоном они мне подсвистывали, хотя Дженнел скорее причмокивала в определенном ритме. Старая кукла, сидя на рояле, подергивалась в такт музыке.

И Дженни, и Деймон знали, что в последнее время, во всяком случае, в последние несколько месяцев, мне пришлось хлебнуть горя, и потому пытались меня приободрить. Я играл, а они насвистывали под аккомпанемент рояля мелодии в стиле блюз, соул и немного фьюжен, при этом не забывая смеяться и дурачиться, как и подобает детям их возраста.

Вот так проводить время с детьми я любил больше, чем все остальное в жизни, вместе взятое, и все чаще это делал. Фотографии детей постоянно напоминали мне, что по пять и семь лет им будет всего раз в жизни. Я вовсе не собирался упускать то, что больше никогда не повторится.

Тяжелый топот по ступеням крыльца черного хода прервал наше веселье, потом зазвонил дверной колокольчик: один настойчивый звонок, другой, третий. Кто-то, видимо, был в нетерпении.

— Звонят колокола, колдунья умерла, — предложил первое, что пришло на ум, Деймон. На нем были обхватывающие голову обручем черные очки, по его мнению — атрибут «крутого парня». Он и был довольно крутым пареньком, с этим трудно спорить.

— А вот и не умерла колдунья, — отпарировала Дженни.

Я с недавних пор заметил, что она стала отчаянной заступницей представительниц своего пола.

— Боюсь, что о колдунье мы так ничего и не узнаем, — выдержав паузу и с надлежащим выражением сказал я.

Дети рассмеялись. Они ловят почти все мои шутки. Очень тревожный сигнал.

В дверь принялись настойчиво колотить, взывая ко мне с мольбой и тревогой.

Черт подери, оставьте нас в покое. Только мольбы и тревоги нам сейчас не хватает.

— Доктор Кросс, выйдите, пожалуйста! Прошу вас! Доктор Кросс, — кричала за дверью женщина.

Я не узнал ее голоса, но раз ты прозываешься доктором, рассчитывать, что тебя оставят в покое, не приходится.

Я усадил детей обратно на стул и положил ладони на их головы.

— Доктор Кросс я, а не вы. Продолжайте напевать и держите мне место. Я скоро вернусь.

— Я скоро вернусь! — прорычал Деймон голосом Терминатора. Я улыбнулся шутке. Парень далеко пойдет, если вовремя не остановить.

Я поспешил к черному ходу, по дороге прихватив свой табельный револьвер. В этом районе нельзя расслабляться даже «фараону», каковым я и являюсь. Сквозь тусклые, грязные стекла окна я попытался разглядеть, кто стоит на ступеньках крыльца.

Эту девушку я знал. Двухлетнюю наркоманку Рита Вашингтон жила в микрорайоне Лэнгли и часто слонялась по нашим улицам. Прежде довольно симпатичная и неглупая, она была восприимчива к дурному и слабовольна и теперь окончательно сбилась с пути. Изменилась до неузнаваемости и, по-видимому, была уже обречена.

Я открыл дверь, и холодный сырой ветер ударил мне в лицо. Руки Риты и полы зеленого полупальто из кожзаменителя были обильно перепачканы кровью.

— Рита, что с тобой стряслось? — спросил я, решив, что в нее стреляли или пырнули ножом из-за каких-нибудь наркотиков.

— Пожалуйста, прошу вас, пойдите со мной. — Рита Вашингтон закашлялась и зарыдалась одновременно. — Крошка Марк Дэниелс, — проговорила она и зарыдала еще громче. — Он порезал себя ножом! Дело плохо! Он назвал ваше имя. Он зовет вас, доктор Кросс.

— Ребята, ждите! Скоро вернусь! — постарался я перекричать истерические вопли Риты. — Нана, присмотри, пожалуйста, за детьми! — еще громче крикнул я. — Мне нужно идти!

Я схватил плащ и выбежал вслед за Ритой под холодные струи дождя, стараясь не наступать на яркие пятна крови, словно свежая краска алевшие на ступенях крыльца.

Глава 2

Я бежал что было сил по Пятой улице. Сердце глухо колотилось «бух-бух-бух», я взмок от пота, несмотря на проливной холодный дождь. В висках стучало. Все мышцы и жилы моего организма напряглись, живот стянуло до боли.

На руках я держал одиннадцатилетнего Марка Дэниелса, крепко прижимая его к груди. Мальчик истекал кровью. Рита Вашингтон обнаружила Марка на грязной темной лестнице, ведущей в подвал его дома, и привела меня туда.

Я мчался как ветер, подавляя рвущиеся наружу рыдания и стараясь держать себя в руках, ибо так надлежит поступать «при исполнении», да и почти во всех остальных случаях.

Жителей юго-восточных кварталов трудно чем-нибудь удивить, но даже они пялились во все глаза, когда я, словно сорвавшийся с тормозов десятиосный трейлер, несся по улицам, криком разгоняя прохожих на своем пути. Мелькали пустые такси, заколоченные почерневшей фанерой витрины магазинов, исписанные непристойностями.

Я бежал по битому стеклу и камням, бутылкам из-под «Айриш Роуз», по случайным кустикам жухлой травы и островкам грязи. Такой уж у нас округ: наша доля «американской мечты», наша столица.

Я вспомнил поговорку об округе Колумбия:

«Пригнись к земле — и тебя растопчут, выпрямись во весь рост — застрелят».

Я бежал, а кровь, хлеставшая из бедняги Марка, разлеталась во все стороны, словно с мокрого щенка, решившего отряхнуться. Шея и руки у меня горели, мышцы онемели от напряжения.

— Держись, малыш, — говорил я мальчику. — Держись, — молил я.

Вдруг Марк тонким детским голосом вскрикнул:

— Доктор Алекс, старина!

Это все, что он сказал, но я знал, что он имел в виду. Мне многое было известно о маленьком Марке.

Я вбежал по крутому, недавно заасфальтированному пандусу больницы Святого Антония, «Макаронной лавки Святого Тони», как иногда называют ее в наших кварталах. Карета «Скорой помощи» пронеслась мимо меня в сторону Пятидесятой улицы.

На голове водителя была лихо заломлена набок кепка-бейсболка с эмблемой клуба «Чикаго-Буллз», козырьком нацеленная прямо в мою сторону. Из фургона доносились громкие звуки рэпа, внутри, наверное, можно было просто оглохнуть. Водитель и врач не остановились, даже намерения такого не выказали. Вот как бывает порою на юго-восточной окраине. За дежурство столкнешься с таким количеством убийств или увечий, что не по каждому поводу остановишь машину.

Дорогу в палату первой помощи больницы Святого Антония я хорошо знал. Мне не раз доводилось бывать там. Плечом толкнул вращающуюся стеклянную дверь. На двери надпись «Неотложная помощь», но буквы отклеились, и все стекло в царапинах.

— Мы пришли, Марк. Мы в больнице, — прошептал я мальчику на ухо, но он меня не слышал. Он был без сознания. — Мне нужна помощь! Люди, нужно помочь мальчику! — закричал я.

Разносчик пиццы был бы достоин большего внимания. Усталый охранник повернулся в мою сторону и уставился ничего не выражающим взглядом. По больничному коридору загромыкала разболтанная каталка.

Медсестер я узнал: Энни Белл Уотерс и в особенности Таню Хейвуд.

— Везите его сюда. — Энни Уотерс, поняв, в чем дело, быстро расчистила проход. Расталкивая в стороны других сотрудников больницы и ходячих больных, она не задавала лишних вопросов.

Мы проехали мимо регистратуры, над которой было написано «Запишитесь здесь» на английском, испанском и корейском языках. Отовсюду исходил больничный запах антисептиков.

— Пытался перерезать себе горло перочинным ножом. Похоже, задел сонную артерию, — проговорил я, покуда мы провозили каталку по многолюдному ядовито-зеленому коридору, пестрящему вывесками: «Рентгеновский кабинет», «Травматология», «Касса».

Наконец мы добрались до кабинета размером с платяной шкаф. Подошел молодежявого вида доктор и попросил меня удалиться.

— Мальчику одиннадцать лет, — сказал я. — Я никуда не уйду. У него перерезаны оба запястья. Попытка самоубийства. Держись, малыш, — прошептал я Марку. — Только держись.

Глава 3

Щелк! Казанова распахнул крышку багажника и заглянул в широко раскрытые, мокрые от слез глаза, уставившиеся на него.

«Какая жалость. Такая потеря», — подумал он, глядя на нее.

— Ку-ку, — сказал он. — Я тебя вижу.

Он разлюбил эту двадцатидвухлетнюю студентку, лежавшую связанной в багажнике. Кроме того, он был на нее зол. Она нарушила правила. Все испортила.

— Выглядишь ты просто трупом, — сказал он. — Фигурально выражаясь, конечно.

Во рту у девушки был кляп, и она не могла ответить, но взгляд говорил яснее слов. В темно-карих глазах отразились страх и боль, но от Казановы не ускользнуло и другое: в них были непокорность и упрямство.

Он сначала достал черный саквояж, затем, несмотря на то, что девушка весила не меньше ста двадцати фунтов, без всяких усилий грубо выдернул ее из багажника. Теперь он даже не пытался казаться деликатным.

— Добро пожаловать, — произнес он, опустив ее на землю. — Забудем правила хорошего тона, ясно?

Колени ее дрожали, и она чуть не упала, но Казанова легко поддержал ее одной рукой.

На ней были спортивные трусы с эмблемой университета Уэйк-Форест, белая майка и новые кроссовки фирмы «Найк». Типичная капризная дуреха из колледжа, он это прекрасно понимал, но невероятно красивая. Ее тонкие лодыжки были перехвачены кожаным ремнем длиной в два с половиной фута. Руки связаны за спиной опять же с помощью кожаного ремешка.

— Будешь идти впереди меня. *Ступай* прямо, пока я не велю свернуть или остановиться. Пошла, — приказал он. — Шевели ножками, они у тебя такие длинные — просто загляденье. Но-о, но, лошадка!

Они углубились в лесные заросли, сгущавшиеся по мере того, как они медленно двигались вперед. Все гуще и темнее. Мрачнее и

угрюмое. Он весело размахивал саквояжем, словно школьник ранцем. Лесная чаща ему нравилась. Нравилась всегда.

Казанова был высок и подтянут, хорошо сложен и красив. Он понимал, что может иметь много женщин, но не так, как ему это нравилось. Увы, не так.

— Я предупреждал, что ты должна слушаться, верно? А ты не послушалась. — Он говорил мягким ровным тоном. — Я учил тебя правилам поведения. Но ты хотела всех перехитрить. Вот и перехитрила. Пожинай плоды.

Чем дальше они продирались, тем страшнее становилось молодой женщине. Заросли были такими густыми, что низко свисавшие ветки больно царапали ее голые руки. Она знала, как зовут ее мучителя, — Казанова. Он воображал себя великим любовником, и действительно, ему удавалось сохранять состояние эрекции дольше, чем кому-либо из знакомых ей мужчин. Он производил впечатление здравомыслящего и владеющего собой человека, но она понимала, что он наверняка сумасшедший. Хотя его поступки могли показаться вполне разумными, если, конечно, согласиться с его любимой теорией, которую он часто повторял: «Мужчина рожден для того, чтобы охотиться на... женщин».

Он познакомил ее с порядками в своем доме. Он недвусмысленно предупредил, что она должна им следовать. А она пропустила это мимо ушей. Оказалась упрямой и глупой, допустила грубейшую тактическую ошибку.

Она старалась не думать о том, что он собирается делать с ней в этом жутком лесу. Иначе сердце наверняка не выдержит. Она не даст ему насладиться своим малодушием и слезами.

Только бы он вытащил кляп. Во рту у нее пересохло, жажда мучила невероятно. Возможно, ей удалось бы как-то отговорить его от того, что он для нее уготовил.

Она остановилась и повернулась к нему. Наступил решающий момент.

— Хочешь остановиться здесь? Я не против. Говорить я тебе все равно не дам. Никакого последнего слова, дорогуша. Никакой отсрочки исполнения приговора по просьбе губернатора. Поезд ушел навсегда. Только ведь если остановимся здесь, тебе может и не понравиться. Хочешь пройтись еще немного, это будет замечательно. Такой лес мне безумно нравится, а тебе?

Ей необходимо было заговорить с ним, пробиться к нему каким-то способом. Спросить почему. Может быть, воззвать к его разуму. Она попыталась произнести его имя, но сквозь сырой кляп прорвалось лишь бессвязное мычание.

Он был еще более самоуверен и спокоен, чем всегда. Шаггал с надменным и важным видом.

— Я не разберу ни слова из того, что ты бормочешь. И все равно это ничего не изменит.

На нем была одна из его неизменных странных масок. Эта, как он говорил, называлась смертной маской. С помощью таких масок в больницах и моргах в случае необходимости реконструируют лицо покойника.

Цвет и все детали маски были сделаны почти безукоризненно, она выглядела пугающе правдоподобной. Лицо, которое он себе выбрал, было юным и красивым, типичный американский стандарт. Интересно, каков он на самом деле? Кто он, черт возьми? Зачем носит маски?

«Сбегу во что бы то ни стало», — сказала она себе. А потом она засадит его в тюрьму на тысячу лет. И никакой смертной казни — пусть помучается.

— Ну, раз уж ты так решила, пожалуйста, — произнес он и неожиданно резким ударом сбил ее с ног. Она рухнула навзничь. — Умрешь здесь.

Из потрепанного медицинского саквояжа он извлек шприц с иглой. Взмахнул им словно крошечным мечом. Пусть видит.

— Этот шприц называется «Тубекс», — сказал он. — В нем тиопентал натрия, который является барбитуратом. Оказывает свойственное всем барбитуратам действие. — Он выдавил из иглы тонкую струйку бурой жидкости — совсем как чай со льдом. Ей совсем не хотелось, чтобы это впрыснули ей в вену.

— Какое действие? Что ты собираешься со мной сделать? — крикнула она в тугой кляп. — Пожалуйста, вынь этот кляп у меня изо рта!

Она покрылась потом, дышала прерывисто. Тело напряглось и онемело от страха. Зачем он собирается вводить ей барбитурат?

— Если я промахнусь, умрешь прямо сейчас, — сказал он, — поэтому не шевелись.

Она утвердительно кивнула. Ей очень хотелось продемонстрировать ему, что она может быть послушной, совсем послушной.

«Только не убивай меня, прошу, — беззвучно умоляла она. — Не делай этого».

Он проткнул вену на сгибе локтя, и она почувствовала болезненный укол.

— Я не хочу оставлять безобразных синяков, — прошептал он. — Это займет немного времени. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, ты так-кра-сива-ноль. Все, конец.

Она заплакала. Помимо своей воли. Слезы струились по щекам. Он сумасшедший. Она зажмурила глаза, чтобы не видеть его больше.

«Боже, не дай мне так умереть, — молилась она. — Не здесь, не в одиночестве».

Наркотик подействовал быстро, почти мгновенно. Она ощутила тепло во всем теле, тепло и сонливость. Ноги ее подогнулись.

Он снял с нее майку и принялся ласкать ей груди, играя с ними, словно жонглер шарами. У нее не было сил оттолкнуть его.

Он раздвинул ей ноги, насколько позволяла длина ремня, раздвинул так, как будто она была не человеком, а тряпичной куклой. Опустился на колени, пристроившись между ее ног. Неожиданный толчок заставил ее открыть глаза, и она увидела прямо перед собой страшную маску. Он тоже не спускал с нее глаз. Они были пустыми, холодными, но удивительно пронизательными.

Он вошел в нее, и словно мощный электрический разряд пронизал ее насквозь. Его член был тверд, как камень, напряжен до предела. Он вгрызлся в ее нутро, пока она медленно умирала от барбитурата. Ему нужно было видеть, как она умирает. Вот в чем все дело.

Ее тело вздрагивало, колотилось, тряслось. Несмотря на слабость, она пыталась кричать:

— Нет, пожалуйста, умоляю! Не надо!

Все потонуло в спасительной тьме, опустившейся на нее.

Сколько времени она пробыла без сознания, неизвестно. Это не важно. Главное, что она пришла в себя и была еще жива.

Слезы хлынули из глаз, душераздирающие рыдания заглушал кляп. Она поняла, насколько дорога ей жизнь.

Он перетащил ее на другое место. Руки завязал за спиной, в обхват ствола дерева. Скрещенные ноги тоже связал, во рту ее по-прежнему был тугий кляп. Он раздел ее донага. Одежды нигде не видно.

Он все еще здесь!

— Мне, честно говоря, наплевать на твои крики, — сказал он. — Здесь тебя все равно никто не услышит. — Глаза сверкали из-под маски, так хорошо имитировавшей человеческое лицо. — Мне просто не хочется, чтобы ты отгоняла голодных птиц и зверей. — Он ненадолго задержал взгляд на ее поистине прекрасном теле. — Очень жаль, что ты меня не послушалась, нарушала правила, — произнес он.

Сорвав маску, он впервые дал ей увидеть свое настоящее лицо. Зафиксировав ее образ в сознании, он наклонился к ней и поцеловал в губы.

Целуй девочек.

После этого он удалился.

Глава 4

Весь свой запал я истратил за время бешеной гонки к больнице Святого Антония с Марком Дэниелсом на руках. Выброс адреналина в кровь прекратился, и мной овладела необычайная усталость.

В приемном покое отделения «Скорой помощи» царили шум, гам и суета. Младенцы вопили, родители рыдали от горя, по громкоговорителям внутренней связи неустанно разыскивали врачей. Истекающий кровью человек монотонно бубнил:

— Черт, вот черт...

Я все еще видел перед собой красивые грустные глаза Марка Дэниелса, слышал его тихий голос.

Около половины седьмого вечера в больницу неожиданно появился мой напарник по уголовке.

Внутренний голос подсказал, что это неспроста, но в тот момент мне было не до того.

Мы с Джоном Сэмпсоном были закадычными друзьями еще с тех пор, когда десяти лет от роду шныряли по этим самым улицам в юго-восточном районе Вашингтона. Каким-то чудом ни мне, ни ему глотку не перерезали. Меня привлекла аномальная психология, что вылилось в получение докторской степени в университете Джона Хопкинса. Сэмпсон завербовался в армию. По странному стечению обстоятельств мы оба, в конце концов, очутились на службе в полиции Вашингтона.

Я сидел на голой брезентовой кушетке напротив входа в травматологию. Рядом стояла каталка, на которой привезли Марка. С черных ручек каталки, словно ленты, свисали резиновые жгуты.

— Как паренек? — спросил Сэмпсон. Он уже знал о Марке. Поразительно, как он всегда все знал. Его черная накидка была насквозь мокрой от дождя, но это, похоже, его не трогало.

Я печально покачал головой. Внутреннее опустошение не проходило.

— Пока неизвестно. Мне ничего не сказали. Доктор интересовался только, не родня ли я ему. Его забрали в травматологию. Он себя изрезал на совесть. А ты каким образом здесь очутился?

Сэмпсон выбрался из-под накидки, плюхнулся рядом со мной на затрепавший от напряжения брезент кушетки. Под накидкой Сэмпсон был облачен в свою коронную форму уличного сыскаря: красный с серебром тренировочный костюм фирмы «Найк», подходящей расцветки высокие кроссовки, на запястьях тонкие золотые браслеты и на пальцах перстни с печатками. Идеальный уличный прикид.

— А где же золотая фикса? — Я не удержался от улыбки. — Без фикса ансамбль неполный. Хоть бы звезду золотую на зубе пририсовал. А ленточки вплести не хочешь?

Сэмпсон хмыкнул.

— Узнал. Пришел, — немногословно объяснил он свое появление у Святого Антония. — Как сам? Похож на последнего из оставшихся на земле гигантских бойцовых слонов.

— Мальчишка пытался покончить с собой. Славный маленький мальчик, такой же, как Деймон. Одиннадцати лет.

— Хочешь я сгоняю на их наркушную малину? Пристрелю предков пацана? — спросил Сэмпсон. Взгляд у него стал жестким, как кремль.

— Это от нас не уйдет, — отозвался я. Вероятно, я был на взводе. Хорошо, что родители Марка Дэниелса жили вместе, плохо, что мальчик и его четыре сестры ютились в притоне по торговле наркотиками, который родители содержали в квартале Лэнгли-Террейс. Детям было от пяти до двенадцати лет и все задействованы в «бизнесе». Работали «разносчиками».

— Что ты здесь делаешь? — во второй раз спросил я. — Ты же не просто так приплелся к Святому Антонию. Что стряслось?

Сэмпсон вытолкнул сигарету из пачки «Кэмел». Закурил. Все это проделал одной рукой. Круто. А кругом — сплошь врачи и медсестры.

Я вырвал у него сигарету и загасил о подметку своей черной кроссовки фирмы «Конверс», рядом с дыркой у большого пальца.

— Теперь полегчало? — Сэмпсон окинул меня взглядом. Потом расплылся в широченной белозубой улыбке.

Номер сработал. Сэмпсон сыграл со мной свою чудодейственную шутку. И это действительно была магия, включая трюк с сигаретой. Мне стало легче. Магия творит чудеса. Я чувствовал себя так, будто только что побывал в объятиях полдюжины близких родственников и

детей. Сэмпсон не зря мой самый лучший друг. Он может привести меня в норму лучше, чем кто-либо иной.

— А вот и милосердный ангел появился, — сказал он, указывая в конец длинного бестолкового коридора.

Энни Уотерс направлялась к нам, глубоко засунув руки в карманы больничного халата. Выражение лица — суровое, но у нее оно всегда такое.

— Мне очень жаль, Алекс. Мальчику не удалось выкарабкаться. Я думаю, он был уже при смерти, когда ты его сюда нес. Жил только надеждой, которая никогда не покидает человека.

Я словно наяву увидел, как несу Марка по Пятой и Пятидесятой улицам, вновь пережил те чувства, которые тогда испытал. Я представил, как его накрывают больничным смертным покрывалом. У них есть специально для детей — маленькие.

— Паренек был моим пациентом. Он еще весной стал ходить ко мне. — Я объяснил им, почему так остро отреагировал на случившееся с Марком и почему вдруг почувствовал себя опустошенным.

— Дать тебе что-нибудь, Алекс? — спросила Энни Уотерс. Она смотрела на меня с беспокойством.

Я отрицательно покачал головой. Мне нужно было выговориться, освободиться поскорее от тяжелого груза.

— Марк узнал, что я время от времени оказываю людям помощь в больнице Святого Антония, говорю с ними. Он стал приходить на прием. После того как я, в его глазах, успешно прошел проверку на доверие, он рассказал о своей жизни в наркотическом притоне. Все, кого он встречал в своей жизни, были наркоманами. И сегодня в мою дверь тоже постучалась одна из них... Рита Вашингтон. Ни мать Марка, ни его отец. Мальчик пытался перерезать себе горло, вены на руках. Ему было всего одиннадцать.

Глаза мои наполнились слезами. Когда умирает ребенок, кто-то должен его оплакивать. Психолог обязан скорбеть по одиннадцатилетнему самоубийце. Во всяком случае, я так считаю.

Наконец Сэмпсон поднялся и осторожно опустил мне на плечо свою громадную ручищу. Шесть футов девять дюймов роста как-никак.

— Потопали домой, Алекс, — сказал он. — Пошли, старина. Пора.

Я вошел в кабинет и бросил прощальный взгляд на Марка.

Взял его безжизненную маленькую руку в свою ладонь и вспомнил о наших беседах, о неизменной невысказанной грусти в глубине его карих глаз. На память пришла мудрая африканская поговорка: «Чтобы воспитать хорошего ребенка, нужно стараться всей деревней».

Тут подошел Сэмпсон и оторвал меня от мальчика, отвел домой.

А там меня поджидал сюрприз куда похуже.

Глава 5

То, что я увидел, мне совсем не понравилось. Вокруг дома в беспорядке сгрудились машины. Дом у меня самый обычный: с двухскатной крышей, обшит белыми досками — такой же, как у всех. Большинство машин я узнал: они принадлежали друзьям и родственникам.

Сэмпсон припарковался за мятой «тойотой» десятилетней давности, машиной вдовы моего покойного брата Аарона. Силла Кросс была моим хорошим другом. Надежным и понимающим. Я к ней привязался даже больше, чем к собственному брату. Что здесь делает Силла?

— Что, черт побери, творится в моем доме? — спросил я у Сэмпсона. Меня это начинало слегка беспокоить.

— Тебе ничего не остается, как пригласить меня на кружку холодного пива, — проговорил он, вытаскивая ключ из замка зажигания.

Я и глазом не успел моргнуть, как Сэмпсон уже выскочил из машины. Когда захочет, он может быть быстрым, как порыв зимнего ветра.

— Зайдем в дом, Алекс.

Дверца машины с моей стороны была распахнута, но я продолжал сидеть внутри.

— Это мой дом. Когда захочу, тогда и войду. — Мне неожиданно расхотелось туда входить. По спине пробежал холодок. Сыскная паранойя! Может, да, а может, и нет.

— Не возникай, — бросил через плечо Сэмпсон, — хоть раз в жизни.

Меня передернуло в леденящем ознобе. Я глубоко вздохнул. Мысль о звере в человеческом обличье, которого я недавно помог упрятать за решетку, до сих пор навевала кошмары. Я очень боялся, что в один прекрасный день он сбежит из тюрьмы. Преступник, совершивший серию убийств и множество похищений, уже побывал как-то на Пятой улице.

Так что же происходит в моем доме, черт возьми?

Сэмпсон не стал стучать в дверь или звонить в колокольчик, болтавшийся на красно-голубых проводах. Он просто впорхнул внутрь в ритме вальса, как будто бы это был его дом, что совершенно типично для него. *Mi casa su casa.* [2] Я вошел в собственный дом вслед за ним.

Мой малыш Деймон бросился в распахнутые объятия Сэмпсона, и Джон подбросил его в воздух, словно тот ничего не весил. Дженни подлетела ко мне с воплем: «Папулица!» На ней уже была пижама, и она пахла свежим запахом талька после ванны. Моя маленькая девочка. Что-то в ее больших карих глазах настораживало. А выражение лица заставило меня замереть.

— В чем дело, моя лапочка? — спросил я, водя носом по нежной теплой щечке Дженни. Мы с ней страсть как любим целоваться носами. — Что стряслось? Поведай своему папулице все беды и горести.

В гостиной я разглядел своих трех теток, двух невесток, единственного из оставшихся в живых брата Чарльза. Тетки явно до моего прихода долго плакали; лица у них распухли и покраснели. Им под стать была и невестка Силла, а она не из тех, кто станет распускать нюни по пустякам.

Атмосфера в комнате была неестественной и гнетущей, как на поминках.

«Кто-то умер, — подумал я. — Кто-то из семи нами любимых умер». Но все, кого я любил, были здесь, на месте.

Мама Нана, моя бабушка, подавала кофе, чай со льдом и холодные куски курицы, к которым, похоже, никто не притрагивался. Нана живет на Пятой улице вместе со мной и моими детьми. По ее собственному убеждению, она нас троих воспитывает.

К восьмидесяти годам Нана усохла примерно до пяти футов. Но она до сих пор остается одной из самых выдающихся личностей в нашей столице, а я знаю большинство из них — семейство Рейганов, Бушей, а теперь и Клинтонов.

Бабушка обслуживала гостей с сухими глазами. Я редко видел, как она плачет, хотя человек она необычайно нежный и любящий. Просто она больше не плачет. Говорит, что ей уже слишком мало отпущено времени в этой жизни, чтобы тратить его на слезы.

В конце концов я вошел в гостиную и задал вопрос, упорно не дававший мне покоя:

— Я рад всех вас видеть, Чарльз, Силла, тетя Тиа, но кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит?

Они все уставились на меня.

Я все еще держал на руках Дженни. У Сэмсона повис на могучем локте Деймон, его голова, словно волосатый футбольный мяч, торчала из-под мышки великана Джона.

Нана заговорила от лица всех собравшихся. Еле слышные слова отозвались во мне острой болью.

— Наоми, — тихо произнесла она. — Наша Липучка пропала, Алекс. — После этих слов мама Нана разрыдалась, впервые за долгие годы.

Глава 6

Казанова закричал, исторгнув из самой глубины глотки истошный вопль.

Он продирался сквозь густые заросли и думал о девушке, которую оставил там, позади. Его охватил ужас от содеянного. Опять то же самое.

Его другое «я» рвалось обратно к девушке — спасти ее, совершить акт милосердия.

Охваченный угрызениями совести, он бежал все быстрее и быстрее. Могучая шея и грудь покрылись потом. Слабость охватила его, ноги казались ватными и непослушными.

Он полностью отдавал себе отчет в том, что натворил. Просто не хватило сил сдержаться.

Все равно так будет лучше. Она видела его лицо. Как глупо надеяться, что она могла бы его понять. В ее глазах были страх и ненависть.

Если бы она послушалась, когда он пытался говорить с ней, по-настоящему говорить. В конце концов, он не такой, как другие убийцы, — он способен прочувствовать все, что совершает. Он способен испытывать любовь... и страдать от утраты... и...

Он сердито сорвал с лица страшную маску. Сама во всем виновата. Пора выходить из образа. Перестать быть Казановой. Пора перевоплощаться в себя самого. Другого. Ничтожного.

Глава 7

Наоми... Наша Липучка пропала, Алекс. Весьма напряженное экстренное совещание семьи Кросс проводилось, как обычно, у нас на кухне. Нана приготовила побольше кофе, а для себя — травяной чай. Для начала я уложил детей. Затем вскрыл бутылку «Блэк Джек» и разлил всем крепкого виски.

Выяснилось, что моя двадцатидвухлетняя племянница вот уже четыре дня как исчезла в Северной Каролине. А местная полиция столько времени тянула, прежде чем связаться с нашей семьей в Вашингтоне. Будучи полицейским, я не мог этого понять. Два дня считались общепринятым сроком ожидания в случаях с пропавшими без вести. Четыре дня ни в какие ворота не лезли.

Наоми Кросс училась на юридическом факультете университета Дьюк. Она попала в перечень лучших студентов, публикуемый «Юридическим обзором». Ею гордилась вся наша семья, включая меня. Прозвище Липучка за ней закрепилось еще с тех пор, когда ей было годика три-четыре. Она всегда ко всем липла, когда была маленькая. Любила липнуть и ластиться, чтобы ее тоже приласкали. После того как умер мой брат Аарон, я помогал Силле ее воспитывать. Это было легко — она всегда была милой и славной, доброжелательной и очень сообразительной девочкой.

Липучка пропала в Северной Каролине!.. Уже четыре дня тому назад.

— Я говорил с детективом по фамилии Раскин, — обратился к собравшимся в кухне Сэмпсон. Он пытался вести себя как друг семьи, а не как уличный сыскарь, но ему это не слишком удавалось. Он уже взял след. Выражение лица стало серьезным, сосредоточенным. Появился знаменитый прищур Сэмпсона. — Детектив Раскин, похоже, осведомлен об исчезновении Наоми. Судя по телефонному разговору, он профессионал что надо. Хотя и не без странностей.

Сказал мне, что о пропаже Наоми заявила ее сокурсница. Ее зовут Мэри Эллен Клаук.

Я встречал подружку Наоми. Будущий адвокат из Гарден-Сити, Лонг-Айленд. Наоми пару раз приезжала вместе с Мэри Эллен домой в

Вашингтон. Как-то на Рождество мы всей компанией ходили в «Центр Кеннеди» слушать «Мессию» Генделя.

Сэмпсон снял темные очки и отложил в сторону, что с ним случается нечасто. Наоми была его любимицей, и он расстроился не меньше всех нас. Она звала Сэмпсона Ваша Суровость и Карлик. Ему нравилось, когда она его поддразнивала.

— Почему же этот детектив Раскин не позвонил нам раньше? Почему молчали люди из университета? — спросила моя невестка.

Силле сорок один год. Она позволила себе достичь внушительных пропорций. Не знаю, была ли она ростом больше пяти футов четырех дюймов, но весила наверняка около двухсот фунтов. По ее словам, не хотела больше выглядеть привлекательной для мужчин.

— Пока не могу ответить на этот вопрос, — сказал Сэмпсон, обращаясь к Силле и ко всем остальным. — Они велели Мэри Эллен Клаук не звонить нам.

— А каким образом объясняет задержку детектив Раскин? — спросил я Сэмпсона.

— Он сказал, что существуют некие дополнительные обстоятельства. Несмотря на мои настойчивые просьбы, он отказался изложить их мне по телефону.

— Ты сказал ему, что можно переговорить с глазу на глаз?

Сэмпсон кивнул:

— Да. Он ответил, что результат будет тот же. Я выразил сомнение. Он сказал «о'кей». Похоже, этот парень ничего не боится.

— Он черный? — спросила Нана. Она расистка и гордится этим. Утверждает, что слишком стара, чтобы быть социально или политически корректной. Она не столько не любит белых, сколько не доверяет им.

— Нет, хотя я не думаю, что проблема в этом, Нана. Что-то там происходит. — Сэмпсон бросил взгляд через кухонный стол на меня. — Боюсь, что он не может говорить.

— ФБР? — спросил я. Это сразу приходит на ум, когда возникает излишняя секретность. ФБР лучше всяких «Белл Атлантик», «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк Таймс» понимает, что информация — это власть.

— Возможно, проблема в этом, но Раскин не стал бы обсуждать ее по телефону.

— Надо мне с ним побеседовать, — сказал я. — Встретиться и поговорить лично было бы лучше, как ты считаешь?

— Я считаю, что так будет правильно, Алекс, — отозвалась с другого конца стола Силла.

— Может, и я за тобой увяжусь, — сказал Сэмпсон, по-волчьи ослабившись, словно хищник, каким он и был, в сущности.

Вокруг стола в переполненной кухне все одобрительно закивали и прозвучала как минимум одна «аллилуйя». Силла встала, пробралась ко мне и крепко обняла. Ее трясло, словно большое раскидистое дерево в бурю.

Мы с Сэмпсоном отправляемся на Юг. Мы должны вернуть Липучку.

Глава 8

Мне пришлось рассказать Деймону и Дженни про их тетю Липку, как они ее называют. Дети уже почуяли неладное. У них безошибочное чутье, им удивительным образом удается нащупывать мои самые потайные и уязвимые места. Они отказывались ложиться спать, пока я не приду и все им не расскажу.

— А где тетя Липка? Что с ней случилось? — приступил ко мне с допросом Деймон, едва я успел войти в детскую спальню. Ему удалось услышать достаточно, чтобы сообразить, что с Наоми приключилась большая беда.

Я стараюсь по возможности говорить детям правду. Считаю, что между нами не должно быть секретов. Но временами это бывает нелегко.

— От тети Наоми не было никаких известий уже несколько дней, — начал я. — Вот почему сегодня все так переполошились и приехали к нам.

Потом продолжил:

— Ваш папа уже взялся за дело. Постараюсь разыскать тетю Наоми в ближайшие пару дней. Вы же знаете, что папа обычно справляется с трудными задачками. Верно?

Деймон утвердительно кивнул и, похоже, удовлетворился не столько моим объяснением, сколько серьезностью тона. Он прыгнул мне на руки и поцеловал, что с ним в последнее время давно не случалось. Дженни тоже наградила меня нежным поцелуем. Я держал их на руках. Моих славных деток.

— Папа уже взялся за дело, — прошептала Дженни. У меня на душе потеплело. Как пела Билли Холидей: «Боже, благослови дитя, и да пребудет оно в благодати».

К одиннадцати детишки мирно спали и дом понемногу пустел. Пожилые тетушки разъехались по своим старомодным старушечьим норам, и Сэмпсон тоже собрался уходить.

Обычно он как приходит, так и уходит без церемоний, но на этот раз мама Нана против обыкновения даже проводила Сэмпсона до двери. Я увязался за ними. Стадное чувство.

— Спасибо за то, что собираешься вместе с Алексом отправиться завтра на Юг, — доверительным тоном прошептала Сэмпсону Нана.

«Интересно, от кого она таится?» — подумал я, пытаюсь подслушать ее откровения.

— Вот видишь, Джон Сэмпсон, можешь ведь вести себя прилично и даже быть полезным, когда захочешь. Что я тебе всегда говорила? — Она поднесла кривой узловатый палец к его массивному подбородку. — Говорила или нет?

Сэмпсон, улыбаясь, поглядывал на нее сверху вниз. Он упивается своим физическим превосходством даже перед восьмидесятилетней старухой.

— Я отпущу Алекса одного, а сам подъеду позже, Нана. Когда придет пора выручать его и Наоми, — сказал он.

Нана с Сэмпсоном залились хриплым смехом, точно закаркали мультипликационные вороны на любимом шестке. Приятно было слышать, как они смеются. Потом Нана каким-то образом ухитрилась обхватить одновременно Сэмпсона и меня. Крошечная старушка в обнимку с любимыми гигантскими секвойями. Я ощущал, как дрожит ее щуплая фигурка. Мама Нана не обнимала нас так уже добрые двадцать лет. Я понимал, что она любит Наоми как собственную дочь и очень за нее боится.

— Не может быть, чтобы это случилось с Наоми. С ней не должно произойти ничего плохого. — Эти слова не выходили у меня из головы. Но что-то с ней все же случилось, и теперь мне пора начинать действовать и мыслить, как положено полицейскому. Как подобает детективу из отдела по особо важным преступлениям. Причем не где-нибудь, а на Юге.

Запасись верой и следуй до конца навстречу неизвестности. Эти слова принадлежат Оливеру Венделлу Холмсу. ^[3] Вера у меня есть. Я иду навстречу неизвестному. Такая у меня работа.

Глава 9

В семь часов вечера в конце апреля на территории удивительно живописного городка университета Дьюк было очень оживленно. Сразу бросалось в глаза, что это кампус учебного заведения, именующего себя южным Гарвардом. Магнолии, особенно густо посаженные вдоль Чепел-Драйв, были усыпаны цветами. Потрясающе ухоженные лужайки придавали кампусу вид одного из самых привлекательных и благополучных университетов в Соединенных Штатах.

Напоенный ароматом воздух возбуждал Казанову, вошедшего через высокие ворота серого камня на территорию западного сектора университета. Было начало восьмого. Он появился здесь с единственной целью — поохотиться. Сам процесс опьянял его и увлекал. Стоит только начать — и не остановишься. Как предварительные любовные ласки. Приятно до безумия.

«Я словно акула-людоед, но с человеческим разумом и даже чувствами, — думал Казанова, прогуливаясь. — Я — хищник, которому нет равных. Мыслящий хищник».

Он считал, что все мужчины любят охоту, живут ради нее, по сути, хотя большинство никогда не признается в этом. Глаза мужчины непрестанно выискивают красивых, чувственных женщин, а порой и сексуальных мужчин или мальчиков. Особенно в таких замечательных местах, как университетский городок Дьюк или городки университета Северной Каролины в Чепел-Хилле, университета того же штата в Роли, да и во многих других, которые ему довелось посетить в юго-восточных штатах.

Только посмотрите на них! Немного надменные студенточки Дьюка причислялись к самым роскошным и самым современным американским женщинам.

Даже в грязных обрезанных или в смешных, с прорехами, джинсах и мешковатых комбинезонах у них было на что посмотреть, что увидеть, что ненароком заснять и о чем бесконечно фантазировать.

«Лучше не бывает...» — пронеслось в голове у Казановы, и он принялся насвистывать веселую старую мелодию о преимуществах

отдыха в Каролине.

Обычно он потягивал кока-колу со льдом, наблюдая, как студенты играют друг с другом. Он и сам вел искусную игру — несколько партий одновременно, по сути дела. Игры стали его жизнью. То, что у него была «солидная» работа, другая жизнь, больше не имело значения.

Он изучал каждую проходящую мимо женщину, которая хотя бы отдаленно подходила для пополнения его коллекции. Он внимательно осматривал аппетитных юных студенток, молодых преподавательниц и просто случайных посетительниц в футболках с эмблемой команды «Дьюк Блю Девилс», казавшихся им высшим шиком.

Он облизал губы от волнения, увидев впереди нечто прелестное...

Высокая, стройная, красивая негритянка прислонилась спиной к широкому стволу дуба на Иденс-Квуд. Она читала университетскую газету «Кроникл». Ему нравился блеск ее темной кожи, искусно заплетенные в косички волосы. Но он прошел дальше.

«Да, мы, мужчины, по своей натуре охотники», — думал он, вновь погружившись в свой собственный мир. Так называемые верные мужья боятся даже случайно бросить косою взгляд в сторону. Ясноглазые мальчишки одиннадцати — двенадцати лет выглядят такими невинными и беззаботными. Пожилые дедушки делают вид, что выше этого, и могут себе позволить лишь милую привязанность. Но Казанова знал, что все они без исключения рыскают глазами по сторонам, постоянно отбирают, одержимы охотничьим азартом с момента полового созревания до самой могилы.

Ведь такова биологическая необходимость, верно? Он был абсолютно уверен в этом. Современные женщины требуют от мужчин, чтобы те принимали в расчет женские биологические часы, прислушивались, как они тикают... а у мужчин биологическое тиканье — в трусах, член вместо маятника.

Тикают без передышки эти живые ходики.

Против природы не пойдешь. Где бы он ни оказался, практически в любое время дня и ночи он ощущал этот внутренний пульсирующий ритм. *Тик-трах. Тик-трах.*

Тик-трах!

Тик-трах!

Красивая золотоволосая студентка, скрестив ноги, сидела на траве прямо на его пути. Она читала книжку в мягкой обложке, «Философия экзистенциализма» Карла Ясперса. Рок-группа «Смэшинг Пампкинс» выдавала подобие индийских молитвенных песнопений из динамика переносного компакт-плеера. Казанова внутренне улыбнулся.

Тик-трах!

Его охота никогда не прерывалась. Он был Приапом [4] девяностых годов. Разница между ним и множеством нерешительных современных мужчин в том, что он действует в соответствии с естественными импульсами.

Он находился в неустанных поисках истинной красавицы, а потом овладевал ею! Как все до безобразия просто. Какой увлекательный сюжет для современного фильма ужасов!

Он наблюдал, как две маленькие студентки-японки поглощают жирное жаркое по-северокаролински из нового ресторана «Крукс-Корнер-11» в Дареме. Они так аппетитно ели свой ужин, пожирая мясо, словно два маленьких зверька. Жаркое по-северокаролински готовят из промаринованной уксусом свинины, зажаренной на огне и затем мелко порубленной. Это жаркое без шинкованной капусты и кукурузных лепешек есть просто невозможно.

Он улыбнулся, удивившись, как им это удастся. Лихо!

И двинулся дальше. Много любопытного привлекало его взор. Проколотые для серег брови. Татуированные лодыжки. Прозрачные футболки. Призывно колышущиеся груди, стройные ноги, соблазнительные бедра — повсюду, куда ни кинь взор.

В конце концов он подошел к небольшому зданию в готическом стиле, стоящему рядом с северным отделением больницы Дьюкского университета. В этой пристройке помещались безнадежно больные раком, которых свозили со всех южных штатов, чтобы они могли провести остаток дней под присмотром врачей. Его сердце тяжело заколотилось, по телу побежал озноб.

Вот и она!

Глава 10

Вот она — самая прекрасная женщина Юга! Прекрасная во всех отношениях. Не только внешне привлекательная, но и необыкновенно умная. Она сможет его понять. Возможно, она такая же исключительная личность, как и он.

Он мог бы поручиться за каждое слово в этой мысленной тираде и чуть было не произнес ее вслух. Он проделал большую подготовительную работу по выбору очередной жертвы. Кровь прилила к голове, в висках застучало. Тело охватила нервная дрожь.

Ее звали Кейт Мактирнан. Кателия Маргарет Мактирнан, если быть точным, как он любил.

Она выходила из ракового отделения, где работала, чтобы иметь возможность закончить медицинский факультет университета. Как всегда одна. Последний ее поклонник пригрозил, что она рискует превратиться в «очаровательную старую деву».

Недалеко от истины. Очевидно, Кейт Мактирнан сама предпочла одиночество. Она могла бы подобрать себе в партнеры практически любого. При ее удивительной красоте, недюжинном уме и страстной натуре, как он мог заключить по результатам своих наблюдений. Конечно, Кейт была порядочная зубрила, этого у нее не отнимешь. Она чрезвычайно серьезно относилась к учебе и больничным обязанностям.

Ему нравилось, что в ее внешности не было ничего броского. Длинные волнистые темные волосы красиво обрамляли узкое лицо. Карие глаза зажигались огнем, когда она улыбалась. Смех заразительный, залиvistый. Внешность соответствует американским стандартам, но при этом неординарна. Она была мускулистой, но казалась хрупкой и женственной.

Он наблюдал, как другие мужчины пытались к ней подкатиться, — жеребцы-студенты, а порой и какой-нибудь забавный, но шустрый профессор. Она на них не обижалась, он видел, как она их отваживает, обычно по-доброму, с долей великодушия. Но неизменно с дьявольской ослепительной улыбкой, которая как бы говорила:

«Я не твоя. И никогда твоей не буду. Не вздумай даже обольщаться на этот счет. Дело не в том, что я слишком хороша для тебя. Просто я... другая».

«Кейт надежная», «Кейт прилежная» этим вечером вышла вовремя. Она всегда покидала раковое отделение около восьми. У нее твердый распорядок дня, как и у него.

Учась на первом курсе медфака при клинике университета Северной Каролины в Чепел-Хилле, она дополнительно работала по программе сотрудничества в университете Дьюк с января этого года. В отделении экспериментальной онкологии. Он знал о Кателии Мактирнан все.

Через несколько недель Кейт исполнится тридцать один год. Ей пришлось три года работать, чтобы заплатить за учебу в колледже и на медицинском факультете. Помимо этого, два года она провела у постели больной матери в Баке, Западная Виргиния.

Уверенной походкой она зашагала вдоль Флауерс-Драйв в направлении многоэтажной автостоянки Медицинского центра. Ему пришлось поторопиться, чтобы не отстать от нее. Он не спускал глаз со стройных длинных ног, которые на его вкус были чересчур бледны. «Нет времени загорать, Кейт? Или боишься заработать меланому?»

К бедру она прижимала стопку толстых медицинских книг. Красавица и умница. Собиралась отправиться практиковать в родном штате, Западной Виргинии. За большими заработками, похоже, не гналась. Да и зачем? Чтобы закупить десять пар высоких черных кроссовок?

Кейт Мактирнан была одета в свою обычную университетскую форму: белоснежная куртка студентки медфака, рубашка защитного цвета, выцветшие светло-коричневые брюки и неизменные черные высокие кроссовки. Это был ее стиль. Кейт — девушка с характером. Слегка эксцентрична. Непредсказуема. Удивительно, неодолимо влекущая.

Кейт Мактирнан практически все было бы к лицу, даже доморощенные образцы самой дешевой моды. Его привлекало в ней подчеркнутое пренебрежение к нормам жизни университета и больницы, а в особенности «святейшей из святынь» — медицинского факультета. Это проявлялось в одежде, в той небрежной манере себя держать, которую она теперь демонстрировала, во всем стиле ее

жизни. Она редко пользовалась косметикой. Кейт казалась очень естественной, и ему до сих пор не удалось обнаружить в ней хоть что-нибудь фальшивое и наносное.

Он, к удивлению, заметил, что и она не чужда человеческой слабости. В начале недели он видел, как она густо покраснела, споткнувшись об ограждение у библиотеки Перкинса и ударившись бедром о скамейку. От этого у него потеплело на душе. Ведь он был человеком чувствительным, мог сопереживать другим. Он хотел, чтобы Кейт его полюбила... Хотел любить ее в ответ.

Вот в чем была его особенность, его отличие. Вот что выделяло его из ряда остальных убогих убийц и злодеев, о которых ему доводилось слышать или читать, а он прочитал практически все на эту тему. Он был способен чувствовать. Способен любить. И знал это.

Кейт отпустила какую-то шутку, проходя мимо профессора лет сорока. Казанове со своего места наблюдения не удалось ее расслышать. Она слегка повернулась в сторону профессора, с сияющей улыбкой произнесла на ходу быструю реплику, оставив беднягу придумывать достойный ответ.

Он обратил внимание, как всколыхнулась ее грудь во время быстрого поворота к профессору. Груды у нее были не слишком большими, но и не маленькими. Длинные волнистые густые темно-каштановые волосы поблескивали в лучах заходящего солнца, слегка отливая медью. Совершенна даже в мелочах.

Он наблюдал за ней уже более четырех недель и понял, что именно она ему нужна. Он мог бы любить доктора Кейт Мактирнан больше всех остальных. Он неожиданно осознал это. Осознал до боли. Он нежно прошептал ее имя:

«Кейт...»

Доктор Кейт.

Тик-трах.

Глава 11

Мы с Сэмпсоном сменяли друг друга за рулем во время четырехчасовой поездки от Вашингтона до Северной Каролины. Пока я вел машину, Человек Гора спал. На нем была черная майка с лаконичной надписью «Безопасность». Экономия слов.

Когда за руль моего древнего «порше» усаживался Сэмпсон, я нахлобучивал пару старых наушников «Косс». Слушал Большого Джо Вильямса, думал о Липучке и по-прежнему чувствовал себя опустошенным.

Сна ни в одном глазу, прошлой ночью задремал всего на час. Я ощущал себя убитым горем отцом, чья единственная дочь пропала. Что-то в этом деле было не так.

На Юге мы очутились в полдень. Я родился милях в ста отсюда, в городке Уинстон-Салем. Не заезжал туда с тех пор, как мне исполнилось десять лет, когда умерла моя мама и мы с братьями перебрались в Вашингтон.

Я уже бывал в Дареме раньше, на выпускной церемонии Наоми. Она закончила последний курс Дьюка с отличием и была удостоена самой громкой и продолжительной овации в истории подобных церемоний. Не посрамила семейство Кроссов. Это был один из самых счастливых и торжественных дней для всех нас.

Наоми была единственным ребенком моего брата Аарона, который умер от цирроза печени в возрасте тридцати трех лет. После его смерти Наоми быстро повзрослела. Матери приходилось вкалывать по двенадцать часов в день, чтобы содержать семью, поэтому все хозяйство легло на плечи Наоми, когда той было всего десять лет от роду. Она была маленькой генеральшей.

Девочка развивалась быстро не по годам, о приключениях Алисы в Зазеркалье прочла еще в четырехлетнем возрасте. Один из друзей семьи научил ее играть на скрипке, и у нее это хорошо получалось. Она обожала музыку и теперь играла каждый раз, когда выдавалась свободная минута. Среднюю школу Джона Кэррола в Вашингтоне закончила лучшей в своем классе. При всем том ей удавалось

выкраивать время и на беллетристику, повествующую о том, каково расти ребенку в негритянских кварталах Вашингтона.

Одаренная.

Незаурядная.

Исчезла четыре дня назад.

Над входом в новое здание полицейского управления Дарема почему-то не вывесили плаката «Добро пожаловать!» по случаю нашего приезда. Не поспешили этого сделать и после того, как мы с Сэмпсоном продемонстрировали свои значки и вашингтонские удостоверения. На дежурного сержанта они не произвели должного впечатления.

Он походил на телевизионного ведущего прогноза погоды Уилларда Скотта. Голова стрижена «ежиком», длинные густые баки, кожа на лице цвета свежей ветчины. Когда он узнал, кто мы такие, ситуация не изменилась к лучшему. Ни тебе красной ковровой дорожки, ни хваленного южного гостеприимства, ни других южных прелестей.

Нам с Сэмпсоном пришлось остудить свой пыл, сидя в дежурке полицейского управления города Дарема. Кругом — зеркальное стекло и полированное дерево. Мы удостоились презрительных и косых взглядов, которые обычно припасают для сбытчиков наркотиков, застуканных на пороге начальной школы.

— Как будто очутились на Марсе, — сказал мне Сэмпсон, покуда мы ждали, наблюдая, как мимо снуют с петициями записные жалобщики города Дарема. — Что-то мне эти марсиане не по нутру. Их маленькие марсианские глазки мне не нравятся. Новый Юг не производит на меня приятного впечатления.

— Подумай хорошенько, разве это зависит от того, где мы окажемся? — спросил я Сэмпсона. — В управлении полиции Найроби нас встретили бы ничуть не лучше, удостоив теми же презрительными взглядами.

— Возможно, — кивнул Сэмпсон, взглянув на меня из-под темных очков. — Но те марсиане, по крайней мере, были бы черными. Им не надо объяснять, кто такой Джон Колтрейн. [5]

Даремские детективы Ник Раскин и Дэйви Сайкс сообразовали спуститься к нам через час с четвертью после нашего приезда.

Раскин напомнил мне Майкла Дугласа в роли злодея полицейского. На нем была стандартная экипировка: зелено-коричневый твидовый пиджак, линялые джинсы, желтая трикотажная рубашка. Он был почти одного со мной роста, то есть примерно шесть футов три дюйма, хотя чуть пошире в плечах. Длинные русые волосы зачесаны назад и аккуратно подстрижены.

Дэйви Сайкс был крепко скроен. Голова плавно переходила в бычью шею, которая образовывала с плечами прямой угол. В сонных светло-карих глазах не отражалось ровным счетом ничего примечательного. Похоже, он из тех типов, которые всегда на подхвате, не из породы лидеров, это уж точно. Во всяком случае, если судить по первому впечатлению.

Детективы пожали нам руки с таким видом, будто они нас прощают, прощают за то, что мы вмешались не в свое дело. Мне показалось, что Раскин не случайно был на первых ролях в полицейском управлении Дарема. По всему видно, местная звезда. Первый парень на деревне. Герой-любовник города Дарема.

— Простите, что заставили себя ждать, детектив Кросс, и вы, Сэмпсон. Здесь такое творится, что вздохнуть некогда, — сказал Ник Раскин. Он говорил с легким южным акцентом. Самодовольство так и лезло из него.

Он даже не упомянул имени Наоми. Детектив Сайкс молчал. Не произнес ни слова.

— Хотите прокатиться за компанию со мной и Дэйви? По дороге обрисую вам ситуацию. Произошло убийство. Вот почему у нас такая запарка. Полиция обнаружила женский труп в Эфленде. В жутком состоянии.

Глава 12

В жутком состоянии. Труп женщины в Эфленде. Какой женщины?

Мы с Сэмпсоном прошли за Раскином и Сайксом к машине, темно-зеленому «сааб-турбо». Раскин уселся за руль. Я вспомнил слова из блюза «Хилл-стрит»: «Будем держать ухо остро...»

— Вам что-нибудь известно об убитой? — спросил я Ника Раскина, пока мы ехали по Чепел-Хилл-стрит. Он включил сирену, и мы здорово разогнались. Вел он машину залихватски и слегка рисуясь.

— Известно очень мало, — ответил Раскин. — Это наша основная проблема — моя и Дэйви — в данном расследовании. Никакой однозначной информации. Вероятно, поэтому у нас сегодня такое славное настроение. Вы, наверное, успели заметить?

— Да, успели, — отозвался Сэмпсон. Я не повернулся в его сторону. Но от заднего сиденья на меня повеяло жаром. Он исходил от его тела.

Дэйви Сайкс обернулся и хмуро посмотрел на Сэмпсона. У меня сложилось впечатление, что они вряд ли станут лучшими друзьями.

Раскин продолжал говорить. Ему явно нравилось быть в центре внимания, вести крупное дело.

— Расследование всех фактов сейчас полностью под контролем ФБР. Служба окружного прокурора тоже подключилась. Я не удивлюсь, если и ЦРУ окажется среди участников оперативной группы.

Они уже прислали какого-то задвинутого придурка из своей хитрой конторы в Сэнфорде.

— Что означают слова «всех фактов»? — спросил я Раскина. В голове у меня зазвучали сигналы тревоги. Я снова подумал о Наоми.

В жутком состоянии.

Раскин быстро обернулся и посмотрел на меня. У него были пронизательные синие глаза, и он оглядел меня, будто примериваясь.

— Поймите, мы не уполномочены вообще говорить вам что-либо. Нам не разрешено также привозить вас на место преступления.

— Я понял, что вы имеете в виду, — сказал я. — Ценю содействие.

Дэйви Сайкс снова обернулся и посмотрел на нас. Мне показалось, будто мы с Сэмпсоном — игроки другой команды — стоим у линии схватки и ждем, когда вбросят мяч, чтобы сцепиться с соперниками.

— Мы едем к месту третьего по счету убийства, — продолжал Раскин. — Мне неизвестно, кто жертва. Разумеется, я надеюсь, что это не ваша племянница.

— А в чем суть этого дела? Почему такая секретность? — спросил Сэмпсон. Он сидел, вытянувшись, как струна. — Мы здесь все полицейские. Перестаньте говорить загадками.

Детектив по расследованию особо важных преступлений полиции Дарема помедлил, прежде чем ответить.

— Некоторое количество женщин, скажем, несколько женщин, исчезли на территории, охватывающей три графства штата: Дарем, Четхем и Орендж, где вы сейчас и находитесь. До настоящего момента в прессе появились сообщения о паре исчезновений и о двух убийствах. Убийствах, не связанных друг с другом.

— Вы хотите сказать, что средства массовой информации действуют заодно со следствием? — спросил я.

Раскин усмехнулся.

— Такое в самом радужном сне не приснится. Просто им известно ровно столько, сколько ФБР пожелает им сообщить. Никто вроде бы не утаивает информацию, но и не торопится ее выкладывать.

— Вы сказали, что несколько молодых женщин исчезли, — напомнил я. — Сколько именно? Расскажите о них.

Раскин цедил слова сквозь зубы:

— Мы полагаем, что их восемь-десять. Возраст — до двадцати или чуть больше. Все учатся либо в колледжах, либо в средней школе. Пока нашли только два тела. То, на которое мы собираемся взглянуть, может оказаться третьим. Все тела обнаружены на протяжении последних пяти недель. По мнению ФБР, подобной жуткой вакханалии похищений и убийств, возможно, еще никогда не случалось на Юге.

— Сколько людей из ФБР в городе? — спросил Сэмпсон. — Взвод? Батальон?

— Они здесь в полном комплекте. Согласно их «свидетельствам», похищения перешагнули через границу штата — в Виргинию, Южную Каролину, Джорджию и еще дальше на юг, во Флориду. Полагают, будто наш общительный коллекционер умыкнул капитана болельщиков команды Флоридского университета на финале кубка Орендж в этом году. Они прозвали его Злодеем юго-восточных штатов. Неуловим, как невидимка. Контролирует ситуацию даже сейчас. Называет себя Казановой... считает, что в любви не имеет себе равных.

— Казанова не оставил на месте убийств каких-нибудь своих меток? — спросил я Раскина.

— Только в последнем случае. Похоже, он вылезает из норы. Жаждет общения. Связи с нами. Сообщил, что он Казанова.

— Среди жертв попадались чернокожие женщины? — спросил я. Одна из особенностей преступников, совершающих серию убийств, та, что они склонны избирать жертвы по расовому признаку. Все белые. Все чернокожие. Все латиноамериканцы. Как правило, не мешая.

— Одна из пропавших девушек — чернокожая. Студентка Центрального университета Северной Каролины. Два обнаруженных до сих пор тела принадлежали белым женщинам. Все пропавшие женщины чрезвычайно привлекательны. У нас на информационном стенде их фотографии. Кто-то даже назвал это дело «Красавицы и чудовище». ^[6]Подписал на стенде большими буквами над фотографиями. Это еще одна зацепка, которой мы располагаем.

— Наоми Кросс удовлетворяет его требованиям? — тихо спросил Сэмпсон. — Что удалось установить на настоящий момент оперативной следственной группе?

Ник Раскин ответил не сразу. Не знаю, обдумывал он ответ или просто набивал себе цену.

— Фотография Наоми есть на информационном стенде ФБР? На стенде «Красавицы и чудовище»? — спросил я у Раскина.

— Да, есть, — заговорил вдруг Дэйви Сайкс. — Ее фотография висит на большом стенде.

Глава 13

«Сделай так, чтобы это была не Липучка. Ее жизнь только начинается», — молился я про себя, пока мы приближались к месту преступления.

Жуткие, отвратительные вещи происходят в наше время с ни в чем не повинными, ни о чем не подозревающими людьми. Они случаются практически в каждом большом городе, даже в маленьких городках, деревнях с сотней и менее жителей. Однако создается впечатление, что большинство этих жестоких, не укладывающихся в голове преступлений совершается в Америке.

Раскин резко затормозил, когда за крутым поворотом мы увидели красно-синие огоньки мигалок. Несколько полицейских автомобилей и фургонов «Скорой помощи» торжественным строем расположились на опушке густого соснового леса.

Около дюжины машин были беспорядочно припаркованы на обочине двухполосного муниципального шоссе. Здесь, в Богом забытой глуши, движение не отличалось интенсивностью. Вездесущая свора охотников за сенсацией пока еще не подросла. Раскин припарковал машину за последним в цепочке автомобилей темно-синим «линкольном» модели «таункар». С тем же успехом на нем можно было громадными буквами написать: «Федеральное бюро расследований».

Обычная процедура обследования места преступления была в разгаре. Между стволами сосен протянули желтую ленту, чтобы обозначить периметр. Две кареты «Скорой помощи» уткнулись тупыми носами в заросли деревьев.

Выбравшись из машины, я словно перестал ощущать собственное тело, поле зрения сузилось.

Как будто мне никогда не приходилось видеть ничего подобного. Я отчетливо помнил самую жуткую сцену из дела Сонеджи. Труп ребенка на берегу мутной речки. Страшные воспоминания из прошлого смешались с кошмаром настоящего.

«Сделай так, чтобы это была не Липучка».

Сэмпсон слегка придерживал меня за руку, пока мы шли вслед за детективами Раскином и Сайксом. Углубившись в чащу леса, мы наконец разглядели среди группы высоких сосен силуэты нескольких фигур. Мужских и женских.

По крайней мере, половина из присутствующих была в строгих темных костюмах. Словно мы неожиданно наткнулись на пикник какой-то бухгалтерской фирмы или сборище столичных юристов и банкиров.

Мрачную тишину нарушали лишь щелчки фотокамер оперативников. Снимались крупные планы.

Двое криминалистов-профессионалов, уже облаченных в прозрачные резиновые перчатки, искали улики и записывали что-то в маленькие блокноты.

Меня донимало страшное предчувствие, что сейчас мы обнаружим Липучку. Я отталкивал его от себя, пытался увернуться, как от нежеланного прикосновения десницы ангела или Бога. Я резко отвернулся, как будто это могло спасти меня от того, что предстояло увидеть.

— Ну, ясное дело, — пробормотал Сэмпсон, — фэбээровцы выбрались на природу, чтобы взять след.

Мы словно приближались к осиному гнезду. Они собрались в кружок и шепотом делились своими секретами.

Я чувствовал, как под ногами шуршат листья, похрустывают мелкие ветки. Здесь я не в качестве полицейского. Я — гражданское лицо.

Наконец нашему взору открылось обнаженное тело. Вернее, то, что от него осталось. Нигде никаких предметов одежды не видно. Женщина привязана к стволу молодого деревца при помощи толстого кожаного ремня.

— О Боже, Алекс! — выдохнул Сэмпсон.

Глава 14

— Кто эта женщина? — тихо спросил я, когда мы подошли к необычной группе представителей правопорядка, «многоведомственной артели», как окрестил ее Ник Раскин.

Убитая была белой женщиной, большего о ней сказать в данный момент не представлялось возможным. Птицы и звери вдоволь полакомились ею, и теперь в ней трудно было распознать человека. Вместо глаз — пустые темные провалы, словно прожженные насквозь дыры. Лица не стало: кожа и мышечная ткань обглоданы.

— А это еще что за парочка? — обратилась к Раскину одна из агентов ФБР, плотно сбитая блондинка лет тридцати с небольшим. Ее противный голос удачно гармонировал с отталкивающей внешностью: у нее были толстые, ярко накрашенные губы и крючковатый мясистый нос. К счастью, она избавила нас как от традиционной для ФБР улыбки жизнерадостного туриста, так и от знаменитого фэбээровского дружеского рукопожатия.

Ник Раскин с ней не церемонился. Первый светлый момент в его поведении за день.

— Это детектив Алекс Кросс и его напарник детектив Джон Сэмпсон. Прибыли из Вашингтона. У детектива Кросса в Дьюке пропала племянница. Наоми Кросс. Уполномоченный спецгент Джойс Кинни, — представил он нам фэбээровку.

Агент Кинни нахмурилась, а может быть, и злобно усмехнулась.

— То, что это не ваша племянница, должно быть, ясно, — обрадовала она меня и продолжала: — Я бы попросила вас двоих вернуться к машинам. Извольте подчиниться. — Ее понесло дальше: — Вы не имеете отношения к этому расследованию и поэтому не можете здесь находиться.

— Как вам только что сказал детектив Раскин, пропала моя племянница, — тихим, но твердым голосом обратился я к спецгенту Джойс Кинни. — Других полномочий мне не требуется. Мы сюда приехали не для того, чтобы любоваться кожаной обивкой и приборным щитком спортивной машины детектива Раскина.

Светловолосый крепыш лет под тридцать тут же подрос к своей начальнице на выручку.

— Вы слышали, что сказала спецагент Кинни? Попрошу вас немедленно удалиться, — изрек он. В другой ситуации такое чрезмерное служебное рвение могло бы здорово позабавить. Но только не сейчас. Не при этом чудовищном зрелище.

— Вам не удастся от нас избавиться, — произнес Сэмпсон устрашающе мрачным тоном, обращаясь к белокурому агенту. — Ни вам, ни вашим расфуфыренным приятелям.

— Хорошо, Марк. — Агент Кинни повернулась к молодому коллеге. — Уладим это позже, — сказала она.

Агент Марк ретировался, но не без злобной усмешки на лице, подобной той, которой меня наградила его начальница. Раскин и Сайкс рассмеялись, когда агент удалился.

Нам разрешили остаться на месте преступления вместе с агентами ФБР и отрядом местной полиции. *Красавицы и чудовище.* Я вспомнил фразу, произнесенную Раскиным в машине. Фотография Наоми была на том страшном стенде. Интересно, а фотография убитой женщины тоже?

В такую пору обычно стоит влажная жара, и тело быстро разложилось. Лесные звери потрудились на славу, и я надеялся, что к их появлению женщина уже была мертва. Но почему-то мало в это верилось.

Я обратил внимание на необычное положение тела. Погибшая лежала на спине. Оба плечевых сустава, похоже, были вывернуты. Вероятно, это случилось, когда она пыталась освободиться от кожаного ремня, стягивавшего запястья сзади, за деревом. Картина была не лучше тех, что мне доводилось видеть на улицах Вашингтона или в других местах. Я почти не ощущал облегчения от того, что это не Наоми.

Позже мне удалось поговорить с одним парнем из группы судебных экспертов ФБР. Он был знаком с моим приятелем Кайлом Крейгом, который работал в отделении ФБР в Куантико, штат Виргиния. Кстати, он мне сказал, что у Кайла неподалеку отсюда есть летний домик.

— Этот мерзавец — настоящий дока, работает чисто, если не сказать больше. — Фэбээровский эксперт был весьма словоохотлив. —

Не оставил на телах жертв, которые я осматривал, ни волос с лобка, ни семени, ни даже следа от пота. Сомневаюсь, что и в этом случае нам удастся разыскать достаточно, чтобы сконструировать его генетический профиль. По крайней мере, он не сам ее сожрал.

— Он вступает в половые сношения с жертвами? — быстро спросил я, прежде чем агент успел углубиться в пространное изложение своих познаний по части каннибализма.

— Да, вступает. Кто-то многократно это с ними проделывает. Множество вагинальных ссадин и разрывов. Либо у парня эта штука ого-го какая, либо он пользуется некой имитацией внушительных размеров. Но при этом он, видимо, целиком заворачивается в целлофан или как-то пылесосит их после акта. Ни одного волоска, ни следа выделений пока не обнаружено. Эксперт-энтомолог уже взял образцы. Скоро сообщит нам точное время наступления смерти.

— Возможно, это Бетт Энн Райерсон, — расслышал я слова седого агента ФБР. — Она числится среди пропавших без вести. Блондинка, рост — пять футов шесть дюймов, вес около ста десяти фунтов. В день исчезновения на ней были золотые часы «Сейко». Умопомрачительная красотка, по крайней мере, была когда-то.

— Мать двоих детей, — сказала одна из агентов-женщин. — Студентка последнего курса филологического факультета университета штата Северная Каролина. Я беседовала с ее мужем. Он преподаватель. Видела детей. Очаровательные малыши. Одному годик, другому три. Проклятый ублюдок! — Женщина закашлялась.

Я разглядел наручные часы и ленточку, которой погибшая подвязывала волосы. Она развязалась и свисала с плеча. Красивой ее больше не назовешь. Все, что осталось, — вздулось и покраснело. Отвратительный трупный запах бил в нос даже на открытой поляне.

Пустые глазницы уставились вверх, к серповидной прогалине меж кронами сосен, и я вдруг подумал: «На что она смотрела в самый последний раз?»

Я попытался представить себе Казанову, крадущегося по темному лесу задолго до нашего появления. Я предполагал, что ему около тридцати лет и он очень силен физически. Мне стало страшно за Липучку, гораздо страшнее, чем было до этого.

Казанова. Величайший в мире любовник... Упаси нас Господи.

Глава 15

Было уже начало одиннадцатого вечера, а мы все еще не покинули место преступления, мрачное и гнетущее. Слепящий свет фар полицейских машин и карет «Скорой помощи» освещал тропинку, ведущую в глубь темного леса. Холодало, резкие порывы промозглого ночного ветра хлестали по щекам. Тело до сих пор так и не сдвинули с места.

Я наблюдал, как оперативники из Бюро тщательно рыскают по лесу, собирая улики для экспертизы и производя замеры. Непосредственное место преступления было огорожено, но я успел в свете сумерек сделать зарисовки и набросать собственные предварительные заметки. Попытался припомнить все, что знал о настоящем Казанове. Известный авантюрист, литератор и сластолюбец восемнадцатого века. Я даже читал кое-что из его мемуаров.

Одно непонятно, почему убийца решил назвать себя его именем? Или он считает, что действительно любит женщин? Решил таким способом подчеркнуть это?

Неподалеку раздался таинственный крик какой-то птицы, отовсюду доносился шорох — то возились в траве мелкие обитатели леса. Вряд ли кому-нибудь пришла мысль об олененке Бэмби. С чудовищным преступлением это как-то не сочеталось.

Незадолго до одиннадцати послышался отдаленный грохот, подобный раскату грома в заколдованном лесу. Мы настороженно впились глазами в иссиня-черное небо.

— Знакомая мелодия, — произнес Сэмпсон, и мы увидели мигающие огни приближающегося с северо-востока вертолета.

— Наверное, медицинская бригада, чтобы наконец забрать тело, — предположил я.

Темно-синий вертолет с золотыми полосками лихо опустился на черную поверхность шоссе. Пилот, судя по всему, хорошо знал свое дело.

— Это не медбригада, — заметил Сэмпсон. — Скорее Мик Джаггер! Поп-звезды любят летать на таких стрекозах, как эта.

Джойс Кинни и директор регионального отделения Бюро поспешили к шоссе. Мы с Сэмпсоном увязались следом.

Очередное серьезное потрясение не заставило себя ждать. Мы оба сразу узнали высокого лысеющего солидного человека, появившегося из вертолета.

— А ему какого черта здесь надо? — вырвалось у Сэмпсона.

У меня на языке крутился тот же самый вопрос, мы отреагировали одинаково. Это был заместитель директора ФБР. Второй человек в конторе, Рональд Бернс. Бернса в ФБР по пустякам использовать не будут, птица самого высокого полета.

Мы знали Бернса по своему последнему многоведомственному делу. В Бюро он считался хитрым интриганом, опасным человеком, но по отношению ко мне никогда так себя не вел. Осмотрев труп, он пожелал переговорить со мной. Ситуация в Каролине становилась все более странной. Бернс не хотел, чтобы наш разговор стал достоянием его собственных сотрудников, острых на слух, но тугих на ум.

— Алекс, я искренне сожалел, прослышав, что ваша племянница, возможно, похищена. Надеюсь, что все не так страшно, — сказал он. — Но раз уж вы оказались здесь, может быть, согласитесь нам помочь?

— Можно спросить, а почему вы тоже здесь? — обратился я к Бернсу. Лучше сразу брать быка за рога, не тянуть резину.

Бернс улыбнулся, обнажив неестественно белые коронки передних зубов.

— Я действительно сожалею, что вы не приняли наше предложение.

После дела Сонеджи мне предложили должность связного между Бюро и полицией Вашингтона. Бернс был одним из тех, кто со мной беседовал по этому поводу.

— В старших офицерах я больше всего ценю прямоту и откровенность, — продолжал Бернс.

Между прочим, я — тоже и потому ждал откровенного ответа на свой прямой вопрос.

— Не могу сказать все, что бы вам хотелось услышать, — в конце концов произнес Бернс. — Могу лишь утверждать, что нам неизвестно, имеет ли отношение этот ненормальный ублюдок к

исчезновению вашей племянницы. Он оставляет слишком мало улик, Алекс. Очень осторожен и хорошо знает свое дело.

— Это я уже слышал. Что обрисовывает определенный круг подозреваемых. Полицейские, кадровые военные, криминалисты-любители. С другой стороны, след может быть и ложным. Возможно, он хочет, чтобы мы так думали.

Бернс кивнул.

— Я здесь потому, что это сочли делом первоочередной важности. Крупняк, Алекс. Сейчас не могу объяснить почему, но его классифицировали как крупняк.

Типичная манера разговора фэбээровских боссов. Тайна на тайне, в тайну обернута.

Бернс вздохнул.

— Скажу только одно. Мы полагаем, что этот парень из «коллекционеров». Скорее всего, несколько девушек содержатся где-то неподалеку... в личном гареме, так сказать. Его собственном гареме.

Идея была неожиданной и страшной. Хотя оставляла надежду на то, что Наоми еще жива.

— Я хочу участвовать в расследовании, — сказал я Бернсу, глядя прямо в глаза. — Почему вы многого не договариваете?

Я изложил свои условия:

— Мне нужно представлять картину целиком прежде, чем я смогу выдвигать версии. Почему, например, некоторых женщин он отвергает? Если можно так выразиться.

— Извините, Алекс. Большого пока сказать не могу. — Бернс покачал головой и на минуту прикрыл глаза.

Я понял, что он очень устал.

— Но вам хотелось видеть мою реакцию на версию «коллекционера», верно?

— Верно, — признался Бернс и не смог удержаться от улыбки.

— Гарем в наши дни вещь возможная, полагаю. Довольно распространенная мужская фантазия, — продолжал я. — Как ни странно, большинство женщин тоже любит пофантазировать на эту тему. Не стоит сбрасывать это со счетов.

Бернс учел мое мнение и оставил без комментариев. Он снова попросил меня о содействии, но так и не захотел раскрывать все карты. Потом вернулся к своим подчиненным.

Ко мне подошел Сэмпсон.

— Ну, чем Их Суровость порадовала? Что занесло его в этот Богом проклятый лес, в компанию с нами, простыми смертными?

— Сказал кое-что интересное. Казанова, возможно, «коллекционер». Содержит личный гарем где-нибудь неподалеку, — ответил я Сэмпсону. — Сказал, что дело — крупняк. Я пользуюсь его терминологией.

Крупняк означает, что дело очень серьезное, возможно, куда серьезнее, чем до сих пор казалось. Я задался вопросом, что бы это значило, но тут же поймал себя на том, что лучше бы не знать ответ.

Глава 16

Кейт Мактирнан увлекла странная, но многое объясняющая мысль: ястреб пронзает клювом тело своей жертвы только благодаря точному расчету и координации усилий, — пришла она к заключению.

Ее осенило после очередных занятий в зале для обладателей черных поясов карате. Правильная координация усилий определяла все в каратэ, да и не только в нем. Это необходимо, если вам вдруг вздумается выжать штангу весом в двести фунтов, а ей это удавалось.

Кейт прогуливалась по многолюдной, суетливой и шумной Фрэнклин-стрит в Чепел-Хилле. Улица протянулась с юга на север, вдоль границы живописной территории университета Северной Каролины. Кейт проходила мимо книжных лавок, пиццерий, прокатных пунктов роликовых коньков, кафе-мороженых «Бен и Джерри». Из одного кафе доносились вопли рок-группы «Уайт Зомби». Обычно Кейт не любила шататься без дела, но вечер выдался такой теплый и приятный, что она не удержалась.

Студенческая толпа была знакомой, дружелюбной и очень славной. Ей нравилось жить здесь сначала в качестве студентки колледжа, а теперь — медфака и практикантки в клинике. Она не хотела уезжать из Чепел-Хилла, совсем не рвалась обратно в Западную Виргинию, чтобы заниматься там врачебной практикой.

Но ехать придется. Она обещала матери — как раз перед тем, как Бидси Мактирнан умерла. Кейт дала слово, а слово надо держать. В таких вещах она была старомодной. Провинциальная закалка.

Кейт глубоко запустила руки в карманы слегка помятой больничной куртки. Она считала, что руки у нее некрасивые. Костяшки пальцев шишковатые и ногтей практически никаких. Причин на то было две: рабский труд в раковом отделении и серьезное увлечение каратэ: как-никак у нее был черный пояс, второй дан. Это единственное развлечение, которое она себе позволяла, занятия каратэ были ее хобби.

Карточка, приколотая к левому нагрудному карману ее куртки, гласила: «К. Мактирнан, д-р медицины». Ей нравилось несколько вызывающее сочетание этого символа престижа и общественного

положения с мешковатыми брюками и кроссовками. Казаться бунтаркой она не собиралась, да и никогда ею не была, однако в многолюдном больничном сообществе ей хотелось подчеркнуть свою индивидуальность.

В книжном магазине «Интимейт» Кейт обзавелась экземпляром книги Кормека Маккарти «Прелестные лошадки» в мягкой обложке. Предполагалось, что у студентов первого курса на чтение романов времени не должно оставаться, но ей удавалось его выкраивать. По крайней мере, она собралась посвятить чтению сегодняшний апрельский вечер. Он был так хорош, так замечателен во всех своих проявлениях, что Кейт решила заскочить в кафе «У Спэнки» на углу Колумбия и Фрэнклин-стрит. Посидит в баре и просто почитает книжку.

Позволить себе свидание «учебным вечером» — что в ее понимании распространялось почти на все вечера недели — она не могла категорически. Обычно она устраивала себе выходные по субботам, но к концу недели слишком утомлялась для «пред» или «пост» любовных ритуалов.

Так было с тех пор, как она окончательно порвала свою то вспыхивающую, то снова угасающую связь с Питером Макгротом. Питеру было тридцать восемь лет, доктор исторических наук, ума незаурядного. Красив до неприличия, но, с ее точки зрения, излишне самовлюблен. Разрыв прошел куда болезненнее, чем она ожидала. Они расстались врагами.

Прошло уже четыре месяца без Питера. Ничего не попишешь. Хорошего мало, но и не настолько страшно, чтобы нельзя было пережить. Кроме того, она отдавала себе отчет, что расстались они только по ее вине. Питер здесь ни при чем. Расставание с любимыми — ее извечная проблема: часть ее прошлого. Настоящего? Будущего?

Кейт Мактирнан поднесла к глазам руку с часами. Забавная модель с Микки Маусом, подарок сестры Кэрол Энн, но ходят исправно. Помимо всего, часы служили ей напоминанием: никогда не задирай нос, потому что ты теперь доктор.

Черт! Дальnozоркость прогрессирует — а ей нет и тридцати одного! Совсем старуха. Она была старше всех на медицинском факультете университета. Уже половина десятого вечера, давно пора спать.

Кейт решила отложить посещение кафе и отправиться назад, на свою «виллу». Подогреет мяса с красным перцем, а может, еще и выпьет чашку горячего шоколада со взбитыми сливками. Спрятаться под одеялом, слегка подкрепившись и прихватив с собой книжку Кормека Маккарти, совсем не так уж и плохо, если рассудить здраво.

Как у большинства публики в Чепел-Хилле, в отличие от более зажиточных обитателей Тобакко-роуд в Дьюке, у Кейт были серьезные проблемы с наличностью. Она занимала трехкомнатную квартиру на верхнем этаже деревянного дома, типичного загородного «особняка» Северной Каролины. Краска со стен облупилась, и создавалось впечатление, будто дом «линяет». Стоял он в глухом конце Питтсборо-стрит в Чепел-Хилле. На аренду уходила приличная сумма.

Первое, что ей понравилось на этой улочке, когда она здесь поселилась, были деревья. Старые широколиственные деревья, не сосны. Их длинные раскидистые ветви напоминали пальцы морщинистой старухи. Она прозвала свою улицу Старушкин закоулок. Где же еще может поселиться старушка с медицинского факультета?

Домой Кейт вернулась без четверти десять. На первом этаже дома, который принадлежал вдове из Дарема, никто не жил.

— Я вернулась. Это — Кейт, — крикнула она мышиному семейству, проживавшему где-то за холодильником. Ей не хватало духу их вывести. — Вы по мне скучали, ребята? Наверное, еще не ели?

Она включила свет в кухне, и раздалось противное гуденье, которое она ненавидела. На глаза попала бумажка с высказыванием одного из ее профессоров: «Студенты-медики должны вырабатывать в себе смирение». Ну уж в этом ей не откажешь.

Зайдя в свою маленькую спальню, Кейт облачилась в мятую черную спортивную рубашу, которую никогда не удосуживалась гладить. Глажка в наше время не самое главное. Вот зачем заводят мужика — чтобы ради него убирать, наводить порядок, выносить мусор, готовить, гладить. Ей нравилась строчка какой-то поэтессы: «Женщина без мужчины — все равно что рыба без велосипеда».

Кейт зевнула, подумав о предстоящем завтра шестнадцатичасовом рабочем дне, который начнется для нее с пяти утра. Черт подери, ей нравилась такая жизнь! Нравилась, и все тут!

Она плюхнулась на скрипучую двуспальную кровать, покрытую простыми белыми простынями. Единственным украшением были два

цветных шифоновых шарфика, привязанных к столбикам кровати спинки.

Отказавшись от идеи мяса с перцем и шоколада со взбитыми сливками, она положила «Прелестных лошадок» поверх стопки непрочитанных номеров «Харперс» и «Нью-Йоркер», погасила лампу и через пять секунд уже спала. Пора прервать увлекательную дискуссию с самой собой на ночь.

Кейт Мактирнан и не подозревала, что за ней следят, идут по пятам с того момента, как она ступила на многолюдную красочную Фрэнклин-стрит, что ее «отобрали».

Ваша очередь, доктор Кейт.

Тик-трах.

Глава 17

«Нет! — пронеслось в голове у Кейт. — Это мой дом». Она чуть было не произнесла эти слова вслух, но вовремя одумалась.

В квартире кто-то чужой!

Не очнувшись толком ото сна, она ясно отдавала себе отчет в том, что ее разбудил посторонний шум. Сердце затрепыхалось и, казалось, подкатило к самому горлу. Боже мой! Только не это!

Она застыла без движения, приподнявшись на подушке в изголовье кровати. Несколько тревожных секунд тянулись словно века. Она не шевелилась. Затаила дыхание. Молочные отблески лунного света проникали сквозь стекла и наполняли спальню таинственным полумраком.

Она сосредоточенно вслушивалась в звуки дома, в каждый шорох и скрип старого здания.

Сейчас до ее слуха не доносилось ничего необычного, но она готова была поклясться, что прежде слышала что-то. Сообщения о недавних убийствах и похищениях людей в районе Университетского треугольника наполняли сердце страхом. «Перестань дурить, — сказала она себе. — Нечего зря себя накручивать».

Она медленно села и продолжала вслушиваться. Может быть, окно открылось от ветра. Надо встать и проверить все окна и двери.

Впервые за последние четыре месяца ей по-настоящему не хватало Питера Макграта. Питер не смог бы ничем помочь, но с ним ей было бы спокойнее. Даже со старым милым недотепой Питом.

Нельзя сказать, чтобы она смертельно перепугалась или почувствовала себя беззащитной. С большинством мужиков она запросто может справиться. Дралась классно. Питер часто говорил, что не завидует тому парню, который рискнет с ней связаться. Он слегка побаивался ее физической силы. Но схватки по каратэ в спортзале — это одно, а здесь все по-настоящему.

Кейт тихонько соскользнула с кровати. Ни звука. Она почувствовала под босыми ногами шершавые холодные половицы. Это окончательно пробудило ее, и она приняла боевую стойку.

Хоп!

Рука в перчатке с неожиданной силой опустилась ей сверху на нос и рот. Ей даже показалось, что в носу треснул хрящик.

Затем на нее навалилось большое и очень мощное мужское тело. Всем своим весом он пригвоздил ее к холодным и жестким половицам, лишив возможности двигаться.

Атлет. Ее мозг, как компьютер, записывал все детали поступающей информации. Она пыталась сохранить способность мыслить ясно и сосредоточенно.

Очень силен. Тренирован!

Он затрудняет ей доступ воздуха. Прекрасно знает, что надо делать. Хорошо подготовлен!

Она поняла, что на руке у него не перчатка. Тряпка. Густо пропитанная влагой. Ей становилось все труднее дышать.

Он пользуется хлороформом? Нет, запаха нет. Может быть, эфир? Галотан? Откуда у него доступ к анестезирующим средствам?

Сознание Кейт затуманилось, и она с испугом поняла, что вот-вот лишится чувств. Надо попробовать сбросить его с себя.

Упершись ногами, она резко, всем телом, рванулась влево, в сторону сумрачно белеющей стены спальни, и неожиданно почувствовала, что освободилась от захвата.

— Это ты зря, Кейт, — прозвучал в темноте его голос.

Он знает ее имя!

Глава 18

«В ударе ястреба... главное — координация усилий. Сейчас от этого зависит жизнь», — думала Кейт.

Она отчаянно старалась сохранять ясность мысли, но сильный наркотик, которым была пропитана тряпка, начал действовать. Кейт все же удалось нанести прицельный боковой удар, приблизительно в три четверти обычной силы, прямо между ног незнакомцу. Она наткнулась на что-то жесткое. Черт подери!

Он подготовился к встрече с ней. Прикрыл свои нежные гениталии гимнастическим щитком. Знал, насколько она сильна. О Боже, нет! Откуда ему про нее столько известно?

— Не слишком любезно с твоей стороны, Кейт, — прошептал он. — Совсем не гостеприимно. Я знаю о твоих успехах в каратэ. Ты просто восхитительна.

Глаза ее горели. Сердце колотилось так яростно, что Кейт казалось, он слышит этот стук. Теперь она испугалась не на шутку. Сильный, ловкий, понимает толк в каратэ, просчитывает ее удары наперед.

— Помогите! Эй, кто-нибудь, на помощь! — завопила она что было сил. Кейт надеялась отпугнуть его криками. В Старушкином закоулке на целую милю от ее дома не было ни души.

Сильные пальцы словно клешни вцепились в нее и ухватили за руку чуть выше запястья. Кейт с воем вырвалась.

Он был сильнее всех обладателей черных поясов из секции каратэ в Чепел-Хилле. «Зверь, — подумала Кейт. — Дикий зверь... расчетливый и хитрый. Профессиональный спортсмен?»

В охваченном страхом и смятением сознании вдруг всплыла главная заповедь, которую не уставал повторять на тренировках ее сэнсэй: «Избегай схватки. Если возможно, уходи от боя». Вот в чем суть многовекового опыта боевых искусств. «Тот, кто избегает схватки, наверняка доживет до следующего боя».

Она выбежала из спальни и понеслась по знакомому узкому извилистому коридору. «Избегай схватки. Спасайся бегством, — повторяла она сама себе. — Беги, беги, беги».

В квартире, казалось, было темней, чем обычно. Она поняла, что он зашторил все окна и опустил жалюзи. Присутствия духа ему не занимать. И спокойствия. Продуманности действий.

Ей нужно перехитрить его, разрушить его замысел. Высказывание из Сунь-Цзы [7]эхом отдавалось в сознании: «Победоносная армия побеждает до того, как вступит в бой». Незнакомец во всем следовал заветам Сунь-Цзы и ее сэнсэя. Может быть, кто-то из их секции?

Кейт удалось добежать до гостиной. Стояла крошечная тьма. Здесь он тоже не забыл задернуть шторы. С ориентировкой и чувством равновесия становилось все хуже. Темные очертания предметов в комнате начали двоиться. Черт бы его подрал! Мерзавец!..

Сквозь наркотический дурман, мягко обволакивавший ее, мелькнула мысль о женщинах, которые пропали в графствах Орендж и Дарем. Кейт вспомнила, что в программе новостей передавали, будто обнаружили тело очередной жертвы. Молодая мать двоих детей.

Главное — выбраться из дома. Возможно, свежий воздух вернет ее к жизни. Она рванулась к входной двери.

Что-то загоралось проход. Он придвинул к двери диван! У Кейт не хватало сил оттащить его.

В отчаянии она вновь закричала:

— Питер! Спаси меня! На помощь, Питер!

— Уймись, Кейт! Ты уже давно не встречаешься с Питером Макгротом. Считаешь его полным идиотом. Кроме того, его дом в семи милях отсюда. Семь и три десятых мили. Сам проверял. — Его тон был очень спокоен и нетороплив. Как на сеансе у психопатолога. И он наверняка знал ее, знал все о Питере Макгроте, знал обо всем.

Он находился где-то рядом, позади нее, в этой наэлектризованной тьме. В его голосе не было ни тревоги, ни паники. Для него это как очередная прогулка по пляжу.

Кейт быстро метнулась влево, в сторону от голоса, от монстра в человеческом облике, очутившегося в ее доме.

Тело пронзила обжигающая боль, и Кейт не сдержала тихого стога. Голенью она с размаху ударилась о слишком низкий бестолковый стеклянный столик, который ей подарила сестра Кэрол Энн. Так сестра по-своему пыталась придать комнате шик. О Боже, как же Кейт ненавидела этот проклятый столик. Левую ногу саднило нестерпимо.

— Ударилась ножкой, Кейт? Не надо бегать в темноте. — Он рассмеялся, и смех прозвучал совсем естественно, почти дружелюбно. Он развлекался. Для него это была интересная игра. Мальчик с девочкой играют в прятки. В темноте.

— Кто ты такой? — крикнула она и... внезапно ее пронзила мысль: «А если это Питер? Вдруг Питер сошел с ума?»

Кейт почти теряла сознание. Наркотик, которым он ее попотчевал, не оставлял больше сил на то, чтобы бежать. Он знал, что у нее черный пояс каратэ. Наверное, знал и о том, что она немало времени проводила в тяжелоатлетическом зале.

Она повернулась... и яркий луч фонаря ударил в глаза. Слепящий свет бил прямо в лицо.

Он отвел фонарь, но красные круги в глазах не исчезли. Она заморгала и с трудом смогла различить силуэт высокого мужчины. В нем было больше шести футов роста, он носил длинные волосы.

Она не могла рассмотреть черты лица, лишь видела очертания профиля. Что-то с лицом у него было не так. В чем дело? Что с ним такое?

И тут она заметила пистолет.

— Нет, не надо, — произнесла Кейт. — Пожалуйста... не надо.

— Надо, — прошептал он ласково, почти как любовник. С этими словами он приставил дуло пистолета к сердцу Кейт Мактирнан и спустил курок.

Глава 19

Ранним утром в воскресенье ситуация с делом Казановы только усугубилась. Мне пришлось подбросить Сэмпсона до аэропорта Роли-Дарем-Интернэшнл. Ему предписывалось днем объявиться на службе в Вашингтоне. Надо же кому-то защищать столицу, пока я в отъезде.

Расследование приобретало все больший размах и обрастало нездоровым ажиотажем после того, как был обнаружен труп третьей жертвы. Теперь не только местная полиция и ФБР, но и кое-кто из военных чинов подключился к сбору вещдоков на месте преступления. Сам заместитель директора ФБР Рональд Бернс пожаловал сюда вчера вечером. К чему бы это?

Сэмпсон стиснул меня в своих медвежьих объятиях у контрольного пункта «Америкэн эйрлайнз». Со стороны мы, наверное, смотрелись как парочка полузащитников из команды «Вашингтон Редскинс» после выигрыша суперкубка или после того, как они даже не пробились в чемпионат 1991 года.

— Я понимаю, что для тебя значит Наоми, — прошептал он мне на ухо. — Я знаю, что ты чувствуешь. Если снова потребуешь, звони.

Мы чмокнули друг друга в щеку, совсем как Мэджик Джонсон и Исая Томас любили делать перед началом баскетбольных игр. Это вызвало любопытные взгляды с галерки, где толпился народ у арок металлоискателей. Да, мы с Сэмпсоном любим друг друга и не стесняемся это демонстрировать. Нетипично для таких несгибаемых лихих парней, как мы.

— Опасайся Федбюро. Смотри, чтобы местные не всадили тебе нож в спину. Или в грудь. Не нравится мне этот Раскин. Но особенно Сайкс, — продолжал инструктировать меня Сэмпсон. — Ты отыщешь Наоми. Я в тебя верю. Всегда верил. Я так считаю, и никому меня не переубедить.

Гигант наконец ушел, ни разу не оглянувшись.

Я остался на Юге один-одинешенек.

Снова гоняясь за монстрами.

Глава 20

Около часу дня в воскресенье я отправился пешком от гостиницы «Вашингтон-Дьюк» к университетскому городку Дьюка.

Я только что отведал настоящий завтрак по-северокаролински — полтора кофейника горячего, крепкого кофе, кусок очень соленого окорока с сопливой яичницей и томатным соусом, бисквиты, овсяные лепешки. И все это под звуки песенки в стиле кантри: «Придет тот день, когда в надраенных кастрюлях... ты не увидишь больше моего лица».

Я был взвинчен до предела, поэтому прогулка до университета была хорошим успокаивающим средством. Я сам себе ее прописал и сам же выполнял указания врача. То, что я увидел вчера на месте преступления, меня потрясло.

Я хорошо помнил те времена, когда Наоми была маленькой девочкой, а я — ее лучшим другом. Мы хором распевали детские песенки про паучка и шелкопряда. В какой-то степени именно она научила меня уметь дружить с Дженни и Деймоном. Подготовила к роли любящего отца.

В те времена мой братец Аарон таскал с собой Липучку в бар «Капри», что на Третьей улице. Брат делал все, чтобы пьянством вогнать себя в гроб. «Капри» было совсем неподходящим местом для маленькой девочки, но Наоми каким-то образом к этому приспособилась. Еще ребенком она понимала и принимала отца таким, каким он был. Когда они с Аароном заглядывали по дороге ко мне, братец обычно был уже «на взводе», но еще не совсем пьяным. Наоми следила за отцом. В ее присутствии он старался не напиваться. Беда в том, что Липучка не могла состоять при нем неотлучно и уберечь от гибели.

На час дня в воскресенье у меня была назначена встреча с деканом, куратором женских общежитий университета Дьюк. Я подошел к Аллен-Билдинг, неподалеку от Чепел-Драйв. На третьем и четвертом этажах этого здания размещались кабинеты администрации.

Декан оказался высоким, крепкого сложения человеком по имени Браунинг Лоуэлл. Наоми мне много говорила о нем. Она считала его

добрым советчиком и хорошим другом. В тот день я встретился с деканом Лоуэллом в его уютном кабинете, сплошь уставленном толстыми старыми книгами. Окна кабинета смотрели через обсаженную магнолиями и вязами Чепел-Драйв на Фью-Куод. Как и все остальное в студгородке, вид из окна радовал глаз. Повсюду постройки в готическом стиле. Настоящий южный Оксфорд.

— Я ваш почитатель, с легкой руки Наоми, — произнес декан Лоуэлл, когда мы поздоровались. Рукопожатие у него было крепким, чего следовало ожидать от человека его телосложения.

Браунинг Лоуэлл был мускулистым, лет тридцати пяти привлекательным мужчиной. Живые голубые глаза его лучились доброжелательностью. В свое время Лоуэлл был гимнастом мирового класса, вспомнил я. Когда он заканчивал университет Дьюк, его прочили в звезды американской команды на Олимпиаде 1980 года в Москве.

В самом начале того года в печать просочились слухи, будто Браунинг Лоуэлл «голубой» и у него любовная связь с одним довольно известным баскетболистом. Он покинул олимпийскую сборную еще до объявления пресловутого бойкота московской Олимпиаде. Соответствовали слухи действительности или нет, так и не было доказано, насколько мне известно. Между тем Лоуэлл женился и жил теперь вместе с женой в Дареме.

Мне Лоуэлл показался симпатичным и отзывчивым. Мы перешли к неприятной теме исчезновения Наоми. У него возникали вполне оправданные недоверие и беспокойство по поводу хода проводимого полицией расследования.

— У меня создается впечатление, что местные газеты никак не видят простой и логичной связи между убийствами и исчезновениями. Я этого не понимаю. Мы предупредили всех женщин на территории университетского городка, — сказал он мне. — Студенток Дьюка обязали отмечаться в специальном журнале прихода и ухода из общежития, — развивал он свою мысль. — Поощрялась система взаимных провожаний, если студентки отправлялись куда-нибудь поздним вечером.

Прежде, чем я вышел из кабинета, он сделал предварительный звонок в общежитие, где жила Наоми. Сказал, что так ко мне отнесутся

радушней, а он, в свою очередь, готов сделать все, что от него зависит, чтобы помочь.

— Я знал Наоми на протяжении почти пяти лет, — сказал он мне и зачесал пятерней длинные белокурые волосы. — Моя обеспокоенность — лишь малая толика того, что переживаете сейчас вы, Алекс, и я весьма вам сочувствую. Это потрясло здесь многих из нас.

Я поблагодарил декана Лоуэлла и покинул его кабинет благодарный ему за сочувствие и слегка приободренный. Предстоял визит в студенческое общежитие. Догадайтесь, кто пришел к вам на чай?

Глава 21

Я ощущал себя как «Алекс в стране чудес».

Район студенческих общежитий Дьюка выглядел также весьма идиллически, но на свой лад. Никакой величественной готики, повсюду небольшие домики, несколько коттеджей. Общежитие Майерс-Куод пряталось в тени высоких старинных дубов и раскидистых магнолий, окруженное ухоженными цветниками. Поистине неистощима фантазия Творца!

Перед входом стоял серебристый «БМВ» с откидным верхом. На заднем бампере красовалась яркая наклейка с надписью: «Моя дочь пошла в Дьюк, и туда же идут мои деньги».

Внутри, на воощеных полах гостиной общежития, лежали благородно выцветшие восточные ковры, которые запросто могли сойти за настоящие. Я глазел по сторонам в ожидании Мэри Эллен Клаук. Комната была заставлена мягкими стульями, кушетками, комодами красного дерева на гнутых высоких ножках. У обоих окон красовались изящные банкетки.

Мэри Эллен Клаук спустилась в гостиную через пять минут после моего прихода. До этого мы с ней не раз встречались. Высокая — около шести футов роста — пепельная блондинка, очень хороша собой, под стать тем девушкам, которые таинственно исчезли. Тело, наполовину съеденное птицами и зверьем в лесу Эффленда, когда-то тоже принадлежало красивой блондинке.

Интересно, подбирался ли убийца к Мэри Эллен Клаук? Почему он выбрал именно Наоми? Скольких женщин он отобрал к этому моменту?

— Здравствуйте, Алекс. Боже, как я рада, что вы здесь. — Мэри Эллен взяла меня за руку и крепко сжала. Ее вид навеял теплые и одновременно мучительные воспоминания.

Мы решили выйти из общежития и прогуляться по холмам западного сектора. Мэри Эллен мне всегда нравилась. Она специализировалась по истории и психологии. Я помню, как мы с ней целый вечер в Вашингтоне рассуждали о проблемах психоанализа. Она не хуже меня понимала, что такое психологическая травма.

— Простите, что не пришла вас встретить в Дареме, — сказала она, пока мы шли мимо великолепных готических зданий, возведенных в двадцатые годы нашего столетия. — Мой брат закончил среднюю школу в пятницу. «Малыш» Райан Клаук. Ростом около шести футов пяти дюймов и не меньше двухсот двадцати фунтов весом. Солист группы «Скрэтчинг Блэкбордс». Я вернулась только сегодня утром, Алекс.

— Когда ты в последний раз виделась с Наоми? — спросил я Мэри Эллен, переходя на другую сторону живописной улицы под названием Уоннамейкер-Драйв. Мне не хотелось, чтобы моя беседа с подругой Наоми походила на допрос детектива из отдела по расследованию убийств, но у меня не было иного выхода.

Мэри Эллен вздрогнула и, прежде чем ответить, глубоко вздохнула.

— Шесть дней назад, Алекс. Мы ездили вместе в Чепел-Хилл. Мы там работали для «Человеческой обители».

«Человеческая обитель» — название общественной группы, занимающейся строительством жилья для неимущих. Наоми никогда не говорила, что вызвалась работать на эту организацию.

— А позже ты Наоми больше не видела? — спросил я.

Мэри Эллен покачала головой. Ожерелье из золотистых колокольчиков на шее тихо звякнуло. Мне вдруг показалось, что она прячет от меня глаза.

— Увы, это был последний раз. Именно я заявила в полицию. Оказывается, при исчезновении человека обычно выжидают двадцать четыре часа. После пропажи Наоми прошло два половиной дня, прежде чем появились сообщения о розыске. Вы не знаете почему? — спросила она.

Я отрицательно покачал головой, мне не хотелось особенно распространяться по этому поводу перед Мэри Эллен. Я сам до конца не понимал, почему это дело окутано туманом секретности. Утром я несколько раз звонил детективу Нику Раскину, но не застал на месте, а он мне так и не перезвонил.

— Вы полагаете, что исчезновение Наоми и женщин, пропавших раньше, связаны между собой? — спросила Мэри Эллен. В ее голубых глазах сквозила тревога.

— Связь не исключена. Хотя вещественных доказательств в Сара-Дьюк-Гарденс обнаружено не было. Честно говоря, почти не за что зацепиться, Мэри Эллен.

Если Наоми похитили прямо в саду на территории университетского городка, то свидетелей не было. За полчаса до того, как она не пришла на занятия по контрактам, ее видели в саду. Казанова удивительно хорошо обставлял свои дела. Неуловим, как призрак.

Мы закончили прогулку, завершив круг и вернувшись к общежитию, которое стояло в двадцати — тридцати ярдах от усыпанной гравием дорожки. Здание украшали высокие белые колонны, просторная веранда была уставлена белыми плетеными столиками и креслами-качалками. Стиль времен до гражданской войны, одной из моих любимых эпох.

— Алекс, мы с Наоми были не слишком близки в последнее время, — неожиданно призналась Мэри Эллен. — Извините. Я решила, что вам следует это знать.

Когда Мэри Эллен потянулась, чтобы чмокнуть меня в щеку, по ее лицу текли слезы. Затем она вбежала по вычищенным до блеска ступеням крыльца и скрылась за дверью общежития.

Еще одна тревожная загадка, требующая решения.

Глава 22

Казанова наблюдал за доктором Алексом Кроссом. Проворный острый ум его напрягся, перерабатывая информацию словно суперсовременный компьютер, — возможно, самый быстродействующий компьютер во всем Университетском треугольнике.

— Вы только посмотрите на Кросса, — бормотал он. — Заявился к старой подружке Наоми! Здесь вам ничего не светит, доктор! Даже не тепло. Скорее холодно, вы отдаляетесь от разгадки.

Он следовал за Алексом на безопасном расстоянии, пока тот шел по территории университетского городка Дьюка. Он много читал о Кроссе. Ему было известно все об этом психологе и детективе, который заработал себе имя, выследив похитителя-убийцу в Вашингтоне. Так называемое преступление века, о котором вздохнула и брызгала слюной пресса.

«Так у кого все козыри в этой игре? — хотелось ему крикнуть вслед доктору Кроссу. — Я знаю, кто ты. А ты обо мне ни черта не знаешь. И не узнаешь никогда».

Кросс остановился. Достал из заднего кармана брюк блокнот и сделал какие-то записи.

«В чем дело, доктор? Ценная мысль осенила? Сильно сомневаюсь, честно говоря. И ФБР, и местная полиция вот уже несколько месяцев пытаются меня выследить. Вероятно, они тоже делают пометки в своих блокнотах, но никто так и не приблизился к разгадке...»

Казанова смотрел вслед удаляющемуся Алексу Кроссу, пока тот не пропал из вида. Мысль о том, что Кросс действительно выследит и поймает его, совершенно невероятна. Этому не бывать никогда.

Он рассмеялся, но тут же осекся, так как воскресным днем в университетском городке Дьюка было полно народа.

«Ключа к разгадке нет ни у кого, доктор Кросс. Уловили?.. В этом весь секрет!»

Глава 23

Я снова стал уличным сыскарем.

Почти все утро понедельника я провел в разговорах с людьми, знавшими Кейт Мактирнан. Последняя жертва Казановы училась на первом курсе медицинского факультета. Ее похитили из собственной квартиры на окраине Чепел-Хилла.

Мне хотелось составить психологический портрет Казановы, но информации явно не доставало. Интересное положение. ФБР не помогает. Ник Раскин упорно мне не звонит.

Профессор медфака Северной Каролины сказал мне, что за последние двадцать лет не встречал такой добросовестной студентки, как Кейт Мактирнан. Другой преподаватель добавил, что прилежание и способности были у нее действительно на высоте, но «самое удивительное в Кейт — характер».

По этому поводу все были единомышленны. Даже конкуренты-коллеги в клинике признавали, что Кейт Мактирнан — нечто из ряда вон выходящее.

— Я никогда не встречала женщину, которая была бы так чужда самолюбванию, — поделилась со мной одна из ее сокурсниц.

— Кейт совершенно одержимая, но понимает это и посмеивается над собой, — сказала другая.

— Она просто чудо. Все в больнице потрясены кошмарной новостью.

— Это светлая голова и сокрушительное упорство.

Я позвонил Питеру Макграту, профессору истории, и он хоть и без особого желания, но все же согласился со мной поговорить. Кейт Мактирнан встречалась с ним на протяжении четырех месяцев, но их связь внезапно прервалась. Профессор Макграт оказался высоким, спортивным и слегка надменным.

— Можно сказать, что я облажался с треском, не удержав ее, — признался мне Макграт. — Да так оно и было. Но я просто не мог тягаться с Кейт. Подобной силы воли я не встречал ни у мужчин, ни у женщин. Боже, поверить невозможно, что такое приключилось с Кейт.

Он был бледен и, очевидно, потрясен ее исчезновением. Во всяком случае, так казалось.

В конце концов, я решил перекусить в шумном баре университетского городка Чепел-Хилл. Кругом слонялись орды студентов, толпились вокруг бильярдного стола, а я сидел один со своим пивом, неаппетитным жестким чизбургером и неотступными мыслями о Казанове. Долгий день доконал меня. Мне недоставало Сэмпсона, детей, своего дома в Вашингтоне. Я тосковал по спокойной жизни без всяких монстров. Но Липучка все еще числилась в списке пропавших вместе с другими молодыми обитательницами юго-востока Штатов.

Я мысленно вернулся к Кейт Мактирнан и всему, что услышал о ней сегодня. Именно таким образом обычно приходят к раскрытию преступления. По крайней мере, таков мой метод. Собирается информация. Накапливается в голове. В конце концов нащупываются связи между разрозненными фактами.

Казанова выбирает не просто физически привлекательных женщин, неожиданно осенило меня в баре. Он выискивает самых неординарных из их числа. Подбирает недотрог... женщин, желанных всеми, но не доступных никому.

Он их где-то собирает вместе.

«Почему только самых необычных?» — задался я вопросом.

Напрашивался лишь один ответ: «Потому что он сам причисляет себя к таковым».

Глава 24

Я чуть было не вернулся, чтобы еще раз поговорить с Мэри Эллен Клаук, но передумал и пошел обратно в гостиницу «Вашингтон-Дьюк». Там меня ожидало несколько сообщений.

Первое поступило от приятеля из Вашингтонского управления полиции. Он обрабатывал на компьютере информацию, которая была мне необходима для воссоздания психологического портрета Казановы. Я прихватил с собой «лэптоп» и надеялся им воспользоваться в ближайшее время.

Журналист по имени Майк Харт звонил четыре раза. Я припомнил его имя и знал, какую газету он представляет — бульварный листок из Флориды под названием «Нэшнл стар». За репортером укрепилось прозвище Бессердечный Харт. [8] Бессердечному я перезванивать не стал. Однажды обо мне уже упоминалось на первой полосе «Стар», и этого одного раза хватит на всю оставшуюся жизнь.

Детектив Ник Раскин наконец-то соблаговолит отозваться на один из моих настойчивых звонков. Оставил короткую записку: «У нас ничего нового. Если что, дам знать». Верилось в это с трудом. Я не доверял ни детективу Раскину, ни его шестерке Дэйви Сайксу.

Сидя в уютном кресле своего номера, я забылся в беспокойном сне, одолеваемый отчетливыми и жуткими видениями. Монстр, как будто сбежавший с картины Эдварда Мунка, [9] преследовал Наоми. Я был бессилен ей помочь, мне оставалось лишь в ужасе наблюдать за кошмарной сценой. Не нужно быть опытным психотерапевтом, чтобы растолковать подобный сон.

Проснулся я от ощущения, что кто-то чужой присутствует в моем номере.

Я осторожно положил руку на рукоятку револьвера и застыл без движения. Сердце бешено колотилось. Каким образом кому-то удалось пробраться в мой номер?

Я медленно сполз с кресла на корточки с револьвером наготове. До боли в глазах стал вглядываться в полумрак.

Шторы из набивного ситца были прикрыты наполовину, поэтому света, проникавшего с улицы, мне хватало, чтобы различить силуэты. Тени от листвы деревьев плясали по стене комнаты. Больше ничего не двигалось.

Я осмотрел ванную комнату — сначала просунул туда руку с револьвером, а потом уже вошел сам. Затем — стенные шкафы. Глупо, наверное, со стороны — рыскать по темному номеру с револьвером, но я отчетливо слышал посторонний шум!

Наконец я обнаружил под дверью листок бумаги, но все же выждал несколько секунд, прежде чем зажечь свет. Так вернее.

С пола на меня смотрела черно-белая картинка. Мгновенно в мозгу возникли разные ассоциации и догадки. Это была колониальная британская открытка производства начала столетия. В те времена в Европе любили собирать подобные открытки, нечто вроде современного мягкого порно. В начале века мужчины, коллекционировавшие такие картинки, таким образом распалили себя.

Я наклонился, чтобы получше рассмотреть старинную фотографию.

На ней была изображена в вызывающей акробатической позе одалиска с турецкой сигаретой во рту. Девушка была темнокожей, юной и прекрасной: лет семнадцати, не более. Она была обнажена до пояса, и большие груди торчали сосками вперед.

Я перевернул открытку при помощи карандаша.

Рядом с тем местом, где предполагалось наклеить марку, мелким шрифтом было напечатано: «Одалисок, отличавшихся необычайной красотой и умом, долго и тщательно обучали искусству быть наложницей. Они умели прекрасно танцевать, играть на музыкальных инструментах и писать изысканные лирические стихи. Они были истинным украшением гарема, возможно, самым дорогим сокровищем султана».

Под этими строками стояла подпись — закорючка пером, а рядом напечатано полное имя:

«Джованни Джакомо Казанова де Зайнгальт». Он знал, что я в Дареме. Знал, кто я. Казанова оставил визитную карточку.

Глава 25

«Я жива».

Кейт Мактирнан медленно, с трудом раскрыла глаза в полутемной комнате... непонятно где.

Сначала ей показалось, что она в какой-то гостинице, только никак не может вспомнить, в какой и как здесь очутилась. Загадочный отель из еще более загадочного эстетского фильма. Хотя какая разница. По крайней мере, не умерла.

Внезапно она вспомнила, как ей выстрелили в упор в грудь. Вспомнила незнакомца. Высокий... длинноволосый... мягкая культурная речь... зверь высшего разряда.

Она попыталась подняться, но вовремя передумала.

— Есть здесь кто-нибудь? — громко спросила она. В глотке пересохло, и голос резким неприятным скрежетом отдавался в голове. Язык словно оброс щетиной.

«Я в аду. В одном из кругов Дантова ада, в каком-нибудь из начальных», — подумала она, и ее затрясло, как в ознобе.

Действительность оказалась столь ужасной и неожиданной, что ей никак не удавалось к ней приспособиться. Суставы не гнулись и ныли; боль пронизала ее целиком. Вряд ли ей удалось бы сейчас выжать даже сто фунтов. Голова казалась распухшей, раздувшейся как перезрелый плод, и болела нестерпимо, но она ясно помнила того, кто на нее напал. Высокий, наверное шесть футов и два дюйма, моложавый, физически очень сильный и тренированный. Возникающие в памяти картинки были слегка расплывчатыми, но за их истинность она могла поручиться.

Она вспомнила и другие подробности кошмарного нападения в ее квартире. Он использовал электрошоковый пистолет или что-то в этом роде, чтобы парализовать ее. Кроме того, применял хлороформ, или, возможно, это был галотан, отчего теперь так невыносимо болит голова.

Подсветка в комнате была оставлена намеренно. Она обратила внимание, что свет исходит от современного вида светильников,

встроенных в потолок. Потолок был низким, наверное, футов семь, если не меньше.

Комната выглядела так, будто помещение только недавно выстроили или отремонтировали. Обставлена со вкусом, она бы сама так обставила свою квартиру, будь у нее на это время и деньги. Кровать со спинками из настоящей желтой меди. Старинный белый комод с зеркалом и медными ручками. Туалетный столик со щеткой для волос, гребнем и зеркалом — все в серебряной оправе. К стойкам кровати привязаны разноцветные шарфики, совсем как у нее дома. Это показалось ей странным. Очень странным.

Окон в комнате не было. Единственный выход прикрывала массивная деревянная дверь.

— Неплохая обстановка, — тихо произнесла Кейт. — Начальная стадия психоза. Нет, здесь скорее психоз застарелый.

Дверца небольшого платяного шкафа была приоткрыта, и она могла заглянуть внутрь. От увиденного ей стало плохо.

Он принес ее одежду в это ужасное место, в эту странную тюремную камеру. Вся одежда была здесь.

Собрав остаток сил, Кейт заставила себя сесть на кровати. От усилия сердцебиение резко участилось, и это ее напугало. К рукам и ногам как будто привязали гири.

Кейт, не веря собственным глазам, тщетно пыталась сконцентрироваться, сфокусировать взгляд на содержимом шкафа.

Нет, на самом деле это не ее платья, поняла она. Он ходил по магазинам и покупал одежду в точности, как у нее! В соответствии с ее стилем и вкусом. Вся одежда в шкафу была абсолютно новая, неношенная. Она заметила, что с некоторых блузок и юбок свисают магазинные ярлыки: «Лимитед», «Гэп» в Чепел-Хилле. Те самые магазины, в которых она покупала сама.

Она перевела взгляд на полку белого старинного комода в другом углу комнаты. Ее духи, в полном составе. «Наваждение», «Сафари», «Опиум».

Неужели он купил все это специально для нее?

На прикроватной тумбочке лежал том «Прелестных лошадок», такая же книга, какую она купила на Фрэнклин-стрит в Чепел-Хилле.

Он обо мне все знает!

Глава 26

Доктор Кейт Мактирнан заснула. Проснулась. Поспала еще немного. Самой смешно. Настоящая лежебока. Ей никогда не удавалось всласть выспаться. Во всяком случае, с тех пор, как поступила на медицинский факультет.

Голова прояснилась, она чувствовала себя значительно бодрее и во всем отдавала отчет, если не считать того, что не ориентировалась во времени. Не знала, что сейчас — утро, день или вечер. Не имела представления и о том, какое сегодня число.

Мужчина или кем он там был, этот ублюдок, заходил в ее странную убогую клетку в то время, когда она спала. От этой мысли ее тошнило. На тумбочке у кровати, на самом видном для нее месте, лежала записка.

Она была написана от руки и начиналась словами: «Дорогая доктор Кейт». Когда она прочла собственное имя, у нее задрожали руки.

«Я хотел, чтобы вы прочли эту записку, дабы лучше понять меня и усвоить правила поведения в этом доме. Это, возможно, самое серьезное из всех посланий, которые вам суждено получить в жизни, поэтому читайте внимательно. И, пожалуйста, отнеситесь к содержанию со всей серьезностью.

Нет, я не сумасшедший и не какой-нибудь неуравновешенный сумасброд. Скорее наоборот. Такая умница, как вы, в состоянии понять, что я сравнительно здоров психически и прекрасно знаю, чего хочу. Хотя многие люди этого не знают.

А вы, Кейт? Поговорим об этом позже. Эта тема заслуживает оживленного обсуждения, которое может оказаться интересным. Вы точно знаете, чего хотите? Вы это получаете? Почему же нет? Ради блага общества? Чьего общества? Чьей жизнью мы живем, в конце концов?

Я не собираюсь обольщаться мыслью, будто вам приятно здесь очутиться, поэтому никаких фальшивых „добро пожаловать“. Никаких корзин с фруктами и

шампанским. Как вы скоро заметите, а может быть, уже заметили, я пытался сделать ваше пребывание здесь комфортным, насколько это возможно. Что подводит меня к очень важному, пожалуй, самому важному моменту в отношениях, которые я впервые пытаюсь наладить между нами.

Ваше пребывание здесь временное. Вы уйдете отсюда, если — очень существенное если — прислушаетесь ко мне... так что будьте внимательны, Кейт.

Приготовилась слушать? Повнимательнее, Кейт, прошу тебя. Прогони прочь справедливое чувство гнева и выкинь из головы всякую чушь. Я не сумасшедший и не неврастеник.

И это самое главное: я отдаю себе отчет во всех поступках! Понимаешь, в чем дело? Конечно, понимаешь. Я знаю, какая ты умная. Будущее научное светило и все такое.

Важно, чтобы ты поняла, насколько много для меня значишь. Вот почему ты здесь в абсолютной безопасности. И поэтому ты, в конце концов, отсюда уйдешь.

Я выбрал тебя из тысяч и тысяч женщин, имеющих, так сказать, в моем распоряжении. Я знаю, что ты сейчас говоришь: „Повезло же мне“. Прекрасно знаю, какой насмешливой и циничной ты можешь быть иногда. Мне даже известно, что в трудные минуты сарказм частенько спасал тебя. Я начинаю понимать тебя лучше, чем кто-либо на этом свете. Знаю почти так же хорошо, как ты сама себя знаешь, Кейт.

А теперь о неприятном. И запомни, Кейт, то, о чем пойдет речь, ничуть не менее важно, чем все хорошее, о чем я говорил раньше.

Вот правила поведения в моем доме, которые следует соблюдать беспрекословно.

1. Самое основное правило: никогда не пытайся сбежать, иначе будешь неминуемо казнена в течение нескольких часов, как бы ни было больно от этого нам обоим. Поверь мне, такой случай уже был. Попытка к бегству исключает смягчение или отмену приговора.

2. Специальное правило для тебя, Кейт: никогда не пытайся испробовать на мне известные тебе приемы каратэ. (Я чуть было не прихватил сюда твое белоснежное кимоно, но зачем зря подвергать тебя искушению.)

3. Никогда не зови на помощь: я все равно узнаю, если это случится, и тогда тебя ждет наказание в виде невосполнимых увечий лица и полового органа.

Ты хочешь знать больше — тебе хочется знать все и сразу. Но так не бывает. Не пытайся выяснить, где именно ты находишься. Все равно не догадаешься, только лишняя головная боль.

На сегодня все. Я дал тебе более чем достаточно пищи для размышлений. Ты здесь в полной безопасности. Я люблю тебя сильнее, чем ты можешь себе представить. Жду не дождусь, когда мы наконец сможем поговорить, поговорить по-настоящему.

Казанова».

«Да ты рехнулся окончательно и бесповоротно!» — возмутилась про себя Кейт, меряя шагами свою комнату — шесть шагов в длину, пять в ширину. Ее склеп. Ее ад на земле.

Тело как будто плавало в густой вязкой жидкости. Не заработала ли она мозговую травму припадении?

Ею владела лишь одна мысль: как убежать? Она принялась всесторонне анализировать ситуацию. Переворачивала стандартные логические схемы с ног на голову и разбирала их по косточкам.

В комнате единственная массивная деревянная дверь, закрытая на два замка.

Другого пути наружу, кроме как через эту дверь, нет.

Нет! Это стандартная логика. Должен быть другой путь.

Она вспомнила задачку-ребус из казавшегося когда-то бесполезным курса логики, который проходила в университете. Задача начиналась с того, что десять спичек складывались в математическое соотношение, содержащее римские числа:

$$XI + I = X$$

Задача состояла в том, чтобы сделать соотношение справедливым, не прикасаясь к спичкам. Ни добавлять, ни убирать спички тоже было нельзя.

Непростая задача.

Очевидного решения нет.

Она оказалась не по зубам многим студентам, но Кейт с ней справилась довольно быстро. Решение было там, где его, казалось, искать бессмысленно. Ей удалось решить задачу, перевернув изначальную логику. Она просто повернула страницу с разложенными спичками вверх ногами.

$$X = I + IX$$

Но перевернуть вверх тормашками свою комнату-тюрьму она не могла. Или все-таки смогла бы? Кейт Мактирнан тщательно обследовала каждую половицу, каждую доску стены. Дерево пахло свежей смолой. Может быть, он плотник, строитель или архитектор?

Непростая проблема.

Очевидного решения нет.

Она не хочет, не может мириться с таким ответом.

Можно попробовать соблазнить его, если только удастся себя заставить. Нет. Он слишком умен. Догадается. Хуже того, она сама себя выдаст.

Но выход должен быть. Она обязана его найти.

Кейт бросила взгляд на послание, лежащее у кровати.

Никогда не пытайся сбежать, иначе будешь неминуемо казнена в течение нескольких часов.

Глава 27

На следующий день я посетил Сара-Дьюк-Гардене — парк, где шесть дней тому назад была похищена Наоми. Я должен был там побывать, взглянуть на место преступления, вспомнить племянницу, погрузиться о своем.

Лесистый живописный парк раскинулся на площади более пятидесяти акров по соседству с Медицинским центром университета Дьюк. Его аллеи протянулись на многие мили. Казанова и мечтать не мог о более подходящем для похищения месте. Он все продумывал очень тщательно. До сих пор действовал безупречно. Как это ему удастся?

Я опросил служителей и нескольких студентов, которые были в парке в тот день, когда пропала Наоми. Парк официально считался открытым для посетителей с раннего утра и до заката. Наоми последний раз видели там около четырех часов пополудни. Казанова похитил ее среди бела дня. Я не мог представить себе, каким образом он умудрился это сделать. Ни я, ни полиция Дарема, ни ФБР.

Я гулял по садам и лесам парка почти два часа. Меня не отпускала мысль о том, что Липучку похитили где-то здесь.

Участок под названием «Террасы» был особенно прекрасен. Посетители проходили через увитую глициниями перголу. Чудесная деревянная лестница сбегала к неправильной формы пруду, в котором плескались рыбы. Сразу за ним открывался живописный сад камней. Террасы спускались горизонтальными каменными грядами, расцвеченные яркими полосами цветов. Тюльпаны, азалии, камелии, ирисы и пионы были в пышном цвету.

Я инстинктивно почувствовал, что именно это место должно было особенно полюбить Липучке.

Я опустился на колени перед ярким пятном красных и желтых тюльпанов. На мне был серый костюм и белая рубашка с открытым воротом. Рыхлая земля пачкала брюки, но это не имело значения. Я низко склонил голову. И не сдержал слез.

Глава 28

Тик-трах. Тик-трах.

Кейт Мактирнан показалось, что она услышала какой-то посторонний звук. Вероятно, почудилось. Здесь можно запросто свихнуться.

Вот опять. Легкое поскрипывание половицы. Дверь распахнулась, и в комнату, не произнеся ни слова, вошел он.

Так вот он какой! Казанова. На лице — очередная маска. Он был похож на князя тьмы — стройного, мускулистого. Возможно, таким он себя представлял?

Такого атлета, как он, в университете прозвали бы «качком», а в морге — отличным наглядным пособием, что ей было более по душе.

Она обратила внимание на его одежду: линялые джинсы в обтяжку, черные ковбойские сапоги, выпачканные в грязи, без рубахи. Ему действительно было что демонстрировать, он явно гордился своим мускулистым торсом. Она старалась запомнить все детали — пригодится позже, когда удастся сбежать отсюда.

— Я прочла все ваши правила, — сказала Кейт, пытаюсь держаться как можно спокойнее и не выдать внутреннюю дрожь. — Они очень четко сформулированы, вполне понятны.

— Спасибо. Никто не любит правила, а я меньше других. Но порою без них не обойтись.

Маска, скрывающая его лицо, привлекла внимание Кейт. Она смотрела на нее не отрываясь. Похожа на декоративную — вычурную венецианскую маску. Раскрашена вручную, с искусно выписанными ритуальными деталями, по-своему красива и необычна. «Он хочет меня соблазнить? — подумала Кейт. — Это изображает маска?»

— Почему вы в маске? — спросила она, стараясь, чтобы в голосе звучало подобострастие и любопытство, но только не настойчивость.

— Как я сказал в своем послании, наступит день, когда ты выйдешь отсюда. Станешь свободной. Такой у меня план. Я не хочу, чтобы тебе было больно, не вынесу этого.

— Если я буду себя хорошо вести. Если буду слушаться.

— Да, если будешь слушаться. Я бы не хотел быть жестоким. Ты мне так нравишься.

У нее возникло желание ударить его, наброситься и избить. «Пока рано, — уговаривала она себя. — Надо дождаться такого момента, когда можно будет ударить наверняка. Больше чем на одну попытку рассчитывать не приходится».

Он как будто читал ее мысли. Он был очень хитер и умен.

— Никакого каратэ, — произнес он, и она почувствовала, как он улыбается под маской. — Запомни хорошенько, Кейт. Я наблюдал за твоими занятиями в зале. Любовался тобой. У тебя прекрасная реакция и сильный удар. У меня тоже. Я в боевых искусствах не новичок.

— Я не об этом думала. — Кейт нахмурилась и посмотрела в потолок. Затем опустила глаза. Что поделаешь, приходится действовать сообразно обстановке. Стараться держать себя в рамках.

— В таком случае извини, — сказал он. — Больше не буду пытаться говорить за тебя. Обещаю.

Временами он казался почти нормальным, и это приводило ее в ужас куда больше всего остального. Как будто бы они тихо и мирно беседуют в милом обычном доме, а не в этой обители ужасов.

Кейт посмотрела на его руки. Пальцы длинные, даже изящные. Руки архитектора? Врача? Художника? Только не работяги.

— Так что вы задумали на мой счет? — Кейт решила применить любовую тактику. — Зачем я здесь? Что значит эта комната, одежда? Мои вещи?

Его тон по-прежнему оставался ласковым и спокойным. Он действительно вознамерился ее соблазнить.

— Дело в том, что я хочу влюбиться, побыть какое-то время в состоянии влюбленности. Я жажду истинно романтического увлечения. Хочу испытать нечто необычное в жизни. Истинную близость с любимым человеком. Я ведь такой же, как все остальные. Только в отличие от других не мечтаю, а действую.

— Разве вы ничего не чувствуете? — спросила она. Ей пришлось разыграть участие. Она знала, что социопаты не способны на эмоции, по крайней мере, ей так всегда казалось.

Он пожал плечами. Она снова догадалась, что он улыбается, смеется над ней.

— Временами меня переполняют чувства. Мне даже кажется, что я чересчур чувствителен. Хочешь я расскажу тебе, как ты прекрасна?

— В данной ситуации мне бы этого не хотелось.

Он игриво хохотнул и снова передернул плечами.

— О'кей. На том и порешим. Никаких любовных воркований. Во всяком случае, пока. Но имей в виду, что я могу быть романтичным. Мне так даже больше нравится.

Она не была готова к его стремительной атаке, не ожидала такого проворства. Электрошоковый пистолет, вдруг появившийся в его руке, уперся ей под ребра. Кейт узнала характерный треск разряда и ощутила запах озона. Ее резко отбросило назад, и она с силой стукнулась головой о стену. Удар сотряс весь дом — или где там ее держали.

— Боже мой, нет, — тихо простонала Кейт. Он навалился на нее. Руками, ногами, всем весом своего тела подмял под себя. Сейчас он ее убьет. О Боже, она не хочет умирать, не хочет, чтобы жизнь прервалась так бессмысленно, нелепо, трагически.

Волна гнева и бурной ярости захлестнула ее. Отчаянным усилием ей удалось высвободить одну ногу, но руками она была не в силах даже пошевелить. Вся грудь горела. Она чувствовала, как он рвет на ней блузку и больно мнет грудь гнусными лапами. Он возбуждился. Она ощущала, как он трется об нее животом.

— Нет, умоляю, нет, — простонала она. Голос прозвучал как будто издалека.

Он мял ее груди обеими руками. Во рту у нее появился привкус крови, и тоненькая теплая струйка побежала по подбородку. Кейт заплакала. Она судорожно кашляла, ей было трудно дышать.

— Я пытался быть галантным, — сквозь крепко стиснутые зубы прошипел он.

Внезапно он остановился. Поднялся, расстегнул «молнию» на джинсах и спустил их ниже колен. Даже не удосужился снять.

Кейт посмотрела на него. Член был большой. Крепкий и натянутый как струна, он слегка подрагивал в такт пульсирующей крови в набухших венах. Он сел на нее верхом и принялся гладить членом ее тело, медленно проводя по груди, шее, губам и глазам.

Кейт то теряла сознание, то вновь возвращалась в реальный мир. Она пыталась зацепиться за каждую мысль, возникавшую в

воспаленном мозгу. Ей необходимо сохранить власть хотя бы над собственными мыслями.

— Не закрывай глаза, — низким голосом прорычал он. — Смотри на меня, Кейт. У тебя такие прекрасные глаза. Ты самая красивая женщина из всех, кого я встречал в жизни. Ты это знаешь? Ты знаешь, как я тебя хочу?

Он находился в трансе. Кейт так показалось. Его могучее тело приплясывало, извивалось, дергалось, пока он яростно входил и выходил из нее. Потом он сел и снова стал играть ее грудями. Гладил волосы, лицо. Его прикосновения были все нежнее и нежнее. От этого ей стало только хуже. Чувство глубокого унижения и отчаянного стыда овладело ею. Она его ненавидела.

— Я люблю тебя, Кейт. Люблю так, что не выразить словами. Я никогда не испытывал ничего подобного. Клянусь тебе. Ничего похожего.

Он не собирается ее убивать, поняла Кейт. Оставит в живых. Он будет приходить снова и снова, каждый раз, как только захочет ее. Охваченная невыносимым ужасом, Кейт наконец лишилась чувств. Ее душа умчалась далеко.

Она не слышала, как, нежно целуя ее на прощание в губы, он прошептал:

— Я люблю тебя, милая Кейт. Поверь, мне очень жаль, что все так происходит. Я действительно способен на истинное чувство.

Глава 29

Мне неожиданно позвонила взволнованная студентка юридического факультета из группы Наоми. Она сказала, что ее зовут Флоренс Кемпбелл и ей надо срочно со мной переговорить.

— Мне совершенно необходимо поговорить с вами, доктор Кросс, — заявила она.

Я встретился с ней в кампусе Дьюка, напротив университетского «Центра Брайан». Флоренс оказалась чернокожей девушкой лет двадцати с небольшим. Мы бродили под сенью магнолий между ухоженными готическими учебными корпусами. Ни я, ни она, похоже, не слишком вписывались в окружающий пейзаж.

Флоренс была высокой, нескладной и чудаковатой на первый взгляд. Высокая прическа, как у Нефертити, выглядела довольно странно или, скорее, старомодно. Меня поразило, что до сих пор в глубинке Алабамы или Миссисипи сохранились такие типажи. Флоренс закончила подготовительный курс в университете штата Миссисипи, от которого до Дьюка путь неблизкий.

— Я очень, очень сожалею, доктор Кросс, — сказала она, когда мы уселись на деревянную скамью, сплошь исписанную студенческими откровениями. — Я хочу извиниться перед вами и вашей семьей.

— Извиниться за что, Флоренс? — спросил я в недоумении.

— Я не попыталась встретиться с вами, когда вы вчера приходили сюда. Никто мне толком не сказал, что Наоми похитили. Во всяком случае, полиция Дарема этого не сделала. Просто нагрубил. Они скорее всего и думать не желают, что с Наоми приключилась серьезная беда.

— А почему, как вы считаете? — задал я вопрос, который не давал покоя мне самому. Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— Потому что Наоми афроамериканка. Полиция Дарема, ФБР не пекутся о нас так, как о белых женщинах.

— Вы в это верите? — спросил я. Флоренс Кемпбелл захлопала ресницами.

— Это правда, как же я могу в это не верить? Франц Фанон [10] утверждал, что расистские сверхструктуры навечно внедрились в психологию, экономику и культуру нашего общества. В этом я тоже убеждена.

Флоренс была очень серьезной женщиной. Под мышкой она держала сочинение Альберта Мюррея [11] «Разнообразные американцы». Флоренс явно начинала мне нравиться. Пора было узнать, какие секреты Наоми ей известны.

— Расскажите, что здесь происходит, Флоренс. Говорите как есть, без скидки на то, что я дядя Наоми или полицейский детектив. Я нуждаюсь в человеке, способном мне помочь. Мне приходится противостоять «сверхструктурам» здесь, в Дареме.

Флоренс улыбнулась. Решительно тряхнула головой. С одной стороны, она была Иммануилом Кантом, [12] с другой — Присей из «Унесенных ветром».

— Вот что мне известно, доктор Кросс. И вот из-за чего некоторые девушки в общежитии поссорились с Наоми.

Она глубоко вдохнула напоенный ароматом магнолий воздух.

— Все дело в парне по имени Сет Сэмюел Тейлор. Он работает строителем в социальной службе негритянских районов Дарема. Я познакомила Наоми с Сетом. Он мой двоюродный брат. — В голосе Флоренс внезапно послышалась неуверенность.

— Пока я не вижу, в чем проблема, — сказал я.

— Сет Сэмюел и Наоми полюбили друг друга в декабре прошлого года, — продолжала она. — У Наоми глаза засияли словно звезды в ночи, а это на нее не очень похоже, как вам известно. Поначалу он приходил в общежитие, а потом она перебралась в квартиру Сета в Дареме.

Я слегка удивился, узнав, что Наоми влюбилась и ни словом не обмолвилась об этом Силле. Почему она не поделилась с нами? Тем не менее я так и не понял пока, в чем суть проблемы с другими девушками из общежития.

— Я практически уверен, что Наоми не первая студентка Дьюка, которую угораздило влюбиться. Или пригласить к себе знакомого парня на чай с печеньем или еще на что-то, — сказал я.

— Она не просто приглашала знакомого парня «на что-то», она приглашала «на что-то» чернокожего парня. Сет приходил со стройки

в пыльной спецовке, грязных ботинках и кожаной строительной тужурке. А Наоми принялась расхаживать по студгородку в старой соломенной шляпе, которую носили когда-то чернокожие рабы. Иногда Сет надевал рабочую каску с надписью «Рабский труд». Он позволял себе слегка подтрунивать и язвить по поводу общественной деятельности соплеменников и, да простит меня Господь, их невежества в социальных вопросах. Корил чернокожих девушек за то, что идут в домработницы.

— Что вы думаете по поводу своего кузена Сета? — спросил я у Флоренс.

— Сет любит лезть на рожон. Он ненавидит расовую несправедливость до такой степени, что порою готов вступить в конфликт с самим собой. А в остальном он просто замечательный парень. Трудлюбивый, не боится запачкать руки. Не будь он мне кузеном, кто знает... — произнесла Флоренс и подмигнула.

Я улыбнулся бесхитростной шутке Флоренс. Ее можно назвать «деревенщиной из Миссисипи», но в душе она — настоящая леди. Мне даже начала нравиться ее высокая прическа.

— Вы с Наоми были близкими подругами? — спросил я.

— Поначалу нет. Пожалуй, мы обе понимали, что являемся конкурентками на то, чтобы попасть в «Юридический обзор». Больше одной чернокожей туда не пустят, вы же понимаете. Но после первого года учебы мы сблизились. Я обожаю Наоми. Она лучше всех на свете.

Внезапно я подумал: а вдруг исчезновение Наоми связано с ее парнем и не имеет никакого отношения к убийце, разгуливающему по Северной Каролине?

— Он очень хороший человек. Не трогайте его, даже не вздумайте, — предостерегла меня Флоренс.

Я согласно кивнул.

— Только ребра ему пересчитаю.

— Он здоров как бык, — отпарировала Флоренс.

— А я и есть бык, — сказал я Флоренс Кемпбелл, раскрыв свой маленький секрет.

Глава 30

Я смотрел в темные глаза Сета Сэмюэля Тейлора. Он смотрел в глаза мне. Я не отводил взгляда. Зрачки у него были черные и блестящие, будто в глазное яблоко вставили мраморные шарики.

Высокий, очень мускулистый, крепкой рабочей закваски приятель Наоми напоминал мне больше молодого льва, нежели быка. Выглядел он безутешным, и мне нелегко было задавать ему вопросы. Предчувствие подсказывало, что Наоми исчезла навсегда.

Сет Тейлор был небрит и, похоже, несколько ночей не спал. Переодеваться он, видимо, тоже забывал. На нем была сильно мятая голубая рубашка в клетку, надетая поверх футболки, и традиционные джинсы «Ливайс-501». На ногах — пыльные рабочие ботинки. Либо он действительно страшно переживает, либо Сет Тейлор — потрясающий актер.

Я протянул руку. Его рукопожатие было крепким, полное ощущение, что суешь руку в тиски.

— Выглядишь ты дерьмово, — огорошил меня Сет Тейлор. Где-то неподалеку парни из «Диджитэл андерграунд» надрывались в «Танце горбуна». Совсем как в Вашингтоне, только с небольшим отставанием по времени.

— У тебя видок не лучше.

— Ну и катитесь все в задницу, — отозвался он.

Это уличное приветствие мы оба знали и рассмеялись.

Улыбка у Сета была искренней и заразной. Он держался заносчиво, но это не раздражало. Меня подобным не удивишь.

Я заметил, что его широкая переносица не раз переломана, но все равно он оставался красивым неизысканной грубой красотой. Он приковывал к себе внимание, совсем как Наоми. Сет Тейлор возбуждал во мне профессиональный интерес.

Он жил в рабочем районе, к северу от центра Дарема. В свое время здесь обитали рабочие с табачных фабрик. У него была двухэтажная квартира в каменном доме, поделенном на две половины. На стенах прихожей висели рекламные плакаты групп «Аррестед девелопмент» и «Айс-Ти». На одном из плакатов было написано: «Со

времен рабства не выпадало на долю чернокожих мужчин подобной напасти».

В гостиной набилось полно друзей и соседей. Из динамиков звучали грустные песенки Смоуки Робинсона. Друзья собрались, чтобы помочь в поисках Наоми. Наконец-то и на Юге я обрел союзников.

Каждый из присутствующих горел желанием поговорить со мной о Наоми. Никто не подозревал Сета Сэмюеля.

Особенно меня поразила одна женщина с умными живыми глазами и кожей цвета кофе с молоком. Киша Боуи служила на почте в Дареме, ей было слегка за тридцать. Наоми с Сетом уговорили ее вернуться в колледж, чтобы получить диплом психолога. Мы с ней поняли друг друга с полуслова.

— Наоми девушка образованная и талантливая, но вам это, конечно, известно. — Киша отвела меня в сторону для серьезного разговора. — Тем не менее Наоми никогда не щеголяла своими способностями или образованностью, чтобы унижить кого-то или показаться лучше других. Это поразило всех нас, когда мы познакомились. Она очень простая в общении, Алекс. В ней нет ни капли фальши. Такая жалость, что это произошло именно с ней.

Я еще поговорил с Кишей, и она мне очень понравилась. Умная и красивая, просто жаль, что сейчас не до этого. Я стал искать Сета и обнаружил его наверху в полном одиночестве. Окно спальни было распахнуто, и он сидел снаружи, на слегка покато́й крыше. Из темноты доносился щемящий душу блюз в исполнении Роберта Джонсона.

— Ты не против, если я посижу с тобой рядом? Надеюсь, старая крыша выдержит нас обоих? — спросил я его из окна.

Сет улыбнулся.

— Если не выдержит и мы оба провалимся на крыльцо, это здорово всех позабавит, а потому стоит шишек и сломанной шеи. Полезай сюда, приятель, коли решил, — проговорил он, певуче растягивая слова на южный манер. Легко понять, что могло привлечь в нем Наоми.

Я перелез через подоконник и уселся рядом с Сетом Сэмюелем в темноте ночи, опустившейся на Дарем. До нас доносились редкие звуки полицейских сирен и приглушенный шум из центра города.

— Мы любили здесь сидеть, — тихо пробормотал Сет. — Наоми и я.

— Как ты? — спросил я.

— Ха! Так плохо никогда в жизни не было. А ты?

— Хуже не бывает.

— После твоего звонка, — сказал Сет, — я думал о твоём предстоящем приходе, о разговоре, которого нам не миновать. Пытался поставить себя на твое место. Взглянуть на все с точки зрения полицейского детектива. Выбрось-ка ты из головы всякие подозрения, что я мог иметь какое-то отношение к исчезновению Наоми. Не трать время попусту.

Я посмотрел на Сета Сэмюеля. Он сидел, опустив голову на грудь. Даже в темноте я заметил, что в глазах у него поблескивают слезы. Его горе было неподдельно. Я хотел сказать ему, что мы ее обязательно разыщем и все будет хорошо, но сам не был в этом уверен.

Потом мы обнялись. Нам обоим не хватало Наоми, каждому по-своему, мы горевали вместе, сидя на темной крыше.

Глава 31

Приятель из ФБР наконец-то откликнулся на мои безответные звонки и позвонил вечером. Я в это время читал учебник «Диагностика и классификация умственных расстройств». Работа по воссозданию психологического портрета Казановы продвигалась очень медленно.

Я познакомился со спецагентом Кайлом Крейгом в период долгой трудной охоты за убийцей и похитителем Гэри Сонеджи. Кайл никогда никому не крутил мозги. В отличие от большинства агентов ФБР он не кичился своей принадлежностью к этому ведомству и не очень-то соответствовал принятым в Бюро стандартам. Иногда мне казалось, что он вообще не из ФБР. Слишком уж много в нем было человеческого.

— Спасибо, что наконец внял моим мольбам, старик, — сказал я в трубку. — Где сейчас вкалываешь?

Ответ Кайла застал меня врасплох.

— Я здесь, в Дареме, Алекс. А конкретнее, в вестибюле твоей гостиницы. Спускайся, пропустим стаканчик, другой, третий в знаменитом своей дурной репутацией баре «Булл-Дарем». Надо переговорить. У меня для тебя спецпослание с того света от самого Джона Эдгара. [\[13\]](#)

— Мигом спускаюсь. Интересно, чем решил заняться старина Гув после того, как сымитировал собственную смерть.

Кайл сидел за столиком на двоих, стоящим отдельно — в эркере. Окно выходило на университетскую лужайку для гольфа. Долговязый тип, похожий на школьника, в темноте учил студентку загонять мяч в лунку. Наставник пристроился за спиной ученицы и усердно демонстрировал движения, ведущие непосредственно к цели.

Кайл с явным интересом наблюдал за ходом тренировки. Я, в свою очередь, с интересом следил за Кайлом. Он обернулся, как будто учуял мое присутствие.

— Тебе везет на большие неприятности, парень, — вместо приветствия сказал он. — Мне очень жаль, что пропала твоя племянница. Все равно рад тебя видеть, несмотря на весьма прискорбные и дерьмовые обстоятельства.

Я уселся напротив агента, и мы начали трепаться о работе. Как обычно, он кипел оптимизмом и рубил сплеча, но при этом умудрялся не казаться наивным. Такой у него дар. Кое-кто полагает, что Кайл мог бы взобраться в Бюро на самый верх, отчего все бы только выиграли.

— Сначала в Дарем пожаловал досточтимый Рональд Бернс. Теперь ты. Чем объяснишь? — спросил я Кайла.

— Расскажи сначала, что у тебя, — ответил он. — А я постараюсь не остаться в долгу, насколько возможно.

— Я составляю психологические портреты убитых женщин, — сказал я Кайлу. — Так называемых отбракованных. В двух случаях отвергнутые им женщины были очень сильными личностями. Вероятно, доставили ему массу хлопот. Он мог пойти на убийство ради того, чтобы избавиться от них. Исключение составляет Бет Энн Райерсон. Мать семейства, здоровье не ахти. С ней мог случиться нервный срыв.

Кайл потер виски и покачал головой.

— Тебе до сих пор не предоставили никакой информации и никак не помогли. Но, бац!.. — Он улыбнулся. — Ты все равно на полкорпуса обогнал наших парней. Я ни от кого не слышал версии по поводу «отбракованных». Это очень ценно, Алекс, особенно если речь идет о весьма предусмотрительном психе.

— Он действительно чертовски предусмотрителен, Кайл. Причины, по которым он избавился от этих трех женщин, должны быть очень вескими. Теперь, надеюсь, ты расскажешь мне что-нибудь новенькое.

— Возможно, если пройдешь несколько предварительных тестов, так сказать. Что еще тебе удалось выяснить?

Я неодобрительно покосился на Кайла, медленно потягивая пиво.

— Знаешь, я думал, ты человек, а оказалось — обычная фэбээровская жопа.

— Меня запрограммировали в Куантико, — монотонно проговорил Кайл, ловко имитируя голосовой ретранслятор компьютера. — Ты составил психологический портрет Казановы?

— Работаю над ним. — Я рассказал ему то, что он и так уже знал. — Делаю, что могу, учитывая практически полное отсутствие информации.

Кайл молча постукивал по столу согнутыми пальцами правой руки. Ему подавай все без остатка, только тогда он, может быть, поделится со мной кое-чем.

— Это должен быть человек, способный легко раствориться в местной среде, — сказал я. — Никто до сих пор даже близко к нему не подобрался. Вероятно, он находится под влиянием навязчивых сексуальных фантазий, преследующих его с детства. Может быть, стал когда-то жертвой насилия или кровосмешительства. Он мог быть онанистом или насильником. Теперь собирает странную коллекцию из красивых женщин, отбирает самых необычных. Он исследует их. Кайл. Я в этом почти уверен. Он одинок. Возможно, ищет себе идеальную женщину.

Кайл мерно кивал, вперед — назад.

— Ты просто свихнулся, парень. Рассуждаешь, как он!

— Ничего смешного. — Я вцепился ему в щеку двумя пальцами. — А теперь говори то, чего я не знаю.

Кайл вырвался от меня.

— Я хочу предложить тебе сделку, Алекс. Сделку стоящую, так что не относись к ней скептически.

Я поднял руку, подзывая официантку:

— Счет! И сосчитайте нам по отдельности, пожалуйста!

— Нет-нет. Подожди. Это хорошая сделка, Алекс. Терпеть не могу слов «поверь мне», но поверь мне. Я просто не могу выложить сейчас все, чтобы доказать свою искренность. Скажу лишь, что дело существенно крупнее всех известных тебе до сих пор. Ты прав по поводу Бернса. Заместитель директора появился здесь не случайно.

— Я догадался, что Бернс прилетел не для того, чтобы любоваться азаниями. Так подкинь мне хоть один свежий факт! — чуть было не заорал я на весь тихий гостиничный бар.

— Больше не могу сказать ничего.

— Черт бы тебя побрал, Кайл, ты мне ни фиги не сказал. Что за сделку ты собираешься мне предложить? — все еще повышенным тоном спросил я.

Он поднял ладонь. Хотел, чтобы я успокоился.

— Слушай. Как ты знаешь или догадываешься, это дело — настоящий многоведомственный кошмар. Каша только-только

заварилась. Можешь мне поверить. Никто пока ни до чего не докопался, Алекс. Я хочу, чтобы ты над этим поразмыслил.

Я закатил глаза.

— Счастлив, что не вляпался в это.

— Это прекрасное предложение для человека в твоей ситуации. Поскольку ты оказался вне многоведомственной каши и, таким образом, не зависишь от них, почему бы тебе не продолжать действовать в том же ключе? Будешь держаться в сторонке и работать непосредственно со мной.

— Работать на Федеральное бюро? — Я поперхнулся пивом. — Стать пособником фэбээровцев?

— Я готов обеспечить тебе доступ к любой нашей информации, по мере ее поступления. Снабжу тебя всем, что у нас есть в смысле источников информации и аналитических результатов.

— И тебе не придется делиться с другими тем, что мне удастся раскопать? Ни с местной полицией, ни с полицией штата? — спросил я.

К Кайлу вернулась его обычная напористость.

— Послушай, Алекс, следствие ведется с размахом, денег не жалеют, но результатов никаких. Полицейских нагнали столько, что в глазах рябит, а женщины на Юге, в том числе и твоя племянница, продолжают исчезать прямо у нас из-под носа.

— Задачу понял. Кайл. Надо поразмыслить над решением. Дай мне немного времени.

Мы с Кайлом продолжали обсуждать предложение, и кое в чем мне удалось его прижать. Хотя, в общем и целом, я купился. Работа с Кайлом обеспечивала мне содействие первой классной группы поддержки, я мог рассчитывать на их помощь в любой момент. Мне больше не придется действовать в одиночку.

Мы заказали еще бургеров и пива, продолжили беседу и внесли последние штрихи в текст моего сговора с дьяволом. Впервые с момента появления на Юге я ощутил проблески надежды.

— Готов с тобой еще кое-чем поделиться, — сказал я в конце разговора. — Прошлой ночью он подкинул мне записку. Красиво оформленное, оригинальное поздравление с прибытием.

— Нам это известно. — Кайл осклабился, словно повзрослевший мальчишка-хулиган, каким и был по своей сути. — Речь идет о

почтовой открытке. На ней изображена одалиска, рабыня-наложница из гарема.

Глава 32

В номер я вернулся довольно поздно, но все равно позвонил домой, чтобы узнать, как там Нана и детишки. Я всегда звоню домой, когда уезжаю, дважды в день — утром и вечером. До сих пор ни разу не пропустил и сегодня не собирался.

— Ты слушаешься Нана, когда она просит тебя быть хорошей девочкой? — спросил я Дженни, услышав в трубке ее голосок.

— Я всегда хорошая девочка! — пропищала в ответ Дженни. Она любит со мной говорить. Это у нас взаимно. Удивительно, но за пять лет наша любовь друг к другу ничуть не ослабела.

Я прикрыл глаза и мысленно представил себе дочурку. Я видел, как она выпячивает маленькую грудку, глядит вызывающе, но при этом улыбается во весь рот, обнажив крошечные кривые зубки. Когда-то и Наоми была такой же славной малышкой. Я хорошо помню те времена. Я отогнал от себя возникший перед глазами образ Липучки.

— Ну а как старший брат? Деймон утверждает, будто он ведет себя замечательно. Говорит, что Нана называла тебя сегодня «наказанье мое». Это правда?

— Ну-у, папочка. Это Нана его так называла. Деймон наше настоящее «наказанье». А я у Нана всегда ангелочек. Ангельская девочка мамы Нана. Сам ее спроси.

— Ну-ну, приятно слышать, — сказал я своей хитрюге. — А разве ты, совсем чуть-чуть, не дернула Деймона за волосы, когда вы были в лавке Роя Роджерса сегодня?

— В лавке-дуравке! Он первый начал. Деймон сам мне чуть волосы не оторвал, и стала бы я лысая, как малышка Клэр.

Малышка Клэр — любимая кукла Дженни с двухлетнего возраста. Кукла была ее «дочкой», она ее боготворила. И нам приходилось с этим считаться. Однажды мы оставили малышку Клэр в магазине в Уильямсбурге во время путешествия за город, и нам пришлось возвращаться обратно. К счастью, Клэр ждала нас, сидя на прилавке у входа, и мило беседовала с охранником.

— Да как я могла Деймона за волосы дергать, когда он почти лысый, папуля? Нана постригла его на лето. Посмотришь на моего

лысого братика. Настоящий бильярдный шар!

Я услышал ее смех. Живо представил, как Дженни смеется, а за ней стоит Деймон и ждет, чтобы снова взять трубку. Не терпится поскорее внести коррективы по поводу новой прически.

Закончив с детьми, я поговорил с Нана.

— Как дела, Алекс? — С места в карьер, в своем обычном стиле. Она могла бы стать потрясающим детективом и вообще кем угодно, если бы только захотела. — Алекс, я спросила: как у тебя дела?

— Дела замечательно, лучше не придумаешь. Обожаю свою работу, — сказал я. — А как ты, старушка?

— Ни о чем не волнуйся. За этими детьми я могу присматривать даже во сне. Что-то мне не нравится твой голос. Мало спишь и работа не клеится, верно?

Боже, на что она бывает способна, когда захочет.

— Все идет не так хорошо, как бы мне хотелось, — сказал я ей. — Но совсем недавно произошло довольно приятное событие.

— Я поняла, — отозвалась Нана, — поэтому ты звонишь так поздно. Но хорошими новостями ты с родной бабушкой, конечно, поделиться не можешь. Опасаешься, что я сразу позвоню в «Вашингтон пост».

Подобные разговоры между нами бывали и раньше, когда я работал над другими делами. Ей всегда хочется быть в курсе, а я не могу удовлетворить ее любопытство.

— Я люблю тебя, — сказал я ей наконец. — На большее пока не рассчитывай.

— А я люблю тебя, Алекс Кросс. И ты на большее не рассчитывай.

Последнее слово всегда должно остаться за ней.

Закончив разговор с Нана и детьми, я улегся в темноте на неприбранную холодную гостиничную постель. Не хотел, чтобы горничные или кто там еще крутились в номере. Жаль только, что табличка «Прошу не беспокоить» не отпугивала ФБР.

Бутылка с пивом стояла у меня на груди. Я старался дышать ровнее, чтобы она не опрокинулась. Никогда не любил гостиничные номера, никогда, даже во время отпуска.

Снова принялся думать о Наоми. Когда она была такая же маленькая, как сейчас Дженни, любила взбираться мне на плечи,

чтобы видеть «далеко-далеко, дальше больших дядей и тетей».

В конце концов, я задумался о монстре, укравшем нашу Липучку. Пока он торжествовал победу. Казался неуязвимым, неуловимым: не совершил ни одной ошибки и не оставил улики. Очень уверен в себе... рискнул ради спортивного интереса подкинуть мне дерзкую открытку. Что бы это могло означать?

Наверное, он читал мою книгу о Гэри Сонеджи, решил я. Должен был ее читать. Может быть, он похитил Наоми в пику мне? Чтобы доказать свое превосходство?

Эта идея мне совсем не понравилась.

Глава 33

— Я жива, но в аду!

Кейт Мактирнан подтянула длинные сильные ноги к груди, ее бил озноб. Она понимала, что получила дозу наркотика. Сильная дрожь во всем теле и приступы тошноты мучили неотступно и не прекращались, несмотря на все ее усилия.

Она не знала, сколько времени проспала на холодном полу и который теперь час. Он следит за ней? Есть ли в стенах «глазок»? Кейт физически ощущала его взгляд на своем теле.

Она помнила все отвратительные и мерзкие подробности изнасилования. Эти воспоминания были живо ощутимы. Мысль о том, что он прикасался к ней, вызывала омерзение, в голове роились самые жуткие образы.

Гнев, стыд, негодование — эти чувства жгли, не давали покоя. Кровь стучала в висках.

— Пресвятая Дева Мария, Благодатная... Господи Всемогущий! — Она, наверное, позабыла все молитвы, но надеялась, что Бог о ней помнит.

Голова у Кейт кружилась. Он наверняка пытался сломить ее волю, сопротивление. Такой у него план?

Она должна думать, заставить себя мыслить. Очертания комнаты расплывались перед глазами. Наркотик! Кейт попыталась сообразить, каким именно он пользовался. Что это был за наркотик? Какого свойства?..

Может быть, форан, высокоэффективный препарат, расслабляющий мышцы? Применяется перед тем, как дать наркоз. Выпускается в пузырьках по сто миллилитров. Его можно выплеснуть жертве в лицо или пропитать им марлю, а потом приложить ее к лицу. Она пыталась припомнить, каковы последствия применения этого средства. Озноб и тошнота. Сухость во рту. Ослабление умственных способностей на день-два. Есть у нее такие симптомы? Все разом!

Он врач! Эта мысль ударила молнией, и в ней был заложен глубокий смысл. Тогда все вставало на свои места. Кто еще может иметь доступ к таким средствам, как форан?

На занятиях по каратэ в Чепел-Хилле учили самодисциплине, умению управлять собой. Нужно было сесть лицом к голой стене и не двигаться, как бы этого ни хотелось или казалось, что хочется.

Кейт взмокла от пота, но настроена была решительно. Она не позволит ему сломить ее волю. Она может быть невероятно сильной, когда надо. Именно благодаря этому качеству ей удалось получить медицинское образование, не имея средств и невзирая на все трудности.

Она просидела в своей «камере» в позе «лотоса» целый час. Старалась дышать ровно и отгонять мысли о боли, тошноте и насилии. Она должна сосредоточиться на том, что следует делать дальше.

Вариант прост и однозначен.

Побег.

Глава 34

После часовой медитации Кейт медленно поднялась на ноги. Она все еще была очень слаба, но в целом чувствовала себя чуть лучше, более дееспособной. Она решила поискать «глазок». Он должен быть где-то здесь, в дощатых стенах.

Комната имела площадь двенадцать на пятнадцать футов. Кейт несколько раз промерила. В маленьком алькове размером с платяной шкаф — нечто похожее на туалет.

Кейт тщательно осмотрела все стены, но ничего не обнаружила. Отхожее место опорожнялось, видимо, прямо в землю. Никакой водопроводной или канализационной системы, во всяком случае в этой части здания. «Куда я попала? Где я?»

Глаза заслезились от острого запаха хлорки, когда она наклонилась над черным деревянным сиденьем уборной и заглянула в темное отверстие. Она умела справляться с тяжелыми запахами и на этот раз обошлась одним-единственным рвотным позывом.

Отверстие опускалось на первый взгляд футов на девять — двенадцать. «Опускалось куда?» — подумала Кейт.

Оно было очень узким, и она едва ли смогла бы пролезть туда, даже сняв всю одежду. А вдруг сможет? Никогда не говори «никогда».

Она услышала его голос прямо у себя за спиной. Сердце у нее екнуло, и она испугалась, что упадет в обморок.

Вот он! Снова без рубашки. Мускулы бугрятся по всему торсу, в особенности на животе и бедрах. На лице другая маска. Очень злобная. На блестящем черном фоне малиновые и белые разводы. Он сегодня разозлен? Соответствуют ли маски его настроению?

— Не самая удачная мысль пришла тебе в голову, Кейт. Такое пытались сделать девушки и потоньше тебя, — насмешливо произнес он. — Я не полезу туда, чтобы помочь тебе выбраться. Очень дерьмово умереть в таком месте. Подумай об этом.

Кейт с трудом выпрямилась и снова согнулась в приступах рвоты. Она старалась это делать как можно убедительнее.

— Меня тошнит, думала, вырвет, — сказала она Казанове.

— Не сомневаюсь, что тебе плохо. Пройдет. Но не по этой причине ты сидела в уборной. Скажи правду и изгони дьявола.

— Что тебе от меня надо? — спросила Кейт. Как-то необычно сегодня звучит его голос... а может быть, от наркотика у нее нарушился слух. Она разглядывала маску, которая как будто делала его другим человеком. Мерзавцем иного порядка. Раздвоение личности?

— Хочу любить тебя. Хочу снова заняться с тобой любовью. Хочу, чтобы ты постаралась быть красивой для меня. Надень какое-нибудь платье от Неймана Марка. Тонкие чулки, туфли на каблуках.

Кейт похолодела от страха и отвращения, но сумела не выдать себя. Нужно что-нибудь сделать, сказать такое, что заставит его уйти.

— У меня сейчас нет настроения, милый, — выпалила Кейт. — Не чувствую желания одеваться. — Она не смогла скрыть насмешливого тона. — Голова болит. Какая сегодня погода, кстати? Я еще не выходила из дома.

Он рассмеялся. Смех почти нормальный, человеческий, даже приятный, хотя раздается из-под мерзкой маски.

— Небо голубое, солнце светит, — сообщил он. — Градусов двадцать пять. Один из лучших дней в году.

Внезапно схватив за руку, он поднял ее на ноги. Так сильно дернул, как будто хотел оторвать руку. Кейт вскрикнула от резкой боли, пронзившей плечо и отдавшей в голове.

В гневе, в отчаянии Кейт бросилась на него и потянула за маску.

— Идиотка! — крикнул он ей в лицо. — А ведь ты не дура!

Увидев в его руке электрошоковый пистолет, Кейт поняла, что совершила ошибку. Он нацелил дуло пистолета ей в грудь и выстрелил.

Она пыталась устоять, заставляла себя, но тело отказывалось повиноваться, и она рухнула на пол.

Он совсем взбесился. В немом ужасе она смотрела, как он поднимает ногу в ботинке, размахивается и бьет ее. Еще и еще. зуб выпал изо рта и медленно покатился по деревянному полу.

Она замороженно смотрела на этот катящийся зуб, пока наконец не поняла, что он ее собственный. Кейт почувствовала привкус крови на распухших губах. В голове стоял невыносимый гул, и она поняла, что теряет сознание, но пыталась удержать в памяти то, что успела заметить под маской.

Казанова знал, что она видела часть его лица. Гладкую розовую щеку: ни бороды, ни усов. И левый глаз — синий.

Глава 35

Дрожа всем телом, Наоми Кросс прижималась к запертой двери своей комнаты. Где-то в глубине дома ужасов кричала женщина.

Крики приглушались стенами и системой звукоизоляции, но все равно было очень страшно. Наоми вдруг поняла, что кусает собственную руку. Изо всех сил вцепилась зубами. Она была уверена, что он в этот момент кого-то убивает. И не впервые.

Крики оборвались.

Наоми прижалась к двери еще крепче, силясь расслышать что-нибудь.

— Нет-нет, пожалуйста, — шептала она. — Пусть она будет жива.

Долгое время Наоми прислушивалась к наэлектризованной тишине. В конце концов она все-таки отошла от двери. Чем она могла помочь несчастной женщине? Никто ничем не мог ей помочь.

Наоми знала, что она должна быть очень послушной. Если нарушит хоть одно из его правил, он изобьет ее. Она не должна этого допустить.

Он, казалось, знал о ней все. Какой одежде она отдавала предпочтение, размеры ее нижнего белья, любимые цвета, даже какие тени для век она чаще всего использовала. Он знал об Алексе, Сете Сэмюеле и даже о ее подруге Мэри Эллиен Клаук. «Высокая симпатичная белокурая штучка», называл он ее. Штучка!

Казанова был совершенно ненормальный. Любил разыгрывать какие-то невероятные психологические спектакли. Заводил с ней беседы о всяких непристойностях: чудовищных проявлениях садизма и мазохизма, о гинекокрации, ^[14]об изощренных истязаниях с помощью клизмы. И говорил обо всем этом так спокойно, иногда выражался даже поэтично. Поэзия безумия. Начитан, вероятно, хорошо образован.

— Ты достаточно умна, чтобы понять, о чей я толкую, — сказал он как-то Наоми во время одного из своих визитов. — Поэтому я тебя к выбрал, дорогуша.

Наоми вздрогнула, снова услышав крики. Она подбежала к двери и прижалась щекой к холодному дереву. «Это та же женщина или он

еще кого-то убивает?» — думала она.

— Помогите кто-нибудь! — услышала Наоми. Женщина кричала очень громко. Она нарушала правила дома. — Помогите! Меня здесь заперли! Помогите кто-нибудь... меня зовут Кейт... Кейт Мактирнан... Помогите!

Наоми закрыла глаза. Очень плохо. Женщина должна замолчать. Но призывы о помощи повторялись снова и снова, а это означало, что Казановы нет дома. Вероятно, ушел.

— Прошу вас, помогите мне. Меня зовут Кейт Мактирнан. Я медик из клиники университета Северной Каролины.

Женщина не переставала звать на помощь. Пять раз, десять, двадцать. Но не в страхе, начала постепенно понимать Наоми, а в ярости!

Его не должно быть на месте, решила она. Он не позволил бы ей так долго кричать. И тогда Наоми собрала всю свою храбрость и крикнула что было сил:

— Перестань! Прекрати звать на помощь! Он убьет тебя! Заткнись! Больше я тебе ничего не скажу!

Наступила тишина... благословенная. Наоми казалось, что она кожей ощущает сгустившееся напряжение. Чувствует всеми порами.

Кейт Мактирнан молчала недолго.

— Как тебя зовут? Сколько времени ты здесь находишься? Пожалуйста, поговори со мной... Эй, слышишь? — кричала она.

Наоми не станет отвечать. Она что, не в себе, эта женщина? С ума, что ли, сошла после побоев?

А Кейт Мактирнан продолжала кричать:

— Послушай, мы можем помочь друг другу. Я в этом уверена. Ты знаешь, где находишься?

Женщина, конечно, отважная... но ведет себя очень глупо. Голос у нее сильный, но уже охрип. Кейт.

— Пожалуйста, поговори со мной. Его здесь нет, иначе явился бы уже со своим пистолетом. Тебе это хорошо известно. Он не узнает, если ты со мной поговоришь. Пожалуйста... я хочу снова услышать твой голос. Пожалуйста, всего две минуты. Обещаю, только две минуты. Даже одну.

Но Наоми не хотела ей отвечать. Он вполне мог уже вернуться. Сидит сейчас в доме и слушает их. А может быть, даже наблюдает

сквозь стены.

И снова послышался голос Кейт Мактирнан:

— Ладно, я согласна на тридцать секунд. И все. Договорились? Обещаю, что сразу замолчу, а иначе стану кричать, пока он и в самом деле не вернется...

«О Господи, прошу тебя, заставь ее замолчать, молила в душе Наоми. — Заставь немедленно».

— Он убьет меня, — кричала Кейт. — Но он все равно это сделает! Я видела часть его лица. Откуда ты? Как давно ты здесь?

Наоми казалось, что она сейчас задохнется. Ее душил страх, но она стояла у двери и слышала каждое слово этой женщины. Ей нестерпимо хотелось поговорить с ней.

— Он, наверное, использует препарат под названием форан. Его применяют в больницах. Он, видимо, врач. Пожалуйста. Чего вам бояться... кроме пыток и смерти?

Наоми улыбнулась. Лихая девица эта Кейт Мактирнан. И с чувством юмора. Даже просто слушать голос другого человека было невероятным удовольствием.

— Меня зовут Наоми Кросс, — само собой вырвалось у нее. — Я думаю, что нахожусь здесь дней восемь. Он прячется в доме и все время наблюдает. Наверное, даже не спит. Он изнасиловал меня, — произнесла она отчетливо. Впервые за все время она произнесла эти слова вслух. «Он изнасиловал меня».

Кейт сразу откликнулась:

— Меня тоже, Наоми. Я понимаю, что ты чувствуешь. Ужасно, отвратительно... словно вся измарана. Как приятно слышать твой голос. Мне теперь не так одиноко.

— Мне тоже, Кейт, а теперь все, хватит.

Внизу, в своей комнате, Кейт ощутила страшную усталость. Она устала, но у нее появилась надежда. Она стояла, привалившись к стене, и вдруг услышала голоса, несколько голосов.

— Меня зовут Мария Джейн Капальди. Кажется, я здесь около месяца.

— Меня зовут Кристин Майлз. Привет.

— Я Мелисса Стэнфилд. Учусь на курсах медсестер. Я здесь девять недель.

— Криста Акерс, студентка университета Северной Каролины.
Два месяца в этом аду. Их было как минимум шестеро.

Часть вторая
Игра в прятки

Глава 36

Бет Либерман, журналистка из «Лос-Анджелес Таймс» двадцати одного года от роду, смотрела на маленькие зеленые дрожащие буквы на экране компьютера. Покрасневшими от усталости глазами она следила, как компьютер выдает один из самых сенсационных материалов, когда-либо публиковавшихся в «Таймс». Эта статья должна была стать решающей для ее карьеры, но ее это уже почти не трогало.

— Какое безумие и как от этого тошнит... ступни. Господи! — Бет Либерман тихо застонала. — Ступни!

Шестая глава «дневника» пришла от Джентльмена-Ловеласа в ее квартиру на западе Лос-Анджелеса рано утром. Как и в случае с предыдущими главами, убийца сначала сообщал о точном местонахождении трупа убитой и только затем пускался в подробные психопатические рассуждения.

Бет Либерман немедленно позвонила из дома в ФБР, а затем поехала в редакцию «Таймс» на улицу Саут-Спринг. К тому времени, когда она приехала, ФБР уже подтвердило факт последнего убийства.

Джентльмен оставил свою визитную карточку: свежие цветы.

Тело четырнадцатилетней японки обнаружили в Пасадене. Как и все предыдущие пять женщин, Санни Озава бесследно исчезла двое суток назад. Как будто растворилась в удушливом сыром смоге.

На сегодняшний день Санни Озава была самой юной жертвой Джентльмена. Он возложил ей на живот розовые и белые пионы. «Цветы, конечно, напоминают мне женские нижние губы, — писал он в одной из глав своего дневника. — Изоморфизм очевиден, не так ли?»

Без четверти семь утра редакция «Таймс» удручала своей пустынностью. «Кто может быть здесь в такую рань, кроме каких-нибудь свихнувшихся трудоголиков, но эти еще и не ложились», — думала Либерман. Тихое жужжание центрального кондиционера и отдаленный гул дорожного движения раздражали ее.

— Почему ступни? — бормотала журналистка.

В состоянии прострации она села у компьютера, сожалея о том, что когда-то умудрилась написать статью о калифорнийской тайной

службе «Порнография почтой». Именно так, по словам Джентльмена, он на нее вышел, поэтому решил сделать ее «своим агентом по связи с жителями Города ангелов». [15] Он пришел к выводу, что его дневники «созвучны» ее статьям.

После многочисленных заседаний и совещаний на высшем уровне редколлегия «Лос-Анджелес Таймс» решила начать публикацию дневника убийцы. Никто не сомневался, что написан он был действительно Джентльменом-Ловеласом.

Ему прежде полиции было известно, где находятся тела убитых. Он даже грозил «спецубийствами» в случае, если его дневник не будет опубликован и если любой и каждый в Лос-Анджелесе не сможет за завтраком им насладиться. «Я последний и пока самый выдающийся», — писал он в одной из глав. «Кто станет с этим спорить?» — думала Бет.

Обязанности Бет Либерман состояли в том, чтобы находиться с ним на связи, а также редактировать его излияния. Не было никакой возможности оставлять неуправленными красочно-натуралистические строки дневника. Они были переполнены самой низкопробной порнографией и подробными описаниями зверских убийств, совершенных автором.

В ушах у Либерман как будто живьем звучал голос безумца, когда она печатала на компьютере его последнее послание. Джентльмен-Ловелас снова разговаривал с ней или посредством ее.

«Позвольте рассказать о Санни то, что мне о ней известно. Слушай меня, любезный читатель. Побудь там вместе со мной. У нее были маленькие, трогательные, выразительные ступни. Это больше всего врезалось мне в память, из той прекрасной ночи, проведенной с Санни, я навсегда запомню именно это».

Бет Либерман закрыла глаза. Она не желала слушать все эти гадости. Ясно одно: Джентльмен принес Бет Либерман первую удачу в «Таймс». Она стала автором самых сенсационных материалов на первой полосе газеты. Убийца и ее вывел в «звезды».

«Послушай меня. Побудь там со мной.

Подумай, какие удивительные возможности для освобождения духа предоставляет нам фетишизм. Умерь гордыню. Распахни свой разум, сделай это теперь же!

Фетишизм способен таить в себе поразительное многообразие наслаждений, о которых ты даже не подозреваешь.

Давай не будем чересчур убиваться по юной Санни. Санни Озава была участницей ночных игр. Она рассказала мне об этом, по секрету, конечно. Я подобрал ее у бара „Обезьянка“. Мы отправились с ней ко мне домой, в мое убежище, и там экспериментировали, играли, гнали прочь ночную скуку.

Она спросила меня, встречался ли я когда-нибудь с японками. Я ответил, что никогда, но всегда страстно желал этого. Санни сказала мне, что я „истинный джентльмен“. Я был польщен.

Той ночью мне казалось самой большой вольностью, распутством сосредоточиться на женских ступнях и, занимаясь любовью с Санни, гладить и ласкать их. Это были смуглые ступни, обтянутые восхитительным нейлоном и обутые в неподражаемые туфельки на высоком каблучке от Сакса. Маленькие, изящные, они способны передать самые утонченные чувства.

Следует заметить, что для того, чтобы полностью насладиться эротической пантомимой, разыгрываемой прекрасными женскими ступнями, нужно, чтобы женщина лежала на спине, а мужчина стоял. Так и поступили мы с Санни той ночью. Я поднял ее стройные ноги и принялся внимательно разглядывать то место, где эти ножки сходились, и где из-под ягодиц виднелась вспухшая от возбуждения вульва. Я покрывал бесконечными поцелуями ее чулочки. Я любовался безупречной формой лодыжки, прекрасными очертаниями подъема, ведущего к черной лакированной туфельке.

Я сосредоточил все внимание на этой кокетливой туфельке, в то время как наш горячий акт привел ее ступню в стремительное движение. Маленькая ножка разговаривала со мной. Безумное волнение рождалось в моей груди, мне казалось, будто там порхают и щебечут птицы».

Бет Либерман прекратила печатать и снова закрыла глаза. Спокойно. Надо разогнать образы, накинувшиеся на нее. Он убил девочку, которую с таким восторгом живописал.

Скоро сюда, в сравнительно тихую и безмятежную редакцию «Таймс», ворвется шумная толпа агентов ФБР и полицейских лос-анджелесского управления. Из них как из рога изобилия посыпятся обычные в таких случаях вопросы, на которые они и сами пока не в состоянии ответить, не переставая твердить, что Джентльмен совершает «безупречные убийства».

Фэбээровцы заведут бесконечные разговоры о жутких подробностях, обнаруженных на месте преступления. Ступни! Джентльмен отрезал ступни Санни Озавы острым как лезвие бритвы ножом. Обе ступни исчезли с места преступления в Пасадене.

Жестокость была его фирменным знаком, и на этом пока кончались все улики. Единственная отличительная черта. В некоторых прежних случаях он вырезал гениталии. Одну жертву изнасиловал в задний проход, а затем выжег на ней клеймо. У другой женщины, сотрудницы банка, вспорол грудь и вырвал сердце. Экспериментировал. Отобрав жертву, он переставал быть джентльменом. Он становился Джекилом и Хайлом 1990-х годов.

Бет Либерман открыла глаза и увидела высокого стройного мужчину, стоявшего рядом с ней в комнате информационного отдела. Она шумно вздохнула и постаралась скрыть недовольство.

Это был Кайл Крейг, следователь по особо важным делам из ФБР.

Кайлу Крейгу было известно то, что отчаянно хотелось знать Бет, но он не станет с ней откровенничать. Он знал, почему заместитель директора ФБР прилетел на прошлой неделе в Лос-Анджелес, а ей так не терпелось это узнать.

— Здравствуйте, мисс Либерман. Чем порадуете? — спросил он.

Глава 37

Тик-трах, тик-трах.

Вот как он охотился на женщин. Вот как это время от времени происходило. Никакой опасности лично для него. Он был своим везде, где бы ни решил поохотиться. Любые осложнения, какие бы то ни было ошибки исключались. У него была страсть к порядку, и более того, к безупречному порядку.

Тем вечером он терпеливо выжидал в многолюдном пассаже дорогих модных магазинов в Роли, Северная Каролина. Он разглядывал красивых женщин, входивших и выходящих из магазина «Тайна Виктории», расположенного в длинной, отделанной мрамором галерее. Большинство из женщин были хорошо одеты. Рядом с ним на мраморной скамье лежали номера «Тайм», «Ю-Эс-Эй тудей». Газетные шапки гласили: «Джентльмен находит в Лос-Анджелесе шестую жертву».

Он раздумывал над тем, что Джентльмен совсем распоясался в южной Калифорнии. Оставляет себе отвратительные сувениры, похищает по две женщины в неделю, играет в какие-то идиотские психологические игры с «Лос-Анджелес Таймс», местным полицейским управлением и ФБР. Того и гляди его сцапают.

Взгляд его синих глаз снова вернулся к многолюдному торговому центру. Он был красивым мужчиной, как и его прототип, истинный Казанова. Природа одарила авантюриста восемнадцатого века красотой, чувственностью и непреодолимым влечением к женщинам и теперь повторила свой эксперимент на нем.

Так куда же запропастилась прекрасная Анна? Наверняка забежала в «Тайну Виктории», чтобы купить какую-нибудь очередную шмотку своему другу. Анна Миллер и Крис Чэпин вместе учились на юридическом факультете в университете Северной Каролины. Теперь Крис работал в юридической фирме. Они любили меняться одеждой. Это их сексуально возбуждало. Он все о них знал.

Вот уже две недели, как он повсюду ходит за Анной. Поразительно красивая, темноволосая, двадцатитрехлетняя, она хоть и уступала в красоте Кейт Мактирнан, но не слишком.

Наконец Анна вышла из «Тайны Виктории» и направилась прямо в его сторону. Стук высоких каблучков следовал за ней неотразимым шлейфом высокомерности. Она знала, что красива, и это главное ее достоинство. Непокколебимая уверенность в себе — черта, присущая и ему самому.

С какой очаровательной самоуверенностью она вышагивает своими прелестными длинными ногами. Фигура безукоризненно стройная. Ноги обтянуты черными чулками, высокие каблуки — она секретарша юридической конторы в Роли, работает на полставки. Совершенной формы грудь так и напрашивалась на ласку. Под тесной полотняной юбкой обозначивались полоски трусиков. Отчего она держится так вызывающе? Оттого, что такая и есть.

Похоже, что неглупа. Способная, во всяком случае. Едва не попала в «Юридический обзор». Приветливая, веселая, общительная. Душа компании. Любовник называет ее Анна-Банана.

Казанове нравилась славная ребяческая интимность прозвища. Ему оставалось только взять эту женщину. Как все просто.

Неожиданно в поле его зрения появилась еще одна привлекательная женщина. Она улыбнулась ему, и он ответил улыбкой. Он встал, потянулся, размяв слегка затекшие члены, и направился ей навстречу. Она обеими руками держала целую башню из пакетов и сумок.

— Привет, красавица, — сказал он, подойдя ближе. — Давай-ка мне половину. Разделю твой тяжелый груз, любимая.

— Спасибо, красавец. Дорогой и любимый, — ответила женщина. — Мой самый дорогой и самый любимый. Неотразим и галантен, как всегда.

Казанова чмокнул жену в щеку и забрал у нее пакеты. Это была элегантная, уверенная в себе женщина. Одета она была в джинсы, свободного покроя сорочку и коричневый твидовый пиджак. Одежда хорошо на ней сидела. Эффектная женщина во многих отношениях. Он долго и внимательно приглядывался к ней, прежде чем жениться.

Забирая у жены покупки, он внезапно и с радостью подумал: «Им никогда не поймать меня. Не сообразят даже, откуда начинать поиски. Не смогут заглянуть под маску, превосходную, непревзойденную маску благопристойности. Я вне подозрений».

— Я заметила, как ты провожал взглядом юную кобылку. Красивые ножки. — Жена понимающе улыбнулась и подмигнула. — Но учти, я терпелива, пока ты на них только смотришь.

— Ты меня застукала, — сказал жене Казанова. — Но ее ноги ни в какое сравнение не идут с твоими.

Он улыбнулся, как всегда, широко и обольстительно. Но даже в этот момент имя вспыхнуло в сознании. Анна Миллер. Он должен ею обладать.

Глава 38

Сказать, что это было тяжело, значит не сказать ничего.

Вваливаясь в собственный дом в Вашингтоне, я напялил на рожу счастливую и безмятежную улыбку. Отдохнуть хотя бы денек было просто необходимо. А самое главное — я обещал встретиться с членами своего семейства и сообщить, как продвигаются поиски Наоми. И еще я скучал по детям и Нана. Ощущение было такое, как будто с войны вернулся.

Я не смел допустить, чтобы дети и Нана поняли, как я беспокоюсь о Липучке.

— Пока не везет, — сообщил я Нана и чмокнул ее в щеку. — Но потихоньку все же продвигаемся. — Я отошел от нее подальше, чтобы не дать возможности присмотреться ко мне как следует.

Оказавшись в гостиной, я сыграл самую коронную свою роль — папочка вернулся с работы.

Роль заключалась в том, чтобы пропеть во весь голос: «Папа дома, папа дома». Причем на свою собственную мелодию, а не на ту, знаменитую, в исполнении группы «Шеп энд Лаймлайтс». Дженни и Деймон бросились ко мне на шею.

— Деймон, ты вырос, окреп и стал красив, как марокканский принц, — сказал я сыну. — Дженни, ты выросла, повзрослела и расцвела, как принцесса! — объявил я дочери.

— Ты тоже, папочка! — Мои малыши тут же подхватили мое нежное воркование.

Я и бабушку хотел было прихватить в объятия для компании, но мама Нана со строгим видом скрестила пальцы — чур, мол, тебя! Наш семейный знак.

— Отстань от меня, Алекс, — проворчала она с притворной суровостью, но при этом не в силах сдержать улыбки.

Все это неплохо у нее получалось.

— Десятилетняя практика, — любит приговаривать она, на что я всегда возражаю:

— Вековая.

Я еще раз сочно расцеловал Нана, а потом немного потискал детишек. Подержал их на вытянутых руках, как держат мячи высоченные баскетболисты, будто мячи эти не что иное, как продолжение рук.

— Как себя вели маленькие разбойники? — начал я допрос своих милых неисправимых шалунов. — Комнаты убирали? Бабушке по дому помогали? Брюссельскую капусту ели?

— Да, папа! — крикнули они хором.

— Мы были золото, а не дети, — добавила Дженни для пущей убедительности.

— Обманываете, наверное? Неужели капусту ели? И спаржу? Неужели вы так гадко обманываете своего папочку? Я звонил вчера в половине одиннадцатого вечера, а вы все еще не спали. А говорите, что золотые. Ай-ай-ай.

— Нана позволила нам посмотреть баскетбольный матч! — Деймон залился радостным смехом, не в силах больше сохранять серьезный вид. Этот юный разбойник способен разом разогнать все мои тревоги. Здорово умеет рожицы строить — очень похоже всех передразнивает и изобразит все что угодно. В этом смысле его чувство юмора не уступает популярной телепрограмме «В живом цвете».

В конце концов я все же полез в свою дорожную сумку за подарками.

— Ну, что ж, в таком случае я привез всям кое-что из командировки с Юга. Слышали, как я сказал: «всям»? Так говорят в Северной Каролине вместо «вам всем».

— Всям! — с восторгом повторила Дженни, безудержно расхохоталась и тут же изобразила танцевальное па. Она похожа на симпатягу щенка, которого на весь день запирают в доме. Только переступишь порог, и она тут как тут, ластится, липнет, словно липучка для мух. Такой же в детстве была Наоми.

Я достал из сумки чемпионские майки баскетбольной команды университета Дьюк. Одинаковые для Деймона и Дженни. В этом вся штука, чтобы одинаковые были. Одного фасона, одного цвета. Так будет еще пару лет, а потом застрели их, чтобы напялили что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее шмотку другого.

— Спасибо всям, — выпалили они один за другим. Я чувствовал исходящие от них флюиды любви — как замечательно быть дома. Хоть

на выходные, хоть как угодно. Несколько часов душевного покоя и равновесия. Я повернулся к Нана.

— Ты, вероятно, решила, что я и думать о тебе забыл.

— Тебе никогда обо мне не забыть, Алекс. — Она, прищурившись, внимательно смотрела на меня.

— В точку попала, старуха, — усмехнулся я.

— А как же. — Последнее слово непременно должно остаться за ней.

Я достал из своего брезентового мешка чудес и сюрпризов сверток в красочной обертке. Нана развернула бумагу, там был замечательный ручной вязки свитер. Мне самому их не доводилось видеть. Их вязали в Хиллсборо, Северная Каролина, восьмидесяти и девяностолетние старухи, которые по-прежнему вынуждены зарабатывать на кусок хлеба.

На этот раз даже мама Нана не нашла слов. Никаких мудрых комментариев не последовало. Я помог ей надеть этот свитер, и она весь день в нем проходила. Вид у нее был гордый и довольный, свитер оказался ей к лицу, и я радовался, глядя на нее.

— Это самый прекрасный подарок, — сказала она наконец с внезапной хрипотцой. — Если не считать, что ты сам приехал, Алекс. Знаю, ты, по всему видно, парень лихой, но я все равно беспокоилась, как ты там, в Северной Каролине.

Мама Нана понимала, что о Липучке спрашивать пока не стоит. Понимала она также, что означает мое молчание.

Глава 39

Ранним вечером в моем доме на Пятой улице набилось никак не меньше трех десятков ближайших друзей и родственников. Темой обсуждения было, конечно, расследование в Северной Каролине. Вполне естественно, они понимали, что я бы поделился с ними хорошими новостями, если бы таковые имелись. Единственное, что мне оставалось, — это вселять в них надежду, хотя поводов для нее особых не было.

Слегка перегрузившись импортным пивом и непрожаренными бифштексами, мы с Сэмпсоном наконец выползли на заднее крыльцо. Сэмпсону не терпелось меня выслушать, а мне потолковать как профессионал с профессионалом со своим другом и напарником.

Я поведал ему обо всем, что произошло в Северной Каролине на данный момент. Он понимал все трудности этого следствия и розыскной работы. Ему уже приходилось вместе со мной участвовать в делах, когда улики кот наплакал.

— Поначалу они меня на дух не принимали. Слова не давали вставить. Потом чуть рассосалось, — рассказывал я. — Следователи Раскин и Сайкс держат ухо востро и меня информируют. Во всяком случае, Раскин. Время от времени даже пытается помочь. Кайл Крейг тоже подключился к этому делу. Но ФБР по-прежнему не желает делиться со мной своими секретами.

— Какие предположения, Алекс? — поинтересовался Сэмпсон. Он все время внимательно слушал, изредка вставляя словечко-другое.

— Может быть, одна из похищенных женщин связана с какой-то важной особой. Может быть, число жертв гораздо больше, чем сообщают. А возможно, сам убийца имеет влиятельного заступника.

— Тебе не стоит туда возвращаться, Алекс, — сказал Сэмпсон, выслушав все до конца. — Похоже, у них профессионалов и без тебя пруд пруди. Не стоит ввязываться, пахнет кровной мстью.

— Уже ввязался, — сказал я. — Мне кажется, Казанова вне себя от счастья, что ставит нас в тупик своими безупречными преступлениями. Мне кажется, он наслаждается тем, что и я в тупике и

растерян. Что-то тут еще кроется, но что именно, пока не пойму. Думаю, он сейчас в раж вошел.

— М-м-м, хм-м-м. Похоже, ты сам в раж вошел. Брось его к чертям собачьим, Алекс. Перестань играть с этим тронутым развратником в этакого Шерлока Холмса.

Я ничего на это не ответил. Только головой покачал, моей несчастной, распухшей от забот и мыслей головой.

— А если ты его не сцапаешь? — спросил Сэмпсон. — Если не сможешь эту загадку разгадать? Об этом тоже надо подумать, Рафинад.

На такой вариант я предпочитал не рассчитывать.

Глава 40

Когда Кейт Мактирнан проснулась, она сразу поняла: с ней творится что-то ужасное, ее жуткое состояние стало еще хуже.

Она не знала, который час, который день недели и где она находится. Перед глазами плыл туман, сердце учащенно билось. Все жизненно важные органы, казалось, вышли из строя.

Очнувшись, она в течение нескольких минут переходила от полной прострации к глубокой депрессии и затем к панике. Чем же он напичкал ее? Какие медикаменты способны привести к подобным результатам? Если она сможет решить эту загадку, значит, еще находится в здравом уме, во всяком случае, сохранила способность к логическому взвешенному мышлению.

«Может быть, он накормил меня клонопином?» — думала Кейт.

По иронии судьбы клонопин обычно выписывали как успокоительное средство больным с повышенной возбудимостью. Но если сразу дать миллиграммов, скажем, пять — десять, результат может быть примерно такой, как в ее случае.

А может быть, он применяет маринол? Капсулы маринола дают против тошноты во время сеансов химиотерапии. Кейт знала, что маринол способен творить чудеса! Если бы он давал ей по, предположим, двести миллиграммов в день, она бы билась головой о стены. Сухость во рту. Потеря ориентации. Периоды маниакальной депрессии. Доза от полутора до двух тысяч миллиграммов — смертельна.

Этими убийственными препаратами он решил сорвать ее план побега. В таком состоянии она не в силах с ним бороться. Все навыки каратэ коту под хвост. Казанова это учел.

— Ах ты, ублюдок, — сказала вслух Кейт. Она почти никогда не ругалась. — Хрен собачий, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Она не хочет умирать. Ей всего тридцать один. Она получила наконец медицинское образование и надеялась стать хорошим врачом. «Ну почему я? Это несправедливо. Этот человек, этот жуткий маньяк собирается убить меня ни за что!»

По спине вдоль позвоночника бегали мурашки ледяного озноба. Кейт казалось, что ее вот-вот вырвет или она потеряет сознание. «Ортостатическая гипотензия», — думала она. Медицинский термин, обозначающий обморок, когда человек резко встает с кровати или стула.

Она не может от него защититься! Он хочет лишить ее сил, и ему это явно удалось. Эта мысль расстроила ее больше всех остальных, и Кейт заплакала, а слезы разозлили еще больше.

«Не хочу умирать. Не желаю умирать. Как мне избежать смерти? Как остановить Казанову?»

В доме снова наступило полное безмолвие. Она решила, что его нет. Ей отчаянно хотелось поговорить с кем-нибудь. С другой пленницей. Надо заставить себя снова попытаться.

Но он мог прятаться. Выждать. Наблюдать за ней в этот момент.

— Эй, кто-нибудь, — крикнула Кейт и не узнала собственного хриплого голоса. — Это Кейт Мактирнан. Прошу вас, послушайте. Он напичкал меня лекарствами. Наверное, скоро убьет. Говорил, что собирается. Я очень боюсь... Я не хочу умирать.

Кейт снова слово в слово повторила свое послание.

Повторила еще раз.

Тишина. Ни звука в ответ. Другие женщины тоже боялись. Словно окаменели. И правильно делали, конечно. А потом откуда-то сверху донесся голос. Голос ангела.

Сердце Кейт екнуло. Она узнала этот голос. Она внимательно вслушивалась в каждое слово своей отважной подруги.

— Это Наоми. Может быть, мы как-нибудь поможем друг другу. Он часто собирает нас вместе, Кейт. Ты пока на испытании. Он всех сначала держал на первом этаже. Прошу тебя, не борись с ним! Больше разговаривать нельзя. Слишком опасно. Ты не умрешь, Кейт.

Потом отозвалась другая женщина:

— Держись, Кейт. Не падай духом. Ради нас всех. Но не лезь на рожон.

А потом голоса смолкли, и в комнате снова стало совсем тихо и очень одиноко.

Снадобье, которым он накормил ее, теперь действовало в полную силу. Кейт Мактирнан стало казаться, что она сходит с ума.

Глава 41

Казанова собирается убить ее! Да, и случится это скоро.

В пугающей тишине и одиночестве Кейт почувствовала непреодолимое желание молиться, разговаривать с Богом. Бог и здесь услышит ее, в этом страшном вместилище греха, в этой преисподней.

«Прости, что я недостаточно верила в Твое могущество последние годы. Не знаю, атеистка ли я, но, по крайней мере, честна перед Тобой. У меня неплохое чувство юмора. Даже в тех случаях, когда юмор совсем не к месту.

Я знаю, что не пристало вступать с Тобой в торг, но если Ты поможешь мне выбраться отсюда, я вечно буду благодарить Тебя.

Прости. Я все время повторяю, что со мной не могло такого случиться, но это случилось. Прошу Тебя, помоги мне. Ты не слишком здорово придумал все это...»

Она молилась так страстно, так сосредоточенно, что не услышала, как он подошел к двери.

Он всегда ступал бесшумно. Призрак. Привидение.

— Не хочешь прислушиваться к здравому смыслу? Никак не желаешь понять, ничему не учишься! — зло проговорил Казанова.

В руке он держал шприц. На лице розовато-лиловая маска, раскрашенная жирными голубыми и белыми мазками. Самая отвратительная и жуткая маска из тех, что она видела. Вероятно, маски отражали-таки его настроение.

Кейт хотела сказать «не истязай меня», но с губ не сорвалось ни слова, лишь какой-то бессмысленный шелест — пф-ф-ф.

Он собирается ее убить.

Она едва стояла и вряд ли могла бы даже сидеть, но сумела выдавить некое подобие улыбки.

— Привет... рада тебя видеть. — На большее ее не хватило, спасибо и на том. Но что именно она говорила? Был ли в словах какой-то смысл? Этого она не знала.

Он сказал ей что-то в ответ, что-то очень важное, но она так и не поняла, что именно. Таинственные слова эхом отозвались в ее мозгу...

бессмысленное тра-та-та. Она пыталась уловить, что он говорил, старалась изо всех сил...

— Доктор Кейт... разговаривала с остальными... нарушила правила этого дома! Лучшая девушка, самая лучшая!.. могла быть... такая умница и такая дура!

Кейт кивала, как будто понимала, о чем он говорит, как будто до нее доходил смысл произносимых слов. Очевидно, он узнал о ее разговорах с другими пленницами. «Как он сказал... такая умница и такая дура? Это точно. Это ты верно подметил, парень».

— Я хотела... поговорить, — выдавила из себя Кейт. Язык как будто одет в шерстяную варежку. На самом деле она хотела сказать ему: «Давай поговорим. Все обсудим. Нам необходимо побеседовать».

Но на этот раз он явно не был настроен на разговоры. Казался поглощенным собственными мыслями. Витал где-то далеко. Снежный человек. Есть в нем что-то нечеловеческое. Страшная маска. Сегодня она изображала смерть.

Он стоял всего в десяти шагах с электрошоковым пистолетом и шприцем в руках. Врач, пронеслось в голове у Кейт. Он врач.

— Я не хочу умирать. Буду слушаться, — с невероятным усилием произнесла она. — Оденусь... высокие каблуки...

— Об этом надо было раньше позаботиться, доктор Кейт. И правила не следовало нарушать при каждом удобном случае. Я в твоём случае допустил промах. А это мне обычно несвойственно.

Кейт знала, что электрошоковая игла, выпущенная из пистолета, парализует ее, и пыталась сообразить, как избежать этого.

Она словно перевела себя на автоматическое управление. Сплошные условные рефлексy. «Один точный сильный удар», — думала Кейт. Но в этот момент это казалось невероятным. И все же она сумела сосредоточиться. «Полная концентрация», — приказала она себе. Все годы тренировок по каратэ слились в один-единственный миг самоспасения.

Единственный и последний.

Тысячи раз ей говорили на занятиях, учили, как сосредоточиться на цели, а затем применить силу и энергию противника против него самого. Полностью сконцентрироваться. Насколько она теперь в состоянии.

Он направился к ней и поднял пистолет на уровень груди. Его намерение было очевидно.

И тогда Кейт выкрикнула «киа» или что-то в этом роде. Некий клич, на который была способна в тот момент. И ударила ногой изо всех оставшихся сил. Целилась в почки. Удар мог сделать его калекой. Кейт готова была убить его. Коронного удара не получилось, но что-то произошло. Ей все же удалось пнуть его ногой, и основательно.

В намеченную цель — почки — она не попала даже близко. Удар пришелся то ли в бедро, то ли в пах. Но это не имело значения — ему здорово досталось.

Казанова взвыл от боли. Заскулил, как собака, сбитая машиной. И Кейт видела, что он потрясен. Неловко отступил...

А потом этот Джек-потрошитель, эта мерзкая тварь рухнул со всего размаху на пол. Кейт Мактирнан хотелось кричать от радости.

Она одолела его.

Казанова повержен.

Глава 42

Я вернулся на Юг, вернулся к этому жуткому расследованию убийств и похищений. Сэмпсон был прав — на этот раз результат его касался меня лично. Но дело выглядело безнадежным, и расследование могло растянуться на годы.

Предпринималось все возможное. Под подозрением находились теперь одиннадцать человек в Дареме, Чепел-Хилле и Роли. Среди них было несколько отборных психов, но также преподаватели университетов, врачи и даже полицейский-пенсионер из Роли. Исходя из «безупречности» преступлений Бюро проверяло всех полицейских области подряд.

Меня эти подозреваемые не занимали. Я должен был искать там, где не искал больше никто. Так мы договорились с Кайлом Крейгом из ФБР. Я выступал в качестве «шальной пули».

В то время по стране прокатилось несколько подобных дел. Я перечитал целые тома отчетов ФБР по всем. Убийца педерастов в Остине, Техас. Убийца нескольких пожилых женщин в Энн-Арбор и Каламазу, Мичиган. Убийцы со своим особым почерком в Чикаго, Северном Палм-Бич, Лонг-Айленде, Окленде, Беркли.

Я читал до тех пор, пока не почувствовал резь в глазах и боль во всем теле. Даже кишки подвело.

Попалось мне одно мерзкое дело, о котором кричали заголовки всех газет страны. Джентльмен-Ловелас в Лос-Анджелесе. Тогда я взялся за «дневники» убийцы. Их с начала года публиковали в «Лос-Анджелес Таймс».

И я снова углубился в чтение. Прочитав предпоследнюю публикацию, я затрясся как от электрошока. Дыхание сперло. Не в силах был поверить тому, о чем только что прочитал на экране компьютера.

Я снова вызвал текст на экран. И еще раз перечитал, очень медленно, слово за словом.

Это была история о молодой женщине, которую Джентльмен-Ловелас «держал в плену» в Калифорнии.

Звали молодую женщину Наоми К. Род занятий: студентка второго курса юридического факультета.

Приметы: чернокожая, очень красивая. Двадцать два года.

Наоми было двадцать два... студентка второго курса юридического...

Каким же образом этот свирепый, безжалостный убийца в Лос-Анджелесе может знать о Наоми Кросс?

Глава 43

Я тут же позвонил в редакцию журналистке, чье имя значилось под публикациями дневника. Звали ее Бет Либерман. Она сама сняла трубку в редакции «Лос-Анджелес Таймс».

— Меня зовут Алекс Кросс. Я — следователь по особо важным делам и сейчас занимаюсь убийствами Казановы в Северной Каролине, — сообщил я. Сердце у меня гулко стучало, пока я пытался вкратце обрисовать ситуацию.

— Я все о вас знаю, доктор Кросс, — перебила меня Бет Либерман. — Вы пишете об этом книгу. Я тоже. По вполне понятным причинам давать вам информацию я не намерена. В настоящее время заявка на мою книгу циркулирует по издательствам Нью-Йорка.

— Пишу книгу? Кто вам сказал? Никакой книги я не пишу. — Несмотря на все мои благие намерения, раздражение прорвалось наружу. — Я расследую цепь убийств и похищений в Северной Каролине. Вот чем я занимаюсь.

— А шеф полиции Вашингтона говорит обратное, доктор Кросс. Я позвонила ему, узнав, что вас привлекли к следствию по делу Казановы.

«Только этого не хватало», — подумал я. Мой старик шеф в Вашингтоне был полным придурком и к тому же меня недолюбливал.

— Я написал книгу о Гэри Сонеджи, — объяснял я. — Понимаете? Написал. Это глагол прошедшего времени. Чтобы поставить точку на этом деле. Поверьте, я...

— Не рассказывайте сказки!..

Хлоп! Бет Либерман бросила трубку.

— Ах ты, сукина дочь, — пробормотал я в замолкнувшую трубку и снова набрал номер редакции. На этот раз к телефону подошла секретарша.

— К сожалению, Бет Либерман ушла и сегодня ее больше не будет, — скороговоркой выпалила она.

— Значит, — взорвался я, — она ушла за те десять секунд, пока я набирал номер! Прошу вас, соедините меня с мисс Либерман. Я знаю, что она на месте. Немедленно соедините.

Но секретарша тоже повесила трубку.

— И ты сукина дочь! — заявил я в умолкшую трубку. — Катитесь все к чертям собачьим!

Теперь уже в двух городах мне отказали в помощи по одному и тому же делу. Больше всего я возмущался по причине, что, как мне казалось, именно теперь стал к чему-то подбираться. Нет ли какой-нибудь причудливой связи между Казановой и убийцей с Западного побережья? Каким образом Джентльмену может быть известно о Наоми? Может быть, он и обо мне знает?

Пока это всего лишь догадка, но слишком заманчивая, чтобы от нее отказаться. Я позвонил главному редактору «Лос-Анджелес Таймс». К боссу прорваться оказалось легче, чем к его подчиненной. Помощник главного был мужчиной. Голос по телефону звучал хриловато, по-деловому, но слышать его было не менее приятно, чем отобедать в вашингтонском отеле «Ритц-Карлтон».

Я представился как доктор Алекс Кросс, сообщил, что занимался расследованием по делу Гэри Сонеджи и что обладаю очень важной информацией по делу Джентльмена-Ловеласа. Две трети из сказанного было чистой правдой.

— Я доложу мистеру Хиллзу, — обещал мне помощник все тем же невероятно любезным тоном, как будто только и ждал моего звонка. Я подумал, что было бы неплохо иметь такого помощника.

Главный редактор почти сразу подошел к телефону.

— Здравствуйте, мистер Кросс, — сказал он. — Говорит Дэн Хиллз. Я читал о вас в связи с расследованием по делу Сонеджи. Рад, что вы позвонили, в особенности если желаете сообщить нам что-нибудь важное по здешним ужасным событиям.

Разговаривая с Дэном Хиллзом, я представлял себе крупного мужчину лет под пятьдесят. Толкового и в то же время этакого калифорнийского пижона. Сорочка в тонкую полоску с закатанными до локтей рукавами. Галстук ручной росписи. С головы до ног выпускник Стэнфорда. ^[16]Просил меня называть его Дэном, мне нетрудно. Он казался мне симпатичным парнем. Может быть, пару Пулитцеровских премий отхватил.

Я рассказал ему о Наоми и о своем участии в следствии по делу Казановы в Северной Каролине. Сообщил также о том, что наткнулся на имя Наоми в одной из глав дневника.

— Соболезную вам по поводу пропажи племянницы, — сказал Дэн Хиллз. — Могу себе представить ваши переживания. — На другом конце провода возникла пауза, и я испугался, что разговор окончится лишь подобным дипломатическим или великосветским расшаркиванием. Но он продолжил: — Бет Либерман молодая талантливая журналистка. Может быть, чересчур резка, но несомненно профессиональна. Для нее это очень серьезное дело, как, собственно, и для всей редакции.

— Послушайте. — Я перебил Хиллза, потому что не мог не перебить. — Наоми почти каждую неделю писала мне письма, пока училась. Эти письма я храню. Я помогал ее растить и воспитывать. Она мне очень дорога. И это для меня самое главное.

— Я понимаю. Попробую чем-нибудь помочь. Но ничего не обещаю.

— Конечно, я обещаний не требую, Дэн.

Верный своему слову Дэн Хиллз перезвонил мне в контору ФБР через час.

— Знаете, мы тут посоветовались, — сказал он. — И с Бет я побеседовал. Нас обоих, как вы, вероятно, понимаете, это ставит в неловкое положение.

— Я все прекрасно понимаю. — Я готовился к отказу в мягкой форме, но получил нечто иное.

— Имя Казановы упоминается в некоторых неотредактированных вариантах дневника, присланных Джентльменом. Похоже, что они каким-то образом общаются друг с другом. Может быть, даже делятся впечатлениями. Вполне вероятно, они друзья. Во всяком случае, они по какой-то причине контактируют между собой.

Вот оно!

Эти чудовища общаются друг с другом.

Теперь мне стало ясно, что именно ФБР держало в тайне, какие сведения берегли от разглашения.

Цепь убийств тянулась от побережья к побережью.

Глава 44

Беги! Скорее! Несись сломя голову! Убирайся отсюда немедленно!

Спотыкаясь и едва держась на ногах, Кейт Мактирнан выбралась из комнаты, воспользовавшись тем, что Казанова оставил открытой тяжелую деревянную дверь.

Она не знала, насколько сильно ударила его. Мысль была одна — бежать. Скрыться! Скорее, пока есть возможность!

В голове творилось Бог знает что. Причудливые образы, галлюцинации сменяли друг друга без какой-либо взаимосвязи. Препарат, которым ее напичкали, действовал в полную силу. Она теряла способность собраться с мыслями и сориентироваться.

Кейт потрогала лицо и обнаружила, что щеки мокрые. Она плачет? Даже этого она не осознавала.

С огромным трудом ей удавалось преодолевать крутую деревянную лестницу, начинавшуюся за дверью комнаты. Куда она ведет? На второй этаж? По ней ли она поднималась? Кейт не помнила. Она ничего не могла вспомнить.

Это повергло ее в отчаянное смятение и растерянность. Вправду ли ей удалось сбить Казанову с ног или это только кажется?

Гонится ли он за ней? Бежит по лестнице следом? В висках гулко стучала кровь. Голова так кружилась, что впору тут же свалиться.

Наоми, Мелисса Стэнфилд, Криста Акерс. Где они находятся?

С огромным трудом Кейт заставляла себя пробираться по дому. Ее шатало из стороны в сторону, как пьяную, пока она брела по длинному коридору. Что это за помещение? Как будто дом. Стены совсем новые.

Что же это за дом такой?

— Наоми! — попыталась крикнуть Кейт, но из горла не вылетело ни звука. Она не могла сосредоточиться даже на несколько секунд. Кто такая Наоми? Она не могла вспомнить.

Она остановилась перед дверью и с усилием потянула за ручку. Дверь открываться не желала. Заперта? А что, собственно говоря, она ищет? Что она вообще здесь делает? Наркотик не позволял мыслить ясно. «Сейчас я потеряю сознание, упаду», — думала Кейт. Ей

становилось холодно, члены немели. Бессвязные мысли, возникавшие в мозгу, носились с бешеной скоростью, наперегонки.

«Он бежит за мной! Догонит и убьет!»

«Скрыться! — приказала она себе. — Искать выход. Думай только об этом. И о том, чтобы привести сюда подмогу».

Она оказалась у другой лестницы, очень старой, как будто прошлого века. Шлепки грязи на ступенях. Мелкие камни и осколки стекла. Какая древняя лестница. Совсем не такая, как первая, внутри.

Кейт больше не могла держаться на ногах. Она споткнулась и упала ничком, едва не разбив подбородок о вторую ступеньку. Тогда она поползла, цепляясь ногтями за ступени. Она на коленях. Взбирается по лестнице. Куда? На чердак? Где конец этой лестнице? Куда она попадет? Может быть, он дожидается ее там с электрошоковым пистолетом и шприцем?

И вдруг она оказалась на свободе! Неужели выбралась из дома? Как же это удалось?

Кейт едва не ослепла от яркого солнечного света, брызнувшего в глаза, и все же мир никогда еще не был так прекрасен. Она жадно вдыхала острый смолистый аромат деревьев — дубов, сикамор, корабельных сосен с ветвями только на самой верхушке. Кейт глядела на лес, на высокое бескрайнее небо и безудержно плакала. Слезы ручьями текли по лицу.

Вокруг стояли высокие-высокие сосны. От ствола к стволу тянулись туго переплетенные стебли мускатного винограда. Она сама выросла в таком же лесу.

Бежать. Внезапно снова мелькнула мысль о Казанове. Кейт попыталась пробежать несколько шагов и упала. Поднялась на четвереньки. И опять встала. Бежать. Скорее убираться отсюда!

Кейт резко обернулась, всем телом. Еще раз. Второй. Третий, пока снова едва не упала.

Нет, нет, нет! — кричал внутренний голос. Она не верила собственным глазам, оказывается, нельзя полагаться ни на один из ее органов чувств.

Произошло нечто невероятное! Это какой-то бред, кошмарный сон среди бела дня. Дом исчез!

Нигде не было никакого дома. Кейт оглядывалась по сторонам, бродила кругами под соснами.

Дом, или какое-то помещение, где ее держали в заточении, исчез бесследно.

Глава 45

Беги! Двигай своими дурацкими ногами, одна, потом другая, вот так. Скорее! Еще скорее, девочка. Беги от него.

Она пыталась сориентироваться в темном густом лесу. Верхушки высоких сосен нависли над лесом гигантскими зонтами, пропуская лишь самые тонкие нитевидные лучи света. Молодой поросли внизу явно не хватало этого света для роста, и она стояла почти без листвы.

Он теперь уже наверняка гонится за ней. Бросился вдогонку и убьет, если поймает. Она была уверена, что не слишком сильно ударила его, хотя. Бог свидетель, пыталась.

Кейт бежала короткими неровными шагами, то и дело спотыкаясь. Земля под ногами была мягкая и упругая — ковер из сосновых иголок и сухих листьев. Длинные колючие ветви ежевики тянулись прямо из земли, пытаясь ухватить хоть немного солнечного света. Кейт казалась себе похожей на эту ежевику.

«Надо отдохнуть... спрятаться... дождаться, пока кончится действие препарата, — бормотала Кейт, — а потом добраться до людей, попросить помощи... Это самое разумное. Надо вызвать полицию».

И тогда она услышала шум позади. Он гнался за ней и кричал:
— Кейт! Кейт! Остановись! — Голос его громким эхом катился по лесу.

Такая смелость с его стороны могла означать лишь одно — на целые мили ни души, ни единого человека, кто мог бы прийти ей на помощь в этом Богом забытом лесу. Она была совсем одна.

— Кейт! Я все равно догоню тебя. Это бессмысленно. Остановись!

Она взобралась по крутому каменистому склону холма, который показался ей настоящим Эверестом. Черная змейка грелась на гладком камне. Она походила на упавшую ветку дерева, и Кейт чуть не схватила ее, чтобы использовать как посох. Испуганная змея скользнула прочь, и Кейт показалось, что ее снова донимают галлюцинации.

— Кейт! Кейт! Ты обречена. Я на тебя очень зол теперь!

Она со всего размаху упала в заросли жимолости прямо на острые камни. Резкая боль пронзила левую ногу, но она все равно сразу вскочила. К черту кровь. К черту боль. Беги. Не останавливайся. Тебе нужно спастись. Привести подмогу. Беги и ни о чем не думай. Ты быстрая, ловкая, и сил у тебя гораздо больше, чем кажется. У тебя получится!

Она слышала, как он карабкается по крутому склону, который сама только что преодолела. Он уже совсем близко.

— Я здесь, Кейт. Эй, Кэти! Я бегу к тебе! Я совсем рядом! Вот и я!

И тогда Кейт оглянулась. Смятение и страх оглушили ее.

Он легко поднимался по склону. Она видела, как развеваются на фоне почти черных деревьев полы его белой фланелевой сорочки, пряди длинных светлых волос. Казанова! По-прежнему в маске. В руке все тот же или какой-то другой пистолет.

Он громко смеется. Почему? Над чем?

Кейт остановилась. Надежда скрыться внезапно покинула ее. Она вскрикнула от ужаса и отчаяния. Ей конец. Сейчас она здесь умрет.

— Господи, воля Твоя, — прошептала она. Другого ничего не оставалось.

От вершины горы шел резкий, почти вертикальный скалистый обрыв к каньону, до которого было как минимум сто футов. Из камней росло всего несколько хилых сосен. Негде спрятаться и некуда бежать. «Как тоскливо и одиноко здесь умирать», — подумала Кейт.

— Бедняжка Кэти! — кричал Казанова. — Бедняжка!

Она снова повернулась к нему лицом. Вот он! Сорок ярдов, тридцать, двадцать... Поднимаясь по склону, Казанова не сводил с нее глаз. Ни разу не отвернулся. Черная разрисованная маска безотрывно смотрела на нее.

И Кейт повернулась спиной к этой маске смерти. Она глянула вниз вдоль крутого скалистого склона. «Футов сто, может быть, больше», — думала она. Страх перед высотой был ничуть не меньше смертельной опасности, настигавшей сзади.

Она услышала, как он крикнул:

— Кейт, стой!

Кейт Мактирнан больше не оглянулась.

Она прыгнула.

Она согнула ноги в коленях и обхватила их руками. «Это все равно, что прыгнуть с вышки, — уговаривала она себя, — ведь тебе не впервой».

Внизу протекала река. Серебристо-голубая извилистая лента воды стремительно надвигалась на нее. В ушах стоял оглушительный грохот.

Она понятия не имела, какая там глубина, но как глубока может быть такая узкая речушка? Два фута? Четыре? Если только в последний раз в жизни повезет — десять футов. Но едва ли.

— Кейт! — донесся сверху его крик. — Ты мертва!

Она увидела белые пенистые гребешки, означавшие острые камни на дне под водой. «О Господи Всемогущий! Я не хочу умирать!»

Кейт со всего размаху ударилась о поверхность ледяной воды. Она оказалась на дне так молниеносно, как будто в этом стремительном потоке вовсе не было воды. Все тело взорвалось страшной болью. Она захлебнулась, наглоталась воды и поняла, что тонет. Так или иначе, смерть. Сил у нее больше не осталось. На то воля Господня.

Глава 46

Мне позвонил даремский следователь по особо важным делам Ник Раскин и сообщил, что они только что нашли еще одну женщину и что это не Наоми. Студентку медфака тридцати одного года из Чепел-Хилла выловили из реки Викаджил двое парнишек. Вышли погулять и побездельничать, а волею судьбы попали в такую переделку.

Ярко-зеленый «сааб-турбо» Раскина подобрал меня у гостиницы «Вашингтон-Дьюк». Последнее время они с Дэйви Сайксом старались оказать содействие. Как сообщил его напарник. Сайкс впервые за месяц взял отгул.

Раскин, казалось, был искренне рад меня видеть. Выскочил у входа в гостиницу из машины и будто закадычному другу принялся изо всех сил трясти мне руку. Он, по своему обыкновению, был одет по последней моде. Черная кожаная куртка от Армани поверх черной трикотажной сорочки.

На этот раз обстоятельства на Юге складывались в мою пользу. Я подозревал, что Раскину известно о моих связях с ФБР и что он не прочь их использовать. Следователь Раскин был, безусловно, парнем сообразительным. Такой не упустит шанс продвинуться по служебной лестнице. А это дело было для него многообещающим.

— Наш первый крупный успех, — радостно сообщил мне Раскин.

— Что известно о пострадавшей? — спросил я у него по дороге к клинике университета Северной Каролины.

— Она в больнице и жива. Видимо, течением несло по Викаджил, словно рыбку. Врачи говорят, это просто чудо. Даже серьезных переломов нет. Но у нее шок или еще что похуже. Не может говорить или не хочет. Врачи считают это признаком посттравматического шока. Пока никто толком не разберет. Но хоть жива.

Раскин был преисполнен энтузиазма и дружелюбия. Наверняка хочет попользоваться моими связями. А я не прочь позаимствовать кое-какие его.

— Неизвестно, как она оказалась в реке. И как ей удалось сбежать от него, — сказал он, когда мы въехали в университетский городок Чепел-Хилл. Мысль о том, что именно отсюда Казанова похищает

студенток, удручала. Городок был такой симпатичный и казался совсем беззащитным.

— А может быть, Казанова тут вообще ни при чем, — вставил я.

— Нам ни черта не известно, — пожаловался Раскин, сворачивая в переулок с указателем «Клиника». — Я тебе вот что скажу. Эта история сейчас по всей стране разнесется. Смотри, что творится. Сбежались, как на представление.

Раскин был прав. Территория у клиники университета превратилась в настоящий бедлам. Телевизионщики и репортеры обосновались на автомобильной стоянке, в вестибюле больницы и заполнили все холмистые безмятежные лужайки.

Как только мы с Раскиным появились, защелкали фотокамеры. Раскин по-прежнему исполнял роль местной звезды сыскной полиции. Он, видимо, пользовался всеобщей любовью. А я становился знаменитостью второй величины, этакой любопытной деталью в деле. Местные шелкоперы уже разнесли весть о моем участии в следствии по делу Гэри Сонеджи. Я был следователем Кроссом с Севера, специалистом по чудовищам в человеческом обличий.

— Расскажите, что происходит, — крикнула одна из журналисток. — Хоть намекни. Ник. Что случилось с Кейт Мактирнан?

— Если повезет, она нам об этом расскажет, — с улыбкой отвечал Раскин, не сбавляя шага, пока мы не скрылись в здании больницы.

Мы с Раскином оказались далеко не первыми в очереди посетителей, но все же ближе к вечеру нас пустили к пострадавшей. Кайл Крейг потянул кое-какие веревочки. По заключению медиков, Кателия Мактирнан находилась в состоянии посттравматического шока. Диагноз, похоже, верный.

Оставаться дальше в клинике этим вечером было абсолютно бесполезно, но все-таки я задержался после ухода Ника Раскина и прочитал все медицинские карты, записи медсестер и результаты обследований. Пролистал и полицейские отчеты, в которых рассказывалось, как ее обнаружили двое двенадцатилетних мальчишек, прогулявших уроки, чтобы порыбачить и покурить на берегу.

Я догадывался, почему Ник Раскин захватил меня с собой. Раскин не дурак. Он понимал, что состояние Кейт Мактирнан может

заинтересовать меня как психолога, тем более что мне и раньше приходилось сталкиваться с подобными посттравматическими осложнениями.

Кателия Мактирнан. Выжила. Но с трудом. В ту первую ночь я простоял у ее постели с полчаса. Сверху от изголовья тянулся тонкий шланг капельницы. Боковая сетка была поднята и туго натянута. В палате уже стояли цветы. Я вспомнил глубокие печальные строки стихотворения Сильвии Плат под названием «Тюльпаны». Стихи повествовали о далекой от сантиментов реакции автора на цветы, присланные ей в палату после попытки самоубийства.

Я пытался припомнить лицо Кейт Мактирнан до того, как оно сплошь покрылось синяками. Я видел ее фотографии. Лицо так распухло и почернело, что казалось, будто на ней защитные очки или даже противогаз. Вокруг челюсти тоже были кровоподтеки и припухлости. В регистрационной клинической записи значилось, что она потеряла зуб. Предположительно, он был выбит, по крайней мере, за два дня до того, как она оказалась в реке. Он бил ее. Казанова. Любовник-самозванец.

Мне очень жаль было молодую женщину. Хотелось сказать ей, что все обойдется.

Я осторожно накрыл ее руку своей и несколько раз повторил одни и те же слова:

— Вы среди друзей, Кейт. Вы в больнице в Чепел-Хилле. Вы в безопасности.

Я не знал, слышит ли меня эта несчастная, способна ли хотя бы понимать. Мне просто хотелось сказать ей что-нибудь, хоть как-то ободрить, прежде чем уйти.

А пока я смотрел на эту молодую женщину, перед глазами у меня стояла Наоми. Я не мог себе представить ее мертвой. Скажите, Кейт Мактирнан, Наоми жива? Вы видели Наоми Кросс? Вот какие вопросы терзали меня, но она все равно не могла на них ответить.

— Вы в безопасности, Кейт. Спите спокойно, все будет хорошо.

Кейт Мактирнан ни слова не могла рассказать о том, что случилось. Она пережила такой кошмар, который я не способен был даже представить.

Она видела Казанову, и он лишил ее дара речи.

Глава 47

Тик-трах.

Молодой адвокат Крис Чэпин купил по дороге домой бутылку «Шардонэ де Болье», и теперь они с невестой Анной Миллер потягивали калифорнийское вино, лежа в постели. Наконец-то наступили выходные дни. Жизнь снова улыбалась Крису и Анне.

— Слава Богу, закончилась эта жуткая рабочая неделя, — воскликнул белокурый двадцатичетырехлетний Крис. Он служил в престижной юридической конторе в Роли. До героя фильма «Фирма» ему еще далеко — машины с откидным верхом немецкого производства не хватает, — но начало адвокатской карьеры положено неплохое.

— А мне, к сожалению, до понедельника надо работу по контрактам написать. — Анна сморщила нос. Она училась на третьем курсе юридического факультета. — К тому же сдавать работу придется этому садисту Стэклуму.

— Только не сегодня, Анна-Банана. К черту Стэклума. Давай лучше потрахаемся.

— Спасибо за вино. — Анна улыбнулась, и зубы ее ослепительно сверкнули.

Крис и Анна были хорошей парой. Все так говорили в их компании однокашников. Они дополняли друг друга, во многом сходились во взглядах, а главное — им хватало ума не пытаться переделать друг друга. Крис был очень увлечен своей работой. Ладно, прекрасно. Анне позарез требовалось хотя бы пару раз в месяц побродить по дорогим магазинам. Она тратила деньги так, будто завтрашнего дня не предвидится. Ну, что же, и это сойдет.

— Мне кажется, вину стоит еще немного побродить, — лукаво улыбаясь, сказала Анна. — Мы ведь вполне можем подождать, правда?

Она спустила с плеч лямки белого кружевного лифчика. Этот лифчик и соответствующую ленту кружев она купила в «Тайне Виктории» в пассаже.

— Вполне. Слава Богу, завтра выходной, — согласился Крис Чэпин.

Они сплелись в весьма недвусмысленных объятиях, дурачась, раздевая и лаская друг друга, полностью отдаваясь любовной схватке.

Но в самый захватывающий момент у Анны внезапно возникло странное ощущение. Ей показалось, что в спальне, кроме них, есть еще кто-то. Она вырвалась из объятий Криса.

Кто-то стоял в изножье кровати! На нем была страшная разрисованная маска. Красные и желтые драконы. Жуткие чудовища. Причудливые и злобные, они как будто вцепились друг в друга.

— Какого черта ты тут делаешь? Кто ты такой? — В голосе Криса прозвучал страх. Он сунул руку под кровать и нащупал рукоятку бейсбольной биты, которую они всегда там держали. — Эй, я ведь, кажется, тебя спрашиваю, мать твою.

Непрошенный гость зарычал словно дикий зверь.

— А я тебе отвечаю, мать твою. — В правой руке Казановы оказался револьвер. Он выстрелил, и во лбу Криса Чэпина образовалась кровавая зияющая дыра. Нагое тело юного адвоката рухнуло на спинку кровати. Бейсбольная бита со стуком упала на пол.

Казанова действовал стремительно. Он выхватил пистолет и выстрелил Анне в грудь электрошоковой иглой.

— Прости меня за это, — ласково шептал он, поднимая ее с постели. — Прости, но я обещаю, что заглажу свою вину.

Анна Миллер была второй большой любовью Казановы.

Глава 48

На следующее утро свершилось чудо, которое явилось загадкой для медицинской науки. Все до единого в клинике университета Северной Каролины были потрясены, в особенности я.

Кейт Мактирнан заговорила на рассвете. Меня в клинике не было, зато случайно днем заглянул Кайл Крейг. К несчастью, того, что говорила наша бесценная свидетельница, не понимал никто. Все утро высокообразованный медик бормотала бессвязные слова. Речь ее походила на бред сумасшедшего, а временами казалось, будто она говорит на иностранном языке. В журнале было записано, что она страдает от тремора, конвульсий, мышечных судорог и спазм в брюшной полости.

Я пришел к ней вечером. У нее по-прежнему подозревали черепно-мозговую травму. Большую часть того времени, что я провел в палате, она лежала спокойно и ни на что не реагировала. Только однажды, пытаясь заговорить, издала душераздирающий вопль.

Пока я там находился, зашел лечащий врач. Мы в тот день уже пару раз беседовали. Доктор Мария Руокко не пыталась выжать из меня ту дополнительную информацию о больной, которой я обладал. Она была очень доброжелательна и полна желания помочь, говорила, что готова всеми силами содействовать в поимке того, кто так надругался над молодой женщиной.

Я подозревал, что Кейт Мактирнан считала, будто по-прежнему находится в плену. Наблюдая за тем, как она сражается с невидимым противником, я чувствовал, что она истинный борец. Я инстинктивно болел за нее, внутренне поддерживал, ободрял.

Я вызвался в добровольные сиделки у постели Кейт Мактирнан. Никто меня от такого дежурства не отговаривал. Все надеялись, авось она что-нибудь скажет. Одна фраза или даже слово могло стать ключом к розыску Казановы. Именно такого ключика нам не хватало, чтобы разом мобилизовать все силы.

— Вы в безопасности, Кейт, — повторял я снова и снова. Она, по-видимому, меня не слышала, но я не сдавался.

В тот вечер, около половины десятого, мне пришла в голову мысль, переросшая в глубокое убеждение. Врачи, занимающиеся Кейт, уже разошлись по домам. Мне необходимо было с кем-то посоветоваться, поэтому я связался с Бюро и уговорил разрешить мне позвонить доктору Марии Руокко домой. Жила она неподалеку от Роли.

— Алекс, вы все еще в больнице? — спросила доктор, сняв трубку. Похоже, она скорее удивилась, чем рассердилась на внеурочный звонок. В течение дня я о многом с ней потолковал. Мы оба учились в университете Джонса Хопкинса и поделились воспоминаниями о той поре. Ее чрезвычайно занимало дело Сонеджи, и она читала мою книгу.

— Вот сижу здесь и прикидываю, каким образом ему удастся подчинять себе женщин. — Я поделился с Марией Руокко своей теорией и тем, что уже успел предпринять. — Может быть, он пичкает их наркотиками, да какими-нибудь изысканными? Я звонил в лабораторию насчет результатов токсического анализа Мактирнан. Мне сказали, что в моче обнаружен маринол.

— Маринол? — Доктор Руокко удивилась так же, как и я, когда узнал об этом. — Ну и ну. Как же ему удалось достать маринол? Прямо гром среди ясного неба. Но идея очень интересная. Блестящая идея. Если он хотел парализовать ее волю, маринол в этом деле незаменим.

— А не могло его действие отразиться на ее нынешнем состоянии? Не это ли причина психопатических приступов? — подсказал я. — Тремор, конвульсии, галлюцинации. Все симптомы подходят, если подумать.

— Может быть, вы и правы, Алекс. О Господи, маринол! Отмена маринола дает все симптомы белой горячки. Но откуда ему может быть известно о мариноле и его действии? Не представляю, чтобы непрофессионалу приходилось иметь дело с подобным препаратом.

Меня тоже этот вопрос занимал.

— Может быть, он проходил сеансы химиотерапии? Возможно, у него был рак? Вот и приходилось принимать маринол. Может быть, он больной?

— Или врач. Или фармаколог, — предложила свои версии доктор Руокко. Такой вариант мне тоже приходил в голову. Не исключено даже, что он работает в университетской клинике.

— Послушайте, наша драгоценная свидетельница способна рассказать что-нибудь такое, что поможет нам остановить его. Нельзя ли ускорить процесс восстановления от маринола?

— Я приеду минут через двадцать. Даже раньше, — сказала Мария Руокко. — Попробуем помочь бедной девочке избавиться от кошмаров. Мне кажется, нам обоим не терпится поговорить с Кейт Мактирнан.

Глава 49

Полчаса спустя доктор Мария Руокко была вместе со мной в палате доктора Кейт Мактирнан. Ни даремской полиции, ни ФБР я не сообщил о своем открытии. Хотел сначала поговорить с пострадавшей. Это было бы большим успехом в нашем деле, самым большим на сегодняшний день.

Мария Руокко почти час возилась со своей тяжелой больной. Очень серьезный знающий врач и всегда готова прийти на помощь. Красивая пепельная блондинка, лет под сорок. Южного типа, но чрезвычайно привлекательная. Я подумал, не заглядывался ли на нее Казанова.

— Бедняжка и в самом деле страдает от последствий маринола, — сказала она. — Она получила почти смертельную дозу.

— Думаю, именно такова была изначальная цель, — сказал я. — Она, возможно, попала в число отбракованных Казановой. Проклятье, как мне надо поговорить с ней.

Кейт Мактирнан спала. Беспokoйно, тревожно, но спала. Но стоило доктору Руокко прикоснуться к ней, она застонала. Распухшее, почерневшее от синяков и кровоподтеков лицо исказилось от страха. Казалось, ей чудилось, что она по-прежнему в страшной темнице. Ужас, охвативший ее, был ошутим, почти осязаем.

Доктор Руокко старалась действовать как можно осторожнее, не причинять боли, ни больная продолжала стонать. И вдруг Кейт Мактирнан заговорила, не открывая глаз.

— Не трогай меня! Не трогай! Не смей ко мне прикасаться, ублюдок, — закричала она, так и не открыв глаза. Напротив, крепко зажмурила их. — Отвали от меня, сукин сын!

— Ах, эти молодые врачи. — Доктор Руокко пыталась обратить все в шутку. Даже в самый ответственный момент она не теряла головы. — Ужасно невежливы. И этот жуткий лексикон.

Смотреть в тот момент на Кейт Мактирнан было все равно что наблюдать за зверски истязаемым. Я снова подумал о Наоми. Где она? В Северной Каролине? Или каким-то образом оказалась в

Калифорнии? Что с ней происходит? Неужели то же самое? Я отогнал страшные мысли. Нельзя делать несколько дел одновременно.

Доктор Руокко колдовала над Кейт еще с полчаса. Ввела ей через капельницу либриум. Затем снова подключила сердечный стимулятор, на котором Кейт держали в связи с тяжелыми травмами. Когда все процедуры были окончены, наша больная погрузилась в еще более глубокий сон. Этой ночью она своими тайнами с нами делиться не станет.

— Вы прекрасно работаете, — шепнул я доктору Руокко. — Здорово у вас получается.

Мария Руокко жестом пригласила меня выйти из палаты. Коридор был погружен в полутьму. Там было тихо и мрачно, как обычно бывает по ночам в больницах. Я не мог отделаться от мысли, что Казанова работает в университетской клинике. Даже теперь, в этот поздний час, он может находиться в больнице.

— Мы сейчас сделали для нее все что могли, Алекс. Теперь пусть поработает либриум. Я насчитала трех агентов ФБР и двоих самых лучших полицейских Дарема, охраняющих молодого доктора Кейт Мактирнан от непрошенных гостей. Почему бы вам не поехать в гостиницу? Пospите хоть немного сами. Хотите дам вам таблетку снотворного?

Но я сказал, что предпочитаю ночевать в больнице.

— Не думаю, чтобы Казанова явился за ней сюда, но наверняка сказать трудно. Все возможно.

Тем более если он здесь работает, добавил я про себя.

— Кроме того, ко мне от Кейт какие-то флюиды тянутся. Я их с самого начала почувствовал, как только увидел ее. Может быть, она знакома с Наоми.

Доктор Мария Руокко с непроницаемым видом смотрела на меня снизу вверх. Я был выше ее, наверное, на целый фут.

— На сумасшедшего вы не похожи и, случается, рассуждаете здраво, и все же вы ненормальный, — сказала она и улыбнулась. В ее ярко-синих глазах заплясали смешливые искорки.

— К тому же я вооружен и очень опасен, — добавил я.

— Спокойной ночи, доктор Кросс. — Мария Руокко послала мне воздушный поцелуй.

— Спокойной ночи, доктор Руокко. И спасибо.

Она зашагала по коридору, а я отправил ей вдогонку такой же поцелуй.

Устроился я на ночь не слишком удобно — сдвинул в палате у Кейт два мягких кресла. И пистолет все время держал на коленях. Наилучшие условия для приятных снов.

Глава 50

— Кто вы? Кто вы такой, черт вас возьми, мистер?

Меня разбудил громкий высокий голос. Он прозвучал совсем рядом. Почти под ухом. Я тут же вспомнил, что нахожусь в клинике университета Северной Каролины. И отчетливо вспомнил, где именно. В палате Кейт Мактирнан, нашей главной свидетельницы.

— Я полицейский, — объяснил я как можно более мягким и убедительным тоном. — Зовут меня Алекс Кросс. А вы находитесь в клинике университета Северной Каролины. В полной безопасности.

Мне показалось, что Кейт Мактирнан готова разрыдаться, но все же ей удалось взять себя в руки. Наблюдая за тем, как она с собой справляется, я понял, каким образом ей удалось пережить весь тот кошмар с Казановой и прыжком в реку. Передо мной была женщина, обладающая удивительной силой воли.

— Я в больнице? — с трудом выговорила она, но, по крайней мере, речь ее звучала связно.

— Да, именно так, — подтвердил я и сделал успокаивающий жест рукой. — Вы в безопасности. Позвольте мне теперь сбегать за врачом. Прошу вас, я скоро вернусь.

Язык у нее продолжал слегка заплетаться, но взгляд был сфокусированным и осмысленным.

— Погодите минуту. Я сама врач. Мне надо прийти в себя и собраться с мыслями, прежде чем приглашать гостей. Так вы полицейский?

Я кивнул, готовый помочь ей чем только мог. Мне не хотелось напугать ее лишний раз после всего, что ей пришлось пережить за последние несколько дней. А еще мне не терпелось задать ей целую кучу вопросов.

Кейт Мактирнан отвернулась от меня.

— Наверное, он накачал меня наркотиками. Или все это был сон?

— Нет, не сон. Он применил очень сильное средство под названием маринол, — поведал я только то, что знал сам. Боялся сбить Кейт с толку.

— Видимо, я и в самом деле слегка попутешествовала. — Она попыталась свистнуть, но получился очень забавный звук. Одного зуба у нее не хватало, и во рту, вероятно, пересохло. Губы распухли, в особенности верхняя.

Я, к собственному удивлению, вдруг разулыбался.

— Вы, наверное, побывали в Стране ужасов. С благополучным вас возвращением.

— Я и вправду рада, что вернулась, — шепотом произнесла она, и глаза наполнились слезами. — Простите, я изо всех сил старалась не плакать в том ужасном месте. Не хотела выказывать перед ним слабость. А теперь очень хочется поплакать. Пожалуй, так и сделаю.

— Пожалуйста, плачьте сколько хотите, — тоже шепотом сказал я, сам едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Сердце разрывалось от сострадания. Я подошел к больничной кровати и нежно держал Кейт за руку, пока она плакала.

— Вы, наверное, сами не с Юга, — наконец вновь заговорила Кейт Мактирнан.

Я искренне удивлялся ее самообладанию.

— Верно. Я из Вашингтона. Моя племянница пропала без вести десять дней назад. Училась на юридическом факультете университета Дьюк. Поэтому я здесь, в Северной Каролине. Я — следователь.

Она как будто впервые меня увидела. И вроде пыталась вспомнить что-то важное.

— В том доме, где меня держали, было еще несколько женщин. Нам не позволялось разговаривать. Какое-либо общение было строго запрещено Казановой, но я нарушила правила. Поговорила с женщиной по имени Наоми...

— Мою племянницу зовут Наоми Кросс, — перебил я ее. — Она жива? Здорова? — У меня едва сердце не остановилось. — Расскажите, что помните, прошу вас, Кейт.

Кейт нахмурилась, пытаясь сосредоточиться.

— Я разговаривала с какой-то Наоми. Фамилию не помню. Еще разговаривала с Кристин. Наркотики. О Господи, это ваша племянница?.. У меня в голове такой туман. Простите... — Голос Кейт стих, как будто кто-то выпустил из нее воздух.

Я ласково пожал ее руку.

— Нет, что вы. Вы вселили в меня надежду, какой у меня не было с тех пор, как я сюда приехал.

Кейт Мактирнан сосредоточенно и угрюмо смотрела мне в глаза. Как будто возвращалась к чему-то ужасному, о чем желала забыть.

— Я мало что помню сейчас. Видимо, сказывается побочный эффект маринола... Помню, что он собирался сделать мне еще один укол. Я ударила его, и наверное, сильно. Поэтому смогла убежать. По крайней мере, думаю, что так все случилось... Там был густой лес. Корабельные сосны, мох повсюду... Помню, клянусь Богом, дом... или какое-то помещение, в котором нас держали... он исчез. Исчез прямо у меня на глазах.

Кейт Мактирнан удивленно покачала головой. В широко распахнутых глазах застыло изумление. Она, казалось, сама не верила тому, что говорила.

— Так мне помнится, но разве такое возможно? Как может исчезнуть дом?

Я понимал, что она оживляет в памяти свое недавнее страшное прошлое. Я был с ней рядом.

Был первым, кто услышал историю ее побега, и единственный пока, кто слышал, как наша свидетельница заговорила.

Глава 51

Казанова пребывал в расстройстве и тревоге по поводу потери доктора Кейт Мактирнан. Он был очень обеспокоен и потерял сон. Плохо. И очень опасно. «Я совершил первую в своей жизни ошибку», — думал Казанова, ворочаясь в постели.

А потом кто-то прошептал в темноте:

— Что с тобой? Ты нездоров?

Женский голос заставил его вздрогнуть от неожиданности. Он ведь только что был Казановой. А теперь надо срочно переключаться на другую роль. Роль примерного мужа.

Он протянул руку и ласково погладил жену по голому плечу.

— Все в порядке. Не волнуйся. Просто бессонница.

— Это я заметила. Еще бы не заметить. Всю ночь толкаешься. — Она сонно улыбнулась. Хорошая у него жена. И любит его.

— Прости, — шепнул Казанова и поцеловал ее в плечо. Он гладил ее по голове и вспоминал Кейт Мактирнан. У Кейт волосы куда красивее и длиннее.

Он продолжал гладить жену, но мыслями уже снова вернулся к своим проблемам. Совсем не с кем поговорить. Совершенно не с кем. Ни здесь, в Северной Каролине, ни во всем чванливом и напыщенном Университетском треугольнике.

В конце концов, он встал с постели и спустился вниз. Прошел к себе в кабинет, бесшумно закрыл и запер дверь.

Потом взглянул на часы. Три часа ночи. Значит, в Лос-Анджелесе теперь двенадцать. Он снял трубку и набрал номер.

Был на свете такой человек, с кем Казанова мог перекинуться словом. Один-единственный на всем белом свете.

— Это я, — сказал он, услышав на другом конце провода знакомый голос. — Что-то мне не по себе сегодня. Поэтому сразу о тебе подумал.

— Беспокоишься, что я веду развратную и развеселую жизнь? — спросил с усмешкой Джентльмен-Ловелас.

— Это само собой. — Казанова сразу почувствовал себя гораздо лучше. Есть кто-то, с кем можно поговорить, поделиться. — Вчера я

еще одну подобрал. Хочу рассказать тебе об Анне Миллер. Это нечто особенное, дружище.

Глава 52

Казанова нанес очередной удар.

Еще одна студентка, красавица по имени Анна Миллер, была похищена из квартиры, которую снимала на пару со своим дружком-адвокатом неподалеку от университета Северной Каролины в Роли. Парень был убит прямо в постели — новый штрих в поведении Казановы. На месте преступления не оставлено ни записки, ни каких-либо улик. Совершив ошибку, он снова доказывал нам свою безупречность.

Я по несколько часов просиживал в палате Кейт Мактирнан в клинике университета. У нас все шло как по маслу, мы постепенно становились друзьями. Она стремилась помочь мне в создании психологического портрета Казановы, рассказывала все, что знала о нем и о его пленницах.

Насколько она могла судить, вместе с ней там находились шесть женщин. Но вполне возможно, их было и больше.

Кейт говорила, что Казанова действует четко и продуманно. Способен планировать на несколько недель вперед, очередную жертву изучает самым тщательным образом.

Она считала, что свой дом ужасов он выстроил самостоятельно. Провел водопровод, особую сигнальную систему и кондиционер, вероятно, для удобства своих пленниц. Но Кейт видела это жилище, одурманенная парами наркотиков, поэтому описать его подробно не могла.

Казанова, видимо, был маньяком, невероятно ревнивым, с гипертрофированным чувством собственности. Сексуально активен, способен к нескольким эрекциям за ночь. Помешан на сексе, придает огромное значение своим сексуальным потребностям.

Может быть по-своему внимательным и нежным и даже, по его собственным словам, «романтичным». Способен часами обнимать и целовать женщину, беседовать с ней. Может сказать, что любит ее.

В середине недели ФБР и даремское управление полиции в конце концов согласились, чтобы Кейт встретилась в больнице с прессой. Пресс-конференция проводилась в просторном холле на ее этаже.

Весь стерильно-белый холл, вплоть до красной, светящейся таблички «Выход», был до отказа забит репортерами, вцепившимися в свои блокноты, и телевизионщиками с мини-камерами на плечах. Присутствовали также полицейские, вооруженные автоматами. На всякий случай. Во время телевизионной записи по обе стороны от Кейт стояли следователи по особо важным делам Ник Раскин и Дэйви Сайкс.

Кейт Мактирнан предстояло стать национальной героиней. Наконец-то народ воочию увидит женщину, сбежавшую из дома ужасов. Я был уверен, что Казанова тоже посмотрит эту передачу, но надеялся, что в момент съемки он не находится среди нас.

Медбрат, наверняка занимавшийся бодибилдингом, ввез Кейт в шумный многолюдный холл. Врачи потребовали, чтобы она сидела в инвалидном кресле. На ней были мешковатые тренировочные штаны и белая хлопчатобумажная футболка. По плечам рассыпались блестящие каштановые волосы. Синяки и отеки на лице значительно уменьшились.

— Я выгляжу почти так же, как раньше, — говорила она мне. — Зато чувствую себя по-другому. Я внутренне изменилась, Алекс.

Когда медбрат подвез громоздкое кресло почти к самым микрофонам, Кейт всех удивила. Она медленно поднялась и остаток пути прошла самостоятельно.

— Здравствуйте, меня зовут Кейт Мактирнан, — представилась она толпе репортеров, которые тут же рванулись еще ближе к главной свидетельнице. — Я расскажу все, что знаю — хотя знаю немного, — и больше не буду морочить вам голову.

Голос у нее был сильный и звучный. Она безукоризненно владела собой, во всяком случае, так показалось нам всем, зрителям и слушателям.

Ее непринужденность и легкий юмор вызвали у многих улыбки и смех. Пара репортеров попытались задать вопросы, но шум стоял такой, что расслышать их было невозможно. По всему больничному холлу там и сям сверкали вспышки фотокамер.

Наконец наступила относительная тишина. Возникшую паузу собравшиеся восприняли как знак, что пресс-конференция оказалась для нее слишком трудным испытанием. Стоявший рядом врач сделал шаг вперед, но она жестом остановила его.

— Все в порядке, я чувствую себя хорошо, спасибо. Если закружится голова, сразу сяду в кресло, как примерный пациент. Обещаю. Никакого показного героизма.

Кейт действительно полностью владела ситуацией. Она была старше большинства студентов и медиков-практикантов и походила на вполне зрелого врача.

Она оглядела присутствующих. То ли с любопытством, то ли с удивлением. Потом извинилась за вынужденную паузу.

— Я просто собиралась с мыслями... Мне хотелось бы рассказать вам о том, что со мной произошло, — и я обязательно расскажу. Но на этом все. На вопросы журналистов я отвечать отказываюсь. И прошу вас всех меня понять. Справедливо?

Держалась она перед телекамерами превосходно. Кейт Мактирнан вела себя настолько непринужденно, как будто ей неоднократно приходилось оказываться в подобной ситуации. Я понял, что эта женщина при необходимости может быть очень уверенной в себе. А в иных случаях оставаться такой же незащищенной и испуганной, как все мы.

— Во-первых, я хотела бы обратиться к родным и друзьям пропавших без вести. Прошу вас, не оставляйте надежду. Человек, известный под именем Казанова, расправляется со своими пленницами только в случае неповиновения его особым требованиям. Я нарушила правила и жестоко поплатилась за это. Но мне удалось убежать. Там, где меня держали, находились и другие женщины. Вы не можете себе представить, насколько я душой и мыслями с ними. Верю всем сердцем, что они живы и невредимы.

Репортеры все ближе и ближе подходили к Кейт Мактирнан. Даже в таком плачевном состоянии она притягивала к себе как магнит, от нее исходила необыкновенная сила. Телевизионщикам она пришлась по душе. «Так будет и со зрителями», — думал я.

В течение следующих нескольких минут она сделала все возможное, чтобы хоть как-то развеять страхи родственников похищенных женщин. Снова и снова подчеркивала, что пострадала только оттого, что нарушила установленные Казановой правила. Мне казалось, что она таким образом обращается и к нему тоже. Вيني, мол, меня, а не других.

Слушая Кейт, я задавался вопросами: выбирает ли он только особенных женщин — не просто красавиц, а необыкновенных во всех смыслах? Что это значит? Что именно затеял Казанова? В какую игру он играет?

Я стал подозревать, что убийца, влекомый прежде всего красотой физической, не терпит при этом рядом с собой женщин, интеллектуально ему не соответствующих. Мне казалось, что он ищет к тому же взаимопонимания.

Кейт замолчала. В глазах ее блеснули слезы, словно чистой воды алмазы.

— Мне больше нечего сказать, — тихо произнесла она. — Спасибо, что позволили мне обратиться к семьям пропавших женщин. Надеюсь, что это хоть как-то поможет. Прошу вас, никаких вопросов. Я пока не могу вспомнить всего, что со мной было. Рассказала, что могла.

Наступила неестественная тишина. Не раздалось ни единого вопроса. Все и так было ясно. А потом репортеры и больничный персонал разом зааплодировали. Они поняли так же, как понимал это Казанова, что Кейт Мактирнан женщина исключительная.

Меня беспокоило лишь одно. Аплодирует ли Казанова?

Глава 53

В четыре часа утра Казанова уложил в новенький с иголки серо-зеленый рюкзак, купленный в магазине «Лендз-Энд», продукты и всякие необходимые мелочи. Он направлялся в свое тайное гнездышко за порцией долгожданных наслаждений. Он даже придумал название для своих запретных игр: «Целуй девочек».

Пока ехал в машине и шел пешком по густому лесу, он неотступно мечтал о своей новой пленнице, об Анне Миллер. Так и сяк представлял себе, что именно станет с ней сегодня делать. На память пришли замечательные и как нельзя кстати подходящие строки Скотта Фицджеральда: «Понятие поцелуя впервые возникло, когда доисторическая рептилия-самец лизнула самку, любезно объяснив ей таким способом, что она столь же соблазнительна, как та малышка, которой он отужинал накануне». Все началось с животных, не так ли?

Тик-трах.

Прибыв наконец в свою берлогу, он включил на полную громкость запись группы «Роллинг Стоунз». Несравненный альбом «Пиршество нищего». Сегодня ему необходима была оглушающая рок-музыка. Мику Джаггеру пятьдесят? А ему всего тридцать шесть. И это его время.

Раздевшись донага, он встал перед высоким, в полный рост зеркалом, любясь своей стройной мускулистой фигурой. Причесался. Затем накинул блестящий, ручной росписи шелковый халат, купленный когда-то в Бангкоке. Полы он не стал запахивать, выставляя напоказ обнаженный торс.

Он выбрал маскарадную маску, красивую, купленную в Венеции именно для такого случая. Момента тайны и любви. Наконец он был готов к свиданию с Анной Миллер.

Как она хороша. И такая недотрога. Безукоризненно сложена. Ему не терпелось овладеть ею.

Ничто не сравнится с тем физическим и эмоциональным состоянием, когда кровь стучит в висках, сердце учащенно бьется, возбуждена каждая клеточка тела. Он принес теплого молока в кувшине. И маленькую плетеную корзиночку — сувенир для Анны.

На самом деле он подготовил этот подарок для доктора Кейт. Хотел с ней разделить миг наслаждения.

Включив громкую музыку, он давал знать Анне, чтобы готовилась. Таков уговор. Сам он полностью подготовился. Вот они рядом с ним: кувшин теплого молока, длинный резиновый шланг с наконечником и чудо-подарок в плетеной корзинке. Можно начать игру.

Глава 54

Казанова не мог оторвать глаз от Анны Миллер. Казалось, воздух вокруг него вибрирует. Все наполнено напряженным ожиданием. Он чувствовал, что теряет самообладание. Такое с ним редко случалось. Это больше похоже на Джентльмена-Ловеласа.

Он смотрел на свое произведение искусства — на свое творение — и упивался мыслью, что Анна никогда и ни для кого не была так хороша.

Анна лежала на голom деревянном полу комнаты первого этажа. Она была обнажена. Только украшения, которые он приказал ей надеть. Руки связаны за спиной кожаным ремнем. Мягкая подушка подложена под ягодицы.

Ноги подтянуты вверх веревкой, привязанной к потолочной балке. Именно в такой позе он желал обладать ею, именно так представлял ее себе в мечтах столько раз.

«Можно делать все, что пожелаешь», — думал он.

Так он и поступал.

Он уже влил в нее большую часть теплого молока с помощью резинового шланга с наконечником.

Она слегка напоминала ему Аннету Бенинг, ^[17]если не считать того, что эта женщина принадлежала ему, а не была образом, возникающим на киноэкране. Она поможет ему пережить потерю Кейт Мактирнан. И чем скорее, тем лучше.

Анна уже утратила свою былую надменность, перестала быть недотрогой. Ему всегда было любопытно знать, сколько времени требуется, чтобы сломить чью-либо волю. Обычно совсем немного. Тем более в нынешние времена, в эпоху трусов и капризных дурех.

— Прощу тебя, убери ее. Не мучай меня, ведь я хорошо себя вела, — умоляла Анна. Какое красивое, необычное у нее лицо, когда радуется, и особенно когда страдает.

Скулы казались острее, когда она говорила. Он пытался отложить в памяти ее взгляд, все, что связано с этим незабываемым моментом. Подробности, которыми можно будет потом мысленно наслаждаться.

Например, ее ягодицы, находящиеся теперь под таким любопытным наклоном.

— Она не укусит тебя, — убеждал он со всей искренностью. — Ее рот защит наглухо. Я сам зашивал. Эта змея безопасна. Я никогда не стал бы делать тебе больно.

— Ты ненормальный и подлый тип, — внезапно крикнула Анна. — Ты садист!

Он кивнул. Ему хотелось увидеть истинную Анну, так вот она: еще одна злючка — цапнуть готова.

Казанова смотрел, как молоко медленно вытекает из заднего прохода. И так же медленно ползет маленькая черная змейка. Сладостный аромат молока заставил ее двинуться вперед по деревянному полу небольшой спальни, всего два на четыре фута. Какое прекрасное зрелище! Истинный образ красавицы и чудовища.

Осторожная чуткая змея внезапно застыла, а затем резко подалась вперед. Головка легко проникла внутрь Анны Миллер. Инстинктивно помогая себе, змея сложила кольца и заползла еще глубже.

Казанова пристально следил, как расширяются прекрасные глаза Анны. Кому из мужчин доводилось видеть такое или чувствовать хоть отдаленное подобие того, что дано ему теперь? Многие ли из таких мужчин еще живы?

Впервые он услышал о сексуальной практике увеличения ануса во время путешествия по Таиланду и Камбодже. И теперь сам устроил подобное представление. Оно заставляло его забыть огорчения, причиненные потерей Кейт и других.

В этом состояла прелесть и изысканность игр, которыми он забавлялся в своей берлоге. Он любил такие игры. Не мог отказать себе в этом удовольствии.

И никто не помешает ему наслаждаться ими. Ни полиция, ни ФБР, ни тем более доктор Алекс Кросс.

Глава 55

Кейт по-прежнему не могла вспомнить многих подробностей своего побега из ада. Она согласилась на сеанс гипноза, во всяком случае на попытку, хотя считала, что ее инстинкт самосохранения слишком силен для этого. Мы решили начать поздно вечером, когда она утомится и станет таким образом более восприимчивой.

Гипноз может быть процессом весьма простым. В первую очередь я попросил Кейт закрыть глаза и дышать ровно и спокойно. А вдруг мне удастся встретиться сегодня с Казановой? Вдруг увижу глазами Кейт, как он действует?

— Вдыхаем чистый воздух, выдыхаем всякую гадость, — прокомментировала Кейт со свойственным ей чувством юмора. — Правильно я говорю, доктор Кросс?

— Старайтесь ни о чем не думать, Кейт, — попросил я.

— Этому совету следовать довольно трудно. — Она улыбнулась. — Голова битком забита. Как чердак старыми чемоданами и сумками. — Голос ее звучал сонно. Обнадеживающий признак.

— А теперь считайте медленно от ста и обратно. Начинайте, когда захотите.

Она легко подчинилась. Это означало, что она мне доверяет, а доверие, в свою очередь, возлагало ответственность на меня.

Теперь Кейт была беззащитна, и я не хотел ни при каких обстоятельствах травмировать ее. Первые несколько минут мы просто болтали, как не раз случалось, когда она была в полном сознании. Нам с первой встречи общение доставляло радость.

— Помните ли вы, что было в доме Казановы? — задал я наконец главный вопрос.

— Да, теперь вспоминаю многое. Помню ночь, когда он появился у меня в доме. Помню, как нес меня по какому-то лесу к месту, где потом держал. Нес так легко, как будто я ничего не весила.

— Расскажите мне об этом лесу, Кейт. — Это был первый из самых драматических моментов. Она снова чувствовала себя с Казановой. В его власти. Пленницей. Я неожиданно понял, какая глубокая тишина стояла вокруг нас в больнице.

— Было совсем темно. Лес был очень густой, сплошные заросли. У него на шее, на шнурке или веревке, висел фонарь... Он невероятно силен. Как дикий зверь. Сам он сравнивал себя с Хитклиффом из «Вутеринговых высот». [18] Он явно идеализирует и себя самого и то, чем занимается. Той ночью... он шептал мне какие-то нежности, будто пылкий любовник. Говорил, что любит меня... и звучало это... искренне.

— Что еще вы о нем помните, Кейт? Любое ваше слово очень ценно. Подумайте.

Она повернула голову, как будто смотрела на кого-то справа от меня.

— Он каждый раз надевал разные маски. Однажды появился в смертной маске. Самой страшной. Такие маски называются смертными, потому что с их помощью в клиниках и моргах реконструируют лицо покойника, изуродованное до неузнаваемости в результате несчастного случая.

— Это очень интересная подробность. Пожалуйста, продолжайте, Кейт. Все, что вы говорите, очень важно.

— Я знаю, что такую маску можно изготовить по черепу практически любого человека. Его фотографируют... покрывают фотографию калькой... и реконструируют черты лица. А потом изготавливают по рисунку маску. В фильме «Парк Горького» показана смертная маска. На самом деле они не предназначены для того, чтобы их носили живые люди. Не понимаю, каким образом он их достает.

«Ладно, Кейт, — думал я, — хватит об этом, продолжайте свой рассказ о Казанове».

— Что случилось в тот день, когда вы убежали? — спросил я, пытаюсь вернуть воспоминания в нужное русло.

От этого вопроса она, видимо, занервничала. Глаза на мгновение открылись, как будто она дремала, а я разбудил, потревожил. Потом глаза снова закрылись. Правая нога начала непроизвольно отбивать дробь.

— Я плохо помню этот день, Алекс. Думаю, была до основания накачана наркотиками, витала где-то в небесах.

— Понятно. Все, что вы вспомните, очень для меня ценно. Вы все делаете замечательно. Вы как-то сказали, что ударили его. Вы ударили Казанову?

— Ударила. Насколько сил хватило. Он вскрикнул от боли и упал. Она надолго замолчала. А потом неожиданно заплакала. Глаза наполнились слезами, и она горько разрыдалась.

На лбу ее выступила испарина. Я понял, что пора завершать сеанс гипноза. Не знал, что с ней происходит, и испугался.

Я старался говорить как можно спокойнее:

— В чем дело, Кейт? Что случилось? Как вы себя чувствуете?

— Там остались другие женщины. Я сначала не могла их найти. А потом так невероятно растерялась... Я всех бросила.

Глаза ее открылись, в них стояли страх и слезы. Она сама вывела себя из гипноза. Сколько же сил у этой женщины?

— Что меня так напугало? — спросила она меня. — Что случилось?

— Точно не знаю, — сказал я. Мы поговорим с ней об этом позже, не сейчас.

Она отвела от меня взгляд. Это совсем на нее не похоже.

— Можно мне побыть одной? — прошептала она. — Мне хочется остаться одной. Пожалуйста.

Я вышел из палаты с таким чувством, как будто предал Кейт.

Но что я мог поделать? Ведь ведется следствие по делу о целой серии убийств. И ничего пока не прояснилось. Как же так?

Глава 56

В конце недели Кейт выписали из больницы. Она спросила, не соглашусь ли я встречаться с ней каждый день для беседы. Я с готовностью согласился.

— Только совсем не в лечебных целях, ни в коей мере, — объяснила она. Ей просто хотелось открыть кому-то душу, поделиться самым сокровенным. Частично оттого, что тут была замешана Наоми, мы довольно скоро добились взаимопонимания.

Никакой дополнительной информации, никаких свидетельств связи Казановы с Джентльменом-Ловеласом из Лос-Анджелеса не поступало. Бет Либерман, журналистка из «Лос-Анджелес Таймс», наотрез отказалась разговаривать со мной. Она распродала свой литературный шедевр в Нью-Йорке.

Я хотел было слетать в Лос-Анджелес, чтобы с ней встретиться, но Кайл Крейг отговорил. Он заверял меня, что я знаю все, что известно журналистке. Кому-то надо было верить, вот я и поверил Кайлу.

В понедельник днем мы отправились с Кейт на прогулку по лесу в окрестностях реки Викаджил, то есть в тех местах, где ее обнаружили мальчики. Разговора мы об этом не заводили, но понимали, что теперь повязаны этим общим для нас делом. Без сомнения, никто не знал о Казанове больше Кейт. Если бы она еще что-то припомнила, это было бы весьма кстати. Самая на первый взгляд непритязательная деталь могла оказаться ключом к разгадке.

Оказавшись в темном лесу к востоку от реки Викаджил, Кейт стала непривычно молчаливой и подавленной. Монстр в человеческом образе мог бродить прямо сейчас где-то поблизости, совсем рядом. Может быть, даже следил за нами.

— Я когда-то любила гулять по такому лесу. Повсюду заросли ежевики и лавра, в них щебечут голубые сойки. Все это напоминает мне детство, — рассказывала Кейт по пути. — Мы с сестрами каждый Божий день бегали купаться к такой же речке, как эта. Плескались голышом, что нам строго запрещал отец. Мы делали всегда именно то, что он строго запрещал.

— Вот теперь умение плавать и пригодилось, — сказал я. — Может быть, именно благодаря этому вы благополучно выплыли из Викаджил.

Кейт покачала головой:

— Нет, просто из-за своего упрямства. Я поклялась не умереть в тот день. Не желала его радовать.

Мне и самому становилось не по себе в этом лесу. Каким-то образом беспокойство было связано с печальной историей этих лесов и окружающих их полей. Когда-то в этих местах располагались табачные фермы. На них использовался рабский труд. Кровь и плоть моих предков. Беспрецедентное похищение и порабощение более четырех миллионов африканцев, когда-то завезенных в Америку. Они были похищены. Оказались здесь против своей воли.

— Этой местности я совсем не помню, Алекс, — сказала Кейт.

Когда мы выходили из машины, я нацепил заплечную кобуру. Кейт нахмурилась и покачала головой при виде оружия, но возражать не стала. Понимала, что я охочусь на вампиров, один из которых бродит на свободе. Ей приходилось с ним встречаться.

— Помню, что, когда сбежала, очутилась в лесу наподобие этого. Высокие корабельные сосны.

Темно, мрачно, как в пещере с летучими мышами. Помню, как внезапно исчез дом. И больше ничего. Дальше провал. Даже не могу вспомнить, как в реке очутилась.

Мы находились примерно в двух милях от того места, где оставили машину. Теперь мы шли в направлении на север и все время вдоль реки, по которой плыла Кейт во время ее невероятного побега, удавшегося «просто из-за упрямства». Каждое деревце, каждый куст жадно тянулся к слабому, едва пробивавшемуся солнечному свету.

— Мы попали в царство леса. Вот оно — торжество мрака, хаоса, варварства над человеческим разумом, — сказала Кейт, скривив верхнюю губу. Казалось, будто мы с усилием бредем против течения в могучем грозном потоке растительности.

Я понимал, что Кейт пытается завести разговор о Казанове и о жутком доме, где до сих пор оставались женщины. Она старалась понять его. Мы оба старались.

— Он не желает подчиняться нормам морали цивилизованного общества, не желает подавлять какие-либо свои порывы, —

проговорил я. — Делает все, что в голову взбредет. Настоящий искатель наслаждений, как мне кажется. Гедонист наших дней.

— Вы бы слышали, как он разговаривает, Алекс. Он очень неглуп.

— Мы тоже не лыком шиты, — напомнил я. — Когда-нибудь он непременно совершит ошибку.

Я все лучше узнавал Кейт. Она узнавала меня. Я рассказал ей о своей жене Марии, погибшей в бессмысленной уличной перестрелке в Вашингтоне. Рассказал о детях, Дженни и Деймоне. Она умела слушать, вникать, сочувствовать. Доктор Кейт должна была стать превосходным врачом.

К трем часам дня мы прошли мили четыре-пять. Я раскис и здорово устал. Кейт не жаловалась, но тоже, вероятно, чувствовала себя не лучшим образом. Слава Богу, занятия каратэ не прошли даром и теперь помогали ей держаться в форме. Мы так и не нашли тех мест, где она бежала, скрываясь от Казановы. Знакомых ориентиров она не обнаружила. Исчезнувшего дома не было и в помине. Как, впрочем, и Казановы. Никаких серьезных улик в темном густом лесу. Зацепиться не за что.

— Как же ему удастся все это, будь он трижды проклят? — ворчал я на обратном пути к машине.

— Практика, — хмуро подсказала Кейт. — Практика, практика и еще раз практика.

Глава 57

Мы остановились, чтобы пообедать в ресторанчике «У Спэнки» на Фрэнклин-стрит в Чепел-Хилле. Мы устали до полного изнеможения, проголодались и, главное, очень страдали от жажды. Все знали Кейт в этом популярном баре-ресторане и сразу засуетились вокруг нас. Мускулистый светловолосый бармен по кличке Громила оглушительно зааплодировал.

Официантка, знакомая Кейт, проводила нас к столику для почетных гостей — у окна, выходящего на Фрэнклин-стрит. Кейт сообщила мне, что эта женщина — кандидат философских наук. Верда — официантка-философ из Чепел-Хилла.

— Как вам нравится участь звезды? — подтрунивал я, когда мы устроились за столом.

— Не нравится. Терпеть не могу, — процедила она сквозь сжатые зубы. — Послушайте, Алекс, может быть, выпьем сегодня чего-нибудь покрепче? — внезапно предложила она. — Напьемся в стельку. Мне, пожалуйста, кувшин пива и бренди, — сказала она подошедшей Верде. Официантка-философ от такого заказа выкатила глаза и сморщила нос.

— Мне то же самое, — сказал я. — Гулять так гулять.

— Это, конечно, тоже не в лечебных целях, — предупредила Кейт, когда Верда ушла. — Просто порезвимся сегодня.

— Такое мероприятие может оказаться эффективным лечением.

— Если так, значит, лечимся оба.

В течение первого часа или около того мы болтали о всякой всячине: о машинах, о соперничестве провинциальных больниц с центральными клиниками, о разнице между обучением в университетах Дьюк и Северной Каролины, о литературе прошлого века на Юге, о рабстве, воспитании детей, зарплате врачей и кризисе здравоохранения, о преимуществах рок-н-ролла перед блюзами и наоборот, о книге, которая нам обоим нравилась, — «Английский пациент». Мы с самого начала находили общий язык. С той первой встречи в клинике университета вспыхивали между нами некие искры взаимопонимания.

После первого алкогольного блицкрига, мы слегка утомонились и предпочли каждый свое: я — пиво, Кейт — вино. Слегка накачались, конечно, но не слишком. Кейт была права в одном: нам явно следовало расслабиться от постоянного напряжения, связанного с делом Казановы.

На третьем часу нашей ресторанной гулянки Кейт поведала мне о себе такое, что потрясло не меньше, чем ее похищение. Широко распахнутые карие глаза ее блестели в полумраке бара, когда она рассказывала свою историю.

— Сейчас все выложу, — начала она. — Южане любят рассказывать сказки, Алекс. Мы последние хранители американской изустной истории.

— Рассказывайте, Кейт. Я люблю слушать. Настолько люблю, что сделал это своей профессией.

Кейт накрыла мою руку своей и глубоко вздохнула. Голос ее зазвучал тише и проникновеннее.

— Жила-была в Берче семья Мактирнан. Развеселая была компания, Алекс. Очень дружная, в особенности девочки: Сюзанна, Марджори, Кристин, Кэрол Энн и Кейт. Мы с Кристин были самыми младшими девчатами, как там говорили, — близнецами. Еще с нами жила Мери, наша мама, и Мартин — папа. О Мартине я не стану подробно рассказывать. Мама выгнала его из дома, когда мне было четыре года. Он был страшно властным и упрямым как осел. К черту его. Больше не буду о нем говорить.

Кейт замолчала и заглянула мне в глаза.

— Вам никто никогда не говорил, какой вы прекрасный, просто потрясающий слушатель? Такое впечатление, будто вам интересно каждое мое слово. Поэтому мне так хочется с вами разговаривать. Я никому еще не рассказывала всей этой истории, Алекс.

— Ну, конечно, мне интересен ваш рассказ, Кейт. Мне приятно, что вы хотите со мной поделиться, что доверяете мне.

— Да, я доверяю вам. История эта не слишком радостная, поэтому я не стала бы рассказывать, если бы не доверяла.

— Я рад, что это так.

Я в который раз поразился ее красоте. Глаза огромные, сияющие. Губы не слишком полные, но и не тонкие. Я все время помнил, что Казанова не зря остановил на ней свой выбор.

— Мои сестры и мать были для меня всем в детстве. Я стала их маленькой рабыней и баловнем одновременно. Денег всегда не хватало, поэтому и работы было куча. Мы выращивали и консервировали овощи, варили варенье, компоты. Подрабатывали стиркой и глажкой. Сами плотничали, слесарничали, чинили машину. Мы были счастливы, потому что любили друг друга. Всегда смеялись и распевали новомодные песенки, которые передавали по радио. Мы много читали и обсуждали все подряд, от права на аборты до кулинарных рецептов. Чувство юмора было обязательным в нашем доме. «Улыбнись» — это слово считалось девизом нашей семьи.

А потом Кейт поведала мне о том, что случилось с семьей Мактирнан, и лицо ее потемнело от горя, когда тайна выплеснулась наружу.

— Первой заболела Марджори. У нее обнаружили рак яичников. Она умерла в возрасте двадцати шести лет. К этому времени у нее уже было трое детей. А затем по очереди: Сюзанна, мой близнец Кристин и мама. Все умерли. И все от рака яичников или груди. В живых остались Кэрол Энн, я и отец. Мы с Кэрол Энн шутили, что унаследовали отцовскую зловредность и поэтому нам суждено умереть от инфаркта.

Кейт внезапно отвернулась и опустила голову. Потом снова взглянула на меня.

— Знаете, я не пойму сама, зачем все это вам рассказываю, но зато точно знаю, что вы мне по душе. Я хочу стать вашим другом. Это возможно?

Я попытался объяснить Кейт собственные чувства, но она перебила меня. Прижала кончики пальцев к моим губам.

— Не стоит прямо сейчас впадать в сентиментальность. И не спрашивайте больше ничего о моих сестрах. Просто расскажите что-нибудь такое, чего не рассказывали больше никому. Начинайте сразу, пока не передумали. Поведайте мне самую большую вашу тайну, Алекс.

Я не думал, о чем стану говорить. Само собой получилось. И это казалось вполне естественным и справедливым после признания Кейт. И потом, мне самому хотелось поделиться с ней своей тайной, довериться Кейт, во всяком случае попытаться.

— Я перестал существовать с тех пор, как не стало моей жены Марии, — открыл я самую глубокую свою тайну. — Я каждое утро одеваюсь, напяливаю приличное выражение лица, иногда беру с собой оружие... но внутри меня остается пустота. Я пытался встречаться с одной женщиной после смерти Марии, но ничего не вышло. Попытка с треском провалилась. И теперь я тоже не готов к этому. Не уверен, что это вообще когда-нибудь со мной случится.

Кейт заглянула мне в глаза.

— Вы не правы, Алекс. Вы к этому готовы полностью. — В ее взгляде и голосе была непоколебимая уверенность.

Искры.

Друзья.

— Мне бы тоже хотелось с вами подружиться, — сказал я наконец. Нечасто это со мной случалось и уж во всяком случае не так скоропалительно.

Глядя на сидевшую напротив Кейт, на трепетный огонек свечи между нами, я снова вспомнил о Казанове. Как там ни говори, но он оказался непревзойденным ценителем женской красоты и характера. Безупречным, как и во всем остальном.

Глава 58

Пленницы медленно и настороженно продвигались к гостиной, расположенной в конце длинного извилистого коридора таинственной и жуткой темницы. В доме было два этажа. На первом находилась всего одна комната. На втором — не меньше десяти.

Наоми Кросс шла вместе с остальными женщинами. Им было приказано явиться в общую комнату. С тех пор как она сюда попала, число пленниц увеличилось с шести до восьми. Иногда одна из них уходила или исчезала, но вместо нее всегда появлялась другая.

В гостиной их дожидался Казанова. На нем была очередная маска. Эта была расписана от руки белыми и ярко-зелеными штрихами. Карнавальная. «Праздничное лицо». Он был одет в золотистый шелковый халат на голое тело.

Комната была большая и обставлена со вкусом. Пол покрыт восточным ковром. Стены бежевые, свежескрашенные.

— Входите, дамы, добро пожаловать. Не стесняйтесь, не робейте, — приглашал он из дальнего конца комнаты. Поза театрально-лихая, в одной руке револьвер, в другой — электрошоковый пистолет.

Наоми казалось, что он под маской улыбается. Больше всего на свете ей хотелось хоть раз увидеть его лицо, а затем растерзать его, разорвать в клочья и стереть эти клочья в пыль.

Сердце у нее екнуло, когда она оказалась в просторной, красиво обставленной гостиной и увидела на столе свою скрипку. Казанова притащил ее сюда, в это ужасное место.

Он вальсировал по комнате с низким потолком, словно церемониймейстер на маскараде. Он умел быть элегантным и даже галантным. Держался с непревзойденной уверенностью.

Щелкнув золотой зажигалкой, он закурил длинную тонкую дамскую сигарету. Остановился по очереди перед каждой женщиной, поговорил. Трогал обнаженные плечи, гладил по щекам, по чьим-то длинным светлым волосам.

Все женщины были великолепны. Красивая одежда, умело наложенная косметика. Аромат духов заполнил комнату. «Вот если бы

им всем, скопом, броситься на него, — думала Наоми. — Ведь можно же его как-то одолеть».

— Как, наверное, многие из вас уже догадались, — он слегка возвысил голос, — к сегодняшнему торжеству приготовлен приятный сюрприз. Вечерний концерт.

Он указал пальцем на Наоми и жестом приказал ей подойти. Он всегда, собирая их вместе, вел себя очень осторожно. Не выпускал из рук оружие.

— Прошу тебя, сыграй нам что-нибудь, — сказал он Наоми. — Что хочешь. Наоми играет на скрипке, и играет замечательно, должен заметить. Не смущайся, дорогая.

Наоми не в силах была отвести взгляд от Казановы. Полы его халата были распахнуты, демонстрируя его наготу. Временами он заставлял их играть на музыкальных инструментах, петь, читать стихи или просто рассказывать о себе, о своей жизни, какой она была до низвержения в эту преисподнюю. В тот вечер настала очередь Наоми.

Она понимала, что выбора у нее нет. Она решила быть храброй, не терять достоинства.

Она взяла в руки скрипку, свой бесценный инструмент, и множество больно ранивших воспоминаний обрушилось на нее. «Храбрость... достоинство», — твердила она мысленно. Это было ее жизненное кредо.

Ей, молодой чернокожей женщине, пришлось научиться искусству самообладания. И теперь предстояло показать все, на что она способна.

— Я хочу сыграть вам Первую сонату Баха, — спокойно объявила она. — Первая часть, адажио. Прекрасная музыка, и я постараюсь ее не испортить своим исполнением.

Наоми подняла скрипку на плечо и закрыла глаза. Затем опустила голову на подбородник, открыла глаза и принялась настраивать инструмент.

«Храбрость... достоинство», — напоминала она себе.

А потом заиграла. Технически это было далеко от совершенства, но зато очень выразительно. Исполнение Наоми всегда отличалось индивидуальностью. Главным для нее была музыкальность, а не техника. Ей хотелось плакать, но она сдерживала свои чувства. Они

рвались наружу вместе с музыкой, вместе со звуками прекрасной сонаты Баха.

— Bravo! Bravo! — закричал Казанова, когда она закончила играть.

Женщины заплодировали. Это разрешалось. Наоми смотрела на их красивые лица. Она разделяла их страдания. Ей так хотелось с ними поговорить. Но собирал он их вместе лишь для того, чтобы лишний раз продемонстрировать свою неограниченную власть над ними.

Казанова протянул руку и дотронулся до плеча Наоми. Пальцы его были горячи и, казалось, обожгли кожу.

— Сегодня ты останешься со мной на ночь, — вкрадчиво произнес он. — Это было великолепно, Наоми. И ты такая красивая, самая красивая из всех здесь. Тебе известно об этом, милая? Конечно, известно.

«Храбрость, стойкость, достоинство», — без конца повторяла про себя Наоми. Она была урожденной Кросс. Она не позволит ему увидеть ее страх. Найдет способ одолеть его.

Глава 59

Мы с Кейт работали в ее квартире в Чепел-Хилле. Снова вели разговор об исчезнувшем доме, пытаясь разгадать эту невыносимую загадку. В начале девятого в дверь позвонили, и Кейт пошла открывать.

Я видел, что она с кем-то разговаривает, но с кем именно, понять не мог. Рука инстинктивно потянулась к револьверу. Кейт провела гостя в дом.

Это был Кайл Крейг. Мне сразу бросился в глаза его измученный вид и мрачный взгляд. Видимо, что-то стряслось.

— Кайл говорит, у него есть кое-что для вас интересное, — сообщила Кейт, входя в гостиную вместе с Кайлом.

— Я тебя вычислил, Алекс, — сказал Кайл. — Это было нетрудно. — Он сел на диван рядом со мной. Судя по виду, присесть ему не мешало.

— Я предупредил администратора гостиницы и телефонистку, где меня искать до девяти часов.

— Я ведь сказал, что легко тебя нашел. Вы только посмотрите на него, Кейт. Нетрудно понять, отчего он до сих пор работает следователем. Помешан на работе. Стремится разгадать все загадки на свете, большие и маленькие.

Я с улыбкой покачал головой. В общем-то Кайл прав.

— Я люблю свою работу, потому что имею дело с такими выдающимися личностями, как ты. Что случилось. Кайл? Не тяни.

— Джентльмен-Ловелас лично встретился с Бет Либерман. Она мертва. Он отрезал ей пальцы, Алекс. Убил ее, а потом поджег квартиру на западе Лос-Анджелеса. Полдома сгорело.

Бет Либерман не вызывала у меня чересчур приятных воспоминаний, но я был потрясен ее смертью. Я поверил Кайлу на слово, что мне незачем приезжать в Лос-Анджелес.

— Может быть, он знал, что в ее квартире есть что сжигать? Может быть, у нее были какие-нибудь важные улики?

Кайл перевел взгляд на Кейт.

— Видали, как он работает? Прямо машина какая-то. У нее на самом деле были на руках уличающие материалы, — сообщил он нам

обоим. — Только не дома, а в редакции, в компьютере. Теперь они есть и у нас.

Кайл протянул мне длинный свиток факса и ткнул пальцем в самый конец листа. Факс пришел из лос-анджелесской конторы ФБР.

Я посмотрел в конец свитка и прочел подчеркнутый абзац.

«Возможный Казанова!!! Вполне вероятное подозрение.
Доктор Уильям Рудольф. Первостатейная мразь.
Место проживания: „Бeverли-Комсток“.
Место работы: Медицинский центр Седарс-Синай.
Лос-Анджелес».

— Вот мы и сдвинулись с мертвой точки. Превосходная улика, как ни говори, — сказал Кайл Крейг. — Джентльмен может оказаться этим врачом. Мразью, как она его называет.

Кейт переводила взгляд с меня на Кайла. Она ведь сама говорила нам, что Казанова может быть врачом.

— Что-нибудь еще нашли в записках Бет Либерман? — спросил я.

— Пока больше ничего, — ответил Кайл. — К сожалению, не успели спросить мисс Либерман о докторе Уильяме Рудольфе и о том, почему она внесла такой текст в компьютер. А теперь я сообщу о двух предположениях, которые бытуют среди наших специалистов с Западного побережья, — продолжал Кайл. — Ты готов к путешествию по извилинам большого воображения, дружище? К теоретическим размышлениям?

— Готов. Послушаем последние, самые грандиозные домыслы западного ФБР.

— Первая теория заключается в том, что он посылает эти дневниковые записи самому себе. Что он одновременно Казанова и Джентльмен-Ловелас. Он — это оба убийцы, Алекс. Оба — специалисты по части «безупречных преступлений». Есть и другие совпадения. Может быть, он страдает раздвоением личности. Западное ФБР, как ты его называешь, Алекс, настаивает на том, чтобы Кейт Мактирнан немедленно вылетела в Лос-Анджелес. Они желают с ней побеседовать.

Мне не слишком понравилась первая теория, но сбрасывать ее со счетов я не имел права.

— А какова вторая теория Дикого Запада? — спросил я Кайла.

— Согласно второй, этих людей двое. Но они не просто общаются, а конкурируют. Весьма опасная конкуренция, Алекс. И вообще от игры, которую они затеяли, Алекс, дрожь пробирает.

Часть третья
Джентльмен с юга

Глава 60

Он был джентльменом с Юга.

Образованным джентльменом.

Теперь он стал самым изысканным джентльменом Лос-Анджелеса.

Он оставался джентльменом при любых обстоятельствах. Этаким лощеный красавчик.

Огненно-красное солнце отправилось в свой долгий неторопливый путь, плавно клонясь к Тихому океану. Доктору Уильяму Рудольфу, прогуливавшемуся по авеню Мельроз в Лос-Анджелесе, оно показалось ошеломляюще великолепным.

Этот вечер был для Джентльмена «магазинным». Он впитывал в себя все, что видел и слышал, купался в атмосфере лихорадочного возбуждения.

Уличная сценка навела его на мысль о книге одного из самых лихих детективных писателей, вероятно Раймонда Чандлера, под названием «Калифорния, универсальный магазин». Очень точно все совпадало с тем, что наблюдал он теперь.

Его взгляд в большинстве случаев задерживался на привлекательных женщинах двадцати — двадцати пяти лет. Они только что выскользнули из отупляющего служебного мира своих рекламных агентств, банков и юридических контор увеселительного района, расположенного вокруг бульвара Сенчури. Одни из них были в туфлях на высоких каблуках и платформах, в обтягивающих эластичных юбочках, другие — в подогнанных по фигуре деловых костюмах.

До слуха его время от времени доносилось соблазнительное шуршание шелка, задорное цоканье каблучков модельных туфель, громкий скрип ковбойских сапог, стоивших больше, чем какой-нибудь американский шериф заработал за всю свою жизнь. Доктор Рудольф чувствовал жар и легкое головокружение. Чрезвычайно приятное головокружение. До чего же хороша жизнь в Калифорнии! И универмаг этот — магазин его мечты.

Наступил самый приятный для него момент: интродукция к окончательному решению. Просмотр меню перед тем, как заказать блюдо. Полиция Лос-Анджелеса пока по-прежнему находится в недоумении и растерянности. Конечно, в конце концов они могут его вычислить, но едва ли. Слишком он искушен в своем деле. Джекил и Хайд своего времени.

Прохаживаясь вдоль фирменных магазинов, он вдыхал аромат мускуса и цветочных духов, ромашковых и лимонных шампуней. Кожаные сумочки и юбки тоже имели собственный и весьма отчетливый запах.

Все это беспощадно щекотало нервы, но было восхитительно. Ну разве не смешно, что эти прелестные калифорнийские лисички дразнят и возбуждают из всей огромной толпы мужчин именно его?

А ведь он всего-навсего маленький пушистоголовый мальчик-лакомка, заблудившийся в кондитерской. Разве нет? Итак, какую из запретных сладостей он выберет на сегодняшний вечер?

Может быть, вот эту маленькую дуреху в красных туфельках и без чулок, что идет под руку с тем беднягой? Или соблазнительницу в пестром черно-белом костюмчике?

Некоторые женщины и в самом деле при входе и выходе из любимых магазинов окидывали доктора Уилла Рудольфа одобрительными взглядами.

Он был, несомненно, привлекателен даже по самым высоким и требовательным голливудским меркам. Напоминал чем-то певца Боно из ирландской рок-группы «Ю-Ту». Вернее, так выглядел бы Боно, будь он преуспевающим ученым в Дублине, Корке или прямо здесь, в Лос-Анджелесе.

Самая удивительная загадка Джентльмена состояла в том, что женщины почти всегда выбирали его сами.

Уилл Рудольф забрел в «Нейтивити», один из самых популярных в последнее время, перворазрядных магазинов на Мельроз. В «Нейтивити» можно было купить модельный бюстгальтер, кожаный жакет, отделанный норкой, «антикварные» наручные часы «Гамильтон».

Разглядывая молодые гибкие тела в многолюдном магазине, он думал о том, что в Голливуде все по первому разряду: приемы, рестораны и даже магазины. Город фактически попался на крючок

собственного особого статуса. И Джентльмен отлично понимал всю притягательность такого статуса. Еще бы, ведь он, Уилл Рудольф, был самым могущественным человеком в Лос-Анджелесе. Он упивался ощущением своей неуязвимости, газетной шумихой, подтверждавшей реальность его существования: он — не фикция, не плод собственного извращенного воображения. Джентльмен держал в узде весь город, причем город весьма влиятельный.

Он подошел поближе к восхитительной блондинке лет двадцати с небольшим. Она рассеянно разглядывала драгоценности. Все это ей явно наскучило. Наскучила ее роскошная жизнь. Она была, безусловно, самой красивой женщиной в «Нейтивити», но не это привлекло к ней Джентльмена.

Она выглядела безоговорочно недоступной. Даже в этом дорогом магазине, среди множества других привлекательных молоденьких женщин от нее исходили флюиды недоступности. Не подходи, словно говорила она. Даже не помышляй. Ты не достоин меня, кем бы ни был.

Он почувствовал, как в душе разразилась буря. Захотелось крикнуть во весь голос, перекрывая шум многолюдного торгового зала:

— Я могу тобой обладать! Могу! Ты понятия об этом не имеешь, но я — Джентльмен.

Губы у блондинки были полные, высокомерно изогнутые. Она понимала, что помада и тени для век ей ни к чему. Стройная, с тонкой талией. Элегантная в особом, свойственном южной Калифорнии стиле. Она была одета в цветастую хлопчатобумажную блузу, юбку с запахом и мокасины из дубленой кожи. Загар безукоризненно ровный и здоровый.

Наконец она взглянула на него. «Словно молнию метнула», — подумал доктор Уилл Рудольф.

Господи, что за глаза! Они должны принадлежать только ему. Целиком. Он бы поиграл ими, покатал в пальцах, носил бы повсюду с собой, словно талисман на счастье.

А ее взору предстал высокий, стройный, привлекательный человек лет тридцати с небольшим. Широкоплечий, атлетически сложенный. Фигура спортсмена или скорее танцовщика. Выгоревшие на солнце каштановые волнистые волосы стянуты на затылке в хвостик. Синие, как у юного ирландца, глаза. Одет в слегка помятую

врачебную куртку поверх традиционной оксфордской голубой сорочки, полосатый, принятый среди клиницистов галстук указывает на его профессиональную принадлежность. Башмаки на нем были дорогие, фирмы «Доктор Мартенс» — прочнейшая обувь. Выглядел он непоколебимо уверенным в себе.

Она заговорила первой. Сама его выбрала, не так ли? Взгляд ее голубых глаз светился невозмутимостью и весьма сексуальным сознанием своей неотразимости. Она теребила пальцами позолоченную сережку.

— Я что-то от вас утаила?

Он от души рассмеялся, обрадовавшись такому зрелому чувству юмора в нелегком искусстве знакомства. «Славная предстоит ночка», — подумал он. И был заранее в этом уверен.

— Прошу прощения. Обычно не имею привычки пялиться на женщин, во всяком случае стараюсь, чтобы меня не поймали за этим занятием, — сказал он, продолжая смеяться. Смех у него был искренний, естественный. Приятный смех. Незаменимый в его ремесле инструмент, особенно в Голливуде, Нью-Йорке, Париже — излюбленных охотничьих заповедниках Джентльмена.

— Вы вполне откровенны, и на том спасибо, — ответила она и тоже рассмеялась.

Золотое ожерелье звякнуло. Он с трудом подавил желание протянуть руку, сорвать его и пройтись языком по ее груди.

Если таково его желание, каприз, прихоть — эта женщина приговорена. Но стоит ли торопиться? Может быть, еще поискать?

Кровь бурными мощными толчками забила в висках. Нужно принимать решение. Он снова заглянул в безмятежные голубые глаза блондинки и нашел там ответ.

— Не знаю, как вы, — произнес он как мог спокойно, — но лично я уже нашел в этом магазине то, что мне чрезвычайно нравится.

— Ну что ж, пожалуй, и я тоже, — сказала она после недолгой паузы. И рассмеялась. — Как вы здесь очутились? Мне кажется, вы не здешний, или я не права?

— Родился в Северной Каролине. — Он открыл перед ней дверь, звякнул колокольчик, и они вместе вышли из дорогого магазина. — Пришлось потрудиться, чтобы избавиться от акцента.

— Вам это удалось.

Удивительно, насколько эта женщина была в восторге от собственной персоны и уверена в себе. Уверенность эта исходила от нее волнами, была частью ее существа. И ему предстоит разбить все это. Разбить вдребезги. О Господи, как жаждет он этого!

Глава 61

— Начали, друзья-легавые! Он выходит из «Нейтивити» с блондинкой. Идут по авеню Мельроз.

Мы вглядывались при помощи биноклей сквозь украшенную витрину «Нейтивити», пытаюсь хоть что-то рассмотреть в несусветном столпотворении магазина. Кроме того, ФБР установило прямые микрофоны на доктора Уилла Рудольфа и на блондинку в модном магазине.

Это была целиком и полностью операция ФБР. Полицейское управление Лос-Анджелеса они даже не уведомили о ней. Типично фэбээровская тактика, только теперь я был в одной с ними упряжке, спасибо Кайлу Крейгу. Ребята из ФБР хотели переговорить с Кейт в Лос-Анджелесе. Кайл устроил мне поездку туда после того, как я расписал ему, чего мы уже достигли и как это может быть важно в расследовании дела Казановы.

Было ровно половина шестого: шумный суматошный час пик великолепного солнечного калифорнийского дня. Градусов двадцать пять. А пульс у нас, сидящих в машине, выбивал никак не меньше тысячи ударов в минуту.

Наконец-то мы могли поймать на крючок этого монстра, хотя бы одного из них. Во всяком случае, мы на это очень рассчитывали. Доктор Уилл Рудольф показался мне этаким современным вампиром. Весь день он провел, шатаясь по модным магазинам. Даже девушки, прохлаждавшиеся у бургерных автоматов «Джонни Рокета», выполненных в стиле пятидесятых годов, могли стать его жертвами. Он сегодня, несомненно, вышел на охоту. Выслеживает девочек. Но действительно ли он тот самый Джентльмен?

Я работал бок о бок с двумя старшими агентами ФБР. Мы засели в ничем не примечательном фургончике, припаркованном в переулке, выходящем на Мельроз. Наш переговорник был подключен к суперсовременным прямым микрофонам, установленным на двух из остальных пяти машин, следующих по пятам за возможным Джентльменом. И вот теперь решительный момент был близок.

— Мне кажется, я тоже нашла, что искала, — услышали мы слова блондинки. Она напомнила мне хорошеньких студенток, которых Казанова похищал на Юге. А может быть, это он и есть? Убийца-путешественник? Один в двух лицах?

Специалисты из ФБР здесь, на Западном побережье, считали, что способны ответить на этот вопрос. По их мнению, так называемые безукоризненные преступления на обоих побережьях совершал один и тот же мерзавец, ибо ни одно похищение или убийство не происходило одновременно в двух концах страны. К несчастью, теорий на счет Джентльмена и Казановы, по крайней мере известных мне, существовало никак не менее десятка. Но ни одна из них мне до сих пор не казалась убедительной.

— Вы давно в Голливуде? — услышали мы вопрос блондинки, обращенный к Рудольфу. Тон был игривый. Она, несомненно, с ним кокетничала.

— Достаточно давно, чтобы встретить вас. — Его голос пока что звучал вкрадчиво и почтительно. Правой рукой он слегка поддерживал ее под локоть. И это Джентльмен?

Он совсем не походил на убийцу, но зато очень напоминал Казанову, которого описывала Кейт Мактирнан. Атлет, очень нравится женщинам и доктор. Глаза синие — этот цвет Кейт удалось различить под маской Казановы.

— Этот жеребец, похоже, может играючи любую женщину заарканить, — сказал, повернувшись ко мне, один из фэбээровцев.

— Но не для того, что он собирается с ними вытворять, — ответил я.

— Это ты в точку попал.

Агент Джон Асаро был американцем мексиканского происхождения. Разраставшуюся лысину с лихвой компенсировали густые усы. Ему было, вероятно, под пятьдесят. Второго агента звали Реймонд Косгроув. Оба, похоже, неплохие ребята и профессионалы высокого уровня из ФБР. Меня до поры до времени опекал Кайл Крейг.

Я не мог отвести взгляда от Рудольфа и блондинки. Она показала в сторону сверкающего черным лаком «мерседеса» с опущенным брезентовым верхом. Он стоял там, где вдоль улицы тянулся еще один ряд дорогих магазинов. Голова блондинки с развевающимися на ветру

волосами оказалась на фоне кричащей вывески с изображением ковбойского сапога восьми футов высотой.

Мы, затаив дыхание, слушали их разговор на многолюдной улице. Прямые микрофоны не упустили ни слова.

— Вон там моя машина стоит, спортивная. Рыжеволосая дама на пассажирском сиденье — моя подруга. Неужели вы в самом деле считаете, что меня можно вот так запросто заполучить?

Блондинка щелкнула пальцами, и пестрые браслеты на ее руке зазвенели, словно рассмеявшись в лицо Рудольфу.

— Отвалите, доктор.

Джон Асаро громко застонал.

— Бог мой, она его отшила! Его! Вот здорово! Только в Лос-Анджелесе такое возможно.

Реймонд Косгроув забарабанил мясистой ладонью по приборному щитку.

— Сукин сын! Она уходит. Вернись, ягодка моя! Скажи, что пошутила!

Мы поймали его. Почти поймали. У меня тошнота к горлу подкатывала от мысли, что он ускользает от нас. Его надо взять только с поличным, иначе арест невозможен.

Блондинка пересекла Мельроз и села в лоснящийся черный «мерседес». Рыжеволосая подруга ее была коротко стрижена и носила серебряные серьги в форме колец, поблескивавшие в лучах предвечернего солнца. Блондинка наклонилась и поцеловала ее.

Наблюдавший за ними доктор Уилл Рудольф вовсе не казался расстроенным. Он стоял на тротуаре, засунув руки в карманы белой куртки, и вид у него был вполне безмятежный. Как будто ничего не случилось. Может быть, перед нами маска Джентльмена?

Любовная пара махнула на прощание из «мерседеса», машина промчалась мимо, а он одарил их улыбкой, легким пожатием плеч и рассеянным кивком.

Но в микрофонах раздались произнесенные сквозь зубы слова:

— Чао, дамы. Мне бы хотелось разрезать вас обеих на кусочки и скормить чайкам на пляже. А номер вашей машины я, между прочим, запомнил, безмозглые телки.

Глава 62

Мы проводили доктора Уилла Рудольфа до самого его шикарного номера в пентхаусе гостиницы «Беверли-Комсток». Фэбээровцы знали, где он живет. Но с полицейским управлением Лос-Анджелеса этой информацией не поделились. Нервозность и разочарование владели всеми, кто сидел в нашей машине. ФБР затеяло с лос-анджелесской полицией опасную игру в «кошки-мышки».

Я покинул наблюдательный пункт около одиннадцати. Рудольф не выходил из гостиницы часа четыре. Назойливый неумолчный гул у меня в голове не стихал. Я все еще жил по восточному времени. Для меня сейчас было два часа ночи, и я чувствовал настойчивую необходимость лечь и поспать.

Агенты ФБР обещали позвонить сразу, если случится что-то непредвиденное или если доктор Рудольф выйдет на охоту снова. Он сегодня потерпел на Мельроз серьезную неудачу, и я предполагал, что он вскоре отправится на поиски другой жертвы.

Если это и в самом деле Джентльмен.

Меня поселили в «Холидей-Инн» на углу Сансет и Сепульведа. Кейт Мактирнан тоже там остановилась. ФБР отправило ее в Калифорнию, потому что она знала о Казанове более кого-либо другого, проходившего по делу. Мерзавец похитил ее, но она осталась в живых и теперь могла бы опознать убийцу, если он и Казанова окажутся одним и тем же лицом. Большую часть дня она провела в отделах ФБР в центре Лос-Анджелеса, отвечая на всевозможные вопросы.

Ее номер располагался на том же этаже, что и мой, через несколько дверей. Я разок стукнул, и она тут же распахнула белую дверь с черным номером 26.

— Не могла заснуть. Сгораю от любопытства, — сказала она. — Что случилось? Расскажите все по порядку.

Настроение у меня, честно говоря, после неудачной погони было препоганое.

— К сожалению, ничего не случилось. — Я сразу ответил на главный вопрос.

Кейт кивнула, но ждала продолжения. На ней была легкая голубая футболка, шорты защитного цвета и желтые шлепанцы. Сна ни в одном глазу, заведена как пружина. Я рад был видеть ее даже в половине третьего этой поганой ночи.

Я все-таки вошел, и мы поговорили об операции, затеянной ФБР, и о том, что случилось на авеню Мельроз. Я рассказал Кейт, насколько близки мы были к тому, чтобы сцапать доктора Уилла Рудольфа. Припомнил все его слова, каждый жест.

— Разговаривал как истый джентльмен и вел себя так же... до тех пор, пока блондинка его не разозлила.

— Как он выглядит? — спросила Кейт. Ей очень хотелось тоже участвовать в операции. Понятно, что она была разочарована. ФБР притащило ее в Лос-Анджелес, а затем заперло в номере на полдня и на ночь.

— Я вас понимаю, Кейт. Я разговаривал с ребятами из ФБР, и завтра с утра вы будете ездить со мной. Увидите его сами, возможно, прямо утром. Я не хочу сейчас сбивать вас с толку. Идет?

Кейт кивнула, но я понял, что она обиделась. Степень участия в деле ее явно пока не устраивала.

— Простите. Мне вовсе не хочется походить на эдакого крутого детектива и командовать вами, — выдавил я наконец. — Но давайте не будем спорить.

— Чего там. Вы тут ни при чем. Так что прощаю. Пожалуй, надо поспать немного. Завтра будет новый день. И, наверное, не из легких.

— Да, наверняка не из легких. Мне правда очень жаль, Кейт.

— Я вам верю. — Она все-таки улыбнулась. — И в самом деле прощаю. Спокойной ночи. Завтра перероем весь Беверли-Хиллз и найдем негодяя.

Я наконец ушел к себе в номер. Бросившись на постель, стал думать о Кайле Крейге. Ему удалось запродать мой неортодоксальный стиль работы своим собратям только по одной причине: однажды он сработал. На поясе у меня уже болтался скальп одного чудовища. И чтобы раздобыть его, я играл не по правилам. Кайл все понял и с уважением отнесся к результатам. И Бюро, в общем, тоже. Они явно играли здесь, в Лос-Анджелесе, по своим правилам.

Последняя полудремотная мысль была о Кейт и ее защитного цвета шортах. С ума сойти. У меня промелькнула мысль, что она

может пройти по коридору и постучать — тук-тук-тук — в мою дверь. В конце концов, мы в Голливуде. Разве не так бывает в кино?

Но Кейт в мою дверь не постучала. Так что со всякими кинематографическими фантазиями пришлось распрощаться.

Глава 63

День в выпендрёжном районе ожидался богатыми событиями — охотник из охотников рыскал по Беверли-Хиллз. День наподобие того, когда поймали наконец убийцу-душителя Ричарда Рамиреса.

Сегодня мы шли по следу хищного зверя.

Было начало девятого утра. Мы с Кейт сидели в снежно-голубом «тауресе», припаркованном в полуквартале от Медицинского центра Седарс-Синай в Лос-Анджелесе. В воздухе повис какой-то электрический гул, как будто весь город работал от одного гигантского генератора. В памяти всплыла строчка из старой песенки: «Чертов город этот Лос-Анджелес».

Я не находил себе места, нервы натянуты были как струна. Конечности немели, кишки подводило. Плохой признак. Недосыпание. Слишком большое напряжение в течение слишком долгого времени. Охота за монстром от моря до моря.

— Из «БМВ» выходит доктор Уилл Рудольф, — предупредил я Кейт сдавленным шепотом, будто меня душили чьи-то сильные руки.

— Красивый, — пробормотала Кейт. — И уверенный в себе. По походке чувствуется. *Доктор Рудольф.*

Больше Кейт не произнесла ни слова, только внимательно следила за Рудольфом. Он — Джентльмен? И он — Казанова? Или нас всех охватило общее безумие, природа которого мне пока непонятна?

Температура воздуха с утра была где-то около пятнадцати градусов. Воздух хрустально прозрачен, как осенью на северо-востоке. Кейт была одета в старенький спортивный студенческий костюм, высокие кроссовки и не слишком дорогие солнцезащитные очки. Длинные каштановые волосы она стянула на затылке хвостиком. Вполне подходящие для засады костюм и причёска.

— Алекс, ФБР за ним следит? — спросила она, не отрываясь от бинокля. — Они здесь? Эта скотина не может невзначай улизнуть?

Я покачал головой.

— Если он только подтвердит хоть чем-нибудь, что он и есть Джентльмен, они сразу его сцапают. Им самим этот арест позарез необходим.

Но ФБР еще и мне давало в руки очень полезную ниточку. Кайл Крейг свое обещание сдерживал. Пока, во всяком случае.

Мы с Кейт наблюдали, как доктор Уилл Рудольф выходит из двухместного «БМВ», припарковав его предварительно на частной стоянке на западной стороне клиники. Он был одет в пепельного цвета костюм европейского покроя, превосходно пошитый и очень дорогой. Стоил, вероятно, столько же, сколько мой дом в Вашингтоне. Каштановые волосы по последней моде стянуты в хвостик. Роскошные в черепаховой оправе очки от солнца.

Доктор клиники для избранных из Беверли-Хиллз. Дьявольски самоуверенный. Неужели тот самый Джентльмен, пропади он пропадом, который весь город на уши поставил?

Мне мучительно захотелось броситься на стоянку, сбить его с ног прямо там и захомутать немедленно. Я так стиснул зубы, что челюсть заныла. Кейт глаз не сводила с доктора Уилла Рудольфа. Может быть, он еще и Казанова? Неужели это один и тот же зверь? Неужели?

Мы оба следили за ним неотступно, пока он шел по больничной стоянке. Шаг у него был широкий, быстрый, энергичный. Ни малейших признаков нервозности. Наконец он исчез за серебристо-стальной боковой дверью клиники.

— *Доктор*, — произнесла Кейт и потрясла головой. — Это так дико, Алекс. У меня все дрожит внутри.

Щелчок переговорника заставил нас вздрогнуть от неожиданности, но тут же прозвучал низкий хрипловатый голос агента Джона Асаро.

— Видели его, ребята? Неплохо смотрится. Что думает мисс Мактирнан? Каков приговор нашему шизуку?

Я посмотрел на сидевшую рядом Кейт. В тот момент она выглядела на все свои тридцать один. Слегка растерянная, неуверенная. Даже лицо посерело. Главный свидетель. Она полностью понимала серьезность момента.

— Мне кажется, это не Казанова, — наконец сказала она и покачала головой. — Не такого сложения. Худее... держит себя по-другому. Не могу поручиться на сто процентов, но думаю, это не он, черт его побери. — В голосе ее проскользнула нотка разочарования.

Кейт продолжала качать головой.

— Нет, я почти уверена, что это не Казанова, Алекс. Их, видимо, двое. Два шизика.

Карие глаза напряженно вглядывались мне в лицо.

Итак, их двое. Конкурируют? Что же это за игра у них такая на разных побережьях?

Глава 64

Пока сидишь на стреме, только и дел, что языком почесать. Это было мне хорошо знакомо. У нас с Сэмпсоном в Вашингтоне даже поговорка была по этому поводу: «Им убивать — нам выжидать».

— Сколько он может зарабатывать врачебной практикой в Беверли-Хиллз, если дела идут хорошо? Хотя бы приблизительно, — спросил я Кейт. Мы по-прежнему следили за частной стоянкой доктора у Седарс-Синай. Делать было нечего. Знай себе разглядывай новенькую с иголки «БМВ» Рудольфа и трепись как бывало со старым приятелем у входа в вашингтонское полицейское управление.

— Думаю, он берет по полторы-две сотни за визит. Значит, в год может выходить до пятисот — шестисот тысяч. И еще оплата за хирургические операции, Алекс. Но все это в том случае, если у него есть совесть. А мы-то знаем, что совести у него нет, так что он скорее всего берет больше.

Я недоверчиво покачал головой и потер ладонью подбородок.

— Надо будет снова частной практикой заняться. Ребенку новые башмаки нужны.

Кейт улыбнулась.

— Скучаете по своим, да, Алекс? Все время о детях говорите. Деймон и Дженни. Бильярдный шар и подлиза.

Я улыбнулся в ответ. Кейт уже знала прозвища моих ребятешек.

— Да, конечно. Они мои малыши. Мои маленькие приятели.

Кейт рассмеялась. Хорошо, что мне удастся ее развеселить. Я вспомнил ее грустные и забавные рассказы о сестрах, особенно о близняшке Кристин. Смех — лучшее лекарство.

Черный двухместный «БМВ» по-прежнему стоял на своем месте, ярко поблескивая дорогими боками в лучах калифорнийского солнца. «Слежка всю душу выматывает, — подумал я, — все равно в каком месте. Даже в солнечном Лос-Анджелесе».

С легкой руки Кайла Крейга у меня здесь, в Лос-Анджелесе, появилось много концов. Гораздо больше, чем их было на Юге. И Кейт он тоже дело нашел. Но все это наверняка не за здорово живешь. Старый прохвост Кайл хотел, чтобы я допросил Джентльмена, как

только его поймают, и доложил ему результаты. Было у меня подозрение, что Казанову он хочет приберечь для себя.

— Вы вправду думаете, что эти двое конкурируют? — спросила Кейт после небольшой паузы.

— Психологически это, мне кажется, имеет смысл, — сказал я. — Они могут чувствовать потребность переплюнуть друг друга. Джентльмен своими дневниками как бы говорит: «Смотри, я лучше тебя. Более знаменитый». Но до конца я еще не понял. Вероятно, когда делишься своими подвигами, острых ощущений получаешь больше, чем когда скрываешь их. Им обоим явно нравится раззадоривать себя.

Кейт посмотрела мне прямо в глаза.

— Алекс, у вас не возникает мерзкого ощущения, когда вы все это обдумываете?

Я улыбнулся.

— Именно поэтому и хочу скорее поймать обоих мерзавцев. Тогда это ощущение сразу пройдет.

Мы с Кейт оставались на своем посту до тех пор, пока Рудольф наконец не вышел из больницы. Было около двух часов пополудни. Он поехал прямо к себе в офис на Норт-Бедфорд, к западу от Родео-Драйв. Там он принимал больных. По большей части женщин. Доктор Рудольф занимался пластической хирургией. Его профессиональный долг состоял в том, чтобы «создавать» и «лепить». Женщины от него зависели. Они были его пациентками и... сами его выбирали.

Около семи вечера мы поехали вслед за Рудольфом домой. «Пятьсот — шестьсот тысяч в год, — думал я. — Больше, чем я мог бы заработать за десяток лет. Неужели эти деньги нужны ему для того, чтобы быть Джентльменом? А Казанова, интересно, тоже богат? И тоже врач? Именно благодаря этому они совершают свои „безукоризненные“ преступления?»

Вопросы, вопросы — они не давали мне покоя. Я достал из брючного кармана карточку. Уже начал составлять короткое досье на Казанову и Джентльмена. Добавлял или вычеркивал какие-то существенные детали к портрету каждого. Карточку эту все время с собой таскал.

КАЗАНОВА
Коллекционер

гарем
художник, создает разные маски... чтобы отобразить
настроение или воплотиться в том или ином образе?
врач?
объясняется жертвам в «любви»
получает удовольствие от насилия
знает обо мне
конкурирует с Гэри Сонеджи?
конкурирует с Джентльменом?
ДЖЕНТЛЬМЕН
Дарит цветы — они некий сексуальный символ?
в крайней степени агрессивен и опасен
интересуется молодыми красивыми женщинами всех
типов
очень собран и предусмотрителен
не изощряется в способах убийства
врач
хладнокровен и невозмутим, как убийца... мясник
жаждет признания и славы, вероятно, богат — номер в
пентхаусе
окончил Королевскую медицинскую академию в 1986
году
родился и вырос в Северной Каролине

Пока мы с Кейт прохладжались у гостиницы, я раздумывал о связи между Казановой и Рудольфом. В голову пришла мысль о психологической взаимосвязи, типичной для двойников или близнецов. Вот где может быть ключ. Именно это обстоятельство способно объяснить странные отношения между двумя чудовищами. Они вытекают из необходимости единения, которое часто возникает между двумя одинокими людьми. Стоит таким «близнецам» объединиться, как они тут же становятся единым целым, приобретают зависимость друг от друга и часто одержимы стремлением к такой зависимости. Иногда «близнецы» начинают яростно соперничать.

Их тяга друг к другу все равно что стремление к спариванию. Желание принадлежать одному гнезду, тайному клубу. Только двое и никаких паролей. Как отрицательное явление подобное «спаривание»

выражается в соединении двух людей ради удовлетворения их индивидуальных потребностей, обоюдно нездоровых.

Я решил посоветоваться с Кейт. Они ведь с сестрой тоже близнецы.

— Очень часто в отношениях между близнецами кто-то верховодит, — сказал я. — А как было у вас с сестрой?

— В нашем с Кристин случае, вероятно, лидером была я, — ответила Кейт. — Я получала в школе хорошие отметки. В некоторых случаях вела себя активнее. В старших классах она даже прозвала меня Танком за мою пробивную способность. А иногда называла и похуже.

— Доминирующий близнец может взять на себя мужскую роль в структуре поведения, — объяснял я Кейт. Мы беседовали друг с другом, как профессионалы-врачи. — Хотя он вполне может быть не слишком искушен в искусстве общения.

— Как вы, наверное, догадываетесь, я кое-что читала о взаимоотношениях близнецов, — с улыбкой сообщила Кейт. — В этом случае возникает на удивление прочная структура, внутри которой взаимосвязанная пара может действовать самыми различными способами. Я верно рассуждаю?

— Верно, доктор Мактирнан. В случае с Джентльменом и Казановой каждый из них как бы имеет собственного телохранителя-пособника. Может быть, именно поэтому им так все удавалось. Безукоризненные преступления. Каждому из них обеспечена некая неотъемлемая, невероятно эффективная эмоциональная поддержка.

В голове колоколом прогудел вопрос: «Как и где они впервые встретились? В медицинской академии? Может быть, Казанова тоже там учился?» В этом был смысл. И потом эта мысль напомнила мне дело Леопольда-Лоуба в Чикаго. Двое мальчиков, очень умных и очень непростых, совершали запрещенные акты. Делились грешными мыслями и грязными тайнами, поскольку были одиноки и ни с кем больше не могли поделиться... Самое худшее, самое разрушительное проявление тяги родственных душ друг к другу.

Может быть, это начало разгадки? Так мне подумалось. Могут ли Казанова с Джентльменом быть духовными близнецами? Работают ли они и в самом деле вместе? Что же это у них за мерзкая игра на пару?

— Пошли окна перебьем, ворвемся и все загадки сразу разрешим, — сказала Кейт. Настроение у нее было такое же, как у меня. Мы оба были уже способны на все.

Нам не терпелось разделаться с этими повзрослевшими Леопольдом и Лоубом.

Глава 65

Пробило восемь, а наша «стрема» все продолжалась. Может быть, все-таки доктор Уилл Рудольф не Джентльмен? Бет Либерман, репортер «Лос-Анджелес Таймс», могла ошибаться. Только теперь ее ни о чем не спросишь...

Мы с Кейт обсудили все, что могли: баскетбольную команду «Лос-Анджелес Лейкерз» без игроков Мэджика Джонсона и Карима, последний альбом Арона Невилла, совместную жизнь Хиллари и Билла Клинтон, преимущества медицинского университета Джонса Хопкинса перед медицинским факультетом университета Северной Каролины.

Между нами по-прежнему вспыхивали некие странные искры. Я неофициально провел несколько сеансов терапии с Кейт Мактирнан и один сеанс гипноза. Я понимал, что боюсь пожара, готового вспыхнуть в нас. Что со мной такое? Пора начать жизнь сызнова, перешагнуть пропасть, возникшую после утраты жены Марии. Мне казалось, что все неплохо шло с женщиной по имени Джеззи Фланаган, но опустошенность, которую я потом испытал, ничем невозможно было заполнить.

Наконец мы с Кейт добрались до тем более личного характера. Она спросила, почему я чужаюсь близких взаимоотношений (потому что жена умерла, потому что последняя связь окончилась неудачей, потому что у меня двое детей?). Я спросил, отчего она так осторожно относится к определенному свойству связям (оттого, что боится умереть от рака яичников или груди, как ее сестры; боится, что могут умереть любовники или бросить ее, короче, что она будет снова терять близких?).

— Ну что ж, мы с вами неплохая парочка.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Наверное, мы оба страшимся утрат, — сказала Кейт. — И все же любить и терять лучше, чем бояться.

Но прежде, чем мы успели углубиться в эту тему, появился доктор Уилл Рудольф. Я взглянул на часы на приборном щитке. 10.20.

Рудольф был одет в черную вечернюю пару. Блейзер в талию, водолазка, узкие брюки, шикарные ковбойские сапоги. Вместо «БМВ»-седана он теперь сел за руль белого «рэнджровера». Выглядел свежесмытым, выспавшимся. Я ему позавидовал.

— Весь в трауре наш доктор, — с натянутой улыбкой отметила Кейт. — Костюм убийцы?

— Возможно, он одет для встречи за ужином, — предположил я. — Может быть, он сначала женщину приглашает на ужин, а потом уже убивает. Чем не вариант?

— Тогда он и в дом к ним может попасть. Какая мерзость! Два отъявленных негодяя на свободе.

Я завел мотор, и мы двинулись вслед за Рудольфом. Фэбээровцев, которые должны были нас прикрывать, я не видел, но твердо знал, что они рядом.

Бюро так и не подключило к этой операции полицейское управление Лос-Анджелеса. Не слишком безопасная игра, но достаточно привычная для ФБР. Они считают себя асами во всем на свете и непререкаемым авторитетом. Решили, что это преступление федерального масштаба, стало быть, им его и раскручивать. У кого-то в Бюро на это дело сильно стояло.

— Вампиры всегда по ночам охотятся, правда? — спросила Кейт, пока мы ехали по Лос-Анджелесу в южном направлении. — Очень на это похоже, Алекс. Джентльмен-Ловелас Брэма Стокера. Документальный роман ужасов.

Я понимал Кейт и разделял ее ощущения.

— Он монстр. Но создал себя сам. Так же, как Казанова. Это еще одна общая их черта. Брэм Стокер, Мэри Шелли, они оба писали о выдуманных чудовищах в человеческом образе, бродящих по земле. А теперь перед нами шизики, воплотившие в жизнь их изощренную фантазию. Ну и страна!

— Не нравится, скатертью дорога, малыш, — растягивая слова на южный манер, произнесла Кейт и подмигнула мне.

Мне в жизни столько раз приходилось участвовать в слежке, что я успел поднатаскаться. Диплом выпускника, как мне кажется, я получил во время розыска Сонеджи. Поэтому успел оценить способности ФБР Западного побережья. Они тоже неплохо справлялись.

Агенты Асаро и Косгроув включили переговорник, как только мы снова тронулись с места. Они отвечали за группу преследования Уилла Рудольфа. Мы так до сих пор и не знали, Джентльмен ли он. Не было доказательств. Доктора Рудольфа мы пока трогать не имели права.

Теперь мы следовали за «рэнджровером» на запад. Наконец Рудольф свернул на Сансет-Драйв и дальше поехал по прямой на Тихоокеанскую автостраду. Затем он двинулся на север по Первой американской автостраде. Я обратил внимание на то, что он все время, пока ехал по Лос-Анджелесу, держал скорость в установленных пределах. Но стоило выбраться на шоссе, как он рванул, словно крылья выросли.

— Куда его несет, черт побери? У меня прямо душа в пятки уходит, — призналась Кейт.

— Все будет в порядке. Хотя ночью за ним гоняться не слишком приятно. — Мне и в самом деле казалось, будто мы остались с ним один на один. Куда же в самом деле его несет? Если следовать его схеме, то в самом скором времени он должен кого-то убить. Наверняка душа горит.

Путешествие наше оказалось долгим. Над нами в калифорнийском ночном небе сверкали звезды. Шесть часов спустя мы все еще мчались по Первой автостраде. Наконец «рэнджровер» проехал причудливый деревянный указатель, на котором помимо других была надпись: «Государственный парк „Биг-Сер“».

Дальше на дороге нам встретился древнего вида фургон с надписью на бампере: «Представьте себе промышленную катастрофу».

— Представьте себе, что доктору Уиллу Рудольфу как следует вмажут, — проворчала Кейт.

Когда мы сворачивали с шоссе, я взглянул на часы.

— Начало четвертого. Поздновато для него ввязываться в серьезную передрагу. — Я надеялся, что он поостережется это делать.

— Если и были какие-то сомнения, то теперь ясно, что он самый что ни на есть вампир-кровосос, — пробормотала Кейт. Почти все время нашего долгого пути она ехала, прижав руки к груди. — Ему не терпится залечь поспать в свой любимый гроб.

— Верно. Там-то мы и вгоним ему в сердце осиновый кол, — напомнил я.

У нас обоих уже слегка кружилась голова. Я по дороге таблетку принял. Кейт отказалась. Она сказала, что о лекарствах знает слишком много, чтобы относиться к ним положительно.

Мы оставили позади целую серию дорожных указателей: Пойнт-Сер, Пфайфер-Бич, Биг-Сер-Лодж, Вентана, Институт Исален. Уилл Рудольф выбрал направление на Биг-Сер-Лодж, Сикамор-Каньон, мотель «Ботчерз-Гэп».

— А я надеялась, что он поедет в Исален, — объявила Кейт. — Учиться медитации, чтобы общаться со своей смятенной душой.

— Что же он задумал этой ночью? — спросил я сам себя вслух. Чем они с Казановой занимаются? Пока что понять это было невозможно. — Его берлога, наверное, здесь, в лесу, Кейт, — предположил я. — Может быть, у него такой же дом ужасов, как у Казановы?

Родственные души, снова мелькнула мысль. Это все больше походило на правду. У них наверняка есть какая-то система взаимопомощи. Пути обоих монстров следуют параллельно. Но где-то ведь они встретились! Охотились когда-нибудь вместе? У меня было подозрение, что это так.

Белый «рэнджровер» трясся по холмистой и довольно извилистой дороге, отходившей на восток от океана. Древние мрачные заросли калифорнийских мамонтовых деревьев выстроились по обе стороны узкой ленты шоссе. Белая полная луна, казалось, плыла прямо над «ровером», следовала за ним по пятам.

Я позволил ему уйти довольно далеко вперед, так что теперь он совсем пропал из вида. Огромные ели, толпившиеся вдоль дороги, устремлялись нам навстречу и оставались позади. Темные призраки реальной жизни. В свете фонаря блеснул яркий желтый дорожный знак, и мы прочли:

«В сырую погоду дорога непроходима».

— Он здесь, Алекс. — Кейт слегка опоздала с предупреждением. — Он остановился.

Джентльмен, прищурившись, скользнул взглядом по нашей проскочившей мимо машине.

Он нас видел.

Глава 66

Доктор Уилл Рудольф свернул на ухабистую грунтовую дорогу, отходившую от главного шоссе. Вышел из «рэнджровера» и нагнулся что-то взять с заднего сиденья. Нашу машину, проехавшую мимо, он оглядел недоуменным взглядом.

Я продолжал ехать, не снижая скорости, по темному шоссе, казавшемуся еще чернее от нависших над ним сучковатых ветвей. Через несколько сот ярдов после изгиба дороги я свернул на узкую обочину и остановился у железного дорожного столба, предвещавшего впереди еще более опасные изгибы и повороты.

— Он остановился у коттеджа, — сообщил я по вмонтированному в автомобиль переговорнику. — Из машины вышел.

— Видели. Мы его засекли, Алекс, — послышался в ответ голос Джона Асаро. — Мы находимся по другую сторону коттеджа. Внутри вроде бы темно. Включает свет. *El pais grande del sur.* ^[19] Вот как испанцы в давние времена называли эти места. Тут бы его и сцапать, ублюдка.

Мы с Кейт вышли из машины. Она слегка побледнела по вполне понятным причинам. Температура воздуха была где-то около нуля. Горный воздух свеж. Но Кейт дрожала не только от холода и сырости.

— Скоро мы его возьмем, — успокоил я ее. — Он начинает совершать ошибки.

— Наверное, вы правы, — тихо сказала она, — возможно, это второй дом ужасов. — Она не мигая смотрела перед собой. С нашей первой встречи в больнице я ни разу не видел, чтобы она так нервничала. — Мне так кажется, Алекс... Очень похоже на прежние ощущения. Очень мерзкие ощущения. Героиней меня не назовешь, правда?

— Поверьте, Кейт, я тоже сейчас отвагой похвастать не могу.

Густой прибрежный туман, казалось, поселился здесь навеки. Меня подташнивало и знобило, но надо было двигаться к логову зверя.

Мы с Кейт углубились в темные заросли и направились к коттеджу. Северный ветер свистел и завывал среди мамонтовых деревьев и елей. Кто знает, что нас здесь ждет.

— Черт, — выругалась Кейт, выразив этим словом всю гамму чувств, вызванных ночным приключением. — Мне сейчас не до шуток, Алекс.

— Мне тоже.

El país grande del sur в три часа ночи. Рудольф прибыл на заброшенный аванпост на самом краю земли. Дом Казановы стоял на юге, и тоже в густом лесу. «Исчезающий» дом, где он держал свою живую коллекцию.

Я вспомнил жуткие дневники, публиковавшиеся в «Лос-Анджелес Таймс». Может быть, Наоми по прихоти какого-то безумца привезли сюда? И теперь держат в этом коттедже или где-то поблизости?

Я внезапно остановился. От воя ветра по телу бегали мурашки и возникало гадкое, но вполне соответствующее обстоятельствам ощущение. Впереди виднелся небольшой коттедж. Розовый с белыми дверьми и оконными рамами. Вполне симпатичный летний домик.

— Он нам свет оставил, — прошептала у меня за спиной Кейт. — Казанова, я помню, любил слушать рок-н-роллы на полную громкость, когда бывал в доме.

Я понимал, насколько ей тяжело снова вызвать воспоминания о своем ужасном заключении, вновь переживать его.

— Этот дом на тот ничем не смахивает? — спросил я, стараясь сохранять внутреннее равновесие, готовя себя к встрече с Джентльменом.

— Не знаю. Я ведь тот дом видела только изнутри. Алекс, хоть бы он не исчез у нас на глазах. Будем надеяться.

— Я сейчас на многое надеюсь. Эту надежду теперь тоже в список занесу.

Коттедж, крытый двухскатной крышей, был, вероятно, выстроен для летнего отдыха или поездок на выходные дни. Судя по внешнему виду, там должно быть три-четыре спальни.

Когда мы подошли поближе, я достал свой «глок». Это оружие в наши дни незаменимо в городских условиях. Весит в заряженном состоянии чуть больше фунта и легко прячется. В el país grande del sur он наверняка тоже сгодится.

Кейт по-прежнему оставалась у меня за спиной, когда мы вышли на полянку, служившую задним двором. Дорогу к дому освещали всего два источника. Во-первых, фонарь на крыльце и, во-вторых, окно на

задней стороне дома. Я направился ко второму, более тусклому. Махнул Кейт, чтобы не ходила за мной, и она отстала.

Это может быть Джентльмен, предупреждал я себя. Не суетись. Не исключена ловушка. Здесь можно всего ожидать. С этого момента любые предсказания отменяются.

Я уже видел спальню сквозь заднее окно. Я находился всего шагах в десяти от дома и, вполне возможно, от убийцы, терроризировавшего все Западное побережье. И тогда я его увидел.

Доктор Уилл Рудольф мерил шагами небольшую, отделанную деревянными панелями комнату и разговаривал сам с собой. Мне показалось, что он чрезвычайно возбужден. Обхватил себя обеими руками. Подойдя еще ближе, я заметил, что он весь в поту. Совсем не в лучшем виде. Эта сцена напомнила мне «одиночки» в психиатрических лечебницах, где пациенты временами выговаривают вслух мучащие их проблемы и тяжелые ощущения.

Внезапно Рудольф на кого-то крикнул... но в комнате никого, кроме него, не было. Лицо его и шея побагровели, а он все кричал и кричал... ни на кого, в пустоту! Кричал изо всех сил. Казалось, что вены вот-вот лопнут.

От этого зрелища у меня мороз по коже пробежал, и я отошел от коттеджа.

Но голос его и слова, которые он выкрикивал, все еще звенели у меня в ушах: «Черт тебя побери, Казанова! Целуй девочек! Целуй теперь этих телок сам!»

Глава 67

— Какого черта там делает Кросс? — спросил агент Джон Асаро своего напарника.

Они находились в самой чаще леса по другую сторону коттеджа в Биг-Сер. Коттедж этот вызвал в памяти Асаро первый альбом группы «Бэнд» под названием «Музыка большой звезды». Ему казалось, что из тумана вот-вот выбегут всякие юные бездельники и хиппи.

— Вероятно, Кросс — «подсадная утка», Джонни. Откуда мне знать? Он знаток, специалист по психам. Человек Кайла Крейга, — пожал плечами, сказал Рей Косгроув.

— Ну и что? Значит, пусть делает, что в голову взбредет?

— Значит, так. — Косгроув снова пожал плечами. За время работы в Бюро он столько повидал всяких дурацких ситуаций, столько «спецназначений», что теперешними обстоятельствами его удивить было невозможно. — Прежде всего, — заметил Косгроув, — нравится нам это или нет, его спустили напрямиком из Вашингтона.

— Меня от этого Вашингтона всегда блевать тянет, — сказал Асаро.

— Всех тянет, Джонни, а во-вторых. Кросс хотя бы настоящий профессионал, и этого у него не отнимешь. Не просто прославленный легавый. В-третьих, — продолжал старший и более опытный напарник, — и это самое главное: то, что у нас имеется на доктора Рудольфа, еще не доказывает, что это наш шизик. Иначе мы бы давно подключили полицию Л-А, армию, флот и подводников.

— Может быть, покойная мисс Либерман совершила ошибку, занеся его имя себе в компьютер?

— То, что она где-то допустила ошибку, это несомненно, Джонни. Может быть, вообще все ее догадки ошибочны.

— А не мог Уилл Рудольф быть в прошлом ее любовником? Вот она машинально и внесла его имя в компьютер.

— Сомнительно. Но возможно, — согласился Косгроув.

— Значит, мы следим за доктором Рудольфом и за доктором Кроссом, следящим за доктором Рудольфом, так? — спросил агент Асаро.

— В точку попал, приятель.

— Может быть, доктор Кросс и доктор Мактирнан хоть немного повеселят нас.

— Ну, этого заранее никогда не скажешь. — Реймонд Косгроув улыбнулся. Он думал, что все это дело похоже на охоту за химерами, и для него такое было бы не впервой, но химера — химерой, а дело все равно крупное и невероятно пакостное. Теперь оно вышло на федеральный уровень, и любую мельчайшую улику обследовали с невероятной скрупулезностью. Шутка ли, шизик орудовал от побережья до побережья!

А раз так, значит, ему, его напарнику и еще двоим агентам ФБР предстоит проторчать в темных лесах Биг-Сер всю ночь напролет до самого утра, коли надо. Они будут послушно следить за летним домиком хирурга-косметолога из Л-А, который, может быть, и есть тот самый ужасный убийца, а может быть, просто хирург-косметолог из Л-А.

Еще они будут следить за Алексом Кроссом и доктором Мактирнан и сплетничать о них. Но у Косгроува для этого было неподходящее настроение. А с другой стороны, дело все-таки крупное, как ни кинь. И если ему в самом деле удастся поймать Джентльмена, он сам станет прославленным легавым. Может быть, его даже сыграет в кино какой-нибудь знаменитый актер. Приглашают ведь кинозвезд на роли испанцев, так?

Глава 68

Мы с Кейт отошли от коттеджа на безопасное расстояние и спрятались за густыми елями.

— Я слышала, как он кричал, — сказала Кейт, когда мы углубились в лес. — Что вы там видели, Алекс?

— Дьявола, — ответил я, и сказал правду. — Видел совершенно безумного и насквозь порочного человека, разговаривавшего с самим собой. Если он не Джентльмен, то слишком хорошо его изображает.

Мы оба оставались на нашем наблюдательном посту у берлоги Рудольфа еще несколько часов. Таким образом, удалось немного отдохнуть. Около шести утра я встретился с ребятами из ФБР, и они передали мне карманный «уоки-токи» на случай, если мне срочно понадобится что-нибудь сообщить. Меня по-прежнему интересовал вопрос, как много они мне не рассказали из того, что знали.

Когда доктор Уилл Рудольф наконец снова появился на свет Божий, было начало второго субботнего дня. Серебристо-голубоватый нимб морского тумана к этому времени наконец рассеялся. Лесные сойки носились и вопили у нас над головами. При других обстоятельствах это место могло показаться очень милым для отдыха в горах.

Доктор Рудольф привел себя в порядок в отдельной, стоявшей во дворе за домом ослепительно белой душевой. Он был мускулист, с плоским животом, подвижный и подтянутый. Чрезвычайно привлекателен. Он прыгал и приплясывал нагишом. Но осанка его казалась слегка наигранной. Джентльмен.

— Он так невероятно уверен в себе, Алекс, — заметила Кейт, когда мы наблюдали за ним из леса. — Только посмотрите на него.

Все это выглядело очень странно, словно священнодействие какое-то. Может быть, танец — часть ритуала? Один из характерных приемов Джентльмена?

Приняв душ, он прошел через задний двор к небольшому палисаднику, заросшему лесными и полевыми цветами. Собрав букет, он понес его в дом. Цветы — неизменная принадлежность Джентльмена! Что дальше?

В четыре часа пополудни Рудольф снова вышел из задней двери коттеджа. На нем были узкие черные джинсы, белая трикотажная рубашка и черные кожаные сандалии. Он сел в «рэнджровер» и направился к Первой автостраде.

Примерно через две мили на юг по прибрежной дороге он остановился у ресторана и кафе под названием «Умиротворение». Мы с Кейт ждали на песчаной обочине, а затем последовали за «рэнджровером» на большую переполненную стоянку. Громкоговорители, спрятанные в ветвях деревьев, развлекали посетителей мелодией Джимми Хендрикса «Электрик Ледилэнд».

— А может быть, он самый обыкновенный лос-анджелесский сексуально озабоченный доктор? — предположила Кейт, когда мы наконец въехали на стоянку и стали искать место.

— Нет. Он Джентльмен, это точно. Это наш калифорнийский мясник. — Я в это уверовал на сто процентов, понаблюдав за ним ночью и сегодня утром.

В «Умиротворении» было полно народу, в основном молодые, привлекательного вида люди лет двадцати — тридцати, но попадались и хиппи-переростки, кое-кому из которых уже перевалило за шестьдесят. «Вареные» джинсы, последние модели купальников — крик моды Западного побережья, — разноцветные шлепанцы, дорогие походные башмаки. Полная разноголосица.

Попадалось и довольно много красивых женщин. Всех возрастов и комплекций, разных этнических групп. *Целуй девочек.*

Я, конечно, уже слышал об «Умиротворении». Это местечко славилось в шестидесятых, но еще раньше Орсон Уэллес купил вожделенную, невероятной красоты «недвижимость» для Риты Хейворт.

Мы с Кейт наблюдали за тем, как доктор Рудольф вел себя у стойки бара. Как подобает благовоспитанному человеку. Улыбнулся бармену.

Над чем-то посмеялся вместе с ним. Осмотрелся вокруг, внимательно разглядывая красивых женщин. Но, судя по всему, ему они не показались достаточно красивыми.

Он вышел на большую каменную террасу, смотревшую на океан. Дорогие музыкальные системы разносили звуки рок-музыки

семидесятых и восьмидесятых годов. Группы «Грейтфул Дэд», «Дорз», «Иглз». Теперь звучала песня «Отель „Калифорния“».

— Неплохое местечко для его целей, Алекс. Какие бы это цели ни были.

— Его цель — жертва номер семь. Шесть уже было, — сообщил я.

Далеко внизу, на недоступном пляже, разгуливали морские львы, бурые пеликаны, большие бакланы. Мне хотелось, чтобы здесь были Деймон и Дженни и тоже могли все это видеть, а еще, чтобы обстоятельства моего здесь пребывания были совсем иные.

Там, на террасе, я взял Кейт за руку.

— Давайте делать вид, что мы любовная парочка, — сказал я и подмигнул.

— А может быть, так оно и есть. — Она подмигнула мне в ответ.

Мы видели, как Рудольф подошел к яркой блондинке. Она была того типа, который предпочитал Джентльмен. Лет двадцати с небольшим. Прекрасная фигура. Красивое лицо. «Но таких и Казанова предпочитает», — подумалось мне.

Волнистые выгоревшие волосы спадали до узкой талии. На ней было цветастое, красно-желтое платье и тяжелые черные, по европейской моде, туфли. И походка хоть куда — не шла, а плыла. В руке бокал шампанского.

Я до сих пор не заметил поблизости, ни Косгроува, ни Асаро и поэтому слегка нервничал, чувствуя себя в глупом положении.

— Хороша, правда? Просто красавица, — шепнула Кейт. — Нельзя позволить ему надругаться над ней, Алекс. Нельзя допустить, чтобы с этой бедняжкой что-нибудь случилось.

— Не допустим, — пообещал я. — Но сцапать его нужно с поличным, хотя бы за похищение. Нам нужны доказательства, что он и есть Джентльмен.

В конце концов, я все-таки разглядел у главной многолюдной стойки Асаро. На нем была ярко-желтая футболка фирмы «Найк», и он вполне вписывался в окружение. Ни Косгроува, ни двух других агентов я не заметил, что было неплохим знаком.

Рудольф и молодая блондинка спелись почти мгновенно. Она оказалась весьма общительной хохотушкой. Зубы у нее были безукоризненные и улыбка неотразимая. Такую красотку нельзя не

заметить даже в переполненном зале. Мозги у меня заработали на полный ход. Джентльмен за работой? Мы наблюдаем процесс?

— Он охотится... вот что. — Кейт щелкнула пальцами. — Выбирает себе любую, какую пожелает. Все, оказывается, очень просто... Они клюют на его внешность, Алекс, — продолжала она. — У него вид победителя, и он очень красив. Некоторые женщины перед такой комбинацией устоять не в силах. Она позволяет ему думать, что увлеклась его болтовней, но на самом деле только его неотразимой рожей.

— Так, значит, она сама его выбрала? — спросил я. — Нашего неотразимого убийцу.

Кейт кивнула. Она не могла отвести взгляда от этой пары.

— Она выбрала Джентльмена. Он, конечно, хотел этого сам. Вот именно так он их и подбирает, и поэтому его трудно поймать.

— А ведь Казанова не так работает. Верно?

— Может быть, Казанова некрасив? — Кейт повернулась ко мне. — И поэтому носит маски. Может быть, он уродлив, безобразен и стыдится своего вида.

У меня было другое мнение, иная теория насчет Казановы и его масок, но я не хотел пока ничего говорить.

Джентльмен и его новая подруга заказали по булочке с амброзией [20] — фирменное блюдо. Мы с Кейт тоже. Уж раз попали в рай... Они проторчали в кафе часов до семи, а потом собрались уходить.

Мы с Кейт тоже поднялись из-за стола.

Если не учитывать жутких обстоятельств, я, можно считать, прекрасно проводил время. Стол наш стоял так, что мы видели океан. Там, внизу, волны разбивались о груды черных скользких валунов, и до нас доносился громкий лай морских львов.

Я заметил, что по дороге к автомобильной стоянке наши вновь испеченные любовники друг до друга ни разу не дотронулись. Такое наблюдение, заставило меня предположить, что один из них в глубине души стеснителен.

Доктор Уилл Рудольф учтиво открыл перед блондинкой дверь «рэнджровера», и она со смехом скользнула внутрь. Он изобразил легкий элегантный поклон. Джентльмен.

«Она выбрала его», — думал я. Пока это еще не похищение. Пока еще последнее слово остается за ней.

Нам не за что было его арестовывать. Нечего предъявить.
Безкоризненные преступления.
На обоих побережьях.

Глава 69

Мы следовали за «рэнджровером» на приличном расстоянии вплоть до самого коттеджа. Я остановил машину примерно в четверти мили дальше по дороге. Сердце стучало громко и настойчиво. Настал момент истины, занавес поднимался.

Мы с Кейт пробежали обратно к коттеджу по лесу и нашли укромное местечко менее чем в пятидесяти ярдах от берлоги доктора Рудольфа.

Нам даже слышно было музыкальное треньканье ветряных колокольчиков. С моря наплывал холодный сырой туман, и у меня начинали мерзнуть ноги.

Джентльмен в коттедже. Готовится. Но к чему? Кишки у меня в животе сжались в тугой комок. Мне не терпелось застучать доктора Уилла Рудольфа за его мерзким занятием. И я не желал сейчас думать о том, сколько раз он раньше предавался ему. Увозил куда-то молодых женщин. Увечил их. Забирал с собой домой ступни, глаза, пальцы, сердца. Сувениры убийцы.

Я взглянул на часы. Рудольф находился в коттедже с блондинкой из «Умиротворения» всего несколько минут. По другую сторону коттеджа я заметил в лесу какое-то движение. Фэбээровцы на месте. Напряжение возрастало.

— Алекс, а вдруг он ее убьет? — спросила Кейт. Она стояла совсем близко, я даже чувствовал жар, исходивший от ее тела. Она знала, что значит оказаться пленницей дома ужасов. Она понимала опасность лучше кого бы то ни было.

— Он своих жертв сразу не убивает. Следует заведенному порядку, — объяснил я. — Всех своих прежних жертв он держал по целому дню. Поиграть любит. И от правил своих не отступится.

Мне хотелось в это верить, но сказать наверняка я не мог. Может быть, доктору Рудольфу известно, что мы поблизости?.. Может быть, он желает быть пойманным? Может быть, может быть, может быть...

Мне припомнилась облава на сумасшедшего Гэри Сонеджи. Очень трудно не ворваться сейчас же в дом. Воспользоваться моментом немедленно. Ведь мы вполне могли обнаружить там

свидетельства других убийств. Например, пропавшие части тела. Он может совершать свои убийства именно здесь, в Биг-Сер. Или готовит нам какой-нибудь сюрприз. События разворачивались всего в пятидесяти ярдах.

— Я попробую подобраться поближе, — сказал я наконец. — Надо посмотреть, что там происходит.

— Правильно, — прошептала Кейт. Но разговор наш был прерван душераздирающим воплем, донесшимся из коттеджа.

— Помогите! Помогите! Кто-нибудь, помогите! — кричала блондинка.

Я со всех ног рванулся к ближайшей двери. То же самое сделали с другой стороны коттеджа еще как минимум пять человек в темно-синих ветровках. Среди них я заметил Асаро и Косгроува.

На ветровках были буквы «ФБР». Клеенчатые, желтые на синем.

В Биг-Сер разверзлась преисподняя. Настал момент встречи с Джентльменом.

Глава 70

Я добрался туда первым, во всяком случае, мне так показалось. Бросился со всего размаху на дощатую заднюю дверь коттеджа, но она не поддавалась. Со второй попытки рама треснула, и дверь распахнулась, болезненно крикнув. Я ворвался в дом с пистолетом наготове.

С того места, где я очутился, просматривалась маленькая кухня и узкий коридор во всю длину вплоть до входа в спальню. Блондинка из «Умиротворения» лежала на боку, обнаженная, на старинной латунной кровати, усыпанной цветами. Руки были скованы за спиной наручниками. Она корчилась от боли, но, по крайней мере, была жива. Джентльмена поблизости не оказалось.

Снаружи донеслась оружейная пальба. С полдюжины выстрелов, один за другим, — настоящий фейерверк.

— Ради всего святого, только не убивайте его! — завопил я и выскочил из коттеджа. В лесу творилось черт знает что! Когда я оказался снаружи, «рэнджровер» задним ходом уже мчался на всей скорости прочь. Двое фэбээровцев лежали на земле. Один из них оказался агентом Косгроувом. Остальные палили вслед удирающему «рэнджроверу».

Боковое стекло взорвалось, и в дверце образовались зияющие дыры. Джип заметался из стороны в сторону, колеса забуксовали в песке и гравии.

— Братъ живым! — снова заорал я, но никто в этом диком хаосе даже внимания на меня не обратил.

Я помчался лесом в надежде перехватить Рудольфа, если он направится на запад, обратно к Первой автостраде. Я оказался там как раз в тот момент, когда «рэнджровер» с визгом выворачивал на дорогу. Следующим выстрелом разнесло второе стекло. Здорово! Ребята из ФБР теперь обстреливали нас обоих.

Я вцепился в дверь со стороны пассажирского сиденья и дернул на себя. Заперта. Рудольф попытался поддать газу, но я словно прилип к двери. «Ровер» снова завиял, не успев выбраться из рыхлой смеси песка с гравием у выезда на шоссе. Эта задержка дала мне

возможность ухватиться свободной рукой за багажник на крыше и вскарабкаться туда.

Рудольфу наконец удалось выскочить на бетонное покрытие, и он тут же вдавил педаль газа в пол. На полной скорости промчался ярдов семьдесят, а затем ударил по тормозам.

Я старался предугадать его действия, и это мне удалось, во всяком случае последний маневр. Я лежал, прижавшись лицом к железу, еще теплому от долгой стоянки под солнцем у «Умиротворения», раскинув руки и ноги. Я словно прилип к крыше, как походная раскладушка фирмы «Самсонит», и слезать оттуда не собирался. Не мог, даже если бы очень захотел. Он уничтожил как минимум полдюжины женщин в Лос-Анджелесе, и я должен был выяснить, жива ли еще Наоми. Он знал Казанову и знал все о Липучке.

Рудольф снова дал газу, и «рэнджровер» взревел и затрясся в попытке скинуть меня. Машина зигзагами металась по шоссе. Деревья и допотопные телефонные столбы, сливаясь друг с другом, со свистом пролетали мимо на огромной скорости. Сосны, Мамонтовы деревья, горный виноград, сменяли друг друга, словно в калейдоскопе. Растительность была в основном бурого цвета и колючая, как виноградники в Напа-Вэлли. Я взирал на мир с необычной точки обзора.

Надо сказать, что любоваться пейзажем, открывавшимся с моего насеста на «рэнджровере», не представлялось возможным. Все силы уходили на то, чтобы удержаться.

Рудольф мчался по извилистой дороге на скорости семьдесят — восемьдесят там, где и пятьдесят выжимать опасно.

Фэбээровцы, во всяком случае то, что от них осталось, не могли нас догнать. Куда им! Они ведь должны были еще добежать до своих машин, так что отстали не меньше, чем на несколько минут.

На подъезде к Тихоокеанской автостраде навстречу стали попадаться другие машины. Водители провожали нас недоуменными взглядами. Мне было очень интересно, о чем в этот момент думает Рудольф. Он больше не делал попыток меня сбросить. Каковы тогда его намерения? В первую очередь меня занимала его ближайшая цель.

Нам обоим сейчас грозил «шах». Но проиграть — по-крупному и очень скоро — должен был кто-то один. Уилл Рудольф был всегда чрезвычайно осмотрителен в своих действиях. И, конечно, никак не

ожидал, что его теперь поймают. Но как все же он собирается выпутываться?

До меня донеслось яростное рычание дизеля фургона «фольксваген». Я увидел, как к нам на страшной скорости приближается его задний борт. Мы промчались мимо, будто он стоял на месте.

По мере приближения к шоссе, ведущему на пляж, поток встречных машин нарастал. Больше всего было за рулем подростков, выбравшихся на послеполуденную прогулку. Кое-кто из них показывал пальцем на «рэнджровер» и смеялся, думая, что это шутка. Какой-то полный придурок из Сера напился, мол, до белых чертей и теперь развлекается. Старый пердун текилы нализался или у двадцатилетнего любителя повеселиться ЛСД из ушей полезло. Тронутый чувак на крыше «рэнджровера», въезжающий на скорости семьдесят миль в час на автомобильную стоянку, — живописная картинка получилась бы.

Так все-таки что он собирается делать, черт его подери?

Рудольф не сбавлял скорость на извилистом перегруженном шоссе. Водители машин, ехавших навстречу, яростно гудели. Но никто даже не сделал попытки нас остановить. А что, собственно, они могли? Что мог я? Только держаться изо всех сил и молиться!

Глава 71

Ярко-синее, с налетом седины, пятно океана блеснуло сквозь завесу елей и мамонтовых деревьев. Со стороны медленно ползущего впереди ряда автомобилей донесся грохот рок-музыки. Полный набор стилей — рэп сороковых годов, дрянные лабухи Западного побережья, психоделический рок тридцатилетней давности.

И снова ударила в глаза океанская синева. Заходящее солнце золотило пушистые ели. Неторопливые чайки и крачки кружили над верхушками деревьев. И тогда я увидел впереди Тихоокеанскую автостраду во всей ее бесконечности.

Что же он, черт его дери, собирается делать? Не может ведь вот так, запросто, вернуться в Лос-Анджелес. Или такой псих, что решится на это? Но когда-нибудь у него должен кончиться бензин. Что тогда?

Лишь немногие машины на шоссе двигались в сторону севера; основной поток устремлялся в южном направлении. «Рэнджровер» по-прежнему несся со скоростью более шестидесяти миль в час, то есть куда быстрее, чем разрешается на извилистой второстепенной дороге, в особенности там, где она подходит к главной, гораздо более многолюдной.

Но Рудольф, подъезжая к автостраде, скорости не снизил! Шоссе было заполнено «дачами на колесах», автомобилями с откидным верхом, джипами. Обычное столпотворение на калифорнийском северном побережье в субботу вечером, но главное безумие было еще впереди.

До автострады нам оставалось ярдов пятьдесят. Он ехал все с той же скоростью, если не быстрее. Руки у меня онемели. В горле пересохло от выхлопных газов. Я не представлял себе, сколько еще смогу продержаться. Но внезапно меня осенило, что он намеревается предпринять.

— Сукин сын! — заорал я, но только для того, чтобы отвести душу, и еще сильнее прижался всем телом к крыше.

Рудольф экспромтом сочинил план побега. До автострады оставалось не более десяти — пятнадцати ярдов. Как только «ровер» добрался до крутого поворота на автостраду, Рудольф резко ударил по

тормозам. Радиальные покрышки издали страшный визг, показавшийся с моего местонахождения особенно оглушительным.

Проезжавший мимо в разноцветном мини-фургоне бородач завопил:

— Расслабься, придурок!

«Придурок, это кто? — подумал я. — Если имелся в виду я, то мне расслабиться просто не терпится».

Груженный мною «рэнджровер» пролетел по инерции еще несколько ярдов, затем рванулся направо, потом налево, снова направо.

Какой тут поднялся бедлам! Все автомобили на шоссе засигналили одновременно. Водители и пассажиры не верили своим глазам, не могли понять, что такое на них несется с боковой дороги.

Рудольф намеренно крутил рулевое колесо только так, как этого делать нельзя. Он хотел, чтобы машину занесло.

Колеса визжали, словно истязаемые животные, «рэнджровер» развернуло капотом на юг, но двигаться он при этом продолжал на запад, прямо в кучу автомобилей. Затем его развернуло задом вокруг оси.

Теперь нам предстояло врезаться в общий поток задним ходом. Разобьемся неминуемо. Я не сомневался, что нам обоим конец. В сознании вспыхнули лица Деймона и Дженни.

Я не мог сообразить, с какой скоростью мы движемся, когда «ровер» врезался боком в серебристо-голубой мини-фургон. Я даже не пытался цепляться за бортики крыши. Наоборот, старался расслабиться, приготовившись к сокрушающему, вероятнее всего смертельному удару, который должен был состояться через несколько секунд.

Я завопил, но вопль мой потонул в яростном скрежете железа, вое автомобильных гудков и криках зрителей.

Сорвавшись с крыши, я чудом перелетел через встречную полосу. Рев автомобильных гудков усилился. Я летел по воздуху легко, как птица. Морской ветер охлаждал и одновременно обжигал лицо. Мое приземление должно было окончиться катастрофой.

Я влетел в голубоватую туманную дымку, осаждавшуюся между Тихим океаном и Тихоокеанской автострадой, и влипился в толстую ель. Падая вниз сквозь колючие цепкие еловые ветви, я понимал, что Джентльмен сейчас даст деру.

Глава 72

Прыжок. Рывок. Кувырок вперед через голову! У меня были сильные ушибы и синяки после аварии и падения, но, судя по всему, кости остались целы. Деловые ребята из «Скорой помощи» осмотрели меня на месте происшествия и хотели отвезти в ближайшую больницу для обследования, но у меня на вечер были другие планы.

Джентльмен вырвался на свободу. Он реквизирует машину, направляющуюся на север. Машину нашли. Но без доктора Рудольфа. Он остался вне досягаемости. Пока, во всяком случае.

Прибыв на место происшествия, Кейт сразу взвилась. Тоже стала требовать, чтобы я отправился в местную больницу. Агент ФБР Косгроув был уже там. Мы пошумели, поспорили, но в конце концов оба вылетели последним местным рейсом «Эйр-Вест» из Монреа. Обратно в Л-А.

С Кайлом Крейгом я уже переговорил дважды. Команда ФБР устроила засаду у квартиры Рудольфа, но никто на самом деле не верил, что он туда вернется. Теперь проводили обыск. Мне хотелось быть там, с ними. Не терпелось увидеть своими глазами, как он живет.

Во время перелета Кейт продолжала выказывать озабоченность моим состоянием здоровья. Она уже выработала особую манеру поведения, свойственную сиделкам, — была чуткой, нежной, даже на «ты» перешла, но при этом на удивление непреклонной, принимая во внимание такого упрямого пациента, как я.

Разговаривая со мной, она ладонью слегка придерживала мне голову под подбородком. Тон был настойчивым.

— Алекс, ты должен лечь в больницу, как только мы вернемся в Лос-Анджелес. Я говорю абсолютно серьезно. Ты меня знаешь, я к неприятностям привыкла относиться с юмором, но тут другое дело. Ты отправишься в больницу сразу с аэродрома. Эй! Ты хотя бы меня слушаешь?

— Я слушаю тебя, Кейт. И даже согласен с тобой. В принципе.

— Это не ответ, Алекс. Это чушь собачья. Я понимал, что Кейт права, но сегодня вечером времени на клиническое обследование не было. След доктора Уилла Рудольфа еще не простыл, и поэтому мы

могли бы в ближайшие несколько часов выследить его и сцапать. Шанс невелик, но к утру он станет еще меньше. Тогда следы Джентльмена остынут безнадежно.

— У тебя может быть внутреннее кровотечение, о котором ты даже не подозреваешь. — Кейт продолжала гнуть свою линию. — Ты можешь умереть прямо здесь, в самолете, не сходя с кресла.

— У меня, конечно, жуткие синяки и кровоподтеки по всему телу, ушибы и все кругом болит. Правый бок, которым я приложился, в страшных ссадинах. Но при всем этом у меня имеется непреодолимое желание увидеть его нору прежде, чем ее разберут по частям. Я должен видеть, как живет эта сволочь.

— Более полумиллиона в год? Можешь мне поверить, живет он прекрасно, — снова взялась за меня Кейт. — А вот у тебя, напротив, все далеко не так распрекрасно. Когда люди прикладываются, это плохо для них кончается.

— Очень даже ошибаешься. Черные люди научились этому приему в целях выживания. Прикладываемся к земле и тут же вскакиваем.

Но Кейт моей шутке не рассмеялась. Сложив руки на груди, она уставилась в маленький иллюминатор. За последние несколько часов она разозлилась на меня во второй раз. А это может означать, что я ей не безразличен.

Она знала, что права, и не собиралась сдаваться. И мне нравилось, что она проявляет обо мне заботу. Мы были на самом деле друзьями. Невероятное явление для мужчины и женщины в девяностых годах. Мы с Кейт Мактирнан стали друзьями в тяжелые для нас обоих времена. А теперь трудились над составлением списка наших совместных испытаний. Недурной списочек получался.

— Знаешь, я рад, что мы с тобой приятели, — сказал я наконец, заговорщицки понизив голос. Я не боялся говорить ей всякие забавные глупости, не стеснялся дурачиться почти так же, как со своими детьми.

Отвечая мне, она от окна не отвернулась. Все еще злилась. Ну что ж, ее право. Я заслужил, наверное, ее гнев.

— Если бы ты действительно был моим другом, черт побери, то послушался бы меня, раз я так беспокоюсь и нервничаю. Несколько часов назад ты попал в автомобильную катастрофу. И пролетел ярдов тридцать по очень крутому склону оврага, приятель.

— Сначала я ударился о дерево. Тогда она повернулась и ткнула мне пальцем в сердце, как кол вогнала.

— Вот именно. Послушай, Алекс, я очень беспокоюсь о тебе, упрямая ты черная задница! Беспокоюсь так, что у меня живот подводит.

— Таких приятных вещей мне давным-давно никто не говорил. Однажды, когда в меня стреляли, Сэмпсон проявил искреннюю заботу. Но длилась она примерно минуты полторы.

Ее карие глаза смотрели на меня в упор сердито и строго.

— Я позволила тебе помочь мне в Северной Каролине. Позволила себя гипнотизировать, Господь тому свидетель. Почему ты не даешь мне помочь тебе здесь? Разреши, Алекс.

— Этому мне еще надо научиться. — Я не кривил душой. — Настоящим полицейским приходится обтяпывать нелегкие дела. И мы терпеть не можем, когда нам помогают. Мы ужасно уверены в себе. И в большинстве случаев нас такое положение вещей устраивает.

— Ах, прекратите нести эту психологическую чушь, доктор! Все это пустые оправдания, они показывают вас не с лучшей стороны.

— А я и есть теперь не с лучшей стороны. Как-никак пережил ужасную катастрофу.

Вот так мы перебранивались во время полета в Лос-Анджелес. Но под конец пути я задремал, положив голову на плечо Кейт. Никаких осложнений. Никакого лишнего багажа. Очень, ну просто очень приятно.

Глава 73

К несчастью, в Калифорнии еще не стемнело, что для всех участников дела не сулило ничего хорошего. Когда мы прибыли в номер Рудольфа в пентхаусе гостиницы «Бeverли-Комсток», повсюду сутились люди из полицейского управления Л-А. Из ФБР представителей тоже хватало. Короче, полицейский базар.

Красно-синие сигнальные мигалки заметны были за несколько кварталов. Местная полиция справедливо заимела зуб на фэбээровцев за то, что они так долго держали их в неведении. Ситуация неприятная, вздорная и нервозная. ФБР не впервые столкнулось с местной полицией. На моей памяти такое и в Вашингтоне случалось. И не раз.

Пресса тоже была тут как тут и в полном объеме. Газеты, местное телевидение, радио, даже несколько кинопродюсеров. Я не слишком радовался тому, что многие репортеры узнали меня и Кейт в лицо.

Они бросились к нам, когда мы пробирались сквозь строй полицейских и заграждения.

— Кейт, всего несколько минут!

— Несколько слов, прошу вас!

— Доктор Кросс, скажите, Рудольф это Джентльмен-Ловелас?

— Что случилось в Биг-Сер?

— Это квартира убийцы?

— Пока никаких комментариев, — отвечал я на все вопросы, стараясь не поднимать головы и глаз.

— Я тоже ничего сказать не могу, — добавила Кейт.

Полиция и ФБР впустили нас в квартиру Джентльмена. Оперативники мельтешили во всех комнатах дорогого номера. Мне показалось, что лос-анджелесские сыщики выглядят несколько дороднее, пижонистой и богаче, чем легавые в других городах.

Комнаты имели несколько пустынный, почти нежилой вид. Мебель по большей части кожаная, но с большим количеством хромированной и мраморной отделки. Никаких округлостей, сплошные углы. Живопись на стенах современная и весьма невыразительная. Что-то под Джексона Поллока и Марка Ротко. ^[21]И

вообще апартаменты походили на музей, только с огромным количеством зеркал и сияющих поверхностей.

Было несколько деталей, вероятно, характерных для Джентльмена.

Я все подмечал. Отмечал. Запоминал.

Буфет в столовой был забит столовым серебром, английским фарфором, настоящей керамикой, дорогими полотняными салфетками. Джентльмен знал толк в сервировке.

На письменном столе лежала стопка гербовой писчей бумаги и конверты с изящным серебристым орнаментом. Всегда и во всем Джентльмен.

На кухонном столе я заметил «Карманную винную энциклопедию» Хью Джонсона.

Среди десятка дорогих костюмов висели два смокинга. Шкаф был очень небольшой, узкий и такой аккуратный, что тошнило смотреть. Не шкаф, а храм одежды.

Наш загадочный, загадочный Джентльмен.

Я подошел к Кейт после примерно часовой экскурсии по жилью Джентльмена. Рапорты местной полиции я уже читал. Поговорил с большинством оперативников. Пока что им ничего не удалось обнаружить. Нам всем это казалось совершенно невероятным.

Из центра Лос-Анджелеса привезли самое новомодное лазерное устройство. Рудольф должен был оставить хоть какие-то следы. Но он их не оставил! И в этом до сей поры он более всего походил на Казанову.

— Как ты? — спросил я Кейт. — Мне, наверное, на целый час пришлось предоставить тебя самой себе.

Мы стояли у окна, выходящего на бульвар Уилшайр, а также на лос-анджелесский «Кантри-клуб». Темное пятно площадки для гольфа обрамлял свет множества автомобильных фар и освещенных окон жилых домов. Чуть дальше по улице бросалась в глаза реклама, изображавшая обнаженную модель на кушетке. На вид девочке было лет четырнадцать. «Наваждение», кричала реклама. «Только для мужчин».

— У меня открылось второе или даже третье дыхание, Алекс, — сказала Кейт. — Все ужасы этого мира сразу. Хоть что-нибудь нашли?

Я покачал головой, глядя на наше отражение в темном стекле.

— С ума сойти можно. Рудольф тоже совершает «безупречные» преступления. Криминалисты могут в конечном итоге найти волокна его одежды на каком-нибудь из мест преступлений, но при всем том Рудольф невероятно осторожен. Мне кажется, он знаком с системой судебной экспертизы.

— Об этом теперь немало пишут, большинство врачей отлично усваивает любую техническую информацию.

Я согласился с этим замечанием полностью, потому что и сам уже об этом думал. У Кейт все задатки настоящего детектива. Выглядела она усталой. «Интересно, — подумал я, — как выгляжу я сам? Если так же, как себя чувствую, то дело плохо».

— Даже не говори мне об этом. — Я изобразил улыбку. — В больницу я теперь не поеду. Но и здесь, как мне кажется, делать больше нечего. Мы его упустили, будь все трижды проклято. Мы упустили их обоих.

Глава 74

Из номера Уилла Рудольфа мы вышли только в начале третьего ночи. По нашему времени это пять утра. Я был совсем без сил. Кейт тоже. Мы сами себя называли «братьями по синякам». Обоим досталось.

Слабость, измождение, возможно, внутренние травмы — всего хватало. Я не мог припомнить, чтобы когда-то чувствовал себя ужаснее, да и не желал этого вспоминать. Добравшись до «Холидей-Инн» в Сансет, мы ввалились в первую из наших комнат.

— Ну, как себя чувствуешь? Сказать по правде, ты мне не слишком нравишься. — Кейт снова, как, впрочем, и следовало ожидать, влезла в шкуру больничной сиделки. Кроме того, она была прирожденным оратором. На лбу у нее появлялись морщинки, и вид сразу становился чрезвычайно серьезный, умудренный и устрашающе профессиональный.

— Еще не умер. Но смертельно устал. — Я со стоном опустился на край удобной мягкой постели. — Задницу в конторе отсидел.

— Какой же ты упрямый, Алекс. Вечно строишь из себя крутого столичного сыщика. Ну что ж, тогда я сама тебя осмотрю. И не пытайся мне помешать, иначе сломаю тебе руку и глазом не моргну.

Из одной из своих дорожных сумок Кейт достала стетоскоп и сфигмоманометр. Никакие мои «нет», «не стоит» и даже «ни в коем случае» не помогли бы.

Но все же я вздохнул и попытался:

— Прямо сейчас и тем более здесь никаких осмотров не желаю. — Я изо всех сил старался произнести эти слова как можно решительнее, насколько это вообще было возможно, учитывая обстоятельства.

— Это мы все уже слышали. И видели тоже. — Кейт закатила глаза, нахмурилась... а потом улыбнулась. Нет, даже рассмеялась. Доктор улыбается, у доктора тонкое чувство юмора. Только представьте себе. — Снимайте рубашку, следователь Кросс, — приказала Кейт. — Настал мой час. Час ночи, если точнее.

Я стал стягивать рубашку через голову и взвыл. Даже такое простое дело вызвало жуткую боль. Вероятно, я и вправду здорово покалечился.

— Вы просто неотразимы, мужчина хоть куда, — с язвительной ухмылкой произнесла доктор Мактирнан. — Посмотрите на него, даже рубашку снять не способен.

Она близко подвинулась ко мне — ближе некуда — и принялась с помощью стетоскопа выслушивать. А мне никакого аппарата не надо было, чтобы слышать, как бьется ее сердце рядом с моим. И это было очень приятно.

Кейт помяла мне лопатку, заставила подвигать взад-вперед рукой, и я снова почувствовал боль. Может быть, я приложился сильнее, чем представлял. Но скорее всего она, осматривая меня, не слишком нежничала.

Затем она ощупала мой живот и ребра. У меня искры из глаз посыпались, но я не проронил ни звука.

— Больно? — спрашивала она таким тоном, каким врачи всегда разговаривают с пациентами. Сугубо профессиональным.

— Нет. Может быть. Немного. Довольно-таки. О-о! Тут не слишком. О-о!

— Чтоб здоровеньким остаться, лучше в пропасть не бросаться, — объявила она и поосторожнее надавила мне на ребра.

— Это не входило в мои планы. — Единственное, что я мог сказать в свое оправдание.

— А что входило?

— Прежде всего я думал, что он знает, где Наоми, и поэтому не хотел его упустить. Главная моя задача была найти Наоми. Была и остается.

Кейт обеими руками ощупывала мою грудную клетку. Давила при этом, но не слишком. Спросила, больно ли дышать.

— По правде говоря, мне все это даже нравится, — сказал я. — У тебя очень приятное прикосновение.

— Понятно. А теперь штаны, Алекс. Подштанники можешь оставить, если тебе так спокойнее. — В речи снова зазвучала привычная певучесть выговора.

— Подштанники? — переспросил я с улыбкой.

— Трусики из магазина «Джентльмен Куортерли», если тебе так больше нравится. Короче то, что там сегодня на тебе надето. Позволь мне осмотреть твои прелести, Алекс. Хочу увидеть немного плоти.

— Не обязательно при этом так откровенно радоваться. — У меня внезапно усталость как рукой сняло. Мне и вправду доставляли удовольствие прикосновения Кейт. Удовольствие, пожалуй, не то слово. Искры из глаз продолжали сыпаться, но уже совсем другого свойства.

Штаны я снял, но до носков дотянуться не смог. Никоим образом.

— М-м-м, неплохо, совсем неплохо, — высказала она свое мнение о чем-то ведомом лишь ей одной.

Мне стало жарко, нестерпимо душно в этом гостиничном номере. Учитывая обстоятельства, конечно.

Кейт осторожно ощупывала мои бедра, затем крестец. Попросила поднять по очереди ноги, лежа на постели, а сама при этом крепко сжимала бедренные суставы. Потом прошлась легкими движениями пальцев по ногам, от паха до ступней. Мне это тоже очень понравилось.

— Много ссадин, — сказала она. — Жаль, что у меня нет бацитрациновой мази. Это антибиотик.

— Я как раз тоже об этом подумал.

Наконец Кейт покончила со всеми прощупываниями и простукиваниями и отошла от меня. Нахмурилась, поморщилась, покусала верхнюю губу. У нее был сосредоточенный вид светила медицины. Ни дать ни взять — главный хирург.

— Кровяное давление слегка повышено, но переломов, по-моему, нет, — объявила она. — Правда, мне не слишком нравится покраснение в области живота и левого бедра. Завтра почувствуешь сильную боль и онемение, так что все равно придется поехать в Седрас-Синай и сделать рентген. Договорились?

Честно говоря, после осмотра и заключения, что я не умру немедленно, этой же ночью, я почувствовал себя гораздо лучше.

— Договорились. Иначе наша программа будет не до конца выполнена. Спасибо за труд, доктор. Спасибо, Кейт.

— Не за что. Почла за честь. — Она наконец улыбнулась. — Знаешь, ты немного смахиваешь на Мохаммеда Али. Великого.

— Это мне уже говорили. В его лучшие годы, — отшутился я. — И порхаю по рингу как бабочка.

— Не сомневаюсь. А я жалю, как пчела. — Она подмигнула мне и снова сморщила нос. Очень милая привычка.

Кейт тоже прилегла на кровать. И я остался лежать рядом. Близко, но не настолько, чтобы дотронуться. Между нами оставалось расстояние как минимум в целый фут. Странно. Но приятно. Я уже скучал по ее прикосновениям.

Несколько минут мы лежали молча. Потом я взглянул на нее. Даже более чем взглянул — посмотрел внимательно. Она была одета в черную юбку, черные колготки и красную блузу. Синяки у нее на лице почти сошли. Я попытался представить себе, как обстоит дело с синяками на теле, и у меня перехватило дыхание.

— Я не Снежная королева, — тихо сказала она. — Вполне нормальная женщина, можешь мне поверить. Веселая, живая, немного сумасбродная. Во всяком случае, была такой месяц назад.

Я удивился. Неужели она думает, что я считаю ее холодной недотрогой? Она лежала рядом. Теплая, близкая.

— Ты прекрасна, Кейт. По правде говоря, ты мне страсть как нравишься. — Слава Богу, сказал. Хотя и не все, что на самом деле чувствовал.

Мы поцеловались. Нежно, мимолетно. Но казалось, что именно так надо. Мне было приятно ощущать прикосновение ее губ. Мы поцеловались снова, как будто в доказательство того, что первый поцелуй не был ошибкой, или наоборот.

Мне казалось, что я способен целовать Кейт всю ночь напролет, но мы осторожно отодвинулись друг от друга. Вероятно, это было сверх того, что мы могли в тот момент вынести.

— Ты восхищен моей выдержкой? — с улыбкой спросила Кейт.

— И да, и нет.

Я снова натянул шерстяную рубашку. Это потребовало некоторых усилий и вызвало жуткую боль. Завтра, пожалуй, и правда пойду на рентген. Кейт заплакала и уткнулась лицом в подушку. Я повернулся к ней и обнял за плечи.

— Эй! Ты что?

— Прости. Нервы сдали, — прошептала она, стараясь взять себя в руки. — Я просто... Я знаю, по мне этого не скажешь, но я не в себе,

Алекс. Совсем чокнулась. Столько ужасов навиделась. Это дело такое же жуткое, как твое последнее? С похищением ребенка в Вашингтоне?

Я нежно прижимал ее к себе. Я и вправду никогда не видел ее такой беззащитной. И никогда еще она так откровенно не признавалась в своей слабости. Между нами сразу рухнула невидимая стена.

Я зашептал ей на ухо:

— Это дело такое же страшное, как любое другое. Но для меня страшнее, потому что оно касается Наоми и тебя. Я хочу добраться до него больше, чем тогда до Гэри Сонеджи. Обоих монстров желаю заполучить.

— Когда я была совсем маленькой девочкой и жила с родителями... — тоже шепотом сказала Кейт. — Я тогда только училась говорить. Месяца четыре мне было... — Она улыбнулась собственной ошибке. — Нет, конечно, года два. Мне хотелось, чтобы меня обнимали, когда я мерзла. И тогда я объединяла два слова и просила: «Обнигрей меня». И это означало: «Обними меня и согрей». Друга можно об этом попросить?

— Друга *нужно* об этом просить, — шепнул я в ответ.

Мы лежали, обнявшись, поверх одеял, целовались еще некоторое время, а потом заснули.

Я проснулся первым. На гостиничном будильнике было одиннадцать минут шестого утра.

— Ты не спишь, Кейт? — шепотом спросил я.

— М-м-м. Теперь уже не сплю.

— Мы возвращаемся в номер Джентльмена. Но сначала я позвонил дежурному агенту ФБР и сообщил, где искать и что именно.

Глава 75

Былой безукоризненный порядок в номере доктора Уилла Рудольфа исчез как не бывало. Трехкомнатные апартаменты превратились в настоящую криминалистическую лабораторию. Мы с Кейт прибыли на место в начале седьмого. Меня терзали догадки.

— Тебе что, во сне Джентльмен снился? — допытывалась Кейт. — Осенило?

— Угу. Обработывал информацию. И обработал наконец.

Человек пять фэбээровцев и полицейских из лос-анджелесского управления были по-прежнему на месте. Где-то по радио вопила группа «Пирл Джэм» — гвоздь сезона. Солиста, казалось, терзали дикие боли. Широкоэкранный телевизор доктора Рудольфа «Мицубиси» работал, но с выключенным звуком. Один из криминалистов поедал с засаленного обрывка бумаги бутерброд с яйцом.

Я отправился на поиски агента по имени Фил Бектон, специалиста-психолога, состоявшего на службе у ФБР. Очень крупного специалиста. Его вызвали из Сиэтла и поручили собрать всю имеющуюся в наличии информацию о Рудольфе, а затем сопоставить ее с известными данными по делам других психопатов. Такой специалист — если он и впрямь знаток своего дела — ценится на вес золота в подобных расследованиях. Кайл Крейг говорил, что Бектон свое дело «знает туго». Раньше он преподавал общественные науки в Стэнфорде.

— Ты уже проснулся? Готов приступить? — спросил он, когда я наконец отыскал его в спальне хозяина квартиры. Ростом он был примерно шесть футов четыре дюйма и еще дюйма на три стояла дыбом рыжая жесткая шевелюра. По всей комнате валялись пластиковые пакеты и бумажные конверты с уликами. На носу у Бектона восседала одна пара очков, а на цепочке на шее висела другая.

— Не уверен, что проснулся окончательно, — признался я Бектону. — Познакомься, это доктор Мактирнан.

— Рад встрече. — Бектон пожимал Кейт руку, внимательно разглядывая ее. Она тоже была для него объектом изучения. У этого

человека профессия в крови. Как будто родился с ней вместе. — Смотри туда, — сказал он, указывая пальцем в другой конец комнаты. Фэбээровцы уже успели разобрать гардероб Джентльмена. — Ты оказался совершенно прав. Мы за этим тощим шкафом доктора Рудольфа Гесса [22] обнаружили фальшстенку. Там еще фута полтора свободного пространства.

«Гардероб Джентльмена слишком уж узок, — вот такая мысль посетила меня во время странного состояния полузабытья. — Именно там должен быть тайник. Шкаф конечно же храм, но не дорогой одежды».

— Так вот где он хранит свои сувениры! — весьма кстати догадался я.

— Точно. Там стоит небольшой морозильник. А в нем его коллекция. — Бектон указал на запечатанные пакеты. — Ступни Санни Озавы. Чьи-то пальцы. Два уха с разными сережками — от двух жертв.

— Что еще вы обнаружили в этой коллекции? — спросил я Фила Бектона. Смотреть на ступни, уши и пальцы я не торопился. Его трофеи от охоты на молодых лос-анджелесских женщин.

— Тебе, наверное, уже известно из протоколов осмотра мест преступления, что он еще любит коллекционировать нижнее белье, надетое на них в тот момент: трусики, лифчики, колготки, есть женская майка с надписью «Соня и Скромница» — до сих пор пахнет духами «Опиум». Фотографии, несколько локонов рыжих волос. Такой, видишь ли, аккуратист. Каждая вещь в отдельном полиэтиленовом пакете. Пронумеровал их. От одного до тридцати одного.

— Эдакие пакеты для бутербродов, — пробормотал я, — чтобы запахи сохранить.

Бектон кивнул и тупо ухмыльнулся, словно накурившийся до одури подросток. Кейт смотрела на нас, как на слегка тронутых. Какими мы, впрочем, и были в той ситуации.

— Хочу тебе еще кое-что показать. Думаю, тебе понравится. Пошли ко мне в кабинет.

На простом деревянном столе рядом с кроватью тоже лежали трофеи и сувениры Джентльмена. Большинство вещей уже было промаркировано. Чтобы поймать убийцу-аккуратиста, требуется не меньшая аккуратность.

— Роскошная штука. — Фил Бектон вытряс из одного конверта размером пять на семь дюймов фотографию.

На снимке был изображен молодой человек лет двадцати с небольшим. Состояние фотографии и одежда мужчины позволяли предположить, что сделана она была несколько лет назад. Лет восемь — десять, быстро сообразил я.

У меня на затылке волосы встали дыбом. Я прокашлялся.

— И кто это может быть?

— Вам знаком этот человек, доктор Мактирнан? — Фил Бектон повернулся к Кейт. — Доводилось его видеть раньше?

— Я... н-не знаю, — пробормотала Кейт. И судорожно сглотнула.

В спальне Джентльмена воцарилась тишина. За окном наступавшее утро окрашивало улицы Лос-Анджелеса огненно-красным светом.

Бектон достал из нагрудного кармана металлический пинцет и протянул мне.

— Переверни и все узнаешь. Как фотокарточки знаменитых бейсболистов, которые в детстве собирают. Мы, во всяком случае, собирали в Портленде.

Я подумал, что Бектону доводилось в жизни собирать не только фотокарточки бейсболистов. И осторожно перевернул фотографию.

Надпись была сделана аккуратным почерком. Мне вспомнилось, как надписывала все фотографии в нашем доме мама Нана. «Иногда люди забываются, Алекс. Даже те, что сфотографированы с тобой вместе, — говорила она. — Сейчас ты мне не веришь, но пройдет время, и сам убедишься».

Едва ли Уилл Рудольф мог забыть человека, изображенного на снимке, но тем не менее надпись сделал. У меня даже голова закружилась. Наконец-то в нашем безнадежном деле появилась зацепка. И теперь я держал ее криминалистическим пинцетом у самого своего носа.

«Доктор Вик Сакс», — было написано на обратной стороне снимка.

Доктор, подумал я. Снова доктор. Это же надо!

«Дарем, штат Северная Каролина», — продолжалась надпись.

Значит, он из Университетского треугольника. С Юга.

«Казанова», — закончил надпись Рудольф.

Часть четвертая
Двойники

Глава 76

Наоми Кросс разбудила рок-музыка, загремевшая из настенного приемника. Она узнала группу «Блэк Кроуз». Светильник над головой настойчиво мигал. Вскочив с постели, она натянула мятые джинсы, водолазку и бросилась к выходу.

Громкая музыка и мигающий свет служили сигналом тревоги. «Случилось нечто ужасное», — подумала она и почувствовала, как сердце бешено застучало.

Казанова пинком распахнул дверь. На нем были узкие джинсы, тяжелые ботинки и черная кожаная куртка. Маска разрисована мелом в виде стрел молнии. Он был в ярости. Никогда еще Наоми не видела его таким взбешенным.

— В гостиную! Быстро! — завопил он и, схватив ее за руку, поволок из комнаты.

Наоми босиком шла по холодному сырому полу узкого коридора. Туфли она надеть забыла. Теперь возвращаться за ними было поздно.

По пути она столкнулась с молодой женщиной. Теперь обе шагали рядом, почти в ногу. Наоми удивилась, когда женщина внезапно повернула голову и посмотрела на нее. Глаза у нее были большие и темно-зеленые. Зеленоглазка — тут же окрестила ее Наоми.

— Меня зовут Кристин Майлз, — торопливо зашептала женщина. — Надо отсюда бежать. Предпринять попытку. И как можно скорее.

Наоми ничего не ответила, но едва заметно коснулась руки Зеленоглазки.

Общение было запрещено, но хотя бы коснуться живого человека в этой жуткой темнице казалось теперь просто необходимым. Заглянув в глаза молодой женщины, Наоми увидела там лишь вызов. Никакого страха. И от этого на душе у нее потеплело. Теперь они попробуют держаться вместе.

Пленницы в полном молчании брели по коридору этого странного жилища по направлению к гостиной и время от времени тайком поглядывали на Наоми. Глаза у них ввалились. Многие перестали пользоваться косметикой и выглядели ужасно. С тех пор как Кейт

Мактирнан удалось сбежать, в доме ужасов с каждым днем становилось все страшнее.

Казанова привел в гарем новенькую. Анну Миллер. Анна нарушила правила, заведенные в доме, как когда-то Кейт. Наоми слышала, как Анна кричала и звала на помощь. Казанова тоже мог слышать эти крики. Уследить за его распорядком было трудно. Он никогда не уходил и не приходил в одни и те же часы.

Последнее время он оставлял их без какой-либо возможности общения на все более долгий срок. И не собирался их отпускать. Все его заверения были ложью. Наоми понимала, что оставаться здесь все опаснее.

Она чувствовала, как среди пленниц растет паника. Слышала, как впереди идущие вскрикивают в ужасе, и старалась подавить предательски растущий страх. Она жила в негритянских кварталах Вашингтона, и ей довелось всякого насмотреться. Двоих ее друзей убили, когда ей еще не исполнилось шестнадцати.

А потом она услышала его голос. Он звучал необычно, срываясь на визг. Голос безумца.

— Входите, дамы. Не смущайтесь. Не стойте в дверях! Входите, входите! Присоединяйтесь к нашей вечеринке. Нашей великолепной вечеринке! — восклицал Казанова, перекрикивая оглушительные раскаты рок-музыки, сотрясавшей стены дома. Наоми на мгновение закрыла глаза. Она пыталась бороться с силами. «Я не хочу видеть, что бы это ни было, но должна».

И наконец она вошла в комнату. Ее сразу затрясло в ознобе, потому что зрелище, представшее ей, было страшнее всего, что ей доводилось видеть в детстве. Она даже запихнула в рот кулак, чтобы не закричать.

Длинное стройное тело медленно кружилось под потолком. На женщине ничего не было, кроме серебристых чулок, обтягивавших длинные ноги. С одной ступни свисала туфля на высоком каблуке, вторая валялась на полу.

Губы девушки уже посинели, язык вывалился изо рта. Глаза были широко распахнуты, и в них застыли ужас и боль. «Это, наверное, Анна», — подумала Наоми. Какая-то женщина недавно звала на помощь. Она нарушила правила. Кричала, что ее зовут Анна Миллер. Бедная Анна. Даже если тебя звали не так до того, как он тебя похитил.

Казанова выключил музыку и заговорил из-под маски невозмутимым тоном, будто ничего не случилось:

— Ее зовут Анна Миллер. И она сделала это сама. Вам понятно, что я сказал? Она переговаривалась через стены, замышляла побег. Отсюда убежать нельзя!

Наоми вздрогнула. «Из ада обратной дороги нет», — подумала она и, взглянув на Зеленоглазку, кивнула. Да, они должны предпринять попытку, и как можно скорее.

Глава 77

Джентльмен решил возобновить игру в Стоунмен-Лейк, Аризона. Утро выдалось как нельзя более подходящее. Воздух был прозрачен и свеж, откуда-то тянуло дымом костра.

Он припарковал машину в лесу за валунами, неподалеку от проселочной дороги. Там его никто не мог видеть. Он сидел, полуприкрыв веки, и обдумывал план своих дальнейших действий, разглядывая расположившийся поблизости домик из белого песчаника. Он чувствовал себя лесным зверем, вышедшим на охоту. Перевоплощение. И удивительный подъем душевных сил, сопутствовавший ему. Джекил и Хайд.

Он видел, как из дома вышел мужчина и сел за руль серебристого «форда-аэростар». Чувствовалось, что муж торопится, вероятно, опаздывает на службу. Жена теперь, наверное, осталась в доме одна, может быть, еще нежится в постели. Звали ее Джулиет Монтгомери.

В начале девятого он направился к дому с бензиновой канистрой в руках. На случай, если его кто-нибудь увидит; что ж, ничего особенного, просто ему нужен бензин для взятой напрокат машины.

Но его никто не увидел. Казалось, на целые мили вокруг нет ни души.

Джентльмен поднялся на крыльцо. Подождал немного и осторожно повернул дверную ручку. Его всегда удивляло, что жители Стоунмен-Лейк не запирают входные двери.

Джулиет готовила себе завтрак. Направляясь по коридору к гостиной, он слышал, как она что-то приговаривала или напевала. Запах и шипение жарившегося бекона напомнил ему отчий дом в Эшвиле.

Отец его был врожденным джентльменом. Всю жизнь гордился и похвалялся званием армейского полковника. Непроходимый тупица. Что бы ни делал его сын, он никогда не был им доволен. Единственным средством воспитания признавал толстый кожаный ремень. Лупил сына почему зря и при этом вопил во всю глотку от наслаждения. Надеялся таким образом вырастить достойного наследника. И вырастил. Блестящий выпускник школы и

первоклассный спортсмен. Отличный диплом высшего учебного заведения. Высшие награды медицинской академии. Чудовище в человеческом облике.

Он наблюдал за Джулиет Монтгомери у входа в безукоризненно чистую кухню. Занавески на окнах были раздвинуты, и кухня купалась в ярком солнечном свете. Хозяйка напевала... Это была старая песенка Джимми Хендрикса под названием «Замок из песка». От такой очаровательной дамы редко услышишь подобное.

Ему нравилось наблюдать за ней, когда она считала себя в полном одиночестве. Наверняка постеснялась бы петь в его присутствии. Теперь она выкладывала три кусочка бекона на бумажную салфетку, гармонировавшую по цвету с бежево-коричневыми кухонными обоями.

На Джулиет был белоснежный хлопчатобумажный халатик, разлетающийся на бедрах при каждом повороте от плиты к столу. Ей было лет двадцать пять. Длинные ноги танцовщицы. Красивый ровный загар. Босые ступни на кухонном линолеуме. Золотистые волосы аккуратно расчесаны перед завтраком.

Набор ножей на разделочном столе. Он выбрал тесак. Нож при этом легонько звякнул о кастрюльку из нержавеющей стали, стоявшую там же.

Она обернулась на звук. Какой миловидный профиль. Лицо чисто умытое, сияющее. Джулиет тоже относилась к себе с любовью. Это он понял с первого взгляда.

— Кто вы такой? Что вы делаете в моем доме?

Она учащенно задышала от испуга. И лицо побледнело под стать халатику.

«Действуй быстро», — скомандовал он себе. Схватив Джулиет, он высоко поднял нож. Перед мысленным взором всплыли кадры из «Психопата» или «Безумия». Высокохудожественная мелодрама.

— Не заставляй меня делать тебе больно. Все зависит только от тебя самой, — тихо произнес он.

Готовый вырваться крик застрял в горле. И застыл в глазах. Ему нравилось выражение ужаса на лице Джулиет. Ради этого и стоит жить на свете.

— Я не причиню тебе вреда в том случае, если ты не навредишь мне. Все ясно? Между нами полное взаимопонимание?

Она коротко кивнула. Потом еще раз. Сине-зеленые глаза смотрели на него искоса. Она боялась повернуть голову, чтобы он не нанес удар.

Она вздохнула. Как странно. Даже появилось какое-то к нему доверие. Да, голос его имел подобную власть над людьми. Его облик и манеры. Мистер Хайд. Джентльмен-Ловелас.

Она смотрела ему прямо в глаза, пытаясь найти там объяснение. Ему не впервой наблюдать этот немой вопрос во взгляде. За что, как будто допытывался этот взгляд.

— Сейчас я сниму с тебя трусики. С тобой это уже наверняка случилось, и не раз, так что нет причин нервничать. У тебя такая красивая нежная кожа. Правда, поверь мне, — говорил Джентльмен.

Тесак резко опустился.

— Ты мне нравишься, Джулиет. Очень нравишься... насколько мне вообще кто-нибудь может нравиться, — ласково и вкрадчиво произнес Джентльмен.

Глава 78

Кейт Мактирнан снова была дома. Снова дома, снова дома, тра-ля-ля. Она сразу же бросилась звонить своей сестре Кэрол Энн, которая жила теперь далеко, в Мейне. Затем позвонила нескольким самым близким друзьям в Чепел-Хилле. Заверила их, что она в полном порядке.

Что было, конечно, настоящим враньем. Она-то прекрасно понимала, что до этого ой как далеко, но зачем их волновать? Не в правилах Кейт было тревожить других своими неразрешимыми проблемами.

Алекс не хотел ее отпускать домой, но она должна была вернуться. Ведь это ее дом. Она пыталась хоть как-то успокоиться, собраться с мыслями, по крайней мере, разобраться в том сумбуре, который творился в душе. Она выпила белого вина и стала смотреть ночную программу по телевизору. Тысячу лет этого не делала. Целую тысячу лет.

Но она уже успела соскучиться по Алексу Кроссу больше, чем желала себе в этом признаться. Посидеть дома и посмотреть телевизор было неплохой мыслью и проверкой на прочность к тому же, но чувствовала она себя совсем несчастной. Какой же она иногда бывает идиоткой!

Неужели она как... как школьница втюрилась в Алекса? Сильный, умный, веселый, добрый. Любит детей и сам в душе ребенок. Красивое стройное тело, мускулистый, просто великолепный торс. Тоже, конечно, не последняя причина. Да, она втюрилась в Алекса.

Так, понятно. Молодец. Но может быть, не просто втюрилась? Кейт захотелось позвонить Алексу в его гостиничный номер в Дареме. Раза два снимала трубку. Нет. Нельзя себе этого позволять. Между ней и Алексом Кроссом ничего не может быть.

Она уже не девочка и молодеть не собирается. Он живет в Вашингтоне с двумя детьми и бабушкой. И потом, они слишком похожи, а это никуда не годится. Он своенравный негр; она невероятно своенравная белая женщина. Он следовательно по особо важным делам... но к тому же очень нежный, темпераментный и благородный.

Ей абсолютно наплевать, черный он, зеленый или розовый. Он научил ее смеяться, позволил ей почувствовать себя счастливой, как улитка в теплом влажном песке.

И все же между ними ничего не может быть.

Вот так она и будет сидеть в своей ужасной квартире. И пить дешевое «Пино Нуар». И смотреть эту слащавую голливудскую мелодраму. И бояться. И чувствовать себя немного на взводе. И хотеть его все сильнее и сильнее. Вот чем она станет заниматься, дура стоеросовая. Характер будет показывать.

По правде говоря, ей было страшно в собственном доме, и чувство это она терпеть не могла. Ей хотелось, чтобы этот ее психоз поскорее прошел, но он не пройдет. Нечего и рассчитывать. Два жутких монстра по-прежнему бродят на свободе.

Она прислушивалась к противным звукам, раздававшимся в доме. Прямо мурашки по коже. Старое дерево высыхает. Ставни хлопают. Звякают ветряные колокольчики, которые она развесила на старом вязе у дома. Они напоминали ей о доме в Биг-Сер. Свалятся, наверное, завтра, а то и раньше.

Кейт наконец уснула, прижимая к себе стакан — настоящий старинный флинтглас. Стакан был священной реликвией из дома в Западной Виргинии. Они с сестрами частенько дрались из-за него за завтраком.

Стакан опрокинулся, и вино пролилось на одеяло. Но это не имело значения. Мир для Кейт больше не существовал. По крайней мере на одну ночь.

Обычно она пила мало. «Пино Нуар» свалило ее с ног, как товарный поезд, проходивший через Берч, когда она была ребенком. Проснулась она в три часа ночи с жуткой головной болью. Помчалась в ванную, и там ее вырвало.

Пока она корчилась над раковиной, в голове мелькали кадры из «Психопата». Ей показалось, что Казанова снова в доме. В ванной? Нет, никого тут не может быть... ну пожалуйста, пусть это прекратится. Пусть прекратится... немедленно... прямо сейчас!

Она вернулась в комнату и забралась под одеяло. Ставни хлопают на ветру. Дурацкие колокольчики звенят. Она думала о смерти... Мать, Сюзанна, Марджори, Кристин. Никого нет. Кейт Мактирнан натянула

одеяло на голову. Она снова почувствовала себя маленькой девочкой, трясущейся в страхе перед привидениями. Ничего, она справится.

Хуже всего было то, что стоило ей закрыть глаза, как тут же появлялся Казанова и его жуткая смертная маска. В душе поселилось страшное предчувствие: он снова придет за ней. Обязательно придет.

В семь часов утра зазвонил телефон. Это был Алекс.

— Кейт, я был у него в доме, — сказал он.

Глава 79

Около десяти того вечера, когда мы вернулись из Калифорнии, я отправился в Хоуп-Вэлли — фешенебельное предместье Дарема, чтобы встретиться с глазу на глаз с Казановой. Следователь Кросс был снова в седле.

На мой взгляд, ключом к решению загадки было три обстоятельства. И теперь по дороге я снова над ними размышлял. Во-первых, надо учитывать тот простой факт, что они оба совершают «безупречные» преступления. Во-вторых, взаимозависимость Казановы и Джентльмена — две половины одного целого. И в-третьих, тайна исчезающего дома.

Одно из этих обстоятельств или все они вместе должны были дать разгадку. Может быть, выясню что-нибудь в Хоуп-Вэлли. Так, во всяком случае, я надеялся.

Я медленно ехал по Олд-Чепел-Хилл-роуд, пока не добрался до величественной арки из белого кирпича, служившей въездом в элитарный пригород Дарема. У меня было чувство, что вход туда мне воспрещен и я, возможно, окажусь первым черным, если не считать каких-нибудь рабочих, который осмелится ступить во владения избранных.

Я понимал, что совершаю рискованный шаг, но я должен был увидеть, как живет доктор Вик Сакс. Должен был ощутить эту атмосферу, узнать его поближе, и как можно скорее.

Улицы в Хоуп-Вэлли были извилистые, дорога гладкая, без ухабов и рытвин, но фонарей явно не хватало. Холмистый ландшафт создавал впечатление, что я заблудился и еду по какому-то бесконечному кругу. Дома по большей части были роскошного южнотического стиля, старинные, дорогие. Ощущение, что убийца совсем близко, никогда еще не было таким сильным.

Доктор Вик Сакс проживал в добротном доме из красного кирпича, прочно обосновавшемся на одном из самых высоких холмов.

Ставни и водосточные трубы выкрашены белой краской. Дом казался слишком шикарным для профессора университета, даже такого, как Дьюк, южного Гарварда.

Стекла темных окон блестели, словно сланец. Единственное освещение исходило от медного фонарика, висевшего над входной дверью.

Мне уже было известно, что у Вика Сакса есть жена и двое маленьких детей. Жена работала медицинской сестрой в университетской больнице. Фэбээровцы имели о ней полную информацию. Репутация блестящая, отзывы самые благоприятные. Дочери Саксов Фей Энн было семь лет, сыну Нейтану — десять.

Я догадывался, что ФБР за мной следит всю дорогу до дома Саксов, но меня это не волновало. Гадал только, нет ли с ними Кайла Крейга... его это мерзкое дело интересовало не меньше, чем меня. Кайл тоже отправился в Дьюк. Неужели он, как и я, лично задет? Но каким образом и насколько серьезно?

Я не торопясь осматривал фасад дома, ухоженный двор. Все было в идеальном порядке — дальше некуда.

Я уже давно выяснил, что чудовища в образе человека жить могут где угодно, что некоторые — самые умные — выбирают вполне типичное американское жилье. Как, например, дом, который я рассматривал теперь. Монстры обитают буквально повсюду. В Америке их численность катастрофически растет, процесс явно вышел из-под контроля, статистика просто устрашает. У нас зарегистрировано около семидесяти пяти процентов всех охотников на людей. Остальные двадцать пять приходятся на Европу, причем в первых рядах Англия, Германия и Франция. Массовые убийства заставляют следственные подразделения по особо важным делам менять свою сущность, свое лицо. И почти во всех американских городах, поселках и деревнях.

Я изучил жилище Сакса снаружи, насколько это было возможно. В юго-восточной части находилась большая терраса. Внутренний дворик был размером с гостиную. Лужайка, засеянная овсяницей, тщательно ухожена. Ни мха, ни вьюнов, ни сорняков.

Мощенная кирпичом и булыжником подъездная дорога аккуратно огорожена бордюром — ни единая травинка не пробивается сквозь камни. Кирпичи, которыми выложены боковые дорожки, по цвету и фактуре соответствуют тем, из которых сложен дом.

Безупречно.

Педантично.

Я сидел в машине и чувствовал, как голова начинает гудеть от нервного напряжения. Двигатель я не выключал на случай, если Саксы внезапно вернутся восвояси.

Я знал, что намерен и что должен сделать, — планировал это последние несколько часов. Мне нужно было пробраться в дом. Конечно, фэбээровцам ничего не стоит мне помешать, но это сомнительно. Более того, я даже подозревал, что они на это рассчитывают. Прoberется, мол, осмотрит все вокруг. О докторе Саксе нам было известно совсем немного. Официально я не входил в группу расследования по делу Казановы и поэтому имел право на то, чего не могли себе позволить остальные. Я выполнял роль «шальной пули». Так мы договорились с Кайлом Крейгом.

Липучка должна быть где-то поблизости. Во всяком случае, я молился, чтобы она была жива. И надеялся, что остальные пропавшие женщины тоже живы. Его гарем. Его одалиски. Коллекция красивых, необычных женщин.

Я выключил мотор и, прежде чем выйти из машины, сделал глубокий вдох.

А затем, пригнувшись, быстрым шагом двинулся по упругой лужайке. Я вспомнил, как Сэтчел Пейдж любил приговаривать: «Старайся двигаться так осторожно, чтобы яйца от напряжения хрустели».

Мои хрустели.

Вдоль фасада росли подстриженные кусты самшита и азалии. У крыльца лежал на боку детский красный велосипед с серебристыми флажками-флюгерами на руле.

«Как мило, — думал я, — торопясь дальше, слишком мило».

Велосипед ребенка Казановы.

Респектабельный загородный дом Казановы.

Фальшивая, безупречно фальшивая жизнь Казановы. Безупречная маскировка. Наглое издевательство над всеми нами. Прямо в Дареме. Кукиш всему миру.

Я осторожно обогнул внутренний дворик, отделанный белой кафельной плиткой и огороженный таким же кирпичом, как тот, из которого построен дом и выложены дорожки. Мне бросились в глаза усики вьюнов, ползущие по краснокирпичным стенам. Может быть, он все-таки не совсем безупречен.

Я быстро пересек дворик и подошел к террасе. Обратного пути теперь нет. Во имя долга мне уже приходилось нарушать закон о неприкосновенности жилища. Это меня несколько не оправдывало, но делало мою задачу проще.

Разбив небольшое окошко в двери, я проник внутрь. Ни звука. Я не думал, чтобы Вику Саксу взбрело в голову пользоваться сигнализацией. Едва ли ему хотелось, чтобы полиция Дарема являлась к нему в дом даже для расследования грабежа.

Первое, что я почувствовал, это устойчивый лимонный запах мебельной полироли. Респектабельность. Благообразие. Порядок. Все это — фасад, мастерски выполненная маска.

Я находился в берлоге монстра.

Глава 80

Внутри было все так же чисто и аккуратно, как снаружи. Может быть, даже еще того больше. Мило, очень мило, слишком мило.

Я нервничал, боялся, но это уже не имело никакого значения. Я привык жить с чувством страха и неуверенности. Медленно, настороженно я переходил из комнаты в комнату. Казалось, все было на своих местах — и это при двух малых детях. Странно, странно, очень странно.

Дом немного напоминал мне гостиничный номер Рудольфа в Лос-Анджелесе. Как будто на самом деле там никто не жил. Кто ты? Покажи мне свое истинное лицо, ты, ублюдок! Ведь этот дом не отражает его, не так ли? Видел ли тебя кто-нибудь без маски? Видел. Джентльмен видел.

Кухня как будто сошла с картинки журнала «Загородный дом». Антиквариат и другие красивые штучки почти во всех комнатах.

Небольшой кабинет сплошь завален лекциями и бумагами. «Как же так, — подумал я, — ведь этот человек должен быть невероятно дисциплинирован и аккуратен». Это противоречие я про себя отметил и отложил в памяти. Кто же он?

Я искал что-нибудь характерное, но не знал, куда направить свои поиски. Еще у входа я заметил массивную дубовую дверь, врезанную в фундамент. Она была не заперта и вела в котельную. Я вошел туда и внимательно осмотрел помещение. В противоположном конце котельной увидел еще одну дверь. Она походила на дверь в кладовку или другое хозяйственное помещение.

Дверь эта была закрыта на крючок, и я откинул его как можно осторожнее. Может быть, там есть еще комнаты? Какое-нибудь подzemелье? Или дом ужасов? Туннель?

Я рывком распахнул деревянную дверь. Темнота — глаз выколи. Включил свет и вошел в комнату примерно двадцать пять на сорок футов. Сердце замерло. Колени подгибались, к горлу подступила тошнота.

В этой комнате не было женщин, никакого гарема, но она отражала болезненные фантазии Вика Сакса. Прямо в доме. Скрытая в

тайнике. В фундаменте. Комната эта никоим образом не гармонировала с устройством всех остальных в доме. Он выстроил ее только для себя. Он ведь любил строить, создавать.

Убранством комната походила на библиотеку. Массивный дубовый стол, по обе стороны от него два мягких кресла, обитых красной кожей. Все четыре стены увешаны полками и забиты книгами и журналами с пола до потолка. Давление у меня, вероятно, подскочило пунктов на пятьдесят. Я пытался взять себя в руки, но не мог.

Это была коллекция эротических и порнографических изданий, самая невероятная, какую мне приходилось видеть или даже слышать. Книг было по меньшей мере тысяча. Передвигаясь от полки к полке, от стены к стене, я читал названия.

«Самые извращенные способы половых сношений всех рас мира» — сборник с иллюстрациями. Издано по заказу книжного общества «Эротика», Нью-Йорк.

«Насилие над Анастасией и Пирл».

«Антология гарема. Хрестоматия».

«Пока она не закричит».

«Девственная плева. Судебно-медицинское исследование по изнасилованию».

Я сосредоточился, пытаюсь сообразить, что мне следует предпринять. Прежде всего избавиться от невероятного гула в ушах.

Мне хотелось каким-то образом дать знать Вику Саксу о моем пребывании, оповестить его, что мне известно о существовании этого маленького тайника непристойностей, что секретов у него больше нет. Я страстно желал, чтобы он испытал все те чувства, которые довелось пережить нам: потрясение, страх, нервное напряжение. Я хотел заставить доктора Вика Сакса страдать. Я даже не мог себе представить, что способен так истово ненавидеть.

На столе лежал рекламный проспект от поставщика эротической литературы и журналов: «Николас Дж. Соберхейген, 1115, бульвар Виктория, Стейтен-Айленд, Нью-Йорк. По предварительной договоренности». Я тут же сделал пометку. Николасу Соберхейгену мне тоже очень захотелось как следует насолить.

Сакс или кто-то другой отметил на страницах проспекта несколько книг. Я быстро перелистывал его, постоянно

прислушиваясь, не подъезжает ли машина. Времени оставалось в обрез.

«Устав монастыря Святой Терезы». Не пропустить! Репринт уникального оригинального издания, выпущенного в 1880-х годах. Воспоминания непосредственных свидетелей и участников истязаний в женском монастыре в пригородах Мадрида, Испания.

«Жрица любви». Живо описанные приключения танцовщицы в Берлине, встречи с сексуальными маньяками. Для каждого истинного коллекционера!

«Освобождение». Первый перевод романа, основанного на реальных и вымышленных событиях жизни француза-убийцы Жилля де Ре.

Я осмотрел ряды деревянных полок непосредственно над столом. Сколько можно испытывать судьбу в этом доме? Саксу и его семейству пора возвращаться. Я остановился у полки над креслом.

У меня екнуло сердце, когда я увидел несколько книг, посвященных Казанове! Затаив дыхание, я читал названия.

«Воспоминания Казановы». «Казанова. 102 эротические гравюры». «Самые прекрасные ночи любви Казановы». Я подумал о двух малышах, Нейтане и Фей Энн, живущих в этом доме, и мне стало их жаль. Их папаша, доктор Вик Сакс, предается в этой комнате мерзким, развратным мечтам. Начитавшись книг из своей эротической коллекции, он планирует, какую из своих фантазий воплотить в жизнь. Я внезапно ощутил присутствие Сакса в этой комнате. Наконец-то я начинаю понимать, кто он такой.

Возможно ли, чтобы он держал женщин где-то поблизости? Там, где мы и не догадаемся искать? Не по этой ли причине никто до сих пор не смог обнаружить дом ужасов? Неужели он находится прямо в окрестностях такого уважаемого города, как Дарем?

Может быть, Наоми где-то рядом и ждет, чтобы ее спасли? Чем дольше она там остается, тем опаснее это для нее.

Я услышал наверху шум и замер, но больше никаких звуков не последовало. Может быть, какой-нибудь электрический прибор или ветер, а то и просто в башке у меня шумит.

Давно пора было выбираться из дома. Я бросился наверх, а оттуда прежней дорогой через внутренний дворик. Я собирался начертить крест на рекламном проспекте на столе у Сакса. Оставить свою метку.

Но передумал. Он знал, кто я. Он наведлся ко мне, как только я появился в Дареме. Но ведь и я теперь побывал в его логове!

В свой номер в гостинице я вернулся в начале первого ночи. Чувствовал себя совершенно опустошенным и отупевшим. Кровь толчками пульсировала во всех моих несчастных жилах.

Телефон зазвонил почти сразу, как я переступил порог. Отвратительный назойливый звонок, какие бывают только у гостиничных телефонов, принуждавший немедленно снять трубку.

— Кто еще, черт побери, — пробормотал я. К этому времени я уже совсем очумел. Готов был немедленно броситься в южную ночь и перерыть все вверх дном в поисках Наоми. Схватить доктора Вика Сакса за грудки и вытрясти из него всю правду. Чего бы это ни стоило.

— Слушаю. Кто говорит? — чуть громче, чем следует, проговорил я в телефонную трубку. Это был Кайл Крейг.

— Итак, — начал он с ходу. — Что ты выяснил?

Глава 81

И снова настало утро. Но никаких сдвигов не намечалось в этом чертовом расследовании. Кейт по-прежнему работала в паре со мной. Это была ее инициатива, но я не возражал. Она знала Казанову лучше, чем мы все, вместе взятые.

Мы с ней вдвоем следили за великолепным домом Саксов, сидя в засаде, в густом еловом лесу у Олд-Чепел-Хилл-роуд. Тем утром нам уже довелось увидеть Вика Сакса. Повезло.

Зверь поднялся рано, бодрый и свежий. Был он высокого роста, типичный профессор: пшеничного цвета шевелюра зачесана назад волосок к волоску, на носу очки в роговой оправе. Превосходно сложен.

Он вышел на крыльцо около семи, чтобы забрать даремскую газету. Заголовок передовой гласил: «Облава на Казанову продолжается». Редакторы местной газеты даже не представляли себе, насколько точно эти слова отражали действительность.

Сакс взглянул на передовицу, затем небрежно свернул газету и сунул под мышку. Ничего для него интересного сегодня. Очередной нудный день в конторе по делу закоренелого убийцы.

Около восьми он снова вышел из дома, на этот раз в сопровождении детей. На лице широкая белозубая улыбка, предназначенная им. Примерный папаша отвозил наследников в школу.

Маленькая девочка и мальчик одеты были так, словно сошли с витрины магазинов «Гэпфор-Кидз» или «Эсприт». Обожаемые маленькие куклы. Фэбээровцы проводят Сакса с детьми до самой школы.

— И все-таки это странно, Алекс. В таком громком деле задействованы две разные группы наблюдения. — Кейт была склонна к аналитическому мышлению, и мозг ее не переставал работать во всех направлениях. Она не меньше меня была одержима этим расследованием. Тем утром она как обычно надела старые джинсы, синюю футболку и кроссовки. Но даже в таком виде она была красива. Спрятать этого не могла никакая одежда.

— Расследования многократных убийств всегда необычны. А это в особенности, — признался я. И снова заговорил о психологии близнецов, мучившей меня. Два извращенца. Не с кем поговорить, поделиться. Никто не поймет, кроме них самих. Отсюда нерасторжимая связь друг с другом. У Кейт тоже была сестра-близнец, но в ее случае психологическая близость не представляла опасности. Казанова и Джентльмен — совсем другое дело.

Отправив детей в школу, Вик Сакс сразу вернулся домой. Мы слышали, как он весело насвистывал, направляясь к своему прекрасному дому. Мы с Кейт немного поговорили о том, что он, как ни крути, доктор, хотя и доктор философии.

В последующие два часа ничего особенного не произошло. Саксы не появлялись. Ни муж, ни жена, очаровательная миссис Казанова.

Вик Сакс снова выехал из дома в одиннадцать часов. Сегодня он прогуливал занятия. Уже пропустил десятичасовую пару, судя по расписанию, которое я выяснил у декана Лоуэлла. Почему бы это? Какую грязную игру он затеял на этот раз?

На круговой подъездной дороге стояли две машины. Он выбрал бордовый «ягуар» с кожаным откидным верхом, двенадцатицилиндровый двигатель. Вторая машина была черный «мерседес»-седан. Не жидко на преподавательское жалованье.

Он уезжает. Куда-то направляется. Может быть, навестить женщин?

Глава 82

Мы выехали вслед за спортивным «ягуаром» Сакса на Олд-Чепел-Хилл-роуд. Проехали через Хоуп-Вэлли, минуя шикарные особняки постройки двадцатых — тридцатых годов. Казалось, Сакс не торопится.

В конце концов, он играл в свою игру. Нам неведомы были ни правила, ни смысл самой игры.

Казанова.

Чудовище юго-востока.

Кайл Крейг продолжал работать с финансовым управлением над вопросом доходов Сакса. На него по-прежнему ищали с полдюжины агентов, расставляя точки над *i* в области прежних связей между Саксом и Уиллом Рудольфом. Оба они, как выяснилось, были однокашниками по Дьюке. Студенты-отличники. Высшие показатели. Они знали друг друга, но близкими друзьями не были, судя по всему. Кайл, между прочим, тоже учился в Дьюке. На юридическом факультете. И тоже окончил с отличием.

Когда же они спелись? Каким образом возникла эта странная порочная связь? Что-то пока не склеивалось у меня в голове относительно Рудольфа и Сакса.

— А вдруг он пустит свой «ягуар» во весь опор? — спросила Кейт, пока мы тайком следовали за монстром к тому месту, где, как мы надеялись, располагалась его берлога, его гарем, его «исчезающий дом». Мы сидели в моем стареньком «порше» на хвосте у Сакса.

— Сомневаюсь, чтобы он захотел привлечь к себе внимание, — возразил я. Хотя «ягуары» и «мерседесы» под эту теорию явно не попадали. — И кроме того, «ягуар» ни в какое сравнение не идет с «порше».

— Даже с «порше» прошлого столетия?

— Но-но, — сказал я на это. — Не очень-то.

Сакс ехал по Восемьдесят пятому шоссе, затем свернул на Сороковое. На въезде в Чепел-Хилл он слегка оторвался. Мы проехали за ним еще пару миль по городу. У общежития университета Северной

Каролины на улице Фрэнклина он неожиданно затормозил и остановился.

— От всего этого меня просто ужас берет, Алекс. Профессор университета Дьюк. Жена, двое симпатичных детишек, — размышляла вслух Кейт. — В тот вечер, когда он меня прихватил, он, вероятно, шел за мной прямо от общежития. Выслеживал. Думаю, он именно там меня выбрал.

Я взглянул на нее.

— Как ты себя чувствуешь? Скажи, если тебе тяжело все это выносить.

Кейт посмотрела на меня, и я увидел в ее взгляде волнение и тревогу.

— Давай покончим с этим. Давай схватим его сегодня же. Договорились?

— Договорились, — согласился я.

— Мы тебя достали, мерзавец, — пробормотала Кейт, глядя прямо вперед сквозь лобовое стекло.

Извилистая и красивая Чепел-Хилл-стрит без четверти двенадцать была уже запружена народом. Ученики и преподаватели входили и выходили из кафе «Каролина-Коффи-шоп», «Пепперз пицца», из только что отреставрированного книжного магазина «Интимейт». Ни одна излюбленная «забегаловка» улицы Фрэнклина не пустовала. Атмосфера университетского городка приятно возбуждала и напоминала мне о далеких временах собственной учебы в университете Джонса Хопкинса, о Кресмонт-авеню в Балтиморе.

Нам с Кейт удавалось следовать за Саксом лишь на расстоянии примерно в полтора квартала. Я понимал, что ему теперь ничего не стоило оставить нас с носом. Может быть, он отправится в лесной дом? Навестить своих девочек? Там ли еще Наоми?

Он вполне мог нырнуть в «Рекорд-бар» или кафе «У Спэнки» на углу. Потом выйти через боковую дверь и раствориться. Началась игра в «кошки-мышки». Его игра. По его правилам. До сего дня он все время играл по своим правилам.

— Слишком уж он уверен в себе, чересчур самонадеян, — сказал я, пока мы продолжали ехать за ним на должном расстоянии. Ни разу даже не обернулся, чтобы проверить, нет ли слежки. Ведет себя, как

пижонистый учитель-гуляка, выскочивший из аудитории на время обеда. Может быть, так оно и было?

— Ты уверена, что выдержишь? — переспросил я Кейт.

Она следила за Саксом, словно цепной пес, готовый броситься и перекусить глотку. Я вспомнил, что она где-то здесь, на Чепел-Хилл-стрит, занималась каратэ.

— М-м-м, д-да, целый рой отвратительных воспоминаний. Место преступления и все такое прочее, — бормотала Кейт.

В конце концов, Сакс остановился перед симпатичным, в стиле ретро кинотеатром «Варсити-Тиэтр» в центре Чепел-Хилла. Рядом помещалась общественная доска объявлений, испещренная всевозможными написанными от руки записками и посланиями, адресованными в основном студентам и преподавательскому составу.

— Зачем этому мерзавцу тащиться в кино? — шепотом спросила Кейт с ненавистью в голосе.

— Может быть, затем, что он любит преобразаться, сублимироваться. Это и есть тайная жизнь Вика Сакса. Мы с тобой ее наблюдаем.

— Мне бы больше хотелось схватить его прямо сейчас. И повязать.

— Да, Кейт. И мне тоже.

Эту доску объявлений я заметил еще раньше, во время одной из прогулок в этих местах. Там было несколько сообщений о пропавших без вести в районе Чепел-Хилла. Пропавшие студенты. И все женщины. Меня приводило в ужас, что подобная эпидемия поразила местное общество и никто не в силах остановить ее. Ни у кого нет панацеи.

Вик Сакс как будто кого-то или чего-то ждал.

— С кем, черт побери, он собирается встретиться в Чепел-Хилле? — пробормотал я себе под нос.

— С Уиллом Рудольфом, — ответила Кейт, не задумавшись ни на секунду. — Своим старинным однокашником. Лучшим другом.

Мне, честно говоря, тоже приходило в голову, что Рудольф может объявиться в Северной Каролине. Стремление к себе подобному должно быть все равно что физическое влечение. В своей отрицательной форме оно основывается на взаимозависимости или тождественном поведении. Они оба похищали красивых женщин,

затем издевались над ними или убивали. Это и есть их общая тайна? Или тут кроется что-то еще?

— Он очень похож на Казанову, каким он мог быть без маски, — сказала Кейт. Мы зашли в небольшую кондитерскую под названием «Школьники». — Кстати, почему он не прятал волосы? Почему только маска?

— А может быть, маска вовсе не прикрытие? В его воображаемом мире она может означать что-то иное, — предположил я. — Вполне возможно, что Казанова — его истинное «я». Маска, жертвоприношения, система символов — все это, вероятно, для него очень важно.

Сакс продолжал терпеливо ожидать у доски объявлений. Ожидать чего? У меня возникло ощущение, что тут какой-то подвох. Я внимательно рассматривал его в бинокль.

Лицо невозмутимое. Скорее даже безоблачно-спокойное. Прогулка вампира по парку. Мне пришло в голову: не принял ли он дозу наркотика? Уж ему-то наверняка известны всякие изысканные транквилизаторы.

За спиной у него, на доске, висели всяческие объявления.

«Пропала без вести — Кэролин Эйлин Девино».

«Пропала без вести — Робин Шверп». «Пропала без вести — Сьюзан Пайл». «Женщины поддерживают кандидатуру Джима Ханта на пост губернатора».

«Женщины за Лори Гарнье на пост вице-губернатора».

«Коварные Сирены» выступают в «Пещере».

И тогда меня осенила вполне правдоподобная догадка. Объявления! Казанова посылает нам страшное послание — любому, кто следит за ним, любому, кто отважился за ним следовать.

Я в сердцах стукнул ладонью по пыльному подоконнику маленькой кондитерской.

— Сукин сын играет в коварные игры! — Я почти кричал в переполненном кафе, из которого мы следили за Виком Саксом.

Пожилой хозяин посмотрел на меня подозрительно, как будто я был опасен.

Я и был опасен!

— Что стряслось? — Кейт прильнула ко мне, пытаясь разглядеть через плечо, что я такое увидел в окне.

— Доска у него за спиной. Он уже десять минут около нее стоит. Это его предупреждение тем, кто за ним следит. На оранжево-желтом объявлении написано все как есть.

Я протянул ей бинокль. Одно из объявлений на доске было больше и ярче всех остальных. Кейт прочла его вслух:

— «Женщины и дети голодают... а вы прогуливаетесь тут с карманами, набитыми мелочью. Немедленно пересмотрите свое поведение! Вы можете спасти их!»

Глава 83

— О Господи, Алекс, — взволнованно зашептала Кейт. — Если он не пойдет в этот дом, они умрут с голоду. А если за ним следят, он туда не пойдет. Вот что он хочет нам сказать! «Женщины и дети голодают... Немедленно пересмотрите свое поведение».

Мне хотелось взять Вика Сакса прямо на месте. Но я знал, что мы ничего не можем с ним сделать. У нас нет никаких прав на арест. Никаких оснований.

— Алекс, смотри. — В голосе Кейт зазвенела тревога. Она протянула мне бинокль.

К Саксу подошла женщина. Я, прищурившись, смотрел сквозь стекла бинокля. Полуденное солнце плясало яркими зайчиками на стеклянных и металлических поверхностях домов Фрэнклин-стрит.

Женщина была стройная и привлекательная, но гораздо старше тех, что он обычно похищал. На ней была черная шелковая блузка, узкие черные кожаные брюки, черные туфли. В руке она держала портфель, набитый книгами и бумагами.

— Она не совсем в его вкусе, — сказал я Кейт. — Ей уже под сорок.

— Я знаю ее. Знаю, кто это, Алекс, — прошептала Кейт.

Я взглянул на нее.

— Кто же, Кейт? Говори, ради всего святого.

— Преподаватель кафедры английского языка. Сюзанна Уэлсли. Некоторые студенты называют ее Потаскухой Сью. Даже анекдоты про нее рассказывают, вроде того, что она может бросить свое белье о стену и оно прилипнет.

— То же самое можно и о докторе Саксе сказать. — Про него ходили слухи, будто он все общежитие перетрахал. Уже долгие годы за ним такое водилось, все это знали, но никаких административных мер не принималось. Опять «безупречные» преступления?

Он и мисс Сюзанна Уэлсли поцеловались у объявления о голодных. Поцелуй что надо, «французский», как говорится. Это я углядел вполне отчетливо с помощью бинокля. И горячие объятия, невзирая на общественное мнение.

Я снова подумал об объявлении. Может быть, это совпадение? Но я уже давно не верил в совпадения. А вдруг Сюзанна Уэлсли тоже имеет отношение к «дому» Сакса? Могут быть и другие причастные к нему. Не исключено, что существует какая-нибудь сексуальная секта. Я о таких слышал. Даже в нашей великой столице они имелись и процветали.

Пара беспечно направилась по многолюдной Фрэнклин-стрит. Не торопясь. Никаких признаков беспокойства. Они шли в нашем направлении. Затем остановились у касс «Варсити-Тиэтр». Держатся за руки. Очаровательная пара.

— Будь все проклято. Он знает, что за ним следят, — сказал я. — Что же за игру он ведет?

— Она смотрит в нашу сторону. Может быть, тоже в курсе. Эй, Сьюзан, что ты затеяла, дьяволица?

Они купили билеты, как все нормальные люди, и вошли в кинотеатр. Афиша гласила: «Роберто Бенини в роли Джонни Стеккино — блестящая комедия». Трудно представить, чтобы в подобной ситуации Сакс мог смотреть итальянскую комедию. Неужели у Казановы стальные нервы? Вероятно, так оно и есть. Тем более если это входит в его планы.

— Может быть, афиша тоже послание? Что она может нам говорить, Алекс?

— Например, что все это для него «блестящая комедия». Вполне возможно, — сказал я.

— Ему не откажешь в чувстве юмора. За это я могу ручаться.

Он мог хохотать над собственными гнусными шутками.

Из соседнего кафе-мороженого «Бен и Джерри» я позвонил Кайлу Крейгу и рассказал об объявлении насчет голодающих детей и женщин. Он согласился, что это может быть обращением к нам. С Казановой все возможно.

Когда я вышел из кафе, Сакс и Сюзанна Уэлсли были еще в кино, хохотали, вероятно, до упаду над блестящими шутками итальянского актера Роберто Бенини. Или Сакс смеялся над нами? «Женщины и дети голодают».

В половине третьего Сакс и доктор Уэлсли вышли из кинотеатра «Варсити» и пошли обратно на угол улиц Фрэнклина и Колумба.

Полквартала они прошли минут за десять. Там они завернули в вечно переполненное кафе «У Спэнки» и пообедали, хоть и с опозданием.

— Какая прелесть. Юные любовники, — прошипела сквозь зубы Кейт. — Будь он проклят. И она будь проклята тоже. И Спэнки пусть будет проклят за то, что кормит их и поит.

Они сидели в кафе у окна. Намеренно? Держались за руки и поцеловались несколько раз. Любовник Казанова? Свидание за обедом с коллегой? Ни то ни другое пока не укладывалось в наше представление о нем.

В половине четвертого они вышли из кафе и прошли те же полквартала обратно до доски объявлений. Там снова поцеловались, но на этот раз несколько холоднее, и наконец расстались. Сакс отправился домой в Хоуп-Вэлли. Вик Сакс совершенно очевидно играл с нами. В свою особую игру и для собственного удовольствия. В «кошки-крысы».

Глава 84

Мы с Кейт решили попозже вечером поужинать в ресторане «Царевна-лягушка» в центре Дарема. Она сказала, что нам необходимо пару часов отдохнуть от дел. Что ж, она была права.

Кейт хотела заглянуть сначала домой и попросила меня заехать за ней часа через два. Я не был готов к встрече с такой Кейт, какая открыла мне дверь. Слишком она отличалась от привычной для меня в *bas couture*. [23] На ней была бежевая узкая полотняная юбка и цветастый блузон. Каштановые волосы зачесаны назад и перехвачены ярко-желтым шарфом.

— Мой воскресный выходной костюм, — объяснила она и заговорщически подмигнула. — Правда, да мое больничное жалованье по ресторанам не походишь. Разве что в дешевые забегаловки.

— У тебя намечено любовное свидание? — поддразнил я по привычке. Но честно говоря, сам не мог понять, кто кого дразнит.

Она небрежным жестом взяла меня под руку.

— Вполне возможно. Ты прекрасно выглядишь. Этаким лихой, самоуверенный повеса.

Я тоже на сегодняшний вечер отказался от своей обычной *bas couture* и решил казаться таким, как ей хотелось, — лихим и самоуверенным.

Дорога в даремский ресторан мне вспоминается с трудом, помню только, что мы болтали без умолку. Мы с Кейт всегда легко находили общий язык. Меню наше я тоже плохо запомнил, но харч был отменный, в сугубо континентальных традициях. Особенно хороша была утка по-московски и сливы и черника со взбитыми сливками.

Зато у меня до сих пор стоит перед глазами Кейт — она сидела, подперев подбородок рукой. Хоть портрет пиши. Помню, как во время ужина она сняла с головы желтый шарф, сказав при этом с улыбкой:

— Кажется, это чересчур, — а потом добавила: — У меня теперь появилась еще одна излюбленная тема. Тема du jour. [24] О нас с тобой. Мне кажется, она не лишена смысла. Хочешь послушать? — спросила она. Несмотря на мучительное, изнурительное расследование, настроение у нее было прекрасное. И у меня тоже.

— М-м-м, — промычал поселившийся во мне в последнее время мудрец, опасавшийся чрезмерного проявления эмоций.

Кейт благоразумно не обратила на меня внимания и продолжала гнуть свою линию.

— Итак, я начинаю... Алекс, мы оба в настоящий момент очень боимся каких-либо привязанностей в нашей жизни. Слишком боимся, ты и я, как мне кажется. — Она осторожно прощупывала почву. Понимала, что для меня это чрезвычайно опасная территория, и была права.

Я вздохнул. Думаю, мне в тот момент не слишком хотелось влезать во все это, но я бросился в бой.

— Кейт, я мало что рассказывал тебе о Марии... Мы очень любили друг друга все шесть лет, до самого дня ее гибели. Дело вовсе не в том, что помнится только хорошее. Я всегда говорил себе: «Господи, как же мне повезло, что я встретил ее». И Мария испытывала то же самое. — Я улыбнулся. — Во всяком случае, она так мне говорила. Да, ты права, я действительно боюсь новых привязанностей. А больше всего боюсь потерять человека, которого снова так же глубоко полюблю.

— Я тоже боюсь потерять, Алекс. — Я едва расслышал, так тихо произнесла эти слова Кейт. Иногда она становилась очень застенчивой, и это было удивительно трогательно. — Знаешь, в каком-то стихотворении есть такая волшебная строка, волшебная для меня, конечно. «Все, что я любил, у меня отняли, но я не умер».

Я взял ее руку и осторожно поцеловал. В тот момент меня переполняла нежность к Кейт.

— Я знаю эту строчку, — сказал я. Я заметил в ее карих глазах немой вопрос. Может быть, нам действительно следовало разобраться в том, что начиналось между нами. Отважиться на это, пойти на риск.

— Позволь мне еще кое-что тебе сказать. Еще одно признание, которое нелегко сделать. На этот раз не слишком приятное.

— Я жажду услышать его. Я жажду услышать все, в чем ты готова открыться мне.

— Я все время боюсь, что умру так же, как мои сестры. Что у меня тоже будет рак. Во мне словно заложена бомба замедленного действия, которая может взорваться в любой момент. Алекс, я так боюсь оказаться рядом с кем-то, а потом повиснуть тяжелой ношей у

него на шее. — Кейт глубоко вздохнула. Ей было наверняка очень трудно все это высказать.

Мы сидели в ресторане долго и держались за руки. Пили портвейн. Оба притихли, пытаясь привыкнуть к новой мощной волне чувств, захлестнувшей нас.

После ужина мы пошли обратно к ней домой на Чепел-Хилл. Первое, что я сделал, это проверил, нет ли в доме непрошенных гостей. Пока мы ехали в машине, я все время пытался уговорить ее остановиться на ночь в гостинице, но она, как всегда, сказала твердое «нет». У меня по поводу Казановы и его игр начинались параноидальные симптомы.

— Какая же ты упрямая, — сказал я, проверив вместе с ней все окна и двери.

— Глубоко независимая. Это звучит гораздо лучше, — парировала Кейт. — Это чувство возникает у всех, кто получает черный пояс каратэ. Второй дан. Так что берегись.

— Ладно. — Я рассмеялся. — Но у меня преимущество в лишних восемьдесят фунтов.

Кейт покачала головой.

— Это тебе не поможет.

— Наверное, ты права. — Я расхохотался во все горло.

Никто не прятался в квартире в Старушкином закоулке. Никого там не было, кроме нас двоих. И это, наверное, было самое страшное.

— Прошу тебя, не убегай сразу. Побудь немного. Пока не захочешь уйти. Или должен будешь, — попросила Кейт.

Я все еще стоял у нее в кухне, неловко засунув руки в карманы.

— Нет такого места, куда мне хотелось бы уйти, — сказал я. Я был слегка на взводе и нервничал.

— У меня есть бутылка «Шато де ла Шез». Кажется, так называется. Стоит всего девять долларов, но вполне приличное. Я купила его специально к этому вечеру, хотя тогда еще этого не знала. — Кейт улыбнулась. — Это было три месяца назад.

Мы устроились на диване в гостиной. Комната была уютная, но несколько старомодная. Черно-белые фотографии сестер и матери развешаны по стенам. Самые счастливые для Кейт времена. Меня поразил снимок, на котором была изображена она сама в розовом форменном платье официантки ресторана на стоянке грузовиков, где

она работала, чтобы оплатить учебу. Вот, оказывается, насколько важна была для нее учеба в медицинской академии.

Вероятно, в том, что я рассказал Кейт о Джеззи Фланаган больше, чем хотел, было виновато вино. Это была моя единственная серьезная любовная связь после смерти Марии. Кейт рассказала мне о своем приятеле Питере Макграте — преподавателе истории в университете Северной Каролины. Когда она рассказывала о Питере, я с тревогой подумал, что он может быть одним из подозреваемых, которого мы слишком быстро смели со счетов.

Это дело не давало мне покоя, не выходило из головы даже на одну ночь. А возможно, я просто хотел снова спрятаться за работу. Так или иначе, я решил про себя проверить этого доктора Питера Макграта потщательнее.

Кейт потянулась ко мне, и мы поцеловались. Наши губы были как будто созданы друг для друга. Мы и раньше уже этим занимались — целовались то есть, — но никогда еще так хорошо не получалось.

— Может быть, останешься на ночь? Прошу тебя, останься, — прошептала Кейт. — Хотя бы на эту ночь, Алекс. Нам ведь не нужно ничего бояться, правда, Алекс?

— Нет, конечно, не нужно, — шепнул я в ответ, чувствуя себя сопливым школьником. А может быть, так и должно быть?

Я не знал, что делать дальше, как дотронуться до Кейт, что говорить, чего не делать. Только прислушивался к ее тихому дыханию. И тогда решил, пусть все идет своим чередом.

Мы снова поцеловались, да так нежно, что я не помню в своей жизни такого поцелуя. Мы оба хотели друг друга. Но в этот момент были слишком уязвимы.

Мы пошли с Кейт к ней в спальню. Долго обнимались. Переговаривались шепотом. Спали вместе. Но любовью в ту ночь не занимались.

Мы были самыми близкими друзьями и не желали разрушить эту дружбу.

Глава 85

Наоми казалось, что она окончательно сходит с ума. Она только что, будто наяву, видела, как Алекс убивает Казанову, хотя точно знала, что этого не может быть. Своими собственными глазами видела, как он выстрелил. У нее начинались галлюцинации, и противиться им она была не в силах.

Временами она разговаривала сама с собой. Звук собственного голоса успокаивал.

Наоми устроилась в кресле в своей темной тюремной камере и задумалась. Скрипка была при ней, но она уже давно не играла. Теперь ее тревожило и пугало новое предположение. А вдруг он больше не придет?

Может быть, Казанову схватили, а он не сказал полиции, где держит своих пленниц. Ведь это его главный козырь, так? Его великая тайна. Его последняя соломинка и основная ставка.

А может быть, его уже убили в перестрелке. Каким образом полиция найдет ее и остальных, если он мертв? «Что-то случилось», — думала она. Он ни разу не появился здесь за последние два дня.

Что-то произошло.

Ей отчаянно хотелось повидать солнце, синее небо, траву, готические шпили университета, каменные террасы в парке Сара-Дьюк, даже речку Потомак во всем ее грязнящем великолепии — дома, в Вашингтоне.

Наконец Наоми встала с кресла-качалки, стоявшей рядом с кроватью. Медленно, очень медленно она прошла по голому дощатому полу и остановилась у запертой двери, прижавшись щекой к холодному дереву.

«Неужели я способна на такое безумие? — спрашивала она себя. — Неужели готова подписать себе смертный приговор?»

У нее перехватило дыхание. Она прислушалась, надеясь уловить хоть какие-то звуки в таинственном доме, хоть какой-нибудь самый незначительный шум. Комнаты были звукоизолированы, но достаточно громкие звуки все же проникали сквозь стены зловещего здания.

Она обдумывала то, что хотела сказать, какие именно слова.

«Меня зовут Наоми Кросс. Где ты, Кристин, Зеленоглазка? Я поняла, что ты права. Надо что-то предпринять. И нужно это сделать сообща... Он больше не вернется».

Наоми обдумала свою речь, все здраво рассудила, но произнести эти слова вслух не могла. Она понимала, что пойти против его воли означало обречь себя на смерть.

Кристин Майлз звала ее уже несколько раз за последние сутки, но Наоми не ответила ни разу. Разговаривать было запрещено, а наказание за непослушание она видела своими глазами. Повешенная женщина несколько дней назад. Бедная Анна Миллер. Еще одна студентка юридического факультета.

В тот момент она не слышала ни звука. Полная тишина. Абсолютное безмолвие. Тихое бормотание вечности. Ни автомобильного гудка, ни шуршания шин или выстрела выхлопной трубы. Даже рокота самолета в небе ни разу не донеслось.

Наоми решила, что они находятся под землей, причем довольно глубоко. Неужели он сам выстроил этот подземный дворец, этот «приют греха»? Обдумывал, мечтал, а затем в порыве психопатической ярости и приливе энергии воплотил в жизнь? Она считала, что так, наверное, и было.

Она готовила себя к тому, чтобы нарушить тишину. Ей необходимо поговорить с Кристин, с Зеленоглазкой. Во рту пересохло. Язык словно ватный. Наоми облизала губы.

— Я бы убила сейчас за бутылку коки. Убила бы его за бутылку коки, — прошептала она. — Убила бы не задумываясь при первой возможности.

«Я могла бы убить Казанову. Могла бы совершить убийство. Неужели я до этого докатилась?» — подумала Наоми и всхлипнула.

И тогда внезапно она закричала в полный голос:

— Кристин, ты слышишь меня? Кристин! Это я, Наоми Кросс!

Она дрожала всем телом, и горячие слезы текли ручьем по щекам. Она восстала против него и его вонючих строгих правил.

Зеленоглазка отозвалась немедленно. Ее голос прозвучал как небесная музыка.

— Я слышу тебя, Наоми. Мне кажется, я от тебя всего в нескольких комнатах. Слышу тебя прекрасно. Продолжай, Наоми. Я

уверена, его сейчас нет.

Наоми больше не задумывалась о том, что делает. Может быть, он здесь, может быть, нет. Теперь это не имело значения.

— Он собирается нас убить, — кричала она. — С ним что-то случилось. Он наверняка нас убьет. И если делать что-то, то немедленно.

— Наоми права! — Голос Кристин звучал слегка приглушенно, как будто со дна колодца. — Все слышали, что сказала Наоми? Конечно, слышали!

— У меня появилась идея. Пусть все подумают. — Теперь Наоми говорила еще громче. Ей не хотелось прерывать разговор. Все должны ее выслушать, все похищенные женщины. — Когда он в следующий раз нас соберет, мы должны решиться. Если набросимся на него все скопом, он может ранить кого-нибудь, но не всех. Как вы думаете?

И тогда тяжелая деревянная дверь в комнату Наоми стала со скрипом открываться. Ворвался поток света.

В безмолвном ужасе Наоми смотрела, как открывается дверь. Она не в силах была пошевелиться, произнести слово.

Сердце громко и болезненно колотилось, дыхание сперло. Ей казалось, что она умирает. Он был там, ждал все это время, подслушивал.

Дверь распахнулась.

— Привет, меня зовут Уилл Рудольф, — приятным голосом произнес высокий красивый мужчина. — Мне очень нравится твой план, но не думаю, что из него что-нибудь выйдет. Могу объяснить почему.

Глава 86

Я приехал в международный аэропорт Роли-Дарем около девяти утра в среду. В бой рвалась тяжелая артиллерия — подкрепление в лице Сэмпсона было на подходе к городу.

В отличие от атмосферы ужаса и панических настроений, царивших на улицах Дарема и Чепел-Хилла, аэропорт встретил меня тем ранним утром обычной суетой. Толпа деловых людей в темных отутюженных костюмах и цветастых платьях от Неймана Марка и Дилларда, казалось, игнорировала все эти страхи. Мне это нравилось. Молодцы. Отрицание тоже своеобразный выход.

Наконец я увидел Сэмпсона, широким решительным шагом направлявшегося из зала компании «Ю. С. Эйр». Я помахал ему местной газетой. Так всегда и было: я машу, а Человек Гора — нет. Он поприветствовал меня коротким сухим кивком. А мне большего и не надо. Как раз то, что доктор прописал.

Я прокатил Сэмпсона с ветерком от аэропорта до Чепел-Хилла. Мне хотелось обследовать район реки Викаджил. Очередное предположение, но к чему-нибудь оно могло привести... например, к местонахождению «исчезающего» дома. Я включил в список консультантов доктора Луи Фрида, бывшего преподавателя и наставника Сета Сэмюеля. Доктор Фрид был известным чернокожим историком, специалистом по Гражданской войне, которой я тоже интересовался. Рабы и Гражданская война в Северной Каролине... В особенности подземная железная дорога, которой пользовались рабы, удиравшие на Север.

Когда мы въехали в Чепел-Хилл, Сэмпсон своими глазами увидел, как отзывались на обитателях некогда мирного университетского городка похищения и страшные убийства. Подобное мне приходилось наблюдать во время случайных поездок в нью-йоркском метро. А еще это слегка напоминало мне о доме, нашей столице. Теперь жители Чепел-Хилла торопливо шагали по своим очаровательным улочкам, низко опустив головы. Они боялись смотреть друг другу в глаза, особенно незнакомым людям. Доверие сменилось подозрительностью, страхом. Милая сердцу открытая провинциальность исчезла.

— Ты думаешь, Казанова вкушает славу «Похитителей трупов»? [25] — спросил Сэмпсон, пока мы кружили по улицам, огибавшим территорию университета Северной Каролины, где когда-то начинал Майкл Джордан и многие другие звезды баскетбола.

— Да, я думаю, ему по душе слава местной знаменитости. Он любит играть в такие игры. И очень гордится своим мастерством, своим искусством.

— А не желает ли он расширить поле деятельности? Приобрести холст побольше, как говорится, — поинтересовался Сэмпсон, пока мы одолевали пологие холмы, в честь которых университетский город и получил, по всей вероятности, свое название. [26]

— Об этом мне пока ничего не известно. Он вполне может довольствоваться тем, что имеет. Не выходит за пределы своей территории. Некоторые убийцы очень строго соблюдают границы своих владений. Ричард Рамирес, например, или Сын Сэма, или убийца с Зеленой Речки.

Потом я рассказал Сэмпсону о своей теории психологии близнецов. Чем больше я над ней размышлял, тем основательнее она мне казалась. Даже ФБР постепенно стало в нее верить.

Каждый из них вынужден делиться с другим своей великой тайной. Похищение красивых женщин лишь часть ее. Один из них считает себя «героем-любовником», художественной натурой. Другой — жестокий убийца, тип гораздо более распространенный среди особо опасных преступников. Они дополняют друг друга, возмещают взаимные слабости. Пока они вместе, они неуязвимы, я полагал. Но главное, что они, как мне кажется, тоже такого мнения.

— Который из них лидер? — спросил Сэмпсон. Прекрасный вопрос, и возник совершенно интуитивно. Именно так, по наитию, Сэмпсон и находит отгадки.

— Думаю, Казанова. Он определенно гораздо изобретательнее. Именно он до сих пор не сделал ни одной грубой ошибки. Но Джентльмену явно не слишком нравится роль ассистента. Поэтому он скорее всего и переехал в Калифорнию. Проверить, не сможет ли справиться в одиночку. И не смог.

— Казанова — это тот придурочный преподаватель? Доктор Вик Сакс? Знаток порнографии, о котором ты мне рассказывал? Это наш человек, Рафинад?

Я внимательно посмотрел на сидевшего рядом Сэмпсона. Теперь мы уже говорили о деле. Профессиональный язык легавых.

— Иногда мне кажется, да, это Сакс и он так дьявольски умен и хитер, что может позволить себе открыться нам. Ему доставляет удовольствие наблюдать, как мы стоим на ушах, чтобы найти его. Игра, которая дает ему ощущение власти.

Сэмпсон кивнул коротко и всего один раз.

— А что вам приходит в голову в другое время, доктор Фрейд?

— А в другое время я начинаю сомневаться, Сакс ли это. Казанова чрезвычайно находчив и так же невероятно осторожен. Возможно, он выдает дезинформацию, чтобы каждый гнался за своим собственным хвостом. Даже Кайл Крейг того и гляди взбесится.

Сэмпсон наконец продемонстрировал свои крупные белоснежные зубы. Может быть, это называлось улыбкой, а может быть, он собирался меня укусить.

— Похоже, я в это пекло как раз вовремя угодил, мать его растак.

Стоило мне притормозить у дорожного знака, как от стоявшей неподалеку машины к нам бросился человек с пистолетом. Мы с Сэмпсоном не успели отреагировать, как дуло его «смит-и-вессона» уперлось мне прямо в челюсть. «Все, — подумал я, — кранты. Абзац!»

— Полиция Чепел-Хилла, — заорал человек в открытое окно. — Выметайтесь из машины! Руки за голову!

Глава 87

— Да, ты сюда как раз вовремя поспел, — шепнул я Сэмпсону сквозь зубы. Мы медленно и очень осторожно выбрались из машины.

— Похоже на то, — отозвался он. — Гляди в оба, Алекс. Не допусти, чтобы нас сейчас подстрелили или исколошматили. Мне такие шутки были бы не по вкусу.

Я приблизительно догадывался, в чем тут дело, и это выводило меня из себя. Мы с Сэмпсоном оказались в числе подозреваемых. Но почему? Да потому, что мы, пара черномазых, ехали по закоулкам Чепел-Хилла в десять часов утра, будь оно трижды проклято.

Я видел, что Сэмпсон тоже злится, но по-своему. Он натянуто улыбался и качал головой.

— Класс, — говорил он. — Высокий класс.

Появился еще один полицейский Чепел-Хилла, в помощь своему напарнику. Ребята были крутые, лет под тридцать. Длинные лохмы. Пышные усы. Сильные мускулистые тела, накачанные в центральной спортшколе. Под руководством Ника Раскина и Дэйви Сайкса.

— Тебе смешно? — спросил второй полицейский, да так тихо, что я едва расслышал. — Веселишься, чернозадый? — спросил он Сэмпсона. У него в руке была свинцовая дубинка, и держал он ее у самого бедра, готовый нанести удар.

— Это лучшее, что я слышал за последнее время, — сказал Сэмпсон, продолжая улыбаться. Дубинок он не боялся.

По затылку у меня побежали мурашки, а по спине медленно стекал пот. Давненько я не слышал оскорблений в свой адрес, и теперь это мне очень не понравилось. Это было последней каплей ко всей той мерзости, с которой мне пришлось столкнуться с тех пор, как я сюда попал. Хотя издевательства над черными в Северной Каролине и на Юге далеко не редкое явление и по сей день.

Я попытался объяснить, кто мы такие.

— Меня зовут...

— Заткнись, ублюдок! — Прежде чем я успел окончить фразу, один из них долбанул-таки меня дубинкой по пояснице. Не так сильно,

чтобы оставить след, но достаточно чувствительно. Впрочем, не могу сказать, что болело больше — душа или спина.

— Этот, по всему видно, накачался. Вон глаза какие красные, — сказал патрульный с тихим голосом. — Наверняка на игле сидит. — Разговор шел обо мне.

— Меня зовут Алекс Кросс. Я — следователь. А ты — сволочь, мать твою. Я занимаюсь делом Казановы, — неожиданно для себя самого завопил я. — Звоните следователям Раскину и Сайксу. Немедленно! Звоните Кайлу Крейгу из ФБР!

В тот же момент я резко развернулся и всадил кулак в горло тому, кто стоял поближе. Он камнем рухнул на землю. Напарник его рванулся к нам, но Сэмпсон свалил его на тротуар, прежде чем тот успел натворить что-нибудь совсем уж идиотское. Револьвер у первого дурака я отобрал легче, чем у четырнадцатилетнего сопляка в Вашингтоне.

— Значит, руки за голову? — переспросил Сэмпсон своего «подозреваемого». И в голосе его не было ни доли иронии. — Скольких черных ты дерьмом облил? Скольких называл «чернозадыми» и издевался вот так? Вот так, вот так... чтобы ты понял, мать твою, каково им было. Меня от тебя блевать тянет.

— Вам прекрасно известно, что Казанова не черный, — сказал я обоим разоруженным полицейским Чепел-Хилла. — А если вам, джентльмены, ничего об этом не известно, поверьте мне на слово.

— В этом районе было много ограблений, — сказал тихоголосый. Он внезапно весь сжался и начал переминаясь с ноги на ногу, будто знаменитую американскую чечетку вздумал отбивать или старинный тустеп отплясывать — два шага вперед, один назад.

— Ты эти оправдания брось! — прорычал Сэмпсон, поигрывая своим пистолетом, чтобы эти два дуболома тоже чуток в штаны наложили.

Мы с Сэмпсоном снова сели в машину и прихватили с собой их оружие. Неплохой сувенир к началу дня. Пусть теперь объясняются со своим начальством в участке.

— Сукин сын! — буркнул Сэмпсон, когда мы отъехали.

А я треснул ладонью по рулевому колесу. Потом еще раз. Эта история вывела меня из себя даже больше, чем я предполагал. А может быть, просто нервы сдали.

— С другой стороны, мы этих сопляков уложили как нечего делать, — заметил Сэмпсон. — От их махрового расизма у меня кровь закипает. Ладно, пар выпустили. Это хорошо. Теперь как раз настрой что надо.

— Рад снова видеть твою рожу, — сказал я Сэмпсону. И улыбнулся наконец. Мы оба улыбнулись. А потом расхохотались как бешеные.

— Я тоже рад тебя видеть, Черный Рафинад. Выглядишь по-прежнему как огурчик. Эта нервотрепка на тебе не сказалась. А теперь за работу. Знаешь, мне жаль этого шизика, если он сегодня попадет к нам в лапы... что было бы очень и очень желательно.

Мы с Сэмпсоном тоже были вроде неразлучных близнецов, и это всегда здорово помогало.

Глава 88

Мы застали декана Браунинга Лоуэлла за тренировкой в новом университетском спортзале в Аллен-Холле на территории Дьюка. Зал был оборудован самыми лучшими и самыми современными тренажерами: гребные устройства, гимнастический комплекс «Стэр-Мастерс», «бегущие дорожки», гравитроны.

Лоуэлл тренировался со штангой. Нам надо было поговорить с ним о Вике Саксе, профессоре порнографии.

Мы с Сэмпсоном понаблюдали, как Лоуэлл выполняет жимы, упражнения для ног и пресса. Впечатление все это произвело даже на нас, хотя мы в подобном деле собаку съели. Лоуэлл был настоящим атлетом.

— Так вот как выглядят вблизи боги Олимпа, — сказал я, когда мы наконец направились к нему через зал. Из репродукторов, развешанных по стенам, звучал голос Уитни Хьюстон. На пение Уитни у всех профессоров вставало.

— Олимпийский Бог рядом с тобой идет, — напомнил Сэмпсон.

— Об этом легко забыть в присутствии великих, но пока скромных, — сказал я с усмешкой.

Услышав топот наших уличных башмаков по полу спортзала, Лоуэлл поднял голову. Улыбка у него была открытая и дружелюбная. Душка Браунинг Лоуэлл. Он и в самом деле производил приятное впечатление. Во всяком случае, из кожи вон лез, чтобы таким казаться.

Мне надо было за короткое время вытянуть из этого весьма осведомленного в университетских делах человека как можно больше информации. Где-то в недрах университета должна была прятаться та самая недостающая часть головоломки, которая объяснит все эти загадочные убийства. Я представил Сэмпсона, и мы затеяли легкую учтивую беседу. Я спросил Лоуэлла, что ему известно о Вике Саксе.

Декан старался изо всех сил, так же как и при первой нашей встрече.

— В семье, как говорится, не без уродца. Вот таким «уродом» и является Сакс, уже лет десять. Подобные ему встречаются практически во всех университетах, хоть один, но есть, — сказал

Лоуэлл и глубоко задумался. Я заметил, что даже на лице у него, когда он хмурится, проступают мускулы. — Сакс известен под кличкой Доктор Мразь. Но он состоит в штате, и кроме того, никогда не был пойман с поличным на чем-то непотребном. Наверное, мне полагалось бы выгораживать доктора Сакса за недостаточностью улики, но я не стану этого делать.

— Вам доводилось слышать о коллекции порнографических книг и фильмов, которая принадлежит Саксу и которую он хранит у себя дома? Порнография, замаскированная под эротику. — Сэмпсон решил задать этот вопрос вместо меня.

Тогда Лоуэлл приостановил свою усиленную тренировку. Долго смотрел на нас обоих, потом спросил:

— Доктора Сакса подозревают в деле исчезновения всех этих молодых женщин?

— Подозреваемых много, декан. И пока я не могу больше ничего сказать. — Это была правда. Лоуэлл кивнул.

— Я понимаю вас, Алекс, и попробую рассказать кое-что о Саксе, что могло бы помочь. — Он окончательно завершил тренировку и принялся растирать мощную шею и плечи. Тело его напоминало полированную скалу.

Лоуэлл говорил, продолжая педантично растираться.

— Начну, пожалуй, с самого начала. Когда-то здесь произошло жуткое убийство молодой пары. Случилось это в восемьдесят первом году. Вик Сакс в то время учился на последнем курсе, изучал гуманитарные науки. Чрезвычайно способный был студент. Я тогда уже окончил университет. Вступив в должность декана, я узнал, что Сакс проходил по подозрению в убийстве этой пары, но был полностью оправдан. Не нашлось ни одной улики, подтверждавшей бы его прямое или косвенное участие. Подробности мне неизвестны, но вы и сами можете все выяснить у даремской полиции. Случилось это весной восемьдесят первого. Убиты были Ро Тирни и Том Хатчинсон. Скандал был грандиозный, насколько мне помнится. В те времена убийство могло решительно потрясти общественность. Но дело в том, что это преступление так и осталось нераскрытым.

— А почему вы раньше об этом не рассказывали? — спросил я Лоуэлла.

— ФБР и так все известно, Алекс. Я сам их информировал. И знаю, что с доктором Саксом они беседовали несколько недель назад. У меня создалось впечатление, что он вне подозрения и что связи между нынешними и тем преступлением не обнаружено. Я в этом абсолютно уверен.

— Ну что ж, вполне откровенно, — сказал я декану и попросил его еще об одном большом одолжении. Не мог бы он выяснить, что выспрашивали о докторе Саксе фэбээровцы? А еще я хотел бы посмотреть журналы университета за те годы, когда Сакс и Уилл Рудольф были студентами. Мне надо было тщательно изучить выпуск восемьдесят первого года.

Около семи вечера того же дня мы с Сэмпсоном снова повстречались с полицией Дарема. Среди остальных были следователи Раскин и Сайкс — несли тяжкий груз профессионального долга.

Перед началом совещания о новых данных в ходе следствия по делу Казановы они отвели нас в сторону. Им тоже передалось общее напряжение, что несколько сбило с них спесь.

— Слушайте, вам обоим уже приходилось заниматься такими жуткими делами, — сказал Раскин. Как обычно, говорил в основном он. Дэйви Сайксу мы нравились не более, чем в первый день встречи. — Я знаю, мы с напарником поначалу не очень привечали вас. Но хочу, чтобы вы знали: мы желаем лишь одного — остановить убийства.

Сайкс закивал своей квадратной головой.

— Мы хотим прижать Сакса к ногтю. Вся беда в том, что наше начальство заставляет нас, как всегда, гоняться за собственными хвостами.

Раскин наконец улыбнулся, и я вслед за ним. Политика полицейского управления нам всем была хорошо известна. Но я по-прежнему не доверял даремским следователям по особо опасным преступлениям. Уверен был, что они хотят нас с Сэмпсоном использовать или, по крайней мере, держать на отшибе. И, кроме того, меня не покидало ощущение, что они до сих пор придерживают кое-какие улики.

Даремские детективы сообщили нам, что они проверяют всех врачей в Университетском треугольнике и отмечают тех, кто хоть каким-нибудь боком был причастен к преступлениям или как-то связан

с преступным миром. Вик Сакс среди них главный подозреваемый, но не единственный.

До сих пор было вовсе не исключено, что Казанова окажется тем, о ком мы думать не думали и даже слыхом не слыхивали. Так очень часто случается в следствии по делу о многократных убийствах. Он где-то рядом, а мы, возможно, даже не представляем себе, кто он такой. И это пугает больше всего. И раздражает, конечно, тоже.

Ник Раскин и Сайкс отвели нас с Сэмпсоном к стенду с перечнем подозреваемых. В нем значилось семнадцать имен. Пятеро врачей. Кейт с самого начала предполагала, что Казанова врач, и Кайл Крейг придерживался того же мнения.

Я прочел имена врачей:

Доктор Стефан Бауэн;

Доктор Фрэнсис Константный;

Доктор Ричард Дилалло;

Доктор Мигуэль Феско;

Доктор Келли Кларк.

И снова я задумался, не могли ли сразу несколько человек быть причастны к дому ужасов. Или все-таки Вик Сакс — наш человек? Он — Казанова?

— Ты у нас большой дока по этой части. — Дэйви Сайкс внезапно прикоснулся к моему плечу. — Так кто же он, скажи нам, учитель? Помоги нам. Помоги деревенщинам. Поймайте чудовище, доктор Кросс.

Глава 89

Поздним вечером Казанова снова отправился в путь. На промысел. Вот уже несколько дней он был лишен этого удовольствия, но нынешняя ночь должна принести ему удачу.

Он без труда проник на большую территорию охраняемого Медицинского центра университета Дьюк через мало кому известную железную калитку частной стоянки, предназначенной только для врачей Центра. По пути к пункту своего назначения он прошел мимо группы чирикающих медсестер и серьезного вида врачей. Некоторые из докторов и сестер кивали и даже улыбались ему.

Как всегда, Казанова легко вписывался в окружающую обстановку. Он мог пройти куда заблагорассудится... что он и делал.

Торопливо шагая по стерильно-чистым больничным коридорам, он был погружен в сложные подсчеты и размышления, касавшиеся его ближайшего будущего. Деятельность его была необычайно успешна здесь, в Университетском треугольнике, и на юго-востоке, но ее явно пора было прикрывать. Начиная непосредственно с нынешней ночи.

Алекс Кросс и другие дотошные ничтожества подобрались к нему чересчур близко. Даже даремская полиция начинала представлять опасность. Его классифицировали — совершенно неверно — как территориального убийцу, действующего только на своем пяточке. Ему известна была их терминология. Настанет день, и кто-нибудь доберется до дома. Или того хуже, по злой иронии судьбы кому-нибудь удастся обнаружить его самого.

Да, пришла пора сниматься с места. «Может быть, им с Уиллом Рудольфом поехать в Нью-Йорк? — думал он. — Или в солнечную Флориду? В Аризоне тоже было бы неплохо. Провести осень в Темпе или Таксоне... шумные университетские городки, где полно превосходной дичи. Или осесть в одном из огромных учебных центров Техаса? В Остине тоже неплохо или в Урбане штата Иллинойс? Мэдисон, Висконсин? Колумбия, Огайо?»

А еще его очень тянуло в Европу. В один из трех городов — Лондон, Мюнхен или Париж. Собственный вариант кругосветного

турне. Наверное, это более всего годится при нынешних обстоятельствах. Поистине грандиозное турне двух лихих ребят.

Кому захочется тащиться в кино на «Дракулу», когда вокруг денно и ночью бродят настоящие чудовища?

Казанова пытался сообразить, не мог ли кто-нибудь пробраться вслед за ним в лабиринты Медицинского центра, Алекс Кросс например. Вполне возможно. У доктора Кросса чрезвычайно упрямый нрав. Он вычислил в Вашингтоне того самого весьма неизобретательного детоубийцу, заурядного шизика. Кросса надо ликвидировать до того, как они с Рудольфом отправятся на новые подвиги, иначе он последует за ними в ад и обратно.

Казанова прошел сложными лабиринтами во второй корпус клиники. Там располагался больничный морг и производственные помещения, куда мало кто навещался.

Он оглянулся и посмотрел в глубь серовато-белого коридора. Позади никого не видно. Видимо, кроме него, желающих окунуться в этот безжизненный, безрадостный мир не нашлось.

А может быть, о нем все-таки еще не знают? Еще не вычислили? Если и так, скоро все выплывет наружу. Есть слабые места, за которые можно уцепиться. И потянется ниточка обратно, к Ро Тирни и Тому Хатчинсону. Нераскрытое убийство золотой парочки. Самое начало их с Уиллом Рудольфом пути. Господи, как он рад, что друг вернулся. В присутствии Рудольфа он всегда лучше себя чувствует. Рудольф понимал, что такое желание, и безоговорочно признавал свободу отсутствия запретов.

Казанова теперь бежал трусцой по сверкающему чистотой коридору второго корпуса Медицинского центра. Стук его башмаков эхом разносился по пустым помещениям. Несколько минут спустя он был уже в четвертом корпусе, оставив позади всю северо-восточную часть клиники.

Он еще раз оглянулся. Никого. Никто еще не догадался. Может быть, и не догадается никогда.

Казанова вышел на ярко, до рези в глазах, освещенную стоянку. Черный джип стоял у самого здания, и Казанова с ходу, без колебаний вскочил в него и сел за руль.

На номерном знаке машины стояло ДМ, ^[27] штат Северная Каролина. Еще одна из его масок.

Он снова почувствовал себя полным сил и уверенности. Это было удивительное ощущение свободы и бодрости духа. Его звездный час! Ему казалось, что он способен взлететь к затянутому черным шелком небу.

Он наметил жертву.

Ею снова должна стать доктор Мактирнан.

Он так тосковал по ней.

Он любил ее всей душой.

Глава 90

Доктор Уилл Рудольф устремился сквозь ночь к своей ничего не подозревающей добыче. Его раздирало желание. Пьянило. Ему следовало посетить пациентку на дому. Так должен поступать любой настоящий врач, по крайней мере тот, кто неравнодушен к состоянию своего больного.

Казанова не желал, чтобы он появлялся на улицах Дарема или Чепел-Хилла. Вернее, просто запретил. Вполне понятно, абсолютно правильно, но совершенно нереально. Они снова работали на пару. Кроме того, опасность по ночам сводилась к минимуму, а награда стоила любого риска.

Второй акт драмы должен был разыграться в ближайший час, и главную роль в нем сыграет он. Уилл Рудольф был в этом уверен. Он не таскал за собой эмоционального багажа. И ахиллесовой пяты у него не было. А у Казановы была... и звали ее Кейт Мактирнан.

«Она каким-то странным образом стала его конкурентом», — подумал он. Казанову связывают с ней особые узы. Она почти совпадала с образом «возлюбленной», которую он настойчиво искал повсюду. А в силу этого она становилась опасной для их, его и Казановы, сложных взаимоотношений.

Въезжая в Чепел-Хилл, он размышлял о своем «друге». Что-то изменилось между ними, они стали еще ближе один другому. Разлука длиной почти в год позволила ему глубже оценить удивительные отношения. Они были теперь теснее, чем когда-либо. Нет на свете больше никого, с кем он мог бы поговорить, ни единого человека, кроме Казановы.

«Как это печально, — подумал Рудольф. — Как удивительно».

В течение года, проведенного в Калифорнии, Уилл Рудольф часто вспоминал мучительное чувство одиночества, не покидавшее его в детстве. Родился он и вырос в Форт-Брэге, Северная Каролина, затем переехал в Эшвил. Он был сыном полковника авиации, привыкшим к муштре, истинным выходцем с Юга. Ему хватило ума создать себе подобающий имидж: отличник учебы, вежливый, услужливый, добродетельный ко всему прочему. Настоящий джентльмен. И никому

в голову не приходило, чего он хочет, к чему стремится на самом деле... и это была истинная причина его невыносимо глубокого одиночества.

Он понимал, когда пришел конец этому одиночеству. Точно знал, когда оно окончилось и где. Он помнил первую, совершенно ошеломившую его встречу с Казановой. Случилось это прямо на территории университета Дьюк, и для них обоих встреча была чревата большой опасностью.

Джентльмен в деталях помнил тот момент. У него была маленькая комнатка, в точности такая, как у всех остальных студентов, живших в общежитии. Однажды Казанова объявился далеко за полночь, около двух. И напугал его до смерти.

Он выглядел очень уверенно, когда Уилл Рудольф открыл ему дверь. Есть такой «театральный» эстетский фильм под названием «Веревка». ^[28] Так вот это словно была сцена из этого самого фильма.

— Ты не хочешь меня пригласить войти? Не думаю, что тебе понравится, если я начну вещать на весь коридор, — с улыбкой проговорил он.

Рудольф впустил его. И закрыл дверь. Сердце его билось учащенно.

— Чего тебе надо? Господи, уже почти два часа ночи.

И снова улыбка. Дьявольски самоуверенная. Он все знает!

— Ты убил Ро Тирни и Томаса Хатчинсона. Ты преследовал ее больше года. И любовную памятку о Ро ты хранишь прямо здесь, в этой комнате. Ее язык, я думаю.

Это был самый драматический момент в жизни Уилла Рудольфа. Нашелся такой человек, который знает, кто он есть на самом деле. Его вычислили.

— Не бойся. Мне известно также, что доказать твою причастность к этим убийствам никак нельзя. Ты совершил безупречные убийства. Скажем, почти безупречные. Поздравляю.

Стараясь играть настолько правдоподобно, насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах, Рудольф рассмеялся в лицо обвинителю.

— Ты совсем с ума сошел. Убирайся немедленно. Никогда не слышал большей глупости.

— Именно так, — согласился обвинитель. — Но ты мечтал ее услышать всю жизнь... А теперь я скажу тебе кое-что еще, не менее интересное. Я понимаю, что именно ты сделал и почему. Я сам такое вытворял. Я очень похож на тебя, Уилл.

Рудольф сразу, в тот же момент, почувствовал их неразрывное единство. Первый раз в жизни ощутил нерасторжимую связь с другим человеком. Может быть, именно это зовется любовью? Способны ли обыкновенные люди испытывать те чувства, что доступны ему? Или они обманывают себя? Облекают прозаический процесс обмена семенного потока ореолом романтики, таинственности?

Но не успев ответить на эти вопросы, он прибыл к конечному пункту своего назначения. Остановив машину под старинным огромным вязом, выключил фары. Двое негров стояли на крыльце дома Кейт Мактирнан.

Один из них был Алекс Кросс.

Глава 91

В начале одиннадцатого мы с Сэмпсоном ехали по темной извилистой улице на окраине Чепел-Хилла. День для нас выдался долгий и трудный.

Чуть раньше тем же вечером я прихватил Сэмпсона на встречу с Сетом Сэмюелем Тейлором. Еще мы переговорили с одним из бывших педагогов Сета, доктором Луи Фридом. Я поделился с доктором Фридом своей версией «исчезающего» дома. Он согласился помочь мне в том, что касалось расследования возможного местонахождения этого дома.

Я еще мало что рассказывал Сэмпсону о Кейт Мактирнан. Но настало время им встретиться.

Я пока не знал, к чему клонится наша дружба, не знала этого и Кейт. Может быть, у Сэмпсона появятся какие-нибудь идеи по этому поводу, когда он увидит ее. Я был уверен, что появятся.

— Ты всегда так допоздна работаешь, как сегодня? — поинтересовался Сэмпсон, когда мы свернули на улицу, где жила Кейт. Она называла эту улицу Старушкиным закоулком.

— Буду так работать до тех пор, пока не найду Липучку или не пойму, что не в силах ее найти, — объяснил я. — Тогда возьму на всю ночь отгул.

Сэмпсон хмыкнул.

— Ах ты, черт с рогами.

Мы выскочили из машины и направились к входу. Я позвонил.

— Ключей не дают? — бесстрастным тоном спросил Сэмпсон.

Кейт включила для нас свет на крыльце. Я удивлялся, почему она не держит его включенным всю ночь. Чтобы сэкономить несколько центов в месяц? Чтобы не привлекать мошкар? Потому что упряма и желает еще раз встретиться с Казановой? Скорее всего, последнее, судя по тому, что я уже знал о Кейт. Она жаждала встречи с Казановой не меньше, чем я.

Она вышла к нам в хлопчатобумажной сорочке, потертых с прорехами джинсах, босая, но с покрытыми ярким лаком ногтями на

ногах. Распущенные волосы спадают до плеч. Очень красивая, этого не признать никак нельзя.

— Ну и мошकारа, житья от нее нет! — воскликнула она, стоя на крыльце и оглядываясь по сторонам.

Она обняла меня и чмокнула в щеку. Я вспомнил, как мы лежали, обнявшись, прошлой ночью. Где это было? И было ли вообще? Я не мог поверить.

— Здравствуйте, Джон Сэмпсон, — сказала Кейт, крепко пожав ему руку. — Мне кое-что известно о вашей с Алексом дружбе с тех пор, как вы познакомились девятилетними мальчиками. За кружкой пива вы могли бы рассказать мне все остальное. Как *вам* это представляется. — Она улыбнулась. У меня всегда на душе тепло, когда я видел ее улыбку.

— Значит, вы и есть та самая знаменитая Кейт. — Сэмпсон, не отпуская ее руки, смотрел в самую глубь карих глаз. — Я слышал, вы работали в закуской для водителей грузовиков, чтобы оплатить свое медицинское образование. Или в каком-то еще более сомнительном заведении. А также знаю о втором дане, о черном поясе. — Он расплылся в улыбке и почтительно поклонился.

Кейт улыбнулась Сэмпсону и отвесила ответный поклон.

— Заходите в дом, спасайтесь от надоедливых комаров и жуткой жары. Похоже, Алекс сплетничал у нас за спиной. Мы его за это проучим. Устроим против него заговор.

— Вот это и есть Кейт, — сказал я Сэмпсону, входя вслед за ним. — Как она тебе?

Он оглянулся.

— Ты ей почему-то очень нравишься. Ей нравлюсь даже я, хотя это гораздо более естественно.

Мы сидели в кухне и разговаривали, чувствуя себя легко и свободно, как это обычно бывало в ее присутствии. Мы с Сэмпсоном пили пиво, а Кейт чай со льдом. Было ясно, что Кейт с Сэмпсоном понравились друг другу. А почему бы и нет? Оба независимые, умные, великодушные.

Я поведал ей о прошедшем рабочем дне, о разочаровавшей нас встрече с Раскином и Сайксом, а она рассказала о том, как прошел день в больнице, даже процитировала нам кое-что из своих внеслужебных заметок.

— Похоже, кроме черного пояса, вы еще обладаете превосходной памятью, — сказал Сэмпсон, вскинув от удивления брови. — Не удивительно, что доктор Алекс такого высокого о вас мнения.

— Это правда? — Кейт взглянула на меня. — Мне ты этого никогда не говорил.

— Хочешь верь, хочешь нет, но Кейт не слишком эгоцентрична, — сказал я Сэмпсону. — Удивительное и уникальное заболевание в наше время. А все потому, что она редко смотрит телевизор. Зато много читает.

— Не очень-то вежливо обсуждать друзей в присутствии других, — возмутилась Кейт и шлепнула меня по руке.

Мы еще поговорили немного о деле. О докторе Вике Саксе и его излюбленных играх. О гаремах. О масках. Об «исчезающем» доме. О моей последней версии, к которой подключился доктор Луи Фрид.

— Я тут перед вашим приходом почитывала кое-что, — сообщила Кейт. — Некое эссе о мужских сексуальных порывах, об их природной естественной красоте и силе. Там рассказывается о современных мужчинах, стремящихся отгородиться от матерей, разорвать удушающую космологическую пуповину. Идея состоит в том, что мужчины жаждут свободы для утверждения своего мужского начала, а современное общество постоянно подавляет их. Какие будут комментарии, джентльмены?

— Мужчины останутся мужчинами. — Сэмпсон продемонстрировал крупные белые зубы. — В душе мы все львы и тигры. Космологической пуповины я никогда в глаза не видывал, поэтому от комментариев по этой части эссе воздержусь.

— А ты что думаешь, Алекс? — спросила меня Кейт. — Кто ты, лев или тигр?

— В большинстве мужчин мне всегда определенно кое-что не нравилось, — сказал я. — Мы и в самом деле невероятно подавлены. И от этого монохромны. Не уверены в себе, вечно обороняемся. Рудольф и Сакс довели свое мужское самоутверждение до чрезмерности. Они не желают признавать законы и мораль общества.

— Трам-та-ра-рам, — пробарабанил Сэмпсон, имитируя заставку телевизионного ток-шоу.

— Они считают себя умнее всех, — сказала Кейт. — Во всяком случае Казанова. Он смеется над нами. Он мерзкий сукин сын.

— Вот поэтому я здесь, — обратился к ней Сэмпсон. — Чтобы поймать его, посадить в клетку, запереть, а ключ закинуть на вершину горы. Но в клетку он попадет уже жмуриком.

Время шло, вернее, летело. Уже наступила ночь, и нам пора было уходить. Я пытался уговорить Кейт переночевать в гостинице. Мы уже не раз обсуждали этот вопрос, но ответ был всегда один.

— Благодарю за заботу, но нет, — сказала она, провожая нас на крыльцо. — Я не позволю ему выгнать меня из собственного дома. Этого он не дождется. Пусть попробует сунуться, посмотрим, кто кого.

— Алекс прав насчет гостиницы, — проговорил Сэмпсон тем ласковым тоном, какой приберегал только для близких друзей. — Это настоящая рекомендация от самых лихих легавых округа.

Кейт отрицательно покачала головой, и я понял, что спорить с ней бесполезно.

— Ничего не случится. Со мной все будет в порядке, обещаю, — проговорила она.

Я не спросил у Кейт разрешения остаться, хотя мне очень этого хотелось. Я не понимал, хочет ли этого она. Все несколько осложнялось присутствием Сэмпсона. Я, конечно, мог бы отдать ему машину, чтобы он отправился восвояси, но было уже половина второго, и нам всем требовался отдых. Наконец мы с Сэмпсоном уехали.

— Замечательная. Необычная. Умная женщина. И совершенно тебе не подходит, — заметил Сэмпсон, когда мы отъехали от дома. Он весьма редко отзывался о ком-нибудь столь восторженно. — Она мне подходит, — добавил он.

Доехав до конца квартала, я оглянулся. Жара спала градусов до двадцати. Кейт уже выключила фонарь над крыльцом и вошла в дом. Она упряма, но умна. Это позволило ей получить медицинское образование. А потом пережить смерть близких. С ней все будет в порядке. С ней всегда все было в порядке.

И все-таки, добравшись до гостиницы, я позвонил Кайлу Крейгу.

— Как там наш Сакс? — спросил я.

— Прекрасно. На всю ночь упакован. Можешь не волноваться.

Глава 92

Оставшись после отбытия Алекса и Сэмпсона в прекрасном настроении, Кейт тщательно проверила и перепроверила все замки на дверях и окнах. Полный порядок. Сэмпсон ей сразу понравился. Он был огромный, ужасно симпатичный и ласковый. Алекс привел к ней своего ближайшего друга, и это замечательно.

Делая обход своего любимого дома, она размышляла о новой жизни вдалеке от Чепел-Хилла, вдали от всех ужасов и несчастий, приключившихся здесь. «Черт, живу словно в фильме Хичкока», — думала Кейт. Как будто Альфред Хичкок дожил до ужасов девяностых годов двадцатого века и изобразил их.

Устав до полного изнеможения, она наконец легла в постель. Ух! Она почувствовала на простыне крошки от хлеба или пирога. Даже постель с утра не перестилала.

Немногого она добилась за последнее время. Эта мысль тоже злила Кейт. Раньше все шло по плану, и весной она должна была закончить практику. А теперь и к концу лета может не успеть.

Кейт натянула одеяло до самого подбородка — и это в начале июня. Какая же она стала психопатка. И не успокоится до тех пор, пока чудовище Казанова рыщет на свободе. Она снова подумала о том, что хотела бы его убить. Постоянное и самое сильное желание. Она представляла себе, как входит в дом Вика Сакса. И остается с ним с глазу на глаз. Она вспомнила подходящую цитату из Исхода. [29]Превосходная память. Это точно.

Ей на самом деле очень хотелось, чтобы Алекс остался, но она боялась поставить его в неловкое положение в присутствии Сэмпсона. Ей хотелось поговорить с Алексом так, как они обычно разговаривали, хотелось, чтобы он был рядом. Хотелось, чтобы он обнял ее. А может быть, не только чтобы обнял. Вероятно, она уже готова к большему. Понемногу вперед, ночь за ночью.

Она не знала, верит еще во что-нибудь или не верит больше ни во что. Правда, еще недавно молилась, значит, все-таки верит. Молитвы зазубренные, но все же молитвы. «Отче наш, иже еси...» «Пресвятая Дева Мария...» «Интересно, как это бывает у других», — думала Кейт.

— Мне нравится думать, что ты есть. Господи, — прошептала Кейт. — Прошу тебя, думай и обо мне тоже.

Мысли о Казанове, о докторе Вике Саксе, о загадочном «исчезающем» доме ужасов, о несчастных женщинах, по-прежнему запертых там, не покидали ее. Но она так привыкла к этим постоянным неотступным ночным кошмарам, что все-таки заснула.

И поэтому не слышала, как он вошел в дом.

Глава 93

Тик-трах, тик-трах.

Трах-тибидох-тарарах.

Кейт все-таки разбудил шум. В правом углу комнаты скрипнула половица.

Звук тихий-тихий... но вполне определенный.

И это не в мыслях, не во сне. Она почувствовала, что он снова у нее в спальне.

«Пусть это мне только кажется, пусть это будет страшный сон. Пусть весь последний месяц — всего лишь ночной кошмар, который мне видится в эту минуту. О Господи Боже мой», — мысленно молилась она.

Он у нее в комнате. Он вернулся! Это было так страшно, что она не могла себя заставить поверить в это.

Кейт так надолго затаила дыхание, что грудь готова была разорваться от боли. На самом деле она никогда не допускала мысли, что он может вернуться. И теперь поняла, что это было с ее стороны ужасной ошибкой. Самой ужасной в ее жизни, но не последней, которую ей суждено допустить, как она в тот момент надеялась.

Кто этот жуткий безумец? Неужели он так страстно ненавидит ее, что готов рисковать жизнью? Или, наоборот, уверен, что любит ее, этот чокнутый сентиментальный подонок?

Она села на край постели, напряженно прислушиваясь. Она готовилась к тому, чтобы броситься на него. И вот снова... слабый скрип. Он раздастся в правом углу.

И тогда она увидела его темный силуэт во весь рост. Она с такой жадностью вдохнула воздух, что чуть не поперхнулась.

Вот он, пропади ты пропадом.

Мощный заряд ненависти, словно вольтова дуга, вспыхнул между ними. Их глаза встретились. Даже в темноте ей казалось, что его взгляд пронзает ее насквозь. Как отчетливо она помнила этот его пронзительный взгляд!

Кейт попыталась увернуться от него, от его первого удара...

Удар был сильный и внезапный. Он не утратил былой ловкости. Острая боль обожгла плечо и левый бок.

Но занятия каратэ не прошли даром, и она все же удержалась на ногах. А может быть, только в силу собственного упрямства, жажды жизни, ставшей ее знаменем. Она соскочила с кровати. Она на ногах, готовая к бою.

— Ошибка, — шепнула Кейт. — На этот раз твоя.

Она снова увидела очертания тела. Теперь на фоне лунного света, проникавшего сквозь окно спальни. Ужас и отвращение охватили Кейт. Ей казалось, что сердце вот-вот остановится, не вынесет.

Она размахнулась и нанесла мощный удар ногой. Удар пришелся по лицу, и послышался хруст кости. Звук страшный и восхитительный одновременно.

За ним последовал болезненный вопль. Она причинила ему боль!

Ну, Кейт, еще раз! Она подпрыгнула, рванулась вперед и снова ударила ногой в темный зыбкий силуэт, целясь в живот. И снова болезненный стон.

— Не нравится? — крикнула Кейт во весь голос. — Не нравится?

Кейт брала верх и клялась себе, что на этот раз не проиграет. Она собиралась расправиться с Казановой сама. Он, по всей видимости, уже не в силах противостоять ей. Но на всякий случай надо еще разок стукнуть как следует.

И она нанесла удар — короткий, точный, быстрый, как молния, и сильный. Радости ее не было границ. Он шатался и громко стонал.

Голова откинулась назад. Волосы рассыпались. Вот сейчас он упадет, потеряет сознание. И тогда она включит свет. А потом снова ударит, уже лежащего.

— Это было всего лишь ласковое похлопывание, — сказала она ему. — Только начало.

Она видела, как он споткнулся. Сейчас рухнет.

У-у-ух! Что-то или кто-то со всего размаха ударил ее по спине. От этого удара Кейт задохнулась. Ее ударили исподтишка. Как же так? Боль такая, как будто в нее стреляли.

У-у-ух. Еще удар.

Их было двое у нее в комнате.

Глава 94

Боль была страшная, но Кейт удержалась на ногах. И тогда она увидела второго. Он размахнулся и нанес удар в лоб. Она услышала, как что-то звякнуло, и почувствовала, что падает, опрокидывается. И как будто испаряется. Самым настоящим образом. И затем повалилась на деревянный пол.

Два голоса витали над ней. Два чудовища забрались к ней в дом. Стереокошмар.

— Ты не должен был приходить. — Она узнала голос Казановы. Он разговаривал со вторым пришельцем. Таинственный демон под номером два. Доктор Уилл. Рудольф?

— Нет, именно мне положено здесь быть. Мне наплевать на эту безмозглую суку. Она меня не волнует. Подумай над этим. Пораскинь мозгами.

— Ладно, ладно, Уилл. Что же ты собираешься с ней сделать? — Это снова говорил Казанова. — Она твоя. Ты этого хотел?

— Я бы с удовольствием съел ее. Отгрызал бы по кусочку, — сказал доктор Уилл Рудольф. — Или это чересчур?

Они шутили и смеялись, словно два приятеля в закуской у спортплощадки. Кейт чувствовала, что удаляется. Уходит. Но куда?

Уилл Рудольф сказал, что купил ей цветы. Они оба рассмеялись шутке. Они снова охотились на пару. И никто не мог остановить их. Кейт чувствовала запах, исходивший от их тел. Крепкий мужской мускус, неотступный, непреодолимый, подавляющий.

Она долгое время оставалась в сознании. Боролась всеми силами. Она была упрямая, своенравная и гордая, как дьяволица. Но все-таки свет в конце концов для нее померк, как гаснет отслуживший свое кинескоп в старомодном телевизоре. Сначала туманная картинка, потом крошечная световая точка, а потом чернота. Как просто, какая проза.

Они включили свет в спальне, когда все было кончено, чтобы все поклонники Кейт Мактирнан могли всласть наглядеться на нее в последний раз.

Хладнокровное убийство.

Глава 95

Всю дорогу от Дарема до Чепел-Хилла, расстояние между которыми около пяти миль, я не мог унять дрожь в руках и ногах. Даже зубы выбивали тяжелую барабанную дробь.

Наконец на повороте с Чепел-Хилл-стрит на Даремский бульвар мне пришлось съехать на обочину, иначе я бы наверняка влетел в аварию.

Совершенно опустошенный, без сил, я сидел в машине, не выключая фар и тупо уставившись на пляшущую в лучах света пыль и обезумевших насекомых, тучами носившихся в утреннем воздухе.

Я старался дышать глубоко и ровно, пытался хоть как-то взять себя в руки. Было начало шестого, и птицы уже распевали вовсю. Я зажал ладонями уши, чтобы не слышать их веселого гомона. Сэмпсон все еще спал в гостинице. Я про него совсем забыл.

Кейт никогда не боялась Казановы. Даже после похищения она была полностью уверена, что сможет за себя постоять.

Я понимал, что винить себя бессмысленно и глупо, и все же винил. С каких-то пор в течение последних нескольких лет я вдруг перестал вести себя как профессиональный следователь. В чем-то это было неплохо, а в чем-то наоборот. С моей работой сопряжено столько боли и страданий, что пропускать их через себя просто невыносимо. Это был самый надежный и прямой способ поставить на себе крест.

Наконец я заставил себя вывести машину на дорогу и пятнадцать минут спустя подъехал к знакомому дощатому дому в Чепел-Хилле.

Старушкиным закоулком называла Кейт эту улицу. Перед глазами у меня стояло ее лицо, ее милая открытая улыбка, я вспоминал ее горячность и равнодушие к тому, что она считала для себя важным. В ушах у меня до сих пор звучал ее голос.

Мы с Сэмпсоном были в этом доме менее трех часов назад. Слезы душили меня, душа кричала. Я не мог побороть отчаяние.

Я вспомнил наш последний разговор, когда Кейт сказала: «Пусть попробует сунуться, посмотрим, кто кого».

Черно-белые патрульные автомобили, мрачного вида фургоны «Скорой помощи», телевизионные автобусы уже выстроились по обе

стороны асфальтированной улицы. Их было так много, что не осталось ни единого свободного места. Мне до тошноты опротивели эти места преступлений. Казалось, будто половина Чепел-Хилла собралась у дома Кейт.

В тусклом свете раннего утра лица были бледными и хмурыми. Все подавлены и обозлены. Этот университетский городок должен быть и всегда был спокойным, демократичным, короче, безмятежным райским уголком вдали от всего остального безумного и суетливого мира. Поэтому многие и стремились здесь жить. Но всему этому пришел конец. Казанова раз и навсегда изменил здешнюю жизнь.

Я нацепил грязные пыльные солнцезащитные очки, которые лежали без дела на приборном щитке в машине уже несколько месяцев. Раньше их носил Сэмпсон. Потом отдал Деймону, и тот напяливал их, чтобы выглядеть таким же солидным, как Сэмпсон, когда я его за что-нибудь отчитывал. Сейчас и я хотел выглядеть солидным и спокойным.

Глава 96

Когда я подкатил к дому Кейт, ноги у меня подгибались и были словно ватные. Может быть, я и выглядел как спокойный и солидный придурок, но сердце у меня трепыхалось и замирало.

Репортеры то и дело щелкали аппаратами, фотографируя меня. Щелчки камер походили на приглушенные выстрелы. Репортеры бросились ко мне, но я шел не останавливаясь.

— Отвалите, ребята, подобра-поздорову, — предупредил я пару особо назойливых. Серьезное предупреждение. — Сейчас не время. Не теперь!

Но заметно было, что даже репортеры и фотографы потрясены, смущены и растеряны.

На месте этого дикого, малодушного преступления были фэбээровцы и даремская полиция. Я заметил много местных полицейских. Приехали из Дарема и Ник Раскин с Дэйви Сайксом. Сайкс метнул в меня злобный взгляд: ты-то, мол, что тут делаешь?

Кайл Крейг тоже подрос. Именно он, лично, позвонил мне в гостиницу и сообщил о случившемся.

Кайл подошел ко мне, обнял за плечи и зашептал на ухо:

— Она в очень тяжелом состоянии, Алекс, но держится как-то. Должно быть, очень хочет жить. Ее с минуты на минуту должны вынести. Останься здесь, со мной. Не входи в дом. Поверь, так будет лучше.

Я слушал Крейга и чувствовал, что вот-вот рухну на виду у репортеров и всех знакомых и незнакомых людей. В голове и в сердце творилось Бог знает что. И все-таки я вошел в дом и осмотрел то, что способен был осмотреть.

Он снова приходил к ней в спальню... ворвался прямо туда.

Но что-то было не так... что-то не вырисовывалось... что-то... но что?

Ребята из «Скорой помощи» Медицинского центра Дьюк положили Кейт на специальные носилки для получивших серьезные спинные и мозговые травмы. Ни при каких самых трагических обстоятельствах на моей памяти никого не переносили с такой

осторожностью. Лица врачей, выносивших Кейт, были совсем серые. Толпа при их появлении мгновенно смолкла.

— Ее отвезут в Медицинский центр Дьюк. Университетские медики будут возражать, но все-таки это лучшая клиника штата, — сказал мне Кайл. Он старался меня ободрить, успокоить здоровыми рассуждениями, и получалось это у него, надо признать, совсем неплохо.

«Что-то не так... какая-то тут загвоздка... Думай. Пытайся сосредоточиться. Это может быть очень важно...» Но сосредоточиться я не мог никак. Пока, во всяком случае.

— Что с Виком Саксом? — спросил я Кайла.

— Он приехал домой около десяти. И до сих пор там... Но утверждать, что он не выходил все это время, мы, пожалуй, не стали бы. Может быть, и проскользнул как-нибудь мимо нас. Вполне вероятно, что у него в доме есть запасной выход. Хотя сомневаюсь.

Я бросил Кайла Крейга и подошел к одному из докторов в белых халатах из университета Дьюк, стоявших рядом с машиной «Скорой помощи». То и дело мелькали вспышки фотокамер. Криминалисты делали «памятные» снимки, сотни снимков места преступления.

— Можно мне поехать с ней?

Доктор грустно покачал головой.

— Нет, сэр, — сказал он, и голос его звучал как при замедленной съемке. — Нет, сэр. В машине могут ехать только члены семьи. Простите, доктор Кросс.

— Сегодня я и есть член ее семьи, — сказал я и, не глядя на него, взобрался в машину сзади. Он не пытался меня остановить. Да и не смог бы.

У меня все тело онемело. Кейт лежала посреди кучи контрольных и реанимационных приборов в тесном помещении санитарной машины. Я боялся, что она умерла, пока я залезал в машину или когда ее выносили из дома.

Я сел с ней рядом и бережно взял в руку самые кончики ее пальцев.

— Это я, Алекс. Я с тобой, — шепнул я ей. — Держись. Ты ведь такая сильная. Вот и теперь держись.

Тот самый врач, который не пускал меня в машину, теперь сел рядом. Он был обязан сообщить мне правила, но не собирался

настаивать на их соблюдении. На табличке у него на груди значилось: «Доктор Б. Стрингер, университет Дьюк, бригада „Скорой помощи“». Я был его крупным должником теперь.

— Вы не могли бы мне сказать, какие у Кейт шансы? — спросил я, как только машина плавно тронулась с места, покидая это прибежище ночных кошмаров — Чепел-Хилл.

— Боюсь, на этот вопрос трудно ответить. Чудо уже то, что она до сих пор жива, — объяснил он тихо и вежливо. — Множественные ушибы, переломы, некоторые открытые. Сломаны обе скулы. Возможно, растяжение шейных позвонков. Она, вероятно, прикинулась мертвой. Хватило присутствия духа перехитрить его.

Лицо Кейт было все порезано и распухло. Почти совсем неузнаваемо. И я понимал, что так же обстоит дело с ее телом. Я осторожно прижался щекой к руке Кейт, а машина неслась вперед, к Медицинскому центру Дьюк. У нее хватило присутствия духа перехитрить его? Да, духа у Кейт, конечно, хватало, и все же я не представлял себе, как это могло быть.

Теперь мне не давала покоя другая мысль. Она поразила меня еще около дома. Мне показалось, я понял, что было не так в спальне Кейт.

Уилл Рудольф там был, не так ли? Джентльмен-Ловелас явился туда и напал на Кейт. Наверняка это был он. Стиль его. Грубое, выходящее за все рамки насилие. Ярость.

Признаков присутствия Казановы практически не ощущалось. Никакой эстетики. И все-таки такое страшное насилие... Их было двое. Два чудовища объединились в одно целое. Может быть, Рудольф ненавидел Кейт, потому что ее любил Казанова? Может быть, в его извращенном сознании родилась мысль, что она встает между ними? Или они оставили Кейт в живых намеренно, чтобы она до конца своих дней вела растительное существование калеки?

Так, значит, они теперь работают на пару. И поймать, остановить надо обоих.

Глава 97

ФБР и даремская полиция решили на следующий день, прямо с утра, вызвать доктора Вика Сакса на допрос. Серьезное решение, ключевое во всем деле.

Действовать надо было осторожно и умело, поэтому пригласили из Виргинии специального следователя. Он числился в списках ФБР как профессионал высшего класса, и звали его Джеймс Хикин. Сакса он продержал на допросе все утро.

Мы с Кайлом Крейгом и следователями Ником Раскином и Дэйви Сайксом наблюдали за допросом по монитору в даремском полицейском управлении. Я чувствовал себя словно изголодавшийся бродяга, прижавшийся носом к окну дорогого ресторана. Но в ресторане том еды не подавали.

Следователь ФБР дело свое знал туго, вел допрос чрезвычайно терпеливо и искусно, как блестящий адвокат. Но Вик Сакс ни в чем ему не уступал. На пулеметную очередь вопросов отвечал внятно, спокойно и даже слегка надменно.

— Этого ублюдка не проймешь, — заметил Дэйви Сайкс, нарушив тишину нашего наблюдательного пункта. Хорошо, хоть ему и Раскину не наплевать, и на том спасибо. Впрочем, местным детективам тоже не позавидуешь: им, беднягам, приходилось по большей части наблюдать со стороны это безнадежное расследование.

— Что у вас есть на Сакса? Не советую скрывать, — сказал я Нику Раскину, когда мы подошли к кофейному автомату.

— Мы притащили его сюда, потому что наш шеф полиции тупица, — сообщил Раскин. — У нас пока на Сакса нет ничего. — Но я подумал, что ни ему, ни кому другому, связанному с этим делом, доверять не стоит.

Промучившись два часа в соревновании по перетягиванию каната, следователь Хикин не добился ничего, кроме признания в том, что да, Сакс коллекционирует эротические издания и что действительно имел беспорядочные половые связи со студентками и преподавательницами все последние одиннадцать лет работы в университете.

Хотя у меня руки чесались прихватить Сакса, но все же я не мог понять, почему его притащили на допрос. Почему именно теперь?

— Мы узнали, откуда к нему плывут деньги, — ответил мне утром Кайл Крейг, наполовину разрешив мои сомнения. — Оказывается, он возглавляет Бюро знакомств, обслуживающее Роли и Дарем. Бюро называется «Первый поцелуй». Любопытное название. Они рекламируют нижнее белье в «Желтых страницах». [30] В конце концов Сакса можно притянуть со стороны налогового управления. Вашингтон решил, что медлить нельзя. Боятся, как бы он не смылся.

— Не согласен я с вашими людьми в Вашингтоне, — сказал я Кайлу. Я знал, что некоторые агенты называли тамошнее начальство Диснейлендом Восточного побережья. И понимал почему. Они способны были мгновенно провалить расследование, причем с помощью дистанционного управления.

— А кто с ними согласен? — буркнул Кайл и пожал широкими костлявыми плечами. Таким способом он признавал, что уже не может полностью контролировать ситуацию. Дело невероятно разрасталось. — Кстати, как состояние Кейт Мактирнан? — спросил он.

Я уже трижды за утро звонил в Медицинский центр Дьюк. В случае каких-либо изменений они могли со мной связаться через даремский телефонный узел.

— Она в списке безнадежных, но пока жива, — сообщил я Крейгу.

Около одиннадцати утра мне удалось самому побеседовать с Виком Саксом. Кайл меня облагодетельствовал.

Я пытался не думать о Кейт до тех пор, пока не оказался в одной комнате с Саксом, но все равно не в силах был сдержать ярость, душившую меня. Я не знал, смогу ли взять себя в руки, и, по правде говоря, не уверен был, что хочу этого.

— Позволь мне это сделать, Алекс. Пусти меня к нему. — Сэмпсон схватил меня за руку, но я вырвался и отправился знакомиться с доктором Виком Саксом.

— Я сотру его в порошок.

Глава 98

— Здравствуйте, доктор Сакс.

Освещение в маленькой безликой комнате для допросов было еще более яркое и резкое, чем это выглядело на экране монитора. Глаза у Сакса покраснели, и взвинчен он был не менее, чем я сам. Кожа на черепе казалась натянутой туго, как перчатка. Но вел он себя со мной так же уверенно и надменно, как с Джеймсом Хикином из ФБР.

«Неужели я смотрю в глаза Казанове? — мелькнула у меня мысль. — Неужели это и есть чудовище в человеческом образе?»

— Меня зовут Алекс Кросс, — сказал я, опускаясь на металлический стул. — Наоми Кросс — моя племянница.

Сакс разговаривал сквозь зубы и слегка растягивал слова. Кейт говорила, что у Казановы не было сколь-нибудь заметного акцента.

— Кто вы, мне прекрасно известно. Газеты читаю, доктор Кросс. А племянницы вашей в глаза не видывал. Но слышал, что ее похитили.

Я кивнул.

— Если вы читаете газеты, то должны быть знакомы с художествами негодяя, называющего себя Казановой.

Сакс ухмыльнулся, или, во всяком случае, мне так показалось. Взгляд голубых глаз преисполнился презрения. Теперь мне стало ясно, почему его так не любят в университете. Светлые волосы зачесаны назад, волосок к волоску. Очки в роговой оправе придают солидность с оттенком снисходительности.

— За мной никогда не значилось ни одного случая насилия. Такие страшные преступления я совершить не мог. Я пальмового жучка в собственном доме не способен уничтожить. Мое неприятие насилия документально подтверждено.

«Не сомневаюсь, — подумал я. — Все твои фасады и авансены надежно защищены. Все на своих местах. Верная жена, сиделка в больнице. Двое детей. В том числе и „документально подтвержденное неприятие насилия“».

Я обеими руками потер лицо, с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не ударить его. Он же оставался невозмутимым и неприступным.

Я наклонился вперед через стол и зашептал:

— Я просмотрел вашу эротическую коллекцию. Заглянул к вам в подвал, доктор Сакс. Коллекция эта пестрит извращенным сексуальным насилием. Физическим надругательством над мужчинами, женщинами и детьми. Подобный вид насилия, вероятно, не учитывается и документально не подтверждается, но зато наводит на мысль об истинности вашей натуры.

Сакс лишь небрежно отмахнулся от моих слов.

— Я, как известно, философ и социолог. Да, изучаю природу эротики и склонность к извращениям, как вы изучаете преступный образ мыслей. Но сам я не подвержен *libertine dementia*, ^[31] доктор Кросс. Моя эротическая коллекция лишь является ключом к пониманию определенного аспекта западной культуры, нарастающей войны между мужчиной и женщиной. — Тембр голоса его слегка повысился. — И кроме того, это мое личное дело. Я не нарушал законов. И сюда явился добровольно. А вы вторглись в мой дом, не имея ордера на обыск.

Я попытался вывести Сакса из равновесия, переведя разговор на другую тему.

— Отчего, как вам кажется, вы имеете такой успех у молодых женщин? Нам уже известны ваши победы над студентками университета. Восемнадцати-, девятнадцати-, двадцатилетними красивыми молодыми женщинами, иногда вашими собственными студентками. Эти факты как раз подтверждены документально.

На мгновение гнев его прорвался наружу. Но он тут же взял себя в руки и сделал нечто странное и, может быть, даже разоблачающее его. Сакс продемонстрировал свое властолюбие, стремление быть хозяином положения и править балом. И сделал это передо мной, таким ничтожеством по сравнению с ним.

— Почему я имею успех у женщин, доктор Кросс? — Сакс рассмеялся, поигрывая языком во рту. Это был намек, тонкий, но совершенно недвусмысленный. Сакс давал мне понять, что ему ведомо, каким образом следует сексуально подчинять себе женщин.

Он не переставал улыбаться. Грязная ухмылка грязного мерзавца.

— Многим женщинам не терпится раскрепостить свою подавленную сексуальность, в особенности молодым, современным женщинам, проводящим большую часть времени на территории

университета. И я помогаю им раскрепоститься. Помогаю стольким женщинам, скольким в состоянии помочь.

Этого я уже вытерпеть не мог. В мгновение ока перескочил через стол. Стул, на котором сидел Сакс, опрокинулся. Я всей тяжестью навалился ему на грудь, и он застонал от боли.

Я еще сильнее прижал его к полу. Руки и ноги у меня дрожали. Я едва удержался, чтобы не врезать ему, и понял, что он беспомощен, он не в силах сопротивляться. Просто не знает, как дать сдачу. Оказывается, Сакс далеко не силач и не спортсмен.

В ту же секунду в комнату влетели Ник Раскин и Дэйви Сайкс, а за ними Кайл и Сэмпсон. Они бросились ко мне и стали оттаскивать от Сакса.

Но я и сам уже оставил его в покое. Я не причинил ему никакого вреда, да и не собирался. Только шепнул Сэмпсону:

— Он слабак. А Казанова очень сильный. Он не чудовище. Он не Казанова.

Глава 99

Тем вечером мы с Сэмпсоном поужинали вместе в одном славном даремском местечке, которое, как нарочно, называлось «У Нана».

Ни он, ни я голода не испытывали. Гигантский бифштекс с луком и целой горой картофеля в чесночном соусе не нашли в нас ценителей. Из игры с Казановой мы выходили побежденными и понимали, что придется начинать все сначала.

Разговор шел о Кейт. В больнице мне сказали, что состояние ее остается тяжелым. Если она и выживет, то на полное выздоровление рассчитывать трудно, считали врачи. А о том, чтобы вернуться к медицинской практике, речи нет.

— Вы с ней были, так сказать, не только друзьями, правда? — спросил меня наконец Сэмпсон. Он мог, когда хотел, выражаться очень деликатно.

Я покачал головой.

— Нет, Джон, мы были только друзьями. Я мог говорить с ней о чем угодно, как давно уже ни с кем не говорил. Я никогда, ни с одной женщиной, кроме, пожалуй, Марии, так свободно себя не чувствовал.

Сэмпсон только кивал и слушал, давая мне выговориться. Уж он-то меня вдоль и поперек знал.

Пока мы разгребали огромные кучи еды в наших тарелках, запищал мой переговорник. Я позвонил Кайлу Крейгу из ресторана и поймал его в машине. Он ехал в Хоуп-Вэлли.

— Мы собираемся арестовать Вика Сакса за убийства, совершенные Казановой, — сообщил он. Я чуть трубку не выронил.

— Что вы собираетесь сделать? — заорал я. Поверить не мог своим ушам. — Где, черт побери, вы собираетесь это сделать? — спросил я. — Когда было принято такое идиотское решение? Кто его принял?

Кайл оставался, как всегда, невозмутим. Снеговик какой-то.

— Через несколько минут войдем в дом. На сей раз действует даремская полиция во главе со своим шефом. Что-то обнаружили в доме. Вещественные доказательства. Арест будет проводиться

совместными силами — ФБР и даремского полицейского управления. Я хотел поставить тебя в известность, Алекс.

— Он не Казанова, — сказал я Кайлу. — Оставьте его в покое. Не трогайте Вика Сакса. — Я говорил на повышенных тонах. Автомат стоял в узком коридоре ресторана, по нему в туалеты и обратно сновали люди. Они поглядывали на меня кто злобно, кто со страхом.

— Обратного хода нет, — промолвил Кайл. — Мне самому это не нравится. — И он отключился. Конец диспуту.

Мы с Сэмпсоном бросились к дому Сакса на окраине Дарема. Человек Гора долго молчал, потом задал свой коронный вопрос:

— Хватит ли у них улик без тех, которые известны тебе? — Вопрос был для меня не из легких и означал: «Насколько ты, приятель, вышел из игры?»

— Не думаю, чтобы у Кайла было достаточно оснований для ареста. Он бы мне сказал. А что касается даремской полиции... Понятия не имею, что у них за пазухой. Раскин с Сайксом были все время лишь на подхвате. Знакомая нам ситуация.

Оказавшись в Хоуп-Вэлли, мы поняли, что на представление пригласили не нас одних.

Тихая окраинная улица была забита машинами. Несколько телевизионных автобусов и пикапов, полицейские патрульные автомобили и фэбээровские седаны.

— Конец света. Прямо как партийный съезд, — сказал Сэмпсон, выходя из машины. — Хуже я еще ничего не видел. Бардак.

— Этот бардак был с самого начала, — согласился я. — Многоведомственный кошмар. — Я трясся, как алкаш зимой на вашингтонской улице. На меня сыпались удары, один за другим. Я уже не мог сообразить что к чему. Насколько я все же вышел из игры?

Кайл Крейг меня заметил, подошел и крепко взял за руку. Мне показалось, что он готов меня подстраховать, если я не устою на ногах.

— Я понимаю, что ты страшно расстроен. И я тоже. — Это были его первые слова. Он как будто извинялся, но при этом был взбешен. — Это не наша затея, Алекс. Даремцы нас на этот раз обошли. Их шеф сам принял решение. Тут еще политическое давление не последнюю роль играет. От всего этого так дурно пахнет, что впору нос платком зажимать.

— Что они, черт побери, нашли в этом доме? — спросил я Кайла. — Какие еще вещественные доказательства? Не грязные книжонки, я надеюсь?

Кайл покачал головой.

— Женское белье. Целый склад одежды, припрятанной в доме. В том числе майка с эмблемой университета Северной Каролины, принадлежавшая Кейт Мактирнан. Казанова, вероятно, тоже сувениры оставлял. Так же, как Джентльмен в Л-А.

— Не станет он этого делать. Он не похож на Джентльмена, — сказал я Кайлу. — У него в берлоге полно женщин и их одежды. Он оберегает свое добро, как зеницу ока. Послушай, Кайл, это все какая-то дикость. Таким образом проблему не решить. Тут все вверх дном.

— Ты не знаешь этого наверняка, — возразил Кайл. — Как бы хороша ни была теория, делу ею не поможешь.

— А как насчет логики и толики здравого смысла?

— Боюсь, что и это не годится.

Мы направились к черному ходу в дом Сакса. Телекамеры жужжали, снимая все, что двигается. Это было настоящее цирковое представление с участием трех уровней средств массовой информации.

— Они сегодня вечером провели в доме обыск, — рассказывал по дороге Кайл. — Собак привели. Специально обученных, из Джорджии.

— Но почему, черт их подери? На каком основании обыскивать дом Сакса и так внезапно? Будь они все трижды прокляты!

— Их навели, и они поверили, ухватились за соломинку. Во всяком случае, мне так сказали. Я теперь ведь тоже в стороне, Алекс, и нравится мне это не больше, чем тебе.

Я с трудом видел на два фута впереди. Глаза заволокло туманом. Тут, конечно, перенапряжение свою роль играло, но и злость тоже.

Мне хотелось орать, вопить на кого-нибудь, хотелось направить все прожектора на застекленное крыльцо Сакса.

— А тебе ничего не рассказывали об этом анонимном наводчике? Господи, Кайл. Чтоб они все провалились! Анонимный наводчик. А-а, мать их за ногу!

Вика Сакса держали заложником в собственном прекрасном доме. Даремской полиции, очевидно, хотелось запечатлеть сей исторический

момент с помощью местного и национального телевидения, что теперь и делалось. Триумф правоохранительных органов Северной Каролины.

Они поймали невиновного и теперь желали продемонстрировать его всему свету.

Глава 100

Я сразу узнал шефа даремской полиции. Лет сорока с небольшим, похож на бывшего профессионального футболиста. Шеф полиции Робби Хэтфилд был ростом шесть футов два дюйма, обладал квадратным подбородком и мускулистым сложением. У меня мелькнула совершенно дикая мысль: а вдруг он и есть Казанова? Похож, что ни говори. Даже складом характера.

Следователи Сайкс и Раскин охраняли арестованного доктора Вика Сакса. Узнал я и парочку других даремских полицейских. Все они были очень взволнованны, но откровенно выказывали великую радость и облегчение. У Сакса был такой вид, как будто он принял душ в одежде. Виноватый у него вид был, вот какой.

«Казанова ты или нет? Неужели все-таки ты и есть чудовище? Если да, так что же ты теперь придуриваешься, мать твою?» — хотелось мне засыпать Сакса вопросами, но я не мог этого сделать.

Дэйви Сайкс и Ник Раскин хихикали над чем-то со своими коллегами в забитой людьми прихожей. Глядя на них, я вспомнил профессиональных спортсменов у нас в Вашингтоне. Большинство из них любили находиться в центре внимания, некоторые видели в этом смысл существования. Похоже, почти вся даремская полиция действовала именно в этом ключе.

Напомаженные волосы Раскина были гладко зачесаны назад. Он, судя по всему, полностью готов к всеобщему поклонению. Дэйви Сайкс от него в этом смысле не отставал. «Вам обоим, ребята, надо бы сейчас проверять списки подозреваемых, — так и подмывало меня крикнуть им. — Это далеко не конец! Все только начинается. Настоящий Казанова в эту минуту хохочет над вами.

Может быть, даже наблюдает за всем этим спектаклем из толпы».

Я подобрался поближе к Вику Саксу. Мне хотелось разглядеть его повнимательнее, понять все как есть. Прочувствовать. Понаблюдать, послушать. Может быть, понять хоть что-то.

Жену и детей Сакса в прихожую не пускали, держали в столовой. Они были растеряны, опечалены и очень переживали. Тоже понимали, что тут что-то не так. Но виноватой семья Сакса не казалась.

Шеф полиции Робби Хэтфилд и Дэйви Сайкс в конце концов все-таки меня заметили. Сайкс напомнил мне любимую охотничью собаку шефа. В этот момент он сделал на меня «стойку».

— Доктор Кросс, позвольте вас поблагодарить за оказанное содействие. — Шеф Хэтфилд позволил себе в момент триумфа проявить великодушие. Я совсем забыл, что именно я привез сюда из лос-анджелесской квартиры Джентльмена фотографию Сакса. Превосходная розыскная работа... бесценная улика для успешного завершения следствия, черт бы ее побрал.

Все было не так, не то. Это чувствовалось, этим разило. Первоклассная ловушка сработала отменно: Казанова ускользает от них прямо сейчас, в этот момент. Теперь его никогда не поймать.

Шеф даремской полиции протянул мне руку. Я принял ее и крепко сжал. Так крепко, как будто хотел за нее удержаться.

Мне показалось, он испугался, что я намерен встать вместе с ним перед объективами теле — и фотокамер. До сих пор к Робби Хэтфилду было не подступиться. Сейчас он вместе со своими лучшими сыщиками собирался представить народу Вика Сакса. Классная картина — полная луна и вспышки фотоаппаратов! Не хватало только тявкающих собак-ищек.

— Я понимаю, что помог найти его, только преступления совершал не Вик Сакс, — сказал я, глядя Хэтфилду прямо в глаза. — Вы арестовали не того человека. И позвольте объяснить, почему я так считаю. Дайте мне десять минут. Прямо сейчас.

Он улыбнулся мне, и улыбка была чертовски снисходительная, почти как у одуревшего от наркотиков подростка. Шеф полиции Хэтфилд вырвал у меня свою руку и вышел из дома.

Он направился прямо к телекамерам, нырнул в яркий свет прожекторов. Роль свою он играл прекрасно. Так восхищался самим собой, что чуть не забыл о Саксе.

Тот, кто позвонил и сообщил о женском белье, и был Казанова, думал я в этот момент. Я все ближе мысленно продвигался к разгадке и теперь был в этом почти уверен. Казанова звонил. Или, во всяком случае, он к этому причастен.

Когда доктора Сакса выводили из дома, он прошел совсем близко от меня. Одет он был в белую хлопчатобумажную сорочку и черные брюки. Сорочка потемнела от пота. Я подумал, что ноги его в мягких

кожаных черных туфлях с золотыми пряжками, наверное, тоже взмокли. Руки в наручниках были заведены за спину. Былого высокомерия след простыл.

— Я ничего подобного не делал, — сказал он мне дрожащим шепотом. И в глазах застыла мольба. Он сам не мог поверить в то, что происходит. А потом он произнес чрезвычайно трогательную фразу: — Я не могу причинять женщинам боль. Я люблю их.

И тогда на крыльце дома Вика Сакса меня поразила совершенно сумасбродная, головокружительная мысль. Мне показалось, будто я делал сальто-мортале и вдруг замер в воздухе на самой середине кувырка. Время остановилось. Он — Казанова! — внезапно понял я.

Вика Сакса использовали так или иначе в качестве модели Казановы. Таков был изначальный план монстров. Они нашли козла отпущения для своих безупречных преступлений и походов в стиле маркиза де Сада.

Доктор Вик Сакс и в самом деле — Казанова, но при этом он вовсе не монстр. Казанова — еще одно прикрытие. Он ничего не знал об истинном «коллекционере». Он оказался лишь очередной жертвой.

Глава 101

— Я Джентльмен-Ловелас, — с театральным поклоном объявил Уилл Рудольф. На нем был смокинг, черная «бабочка» и парадная сорочка. Волосы стянуты на затылке в тугой хвостик. По такому торжественному случаю он купил белые розы.

— А меня вы знаете, дамы. Вы все так прекрасны, — сказал стоявший рядом Казанова. Его наряд составлял полный контраст с вечерним костюмом компаньона: узкие черные джинсы, черные ковбойские сапоги. Без рубашки. Живот плоский и мускулистый. Лицо скрывала черная страшная маска, исчерченная светло-серыми полосами.

Церемония представления состоялась в гостиной дома ужасов, где женщины выстроились вдоль длинного стола.

В тот же день, чуть раньше, их предупредили, что предстоит особое торжество.

— Поймали наконец бешеную собаку Казанову, — объявил Казанова. — Вот каковы новости. Оказалось, что им был какой-то помешанный преподаватель университета. В наше время никому нельзя доверять.

Женщинам было приказано одеться по своему выбору, но нарядно, соответственно событию. Вечерние платья с глубокими вырезами, туфли на высоких каблуках, тонкие чулки и жемчужные ожерелья или длинные серьги. Никаких иных украшений. Они должны были выглядеть «элегантно».

— Сейчас у тебя здесь всего семь красивых женщин, — отметил Рудольф, наблюдая вместе с Казановой, как женщины входят в гостиную и выстраиваются в ряд, точно на официальном приеме. — Уж слишком ты разборчивый. Настоящий Казанова был более всеядным любовником, хватал всех, кто под руку попадет.

— Но ты должен признать, что эти семеро — нечто особенное, — возразил другу Казанова. — Моя коллекция уникальна. Лучшая в мире.

— Пожалуй, — согласился Джентльмен. — Они все словно с картин сошли. Начнем?

Они решили поиграть в любимую старую игру. «Счастливая семерка». Иногда бывали «счастливая четверка», «счастливая дюжина», «счастливая двойка». Идея принадлежала Джентльмену. Это была его ночь. Возможно, последняя ночь в этом доме для них обоих.

Они медленно двинулись вдоль выстроившихся в ряд женщин. Сначала поговорили с Мелиссой Стэнфилд. Она была в красном платье, длинные светлые волосы зачесаны набок и заколоты.

— Ты берегла себя для меня? — спросил Джентльмен.

Мелисса сдержанно улыбнулась.

— Я берегу для кого-то свое сердце.

Уилл Рудольф улыбнулся находчивому ответу и провел тыльной стороной ладони по лицу девушки. Затем его рука скользнула дальше, по шее, и еще ниже, к упругой груди. Девушка не показала ни своего страха, ни отвращения. Таковы были правила этой игры.

— Ты очень подходишь для нашей милой игры, Мелисса, — проговорил он. — Ты замечательный игрок.

Следующей в ряду стояла Наоми Кросс. На ней было вечернее платье цвета слоновой кости. Шикарное платье. На балу какой-нибудь Вашингтонской юридической фирмы она была бы первой красавицей. От запаха ее духов у Казановы слегка закружилась голова. Ему пришлось предупредить Джентльмена, чтобы тот держался от нее подальше. Ведь его друг недолюбливал ее дядюшку, Алекса Кросса.

— Мы еще успеем поговорить с Наоми, — сказал Джентльмен и поцеловал ей руку. — Enchate. ^[32] — Он кивнул и остановился у шестой по счету женщины. Повернул голову, окинул взглядом последнюю, седьмую, и снова посмотрел на номер шесть. — Ты удивительно хороша, — тихо, почти застенчиво произнес он. — Необыкновенная, правда.

— Ее зовут Криста, — с понимающей улыбкой сообщил Казанова.

— Сегодня вечером парой мне будет Криста, — с воодушевлением воскликнул Джентльмен. Он сделал выбор. Казанова преподнес ему подарок — знает, как угодить другу.

Криста Акерс пыталась улыбнуться. Таковы правила в этом доме. Но она не могла себя заставить. Именно это больше всего понравилось в ней Джентльмену — восхитительный страх в глазах.

Он был готов к игре «Целуй девочек».

В последний раз.

Часть пятая
Целуй девочек

Глава 102

На следующее утро после ареста доктора Вика Сакса Казанова шел по коридорам Медицинского центра Дьюк. Шел спокойным шагом и так же спокойно вошел в отдельную палату Кейт Мактирнан.

Теперь он мог идти куда вздумается. Ему снова ничто не грозит.

— Привет, дорогуша. Все воюешь? — шепнул он Кейт.

Она была совсем одна, хотя на этаже по-прежнему дежурил полицейский из даремского полицейского управления. Казанова опустился на стул рядом с кроватью. Он смотрел на изуродованное лицо, которое прежде было так красиво.

Он больше не был зол на Кейт. На кого теперь злиться? Не на кого. «Свет все еще горит, — думал он, глядя в неподвижные карие глаза, — но дома никого нет, правда, Кэти?»

Ему было приятно находиться в ее больничной палате — кровь закипала, желания обострялись, тянуло на подвиги. Одно то, что он сидит возле ее больничной койки, наполняло душу уверенностью.

Теперь это было важно. Следовало принимать решения. Как дальше использовать ситуацию с доктором Виком Саксом? Не надо ли подбросить хвороста в костер? Или это будет перебор, а следовательно, лучше поостеречься?

Есть еще одна сложная проблема, которую придется решать в ближайшее время. Следует ли им с Рудольфом покидать территорию Университетского треугольника? Ему не хотелось этого делать — родной дом, как ни говори, — но, может быть, придется. А Уилл Рудольф? Он явно нервничал в Калифорнии. Принимал валиум, халсион, занакс — и это только те средства, о которых знал Казанова. Очень скоро он может их обоих подвести под монастырь. А с другой стороны, ему так одиноко, когда Рудольфа нет поблизости. Как будто от него отсекли половину.

Казанова услышал, как у него за спиной отворилась дверь в палату. Он оглянулся... и улыбнулся входящему.

— Я уже уйду, Алекс, — сказал он и встал. — Никаких перемен. Ужасно жаль.

Алекс Кросс позволил Казанове пройти мимо и выйти за дверь.

«Я повсюду свой человек, — думал Казанова, шагая по больничному коридору. — Меня никогда не поймают. У меня безупречная маска».

Глава 103

В зале бара гостиницы «Вашингтон-Дьюк» стояло замечательное старинное пианино. Тем утром, часов с четырех до пяти, я сидел за ним и наяривал мелодии Большого Джо Тернера и слепого Лемона Джефферсона. Играл все подряд — блюзы, баллады, вываливал свое раздражение, хандру, беспомощность. Гостиничная обслуга была, конечно, ошеломлена.

Я пытался собрать воедино все, что знал. И, сопоставляя данные, неизбежно возвращался к тем трем-четырем аргументам, тем основам, на которых собирался строить дальнейшее расследование.

Безупречные преступления. И здесь, и в Калифорнии. Знание убийцей полицейских методов расследования.

Потребность монстров друг в друге. Этих мужчин связывают узы, подобных которым еще не существовало.

Исчезающий в лесу дом. Дом, который действительно исчез! Как это могло случиться?

Гарем Казановы, состоящий из особых женщин — и даже более того, из «отбракованных».

Доктор Вик Сакс — преподаватель университета, человек не слишком строгих моральных принципов и поведения. Но неужели он и есть хладнокровный убийца без чести и совести? Неужели это он держит в заключении более дюжины молодых женщин в окрестностях Дарема и Чепел-Хилла? Неужели этот человек — современный маркиз де Сад?

Это не укладывалось у меня в голове. Я чувствовал, нет, был совершенно уверен, что даремская полиция арестовала невиновного, а истинный Казанова на свободе и смеется над нами. А может быть, и того хуже — выслеживает очередную жертву.

Позже тем же утром я нанес свой очередной визит Кейт в Медицинском центре Дьюк. Она по-прежнему оставалась в коме, по-прежнему висела на волоске от смерти. Даремская полиция уже сняла пост у дверей ее палаты.

Я сидел у ее постели, забыв о бессонной ночи, и старался не вспоминать о прежней Кейт. Целый час держал ее за руку и тихо

разговаривал с ней. Рука ее была безвольна, почти безжизненна. Я очень тосковал по Кейт. Она не могла мне отвечать, и это создавало во мне пустоту, болезненную нишу в груди.

В конце концов, я встал, чтобы уйти. Мне необходимо было отвлечься работой.

Из больницы мы с Сэмпсоном поехали домой к Луи Фриду в Чепел-Хилл. Я просил доктора Фрида подготовить нам особую карту района реки Викаджил.

Семидесятилетный профессор истории выполнил задание великолепно. Я надеялся, что эта карта поможет нам с Сэмпсоном найти «исчезающий» дом. Мысль пришла в голову после того, как я прочел несколько газетных вырезок об убийстве золотой парочки. Двенадцать с лишним лет назад тело Ро Тирни обнаружили неподалеку от «заброшенной фермы, где когда-то в огромных подвалах прятали беглых рабов. Эти подвалы походили на небольшие подземные дома, причем в некоторых из них количество комнат или отделений доходило до двенадцати».

Небольшие дома под землей?

Исчезающий дом?

Где-то там есть дом. Дома не исчезают.

Глава 104

Мы с Сэмпсоном поехали в Бригадун, Северная Каролина. Мы планировали обшарить лес в том районе реки Викаджил, где когда-то нашли Кейт. Рей Брэдбери как-то написал, что «...рисковать означает броситься вниз со скалы и отрастить крылья в полете». Мы с Сэмпсоном были готовы броситься.

Как только мы углубились в чащу леса, огромные дубы и сосны перекрыли доступ свету. Многоголосый хор цикад казался густым и липким, как патока. В воздухе не было ни малейшего движения.

Я представлял себе, скорее даже отчетливо видел, как Кейт бежит по этому мрачному темно-зеленому лесу, спасается, борется за жизнь. Это было всего несколько недель назад. А теперь она тоже пытается выжить с помощью сложных медицинских аппаратов. У меня в ушах стояло назойливое шшш-тик, шшш-тик этих дьявольских машин. От одной мысли сердце сжималось.

— Не люблю я густых лесов, — признался Сэмпсон, когда мы проходили под плотным навесом густо переплетенных стеблей дикого винограда и раскидистых ветвей деревьев. На нем была футболка с надписью «Сайпресс-Хилл», темные очки «Рэй-Бан», джинсы и кроссовки. — Напоминают мне о Хансел и Гретел. Мелодраматическая чушь. Я терпеть не мог эту книгу, когда ребенком был.

— Ты никогда не был ребенком, — напомнил я. — Уже одиннадцати лет от роду был шести футов росту и на все виды искусства взирал холодно и свысока.

— Может, и так. Но братьев Гримм ненавидел всей душой. Темные закоулки немецкого разума, породившего отвратительные фантазии, чтобы задурить головы немецким детишкам. Наверное, это тоже не последнюю роль сыграло.

Сэмпсон снова заставил меня улыбнуться своим извращенным теориям о нашем извращенном мире.

— Работать ночами на улицах Вашингтона не боишься, а чудесная прогулка по лесу на нервы действует? Что с тобой может здесь случиться? Сосны. Мускатный виноград. Кусты ежевики. Зловеще выглядит, но совершенно безопасно.

— Как выглядит, таково и есть. Это мой девиз.

Сэмпсон пытался продраться своим могучим телом сквозь густой подлесок и кусты жимолости на опушке. Местами жимолость и в самом деле создавала почти непроходимую завесу. Как будто уже из земли лезла туго переплетенной.

«Интересно, — подумал я, — не наблюдает ли за нами сейчас Казанова?» Я предполагал, что он должен быть очень терпеливым наблюдателем.

Они с Уиллом Рудольфом весьма умны, предусмотрительны и осторожны. Сколько лет уже своим делом занимаются и еще ни разу не попались.

— Ну как, по-твоему, срабатывает в этих местах теория о рабах? — спросил я Сэмпсона, чтобы хоть как-то отвлечь его от мысли о ядовитых змеях и зарослях вьющегося, похожего на змей винограда. Хотел сосредоточить его мысли на убийце или, может быть, убийцах, которые, вполне вероятно, могли тоже в этот момент находиться в лесу.

— Я тут полистал некоего историка. И. Д. Дженовезе, — сказал он, а я не мог понять, говорит он серьезно или шутит. Сэмпсон для человека действия неплохо начитан.

— Подземной дорогой в этом районе пользовались весьма активно. Отдельные беглые рабы и целые семьи, направлявшиеся на Север, по нескольку дней и даже недель скрывались на местных фермах. Эти фермы назывались станциями, — рассказывал я. — То же самое указано на карте доктора Фрида. На эту тему и книга его написана.

— Не вижу никаких ферм, доктор Ливингстон. Одно только дерьмо в виде мускатного винограда, — пожаловался Сэмпсон и раздвинул своими длинными ручищами очередные заросли.

— Крупные табачные фермы находились к западу отсюда. Они стоят заброшенными уже почти шестьдесят лет. Помнишь, я рассказывал тебе, как зверски изнасиловали и убили студентку УСК [33] в восемьдесят первом году? Ее изуродованное тело нашли именно здесь. Мне думается, ее убил Рудольф, и, возможно, вместе с Казановой. Приблизительно в это время они познакомились.

На карте доктора Фрида было указано расположение старой подземной дороги и большинства ферм, на которых скрывались беглые рабы. На некоторых фермах имелись огромные подвалы, даже

подземные жилые помещения. Сами фермы уже исчезли. Обследование с воздуха ничего не даст — жимолость и ежевика тоже с тех пор разрослись. Но подвалы должны были остаться.

— Хм-м. А на твоей карте-угадайкие указано, где были раньше все эти табачные фермы?

— Черт тебя дери, есть карта, есть компас, есть даже распрекрасная пушка «глок», — сказал я и погладил кобуру.

— А самое главное, — добавил Сэмпсон, — у тебя есть я.

— Совсем здорово. Да хранит от нас Господь всех мерзавцев.

Воздух был жарким и влажным, нас донимали насекомые, но мы с Сэмпсоном проделали в тот день немалый путь. Нам удалось отыскать три фермы, где раньше выращивали табачный лист, где привечали и прятали в старых подвалах перепуганных насмерть чернокожих мужчин, женщин и целые семьи, стремившиеся на Север, на свободу, в города, такие, как Вашингтон, округ Колумбия.

Два подвала оказались точно в тех местах, где указал на карте доктор Фрид. Трухлявые бревна и ржавые гнутые железки — вот все, что осталось от прежних ферм. Как будто какой-то разгневанный Бог спустился на землю и уничтожил все признаки рабовладения.

Около четырех часов пополудни мы с Сэмпсоном добрались до некогда богатой и процветающей фермы Джейсона Снайдера и его семьи.

— Откуда ты знаешь, что это именно здесь? — Сэмпсон недоверчиво оглядывал глухую, без всяких признаков жилья местность, где я остановился.

— Так сказано на карте, нарисованной от руки доктором Луи Фридом. И компас подтверждает. Фрид историк знаменитый, так что наверняка не врет.

И все же Сэмпсон оказался прав. Смотреть там было не на что. Ферма Джейсона Снайдера полностью исчезла с лица земли. Исчезла, как и предупреждала Кейт.

Глава 105

— От этого места у меня мурашки по коже, — сказал Сэмпсон. — Тоже мне, табачная ферма.

То, что когда-то было фермой Снайдера, превратилось в мрачное, наводящее ужас место, подобное загробному царству. Не осталось почти никаких свидетельств былого человеческого присутствия. И все же я нутром чувствовал под ногами кровь и плоть рабов. Развалины древней табачной фермы будоражили воображение.

Заросли американского лавра, калины, жимолости и ядовитого плюща доходили до самой груди. На месте некогда процветающей фермы горделиво возвышались красные и белые дубы, сикоморы и несколько каучуковых деревьев. Самой фермы и след простыл.

Я почувствовал, как в груди образовался тугой холодный комок. Неужели это то самое злосчастное место? Неужели мы находимся рядом с домом ужасов, о котором рассказывала Кейт?

Мы шли на север, затем свернули на восток. Где-то недалеко, как я надеялся, должно было проходить шоссе, где я оставил машину. По моим грубым подсчетам, до дороги было не более двух-трех миль.

— Поисков Казановы тут никто не проводил, — сказал Сэмпсон, озираясь по сторонам. — Трава густая до отвращения. Ни одной тропочки, насколько я вижу.

— Доктор Фрид говорил, что он был, вероятно, последним, кто приходил сюда и обследовал все точки старой подземной дороги. Случайные любители прогулок в такие заросли не забредают, — заметил я.

Кровь и плоть моих предков. Я был во власти удивительного ощущения: бродить там, где долгие годы томились рабы!

Никто не пришел, чтобы освободить их. Никого это не касалось. Не было в те времена сыщиков, пускавших по следам чудовищ в человеческом образе, которые выкрадывали черных целыми семьями из их домов.

Свераясь с отметками на карте, я пытался определить, где находился подвал Снайдера. При этом я себя все время настраивал, что могу найти то, чего находить не желаю.

— По всей видимости, надо искать что-нибудь вроде очень старой двери, ведущей в подвал, — сказал я Сэмпсону. — На карте Фрида никаких особых пометок нет. Подвал должен, очевидно, находиться в сорока — пятидесяти футах к западу от сикомор. Я думаю, имеются в виду эти деревья, и мы теперь должны стоять прямо над подвалом. Но где же, черт побери, дверь?

— Вероятно, там, где на нее не могут ненароком наступить, — предположил Сэмпсон. Он протаптывал тропинку в высокой буйной траве.

Сразу за зарослями дикого винограда открывалось поле или луг, где когда-то выращивали табак. А за полем снова начинался непроходимый лес. Воздух был горячий и неподвижный. Сэмпсон уже терял терпение, он пинал жимолость ногами и топал в надежде наткнуться на дверь. Прислушивался, не раздастся ли гулкий звук, — значит, он ударил о дерево или железо под высокой травой и густо переплетенными сорняками.

— Подвал этот был очень велик и располагался на двух уровнях. Казанова мог его расширить и приспособить для своего дома ужасов, — сказал я, глядя под ноги.

Я думал о Наоми, которую держали под землей уже столько времени. Мысль о ней не покидала меня все эти дни и недели. Мучила и теперь. Сэмпсон прав насчет этого леса. Он действительно зловещий, мне казалось, что мы стоим на проклятом месте, где тайно совершается греховное и запретное. Наоми должна быть где-то рядом, под землей.

— Ты на меня прямо порчу напускаешь. Делаешь из меня какого-то психа. Ты уверен, что наш «почетный доктор» Сакс не Казанова? — спросил Сэмпсон, продолжая свое занятие.

— Нет. Не уверен. Но не знаю также и того, по какой причине его арестовала даремская полиция. Каким образом им удалось выяснить, что женское белье именно у него в доме? И каким образом, прежде всего, это белье там оказалось?

— Может быть, потому, что он Казанова, Рафинад? А бельешко приберегает, чтобы нюхать его дождливыми вечерами. ФБР и даремское управление, кажется, собираются это дело закрывать?

— Если в ближайшее время не произойдет очередного убийства или похищения. Как только дело закроется, настоящий Казанова

сможет вздохнуть свободно и строить планы на будущее.

Сэмпсон распрямился и поднял голову. Он вздохнул, затем громко застонал. Его футболка насквозь промокла от пота. Он вглядывался в спутанные заросли винограда.

— У нас впереди долгий путь обратно к машине. Долгий путь в темноте, духоте и среди полчищ комаров.

— Можешь пока об этом не думать. Продолжим.

Я не хотел прерывать поиски и переносить их на следующий день. То, что Сэмпсон был рядом, имело огромные преимущества. На карте доктора Фрида оставались еще три фермы. Две из них выглядели вполне многообещающе, а третья чересчур маленькой. Но, может быть, он именно ее выбрал для своего убежища? Ведь им движет стремление к противоречию, не так ли?

Это же самое стремление движет и мной. Я хотел продолжать поиски, несмотря на надвигавшиеся сумерки, несмотря на густой лес, на гадюк и медянок и убийц-двойников.

Я вспоминал страшные истории Кейт об исчезающем доме и о том, что происходило внутри его. Что же на самом деле случилось с Кейт в тот день, когда она убежала? Если дом находится не в этом лесу, то где же, черт побери? Он должен быть под землей. Иначе все теряло смысл... До сих пор все это вообще не имело никакого смысла, будь оно проклято.

Если только кто-то не стер намеренно следы былой фермы. Если только кто-то не воспользовался старыми бревнами в собственных строительных целях.

Я вытащил пистолет и стал искать что-нибудь, во что можно было бы выстрелить. Сэмпсон краем глаза наблюдал за мной. С интересом, но молча. Пока.

Мне надо было хоть как-то выплеснуть злость. Освободиться от раздражения, от напряжения. Прямо здесь и теперь. Но стрелять было не во что и не в кого. Никакого подземного дома ужасов.

Однако при этом и никаких остатков фермерского дома или амбара. Ни щепочки.

Тогда я изрешетил пулями узловатый ствол ближайшего дерева. В приступе безумия шишковатая выпуклость ствола показалась человеческой головой. Головой Казановы. Я стрелял и стрелял без

конца. Стопроцентное попадание. Безукоризненные выстрелы. Я уничтожил Казанову!

— Ну как, полегчало? — Сэмпсон смотрел на меня поверх темных очков. — Вышиб призраку дурной глаз?

— Полегчало, но не намного, всего лишь настолечко. — Я наглядно продемонстрировал ему на сколько, раздвинув на миллиметр большой и указательный пальцы.

Сэмпсон прислонился к небольшому дереву, похожему на человеческий скелет. Юному деревцу не хватало света.

— Я думаю, пора двигаться в обратный путь, — сказал он.

И тогда мы услышали крики!

Женские голоса доносились из-под земли.

Крики звучали приглушенно, но вполне явственно. Женщины находились от нас севернее, в глубине зарослей, но ближе к открытому лугу, бывшему табачному полю.

Меня словно током ударило от волнения при звуке этих подземных голосов. Голова дернулась и упала на грудь.

Сэмпсон выхватил из кобуры пистолет и дважды выстрелил, чтобы подать сигнал женщинам, кричавшим из-под земли.

Приглушенные вопли становились все громче и отчетливее, как будто поднимаясь из десятого круга ада.

— Господь Всемогущий, — прошептал я. — Мы нашли их, Джон. Мы нашли дом ужасов.

Глава 106

Мы с Сэмпсоном опустились на четвереньки и принялись судорожно рыться в траве, разгребая ее и выдергивая, пока пальцы и ладони не покрылись кровоточащими царапинами и порезами. Мы искали вход в подземелье. Я пристально, не отрываясь смотрел в землю. Руки дрожали от напряжения.

Я еще несколько раз выстрелил в воздух, чтобы женщины под землей слышали и знали, что мы здесь. Выстрелив, я тут же перезарядил пистолет.

— Мы здесь, наверху! — заорал я что было мочи, прижавшись к самой земле. Трава и сорняки царапали и жгли лицо. — Мы из полиции!

— Нашел, Алекс! — окликнул меня Сэмпсон. — Дверь здесь. Во всяком случае нечто, похожее на дверь.

Бежать по высокой густой траве было все равно что переходить вброд реку. Вход в подземелье скрывался в зарослях жимолости и в высокой, по пояс, траве в том месте, где ковырялся Сэмпсон. Дверь была завалена дополнительным слоем дерна и засыпана целым ворохом сосновых иголок. Никакая следственная поисковая группа и никто другой, по случайности оказавшийся в лесу, эту дверь, конечно, обнаружить не мог.

— Спускаюсь первым, — сказал я Сэмпсону. Кровь бешено стучала у меня в висках. В другое время он бы не преминул поспорить, но не теперь.

Я стал торопливо спускаться по крутой узкой деревянной лестнице, такой старой, как будто ей было лет сто. Сэмпсон от меня не отставал. Мы тоже неплохая пара близнецов.

«Стоп! — скомандовал я себе. — Расслабься». У подножия лестницы оказалась вторая дверь. Тяжелая, из дубовых досок, она выглядела совсем новой, как будто ее поставили год-два назад. Я осторожно повернул ручку. Дверь была заперта.

— Я вхожу! — крикнул я тому, кто мог оказаться за дверью. Затем выпустил несколько выстрелов в замок, и тот развалился. Я со всего размаху наподдал плечом, и дверь распахнулась.

И вот я наконец в доме ужасов. От того, что предстало моему взору, меня чуть не вырвало. В комнате, добротной обставленной под гостиную, на диване лежало женское тело. Труп уже начал разлагаться. Черты лица были неузнаваемы. Тело жертвы кишело личинками трупных мух.

«Вперед! — приказал я себе. — Шагай. Немедленно иди дальше».

— Я рядом, — шепнул Сэмпсон тем тоном, каким обычно разговаривают на месте убийства. — Будь осторожен, Алекс.

— Полиция! — крикнул я. Голос у меня дрожал и охрип. Я со страхом готовился к тому, что мы могли еще увидеть в этой берлоге. Здесь ли Наоми? Жива ли она?

— Мы здесь, внизу! — послышался женский голос. — Кто-нибудь слышит меня?

— Слышим. Идем! — снова заорал я.

— Помогите, ради Бога! — донесся другой голос, с более далекого расстояния. — Будьте осторожны. Он хитер.

— Понятно, что хитер, — прошептал никогда не терявший присутствия духа Сэмпсон.

— Он в доме! Он сейчас здесь! — крикнула еще одна женщина, предупреждая нас.

Сэмпсон по-прежнему стоял у меня за спиной, почти вплотную.

— Пойдешь дальше, приятель? Прямо по острию ножа?

— Я должен ее найти, — сказал я. — Я должен найти Липучку.

Он не стал спорить.

— Думаешь, наш любовничек где-то здесь? Казанова? — прошептал он.

— Так говорят, — ответил я и медленно двинулся дальше. Пистолеты у нас обоих были наготове. Мы представления не имели, какая опасность нас подстерегает. Дождается ли нас «любовничек»?

Вперед! Вперед! Шевели ногами!

Я первым вышел из пустой гостиной. В примыкавшем к ней коридоре горели яркие лампы дневного света. Как ему удалось провести сюда электричество? Трансформатор? Генератор? О чем это должно говорить? Что он умелец? Или что у него связи с местной электрической компанией?

Сколько времени потребовалось, чтобы привести этот подвал в такое состояние? Оборудовать его таким образом? Осуществить свои

мечты?

Помещение было просторное. Мы вошли в длинный извилистый коридор, отходивший от гостиной направо. С каждой стороны располагались двери, запертые снаружи на засовы, как тюремные камеры.

— Охраняй наши тылы, — сказал я Сэмпсону. — Я открываю первую дверь.

— Я все время твой тыл оберегаю, — шепнул он.

— Побереги свой тоже.

Я подошел к первой двери и крикнул:

— Полиция. Следователь Алекс Кросс. Не бойтесь, теперь вам ничто не грозит.

Я толкнул первую дверь и заглянул внутрь. Мне очень хотелось, чтобы там была Наоми. Я молил Бога, чтобы там была она.

Глава 107

— Кретины, — буркнул Джентльмен, раздражаясь и нервничая по своему обыкновению. — Два черномазых цирковых клоуна.

Казанова натянуто улыбнулся. Джентльмен уже начинал выводить его из себя.

— А чего ты ожидал, черт побери? Нейрохирургов из лучшей вашингтонской клиники? Это обыкновенные полицейские.

— Видимо, не совсем обыкновенные. Дом они все-таки обнаружили. И уже оказались внутри.

Два друга следили за всем происходящим из ближайшего укрытия в лесу. За этими сыщиками они следили весь день с биноклями в руках. Совещались, строили планы, но при этом не выпускали из виду добычу. К открытому столкновению они готовились со всевозможными предосторожностями.

— Почему они явились одни, без подмоги? Почему не привели с собой фэбээровцев? — удивлялся Рудольф. Он всегда проявлял пытливость ума и логическое мышление. Думающая машина, машина-убийца, человек-машина, лишенная человеческих чувств.

Казанова снова поднес к глазам мощный цейсовский бинокль. Ему видна была открытая дверь, ведущая в подземный дом — их с Рудольфом рукотворный шедевр.

— Полицейская самонадеянность, — ответил он наконец на вопрос Рудольфа. — В некотором роде они похожи на нас. В особенности Кросс. Доверяет только одному себе.

Он взглянул на Уилла Рудольфа, и они улыбнулись друг другу. Получалось действительно забавно. Двое полицейских против них двоих.

— Дело в том, что Кросс считает, будто понимает нас и наши отношения, — сказал Рудольф. — Может быть, отчасти так и есть.

Со времени последней близкой встречи в Калифорнии его не оставляли мысли о Кроссе. Кросс все-таки выследил его, и это внушало страх. Но к тому же этот полицейский казался Джентльмену интересным соперником. Ему нравилось их состязание, смертельная кровавая схватка.

— Он понимает кое-что, умеет определить ключевые моменты и поэтому думает, что знает больше, чем есть на самом деле. Наберись терпения, и мы нащупаем слабинку Кросса.

Если не суетиться, размышлял Казанова, все тщательно обдумывать, они останутся неуязвимы, их никогда не поймают. Так было долгие годы, с тех самых пор, как они познакомились в университете Дьюк.

Казанова знал, что Джентльмен потерял в Калифорнии бдительность. Таким недостатком в характере он страдал еще будучи студентом-отличником медицинского факультета. Был нетерпелив, проявил небрежность и излишнюю театральность во время убийства Ро Тирни и Тома Хатчинсона. Его тогда чуть не поймали. Допрашивали в полиции, он оказался под серьезным подозрением.

Казанова снова мысленно вернулся к Алексу Кроссу, взвешивая его сильные и слабые стороны. Кросс осторожен, он истинный профессионал. Почти всегда думает прежде, чем делать что-либо. Без сомнения, он гораздо умнее всей остальной своры. Легавый-психолог. Нашел все-таки их дом. Подобрался так близко, как никому еще не удавалось.

Джон Сэмпсон гораздо импульсивнее. Он — слабое звено, хотя с первого взгляда этого не скажешь. Физически силен, но сломается первым. А сломать Сэмпсона означает сломать Кросса. Эта парочка — очень близкие друзья, чрезвычайно трогательно относятся друг к другу.

— Мы сделали глупость, расставшись год назад, когда пошли каждый своей дорогой, — сказал Казанова своему единственному на всем белом свете другу. — Если бы не ввязались в соперничество и не вели бы порознь каждый свою игру. Кросс никогда ничего бы о нас не узнал. Он не нашел бы тебя, и теперь нам не пришлось бы убивать девочек и разрушать дом.

— Позволь мне взять на себя нашего общего друга, доктора Кросса, — попросил Рудольф. Он как будто не обратил внимания на слова, только что сказанные Казановой. Рудольф никогда своих чувств явно не выказывал, но, несомненно, тоже был одинок. Ведь он вернулся, не так ли?

— Нет, доктора Кросса нельзя брать на себя в одиночку, — возразил Казанова. — Мы займемся ими обоими и сообща. Работать

будем двое на одного, так у нас всегда лучше всего получалось. Сначала Сэмпсон. Потом Алекс Кросс. Я знаю, какая у него будет реакция. Я понимаю ход его мыслей. Я давно за ним наблюдаю. На самом деле я охочусь на Кросса с тех самых пор, как он появился сюда, на Юг.

Два чудовища в человеческом образе направились в сторону дома.

Глава 108

Я включил в комнате верхний свет и увидел пленницу. Мария Джейн Капальди, словно маленькая испуганная девочка, жалась к стене.

Я знал, кто передо мной. Примерно неделю назад встречался с ее родителями, видел старые, бережно хранимые родителями фотографии.

— Прошу вас, не трогайте меня. Я больше не вынесу, — хриплым шепотом взмолилась Мария.

Обхватив себя руками, она раскачивалась из стороны в сторону. На ней были рваные черные колготки и мятая футболка с надписью «Нирвана». Марии Джейн было всего девятнадцать лет, и она считалась одной из самых одаренных и многообещающих художниц в Роли, штат Северная Каролина.

— Я следователь полиции, — сказал я тихо и так ласково, как только мог. — Теперь никто больше не посмеет тронуть тебя. Мы не позволим.

Мария Джейн застонала, по щекам заструились слезы облегчения. Тело сотрясала неудержимая дрожь.

— Он больше не причинит тебе вреда, Мария Джейн, — продолжал тихо и ласково уговаривать я, но, по правде, давалось это мне с трудом. — Мне нужно отыскать остальных. Я вернусь, обещаю. Оставляю твою дверь открытой. Можешь выйти. Теперь ты в безопасности.

Мне надо помочь остальным. Гарем из коллекционных женщин Казановы обнаружен. И среди этих женщин должна быть Наоми.

Я вломился в следующую комнату. Сердце как бешеное билось у меня в груди. От страха, от возбуждения, от сострадания — от переизбытка всех чувств одновременно.

Высокая блондинка, оказавшаяся в этой комнате, представилась как Мелисса Стэнфилд. Я помнил это имя. Она училась на курсах медсестер. Бесчисленное количество вопросов готово было сорваться у меня с языка, но времени хватало только на один.

Я осторожно тронул ее за плечо. Она вздрогнула и упала мне на грудь.

— Ты не знаешь, где Наоми Кросс? — спросил я.

— Точно не знаю, — ответила Мелисса. — Мне неизвестна вся здешняя планировка. — Она покачала головой и расплакалась. Мне показалось, она даже не поняла, о ком я спрашиваю.

— Теперь ты в безопасности. Кошмар наконец окончен. Мелисса. Позволь мне помочь остальным, — шептал я.

Оказавшись снова в коридоре, я увидел, что Сэмпсон открывает следующую дверь, и услышал, как он говорит:

— Я следователь полиции. Вы свободны и в безопасности. — Голос его звучал тепло и проникновенно. Этаким Сэмпсон Кроткий.

Женщины, которых мы успели освободить, ошеломленные и растерянные, выбирались из своих тюремных камер. В коридоре они обнимали друг друга. Многие плакали навзрыд, но я чувствовал, какое облегчение, даже радость они испытывали в этот момент. Наконец кто-то пришел им на помощь.

В конце первого коридора начинался второй. Я вошел туда. Там было еще несколько запертых дверей. Где же Наоми? Жива ли она? Сердце колотилось невыносимо.

Я отворил первую дверь справа... и там оказалась она. Липучка. Не было в мире радостнее зрелища для меня.

И тогда из моих глаз тоже полились слезы. Теперь я был неспособен вымолвить ни слова. Казалось, на всю оставшуюся жизнь я запомню эту встречу. Каждое слово, взгляд, вздох.

— Я знала, что ты придешь за мной, Алекс, — сказала Наоми. Она бросилась ко мне в объятия и прижалась всем телом.

— Ласточка моя, солнышко, Наоми, — шептал я, и мне казалось, будто с плеч свалился тяжеленный груз в несколько тысяч фунтов. — Это всего на свете стоит. Ну почти всего.

Я обхватил обеими руками ее милое личико и вгляделся в нее. Она казалась такой маленькой и хрупкой в этой комнате. Но она жива! Я нашел ее наконец!

Я окликнул Сэмпсона:

— Я нашел Наоми! Мы нашли ее, Джон! Сюда! Мы здесь!

Мы с Липучкой стояли в обнимку, как в старые добрые времена. Если я когда-то и сожалел, что заделался полицейским, то только не

теперь. В этот момент я понял, что все это время считал ее погибшей. Просто не желал отступить. Не имел права сдаваться.

— Я знала, что ты придешь, вот так, как сейчас. Мне снилось это по ночам. Я только этим и жила. Каждый день молилась. И вот ты пришел. — На лице Наоми расплылась улыбка, самая прекрасная, какую я когда-либо видел. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Я так тосковал по тебе, что чуть с ума не сошел. Все тосковали.

Но прошло несколько минут, и я осторожно высвободился из рук Наоми. Я вспомнил о чудовищах и попытался представить, что они сейчас замышляют. Какие гениальные планы строят. Повзрослевшие Леопольд и Лоуб, специалисты по «безупречным преступлениям».

— Ты уверена, что нормально себя чувствуешь? — Я наконец тоже улыбнулся, вернее, попытался.

К Наоми вернулась былая экспансивность.

— Иди, Алекс, выпусти остальных, — затеребила она меня. — Прошу тебя, выпусти всех из этих жутких клеток, в которых он нас держал.

И тогда из коридора донесся душераздирающий крик. Это был вопль боли. Я выскочил из комнаты Наоми и увидел такое, чего не мог бы себе представить даже в самом страшном сне.

Глава 109

Этот дикий утробный крик издал Сэмпсон. Мой напарник попал в серьезную передрягу. На него напали двое мужчин, оба в омерзительных масках. Казанова и Рудольф? Конечно, кто же еще!

Сэмпсон лежал на полу в коридоре с открытым от ужаса и боли ртом. Из спины торчал то ли нож, то ли штык.

Я уже дважды в жизни оказывался в подобной ситуации, патрулируя улицы Вашингтона, когда напарник попадал в беду. Выбора у меня не было, а шанс если был, то один. И я воспользовался им без колебаний. Вскинул пистолет и выстрелил.

Этим внезапным выстрелом я застал их врасплох. Они не ожидали его, считая, что Сэмпсон обеспечивает им надежную защиту. Тот, что повыше, схватился за плечо и рухнул навзничь. Второй поднял голову и посмотрел в мою сторону. Холодный блеск глаз сквозь прорези в смертной маске был недвусмысленным предупреждением. Но я не внял ему.

Я выстрелил еще раз, целясь во вторую маску. В подземном доме внезапно вырубился свет, и в тот же момент из репродукторов, спрятанных где-то в стенах, разнеслась оглушительная рок-музыка. Аксель Роуз взвыл «Добро пожаловать в джунгли!».

В коридоре воцарилась крошечная тьма. От раскатов рок-музыки сотрясались стены подземного сооружения. Я, прижавшись к стене, медленно продвигался к тому месту, где лежал Сэмпсон.

Пристально вглядываясь в темноту, я с ужасом думал: «Они завалили Сэмпсона, а это задача непростая. Эти двое возникли как будто из ниоткуда. Может быть, есть еще один выход или вход?»

Я услышал впереди себя стон, и знакомый бас пророкотал:

— Я здесь. Кажется, все-таки не уберег свой тыл. — Сэмпсон говорил отрывисто, с трудом.

— Не разговаривай.

Я продвигался все ближе к тому месту, откуда доносился его голос. Теперь я приблизительно представлял себе, где он находится, но боялся, что те двое еще не ушли. Они получили преимущество и наверняка собираются наброситься на меня.

Их любимая тактика — двое на одного. Неодолимая потребность друг в друге. Необходимость быть вместе. Вместе они неуязвимы. Так было до сих пор.

Шаг за шагом я продвигался вдоль стены, прижимаясь к ней спиной. Я направлялся в сторону неясных очертаний и зыбких теней в конце коридора.

Впереди тускло блеснул желтоватый свет. Я увидел на полу скорчившегося Сэмпсона. Сердце мое билось гулко и так часто, что между ударами совсем не оставалось промежутков. Мой напарник тяжело ранен. Такого еще никогда не случалось, с тех пор как мы детьми играли на улицах Вашингтона.

— Я здесь, — сказал я Сэмпсону, опускаясь рядом с ним на колени, и тронул его за руку. — Ты истекаешь кровью, будь оно все трижды проклято. Не двигайся.

— Не каркай, приятель. Я не собираюсь отключаться. Меня теперь отключиться не заставишь, — простонал он.

— Не строй из себя героя. — Я слегка приподнял его голову и прижал к себе. — У тебя из спины нож торчит.

— Я и есть герой... вали отсюда... не дай им смыться. Ты одного уже достал. Они пошли к лестнице. Туда, откуда мы пришли.

— Иди, Алекс! Ты должен их поймать! — Я повернулся, услышав голос Наоми. Она опустилась на корточки рядом с Сэмпсоном. — Я позабочусь о нем.

— Я вернусь, — пообещал я и бросился по коридору.

Низко пригнувшись и не выпуская из рук пистолета, я свернул в темноте за угол в конце длинного коридора и оказался в другом коридоре, куда мы попали, когда вошли в дом. «Они пошли к лестнице», — предупредил Сэмпсон.

Свет в конце туннеля? Где-то здесь прячутся чудовища? Теперь в полумраке я двигался чуть быстрее. Ничто не могло меня остановить. Разве только Рудольф и Казанова. Тактика двое против одного на их территории не слишком меня устраивала.

В конце концов, я отыскал выход. На двери не было ни замка, ни ручки; я сам расстрелял их из пистолета.

Лестница казалась свободной, во всяком случае, на первый взгляд. Дверь в подzemелье была открыта, и я снизу видел темные сосны и

заплатки голубого неба. Они ждут меня наверху? Два умных ничтожества?

Я бежал по деревянной лестнице так быстро, как только мог. Палец прочно лежал на спусковом крючке пистолета. Ситуация снова критическая.

Как первоклассный профессиональный защитник, который с разбега вклинивается в общую свалку вокруг мяча, я пулей вылетел из зияющего в земле прямоугольника. Сделал акробатический кувырок. И выстрелил. Может быть, мои бойцовские приемы, по крайней мере, помешают кому-нибудь тщательно прицелиться.

Но ответного выстрела не последовало, впрочем, как и аплодисментов в знак восхищения моим представлением. Густой лес был тих и необитаем.

Чудовища исчезли... а вместе с ними и дом.

Глава 110

Я выбрал то же самое направление, каким мы с Сэмпсоном сюда явились. Это был наверняка единственный выход из леса, а следовательно, им должны были воспользоваться и Рудольф с Казановой. У меня душа ныла, что я оставляю Сэмпсона и женщин, но выбора не было.

Я сунул пистолет в кобуру под мышкой и бросился бегом. Все быстрее и быстрее по мере того, как в памяти оживало, что значит быстро бегать.

След свежей крови на листьях на несколько ярдов тянулся в густой подлесок. Один из монстров истекал кровью. Я надеялся, что он скоро сдохнет. Но, так или иначе, я был на правильном пути.

Виноградные лозы и колючий кустарник цеплялись за ноги и за руки, пока я продирался сквозь густые заросли. Ветви хлестали по лицу. Но я на эту порку внимания не обращал.

Я пробежал с милю или около того. Весь взмок от пота, жгучая боль разрывала грудь. Голова гудела как перегревшийся автомобильный двигатель. Каждый следующий шаг давался труднее, чем предыдущий.

Насколько я мог понять, расстояние между нами не сокращалось. А может быть, они идут за мной? Видели, как я выходил из подземелья? Следили за мной? Кружили у меня за спиной? Вариант двое на одного меня совсем не устраивал.

Я выискивал следы крови и клочья одежды. Хоть какой-нибудь знак, что они здесь проходили. Легкие мой горели огнем, пот стекал ручьями. Мышцы на ногах болели от напряжения.

Перед глазами словно прокручивалась назад пленка. Картины недавних событий сменяли друг друга. Вот я бегу с Марком Дэниелсом на руках по улицам Вашингтона. Я снова ясно видел лицо несчастного малыша. Потом в памяти ожил крик боли и ужаса — так совсем недавно кричал в подземном доме Сэмпсон. И снова перед глазами всплыло лицо Наоми.

Вдруг впереди что-то мелькнуло. Двое мужчин. Бегут. Один из них держится за плечо. Казанова? Джентльмен? Какая разница — они

нужны мне оба. На меньшее я не согласен.

Раненый зверь не замедлял шага. Он знал, что я гонюсь за ним, хочу сломить, и он издал истошный вопль. Этот вопль напомнил мне, что я имею дело с существом непредсказуемым, с буйно помешанным.

— А-а-а-ааах! — эхом прокатилось по лесу, словно вой хищного зверя.

И следом такой же дикий ответный крик:

— А-а-а-ааааах! — Но это уже кричал второй безумец.

«Нерасторжимая связь, — думал я. — Они как пара хищников. Не могут жить друг без друга».

Внезапный выстрел застал меня врасплох. Щепка отлетела от коры сосны и просвистела у самого виска. Один-два дюйма ближе, и я был бы убит наповал. Один из монстров обернулся и выстрелил на ходу.

Я спрятался за тем деревом, которое приняло на себя предназначенную мне пулю, и выглянул сквозь густые ветви. Теперь я не видел никого из них и выжидал. Отсчитывал секунды. Пытался вновь запустить остановившееся сердце. Кто из них стрелял? Который из них ранен?

Они находились у самой вершины крутого холма в глубине леса. Перевалили на другую сторону? Если да, то дожидаются теперь меня там? Я осторожно вышел из своего укрытия за стволом сосны и огляделся.

В лесу снова воцарилась мрачная тишина. Ни криков, ни выстрелов. И никого вокруг. Что же они задумали, черт их дери? И все же я кое-что узнал о них новое. Еще одну ниточку вытянул. Всего минуту назад увидел нечто очень важное.

Я помчался вверх к плешивой макушке холма. Никого! Сердце у меня екнуло и стало падать в бездонную пропасть. Неужели сбежали? Неужели я их все-таки упустил?

Я продолжал бежать. Я не мог допустить подобной гнусности. Не мог позволить двум чудовищам остаться на свободе.

Глава 111

Мне казалось, я понимал, в какой стороне проходит главное шоссе, и направился туда. У меня открылось второе, а может быть, третье дыхание, и бежать теперь стало легче. Алекс Следопыт.

Я увидел их снова примерно в двухстах ярдах впереди, и тут же мелькнуло знакомое серое пятно — извилистая лента шоссе. Вот дома из белого песчаника. Вот старые телефонные столбы. Шоссе. Отсюда им скрыться ничего не стоит.

Они бежали к придорожной покосившейся закусочной. По-прежнему в масках. Этот факт подсказал мне, что главным из них был Казанова. Истинный лидер. Он обожал свои маски. Они отражали его сущность князя тьмы, каковым он себя мнил. Повелителя преисподней, свободного в волеизъявлении и действии. Существа высшего порядка.

На крыше придорожного кафе сияла красно-синяя неоновая вывеска «Облако пыли». В подобных провинциальных забегаловках отбою не бывает от посетителей. Чудовища устремились прямо к ней.

Казанова и Джентльмен-Ловелас бросились к припаркованному у кафе новенькому синему пикапу. Просторные автомобильные стоянки придорожных харчевен вполне годятся для того, чтобы машина не привлекала постороннего внимания. Это было мне хорошо известно по роду моей деятельности. Я поспешил через дорогу по направлению к кафе.

Мужчина с длинными рыжими вьющимися волосами в этот момент садился на стоянке в свой «плимут-дастер». На нем была мятая рубашка с надписью «Кока-кола», под мышкой зажата объемистая коричневая сумка. Бутылками запасся.

— Полиция! — Я потряс значком перед самой его жиденкой бороденкой. — Мне нужна ваша машина! — Пистолет я держал наготове, на всякий непредвиденный случай. Мне позарез нужна была машина, и я собирался ее отнять.

— Ну, мужик, ты даешь. Это машина моей девчонки, — залепетал он, не сводя глаз с пистолета и протягивая мне ключи.

— Звони немедленно в полицию. Там, — я махнул рукой в направлении, откуда явился, — примерно в полутора милях — пропавшие женщины. И раненый полицейский! Скажи им, что это берлога Казановы.

Я бросился в машину и дал с ходу, еще на стоянке, сорок миль в час. В зеркале заднего вида я увидел, что рыжий с пакетом все еще стоит как вкопанный и смотрит мне вслед. Мне надо было, конечно, самому позвонить Кайлу Крейгу и сказать, чтобы выслал подмогу, но времени на это не оставалось. Я не мог себе позволить упустить Казанову и его друга.

Темно-синий пикап направлялся в сторону Чепел-Хилла, туда, откуда он похитил Кейт и где пытался ее убить. Значит, там его основная база? Может быть, он один из сотрудников университета Северной Каролины? Врач? Тот, о ком мы и думать не думали? Не может быть, а почти наверняка.

По городу я ехал от них на расстоянии четырех машин. Понять, знают ли они о моем присутствии, было невозможно. Скорее всего, знали. Чепелхилльский вариант часа пик был в самом разгаре. Огибая обсаженный деревьями студенческий городок, по узкой извилистой Фрэнклин-стрит медленно продвигался поток машин.

Впереди я увидел печально известный кинотеатр «Варсити», куда Вик Сакс водил на итальянскую комедию женщину по имени Сюзанна Уэлсли. Это был самый что ни на есть примитивный адюльтер — ни больше ни меньше. Доктора Вика Сакса подставили Казанова и Джентльмен. Из Сакса получился безукоризненный подозреваемый. Местный любитель порнографии. Казанова все о нем знал. Каким же образом?

Я был уже недалеко от того, чтобы сцапать их, я был в этом уверен. Я должен был в это верить. Они остановились на красный свет на углу улиц Фрэнклин и Колумбия. Студенты в дешевых футболках с надписями «Чемпион», «Найк» и «Басс-Эйл» перебежали дорогу между остановившимися машинами. У кого-то по радио Шакил О'Нил пел «Я это умею».

Я дождался, пока с громким щелчком включился зеленый свет и... раз, два, три, четыре, пять, я иду искать.

Кто не спрятался, я не виноват.

Глава 112

Я выскочил из машины и бросился, низко пригнувшись, по проезжей части Фрэнклин-стрит. Пистолет из кобуры вынул, но держал прижатым к ноге, чтобы не слишком бросался в глаза. Никакой паники, никаких воплей. Пусть хоть на этот раз все пройдет гладко.

Два друга, вероятно, уже усекли погоню. Так мне казалось. Стоило мне выскочить на улицу, как они бросились из своей машины врассыпную.

Один из них обернулся и трижды выстрелил. Бах. Бах. Бах. Только у него, видимо, был пистолет. И снова что-то щелкнуло у меня в голове: я вспомнил сцену в лесу. Сопоставление сделано. Аналогия есть.

Я спрятался за черным «ниссаном-зет», ожидавшим зеленого света, и завопил что было сил:

— Полиция! Полиция! Всем лечь! На землю! Вон из машин!

Большинство водителей и пешеходов тут же повиновались. Удивительная разница в этом смысле между Чепел-Хиллом и Вашингтоном. Я на мгновение выглянул из-за металлического разделительного ограждения посреди улицы. Но убийц нигде не было видно.

Согнувшись чуть не пополам, я двигался вдоль черной спортивной машины. Студенты и владельцы магазинов с опаской наблюдали за мной с тротуаров.

— Полиция! Всем лечь! Всем лечь! Заберите ребенка, черт побери! — вопил я.

Перед мысленным взором мелькали жуткие образы. Ретроспектива. Сэмпсон с ножом в спине... Кейт, избитая, изуродованная до неузнаваемости. Ввалившиеся глаза женщин в подземелье.

Я прижимался как можно ниже к земле, но один из них меня углядел и прицелился в голову. Мы оба выстрелили одновременно.

Его пуля угодила в боковое зеркало машины, что меня, вероятно, спасло. Результата своего выстрела я не видел.

Я продолжал двигаться вдоль машин. Вонь от выхлопных газов и бензина стояла невозможная. Издалека донесся вой полицейской сирены, и я понял, что подмога близка. Но не та, какая мне в тот момент была более всего необходима. Не Сэмпсон.

«Продолжай двигаться... Старайся не терять их обоих из вида... Обоих! Двое против одного. Лучше так: двое ценой одного!»

Я пытался угадать, как они собираются действовать. Каков ход их мыслей? Остался ли лидером Казанова? Кто он?

Я быстро выглянул из-за укрытия и увидел полицейского. Он стоял на углу улицы и держал в руках пистолет. Предупредить его я не успел.

Слева от него прозвучало два выстрела кряду, и полицейский рухнул на землю. Фрэнклин-стрит взорвалась криками. Зазнайство и самоуверенность, типичные для здешних студентов, покинули их. Многие девушки плакали. Может быть, они внезапно поняли, что все мы смертны.

— Всем лечь! — снова заорал я. — Всем немедленно лечь, черт вас поberi!

Прячась за машинами, я медленно продвигался к мини-фургону. В его сверкающем серебристом боку я увидел отражение одного из преступников.

Я не собирался играть на публику и демонстрировать этакий эффектный выстрел. Я мечтал попасть хоть куда-нибудь — в грудь, плечи, живот. И я нажал на спусковой крючок.

Вот так выстрел, мать твою! Только полюбуйся! Пуля пробила стекла обеих передних дверей опустевшего «форда» и попала одному из мерзавцев в грудь, чуть ниже горла.

Он свалился, как будто ему выдернули ноги. Я бросился туда, где он только что стоял. «Который из них? — неудержимо хотелось крикнуть мне. — И где второй?»

Я носился как сумасшедший между машин. Исчез! Пропал! Где тот, в которого я попал? И где прячется второй умник?

Того, в кого попал, я наконец увидел. Он лежал, раскинув руки и ноги, под светофором на углу улиц Фрэнклин и Колумбия. Смертная маска по-прежнему скрывала его лицо, но выглядел он вполне обыкновенно — белая водолазка, полотняные брюки, ветровка.

Пистолета рядом с ним я не обнаружил. Он лежал без движения, и я знал, что он тяжело ранен. Я опустился рядом с ним на колени и обшарил, не переставая при этом оглядываться. «Осторожно! Берегись, — предупреждал я себя. — Наверняка его не видно. Но ведь где-то он прячется. И стрелять умеет».

Я сорвал с лежавшего маску, последнее его прикрытие. Ты не Бог и кровью истекаешь, как все смертные.

Это был доктор Уилл Рудольф. Посреди улицы в Чепел-Хилле лежал при смерти Джентльмен-Ловелас. Синие глаза его смотрели вверх. Из-под тела уже натекла целая лужа густой артериальной крови.

Люди на тротуаре подходили ближе. Они охали и ахали от благоговения и ужаса. Глаза у всех были широко распахнуты. Многие из них наверняка впервые так близко видели умирающего. А мне приходилось.

Я приподнял его голову. Джентльмен. Державший в страхе весь Лос-Анджелес. Он не в силах был поверить, что ранен, не мог с этим смириться. Его испуганный недоумевающий взгляд рассказал мне об этом.

— Кто такой Казанова? — спросил я доктора Уилла Рудольфа. Мне хотелось вытрясти из него ответ. — Кто такой Казанова? Говори!

Я продолжал оглядываться. Где Казанова? Не мог же он оставить Рудольфа умирать. В это время наконец подоспели два патрульных автомобиля. Ко мне бежали трое или четверо местных полицейских с пистолетами наготове.

Рудольф вздрогнул, и взгляд его прояснился. Может быть, хотел рассмотреть меня, а может быть, в последний раз взглянуть на мир. На губах у него вздулся кровавый пузырь и лопнул, разлетевшись брызгами.

Слова с трудом, толчками вылетали из горла.

— Ты никогда не найдешь его. Кросс. — Он улыбнулся мне. — Кишка тонка. Ты даже близко к нему не подобрался. Тебе никогда его не превзойти.

Хриплый вой вылетел из глотки Джентльмена. Я понял, что это предсмертный крик. И снова надел маску на лицо монстра.

Глава 113

Это была картина всеобщего беспредельного ликования. Мне никогда ее не забыть. Ближайшие родственники и лучшие друзья бывших пленниц всю ночь напролет приезжали в Медицинский центр Дьюк. На холмистой территории клиники и на автомобильной стоянке у Эрвин-роуд собралась и оставалась далеко за полночь толпа возбужденных студентов и горожан. Все это запечатлелось у меня в памяти навсегда.

Увеличенные фотографии спасенных люди держали высоко над головами, как транспаранты. Преподаватели и студенты, взявшись за руки, распевали религиозные гимны и знаменитую песню «Дайте миру шанс». По крайней мере, на одну ночь все решили забыть о том, что Казанова по-прежнему на свободе. Я и сам позволил себе не думать о нем хоть несколько часов.

Сэмпсон был жив, лежал в больнице и потихоньку выздоравливал. Кейт тоже. Совершенно незнакомые люди подходили ко мне во время этого стихийного празднества и воодушевленно трясли мне руку. Отец одной из девушек совсем раскис и разрыдался у меня на плече. Никогда еще служба в полиции не приносила мне столько радости.

Я вошел в лифт и поехал на четвертый этаж навестить Кейт. Но, прежде чем войти к ней в палату, сделал глубокий вдох. Только после этого решился открыть дверь. С головой, сплошь забинтованной и запеленутой, она была похожа на загадочную мумию. Состояние ее стабилизировалось, смерть уже не грозила, но она по-прежнему оставалась в коме.

Я подержал Кейт за руку и поведал ей все, что приключилось за этот долгий день.

— Пленницы на свободе. Мы с Сэмпсоном были в подземном доме. Теперь они в безопасности, Кейт. И ты возвращайся к нам. Сегодня выдалась замечательная ночь, — шептал я.

Мне до боли хотелось снова услышать ее голос, ну хоть разочек. Но с губ ее не сорвалось ни звука. Я даже не знал, слышит ли она меня, понимает ли. Я нежно поцеловал ее на прощанье.

— Я люблю тебя, Кейт, — прошептал я, прижавшись к ее забинтованной щеке. Едва ли она меня слышала.

Палата Сэмпсона находилась этажом выше. Человек-Гора уже вернулся из операционной, и состояние его считалось удовлетворительным.

Он не спал и живо отреагировал на мой приход.

— Как Кейт и остальные? — спросил он. — Я здесь, пожалуй, долго не задержусь.

— Кейт все еще в коме. Я только что от нее. С тобой все в порядке, если тебя это интересует. Говорят, состояние удовлетворительное.

— Убеди врачей переименовать его в отличное. Я слышал — Казанове удалось смыться. — Он закашлялся, и я понял, что Сэмпсон злится.

— Не расстраивайся. Поймаем. — Я понимал, что мне пора уходить.

— Не забудь принести мне темные очки, — попросил он. — Тут слишком светло. Чувствую себя как на пляже.

В половине десятого того же вечера я был в палате, где лежала Липучка. Там уже торчал Сет Сэмюел. Они выглядели отличной парой. Оба сильные и очень славные. Передо мной встала довольно приятная задача привыкнуть к сочетанию Наоми Сет.

— Тетя Липка! Тетя Липка!

Не было для меня большей радости, чем услышать знакомые голоса. Нана, Силла, Деймон и Дженни — все скопом ворвались в палату. Прилетели из Вашингтона. Увидев свое ненаглядное дитя, Силла тут же ударилась в слезы. Мама Нана тоже тайком смахнула пару слезинок. А потом Наоми с Силлой бросились друг другу в объятия, и уже разъединить их было невозможно.

Мои малыши со страхом смотрели на свою тетушку Липку, которую положили в больницу. Я заглянул в их распахнутые глазенки и увидел там испуг и растерянность, чувства, с которыми особенно непримиримо борется Деймон.

Я подошел к детям и сгреб их в охапку. Прижал к себе изо всех сил.

— Привет, сынок, бильярдный мой шарик в лузе. Как поживает моя малышка Дженни? — Не было для меня и нет ничего роднее и

ближе семьи. Наверное, отчасти поэтому я занимаюсь тем, чем занимаюсь. Наверняка даже. Доктор следователь Кросс.

— Ты нашел тетю Липку, — шепнула мне на ухо Дженни и крепко обхватила меня маленькими сильными руками и ногами. Она, кажется, волновалась даже больше меня.

Глава 114

До конца было еще далеко. Работа сделана лишь наполовину. Два дня спустя я брел по утоптанной тропе в лесу, разделявшем Двадцать второе шоссе и подземный дом. По пути встречались молчаливые и угрюмые полицейские из местного управления. Они прочесывали лес, низко опустив головы и не переговариваясь друг с другом. Лица у всех были бледные и понурые.

Теперь они уже вплотную встретились с чудовищами в человеческом образе, воочию увидели омерзительные художества доктора Уилла Рудольфа и второго, называвшего себя Казановой. Некоторые из полицейских успели побывать в подземном доме ужасов.

Большинство из них знали меня в лицо. Я все время находился рядом, на передовой линии фронта. Некоторые приветственно кивали или махали рукой. Я отвечал.

Меня в конце концов приняли за своего в Северной Каролине. Лет двадцать назад такое было бы немыслимо даже в подобных экстремальных обстоятельствах. Я стал постепенно свыкаться с Югом, и больше, чем мог предположить.

Относительно Казановы у меня родилась новая, довольно правдоподобная версия, основанная на том, что я успел заметить во время перестрелки в лесу и на улицах Чепел-Хилла. «Тебе его не найти», — вспоминал я предсмертные слова Рудольфа. «Никогда не говори „никогда“, Уилл».

Тем теплым, подернутым дымкой ранним вечером Кайл Крейг находился в доме ужасов вместе с парой сотен полицейских — мужчин и женщин — из даремской и чепелхилльской полиции и солдатами из Форт-Брэгга, Северная Каролина. Они имели возможность получить собственное яркое представление о монстрах.

— Распрекрасное времечко, чтобы жить да еще работать легавым, — заметил Кайл. С каждой нашей новой встречей его юмор становился все мрачнее. Это тревожило меня. Он всегда был нелюдим и честолюбив, этакий упрямый трудоголик. Даже на попадавшихся мне снимках времен учебы в Дьюке у него был такой вид.

— Мне очень жаль, что в дело втянули всех местных, — сказал я Кайлу, оглядывая жуткое место преступлений. — Они теперь до конца дней своих не смогут избавиться от воспоминаний. Еще много лет будут по ночам в холодном поту просыпаться.

— А как ты, Алекс? — Кайл внимательно разглядывал меня своими серо-голубыми льдистыми глазами. Иногда казалось, что он даже болеет за меня душой.

— Ну, мне теперь по ночам такие разнообразные кошмары снятся, что трудно отобрать самый увлекательный, — признался я, криво усмехнувшись. — Скоро поеду домой и, наверное, некоторое время буду спать в одной комнате с детьми. Им, правда, это тоже нравится. Хотя истинной причины они, конечно, не поймут. А я смогу хоть выспаться по-человечески под защитой детей. Они всегда в грудь начинают колотить, когда мне всякие кошмары снятся.

Кайл наконец улыбнулся.

— Ты удивительный человек, Алекс. Откровенный и в то же время скрытный.

— И с каждым днем становлюсь все удивительнее. Если в ближайшие дни откопаешь еще одного монстра, не трудись мне звонить. Я уже измонстрился вконец. — Я смотрел на него в упор, пытаясь «выйти на связь», но не удавалось. Кайл тоже был достаточно скрытен. Не помню, чтобы с кем-нибудь чересчур откровенничал.

— Постараюсь не звонить, — пообещал Кайл. — Но ты не слишком расслабляйся. Сейчас еще один промышляет в Чикаго, другой в Линкольне и Конкорде, Массачусетс. Какой-то подонок ворует детей в Остине, Техас. Почти младенцев. Серия убийств в Орландо и Миннеаполисе.

— У нас еще здесь работы хватает, — напомнил я.

— Неужели? — с некоторой издевкой переспросил он. — Какой именно работы, Алекс? Землекопной?

Мы с Кайлом Крейгом наблюдали страшную картину. Человек семьдесят — восемьдесят мужчин, вооружившись кирками и лопатами, раскапывали луг к западу от «исчезающего» дома. Они разыскивали тела убитых. Землекопная работа.

С восемьдесят первого года два чудовища похищали и убивали на Юге красивых образованных женщин. Тринадцатилетнее господство ужаса. «Сначала я влюбляюсь в женщину. Затем просто беру ее» — так

писал в своем дневнике в Калифорнии Уилл Рудольф. Свои он мысли высказывал или своего двойника? Сильно ли тоскует теперь Казанова без своего друга? Как переносит горе? Чем намерен его заглушить? Замыслил ли уже что-нибудь?

Я считал, что Казанова познакомился с Рудольфом примерно в восемьдесят первом году. И каждый поделился с другим своей тайной — порочной страстью похищать женщин, насиловать их, а иногда и истязать. Постепенно они выносили идею создания гарема, состоящего из женщин особого склада, красотой и умом отвечавших их высоким запросам. До встречи им некому было поведать свои тайны. И вдруг они нашли друг друга. Я пытался представить, каково это в возрасте двадцати одного — двадцати двух лет впервые встретить человека, с которым можно поговорить откровенно, кому можно довериться.

Эти двое играли в свои дьявольские игры, создавали гарем из красавиц, разыскивая их в Университетском треугольнике и по всему юго-востоку. Моя гипотеза родственных душ очень походила на правду. Они получали удовольствие от похищения и пленения красивых женщин. А еще они соперничали друг с другом. И соперничество это стало настолько серьезным, что Уиллу Рудольфу пришлось некоторое время действовать одному. В Лос-Анджелесе. Там он и стал Джентльменом-Ловеласом. Пытался отстоять свою независимость. Казанова, более консервативный относительно места пребывания, продолжал работать на Юге, но они общались. Рассказывали друг другу о своих подвигах. Не могли не поделиться. Подобные рассказы горячили им кровь. В конце концов, Рудольф пошел даже на то, чтобы обнародовать свои похождения с помощью журналистки из «Лос-Анджелес Таймс». Вкусил известности и славы, они ему льстили. «Казанова другой. Гордый одиночка. В каком-то смысле гений, — думал я, — творец».

И мне казалось, я догадался, кто он такой. Как будто увидел его без маски.

Я продолжал наблюдать за леденящими душу раскопками, и тревожные мысли не давали мне покоя. Они жгли огнем — того гляди обуглюсь, но теперь это не имело значения. Впрочем, мало что значило и раньше.

Казанова действует в своей зоне обитания, решил я. Он и сейчас скорее всего находится где-то в районе Дарема и Чепел-Хилла. С

Уиллом Рудольфом он познакомился в то время, когда была убита золотая парочка. До сих пор ему удавалось все продумывать до мельчайших подробностей. Но два дня назад он все же совершил ошибку. Это случилось во время перестрелки. Ошибка была совсем крошечная, но иногда и такой хватает... Я думал, что знаю, кто может быть Казановой. Но с ФБР своими догадками поделиться не мог. Я ведь был их «шальной пулей». Аутсайдером. Ну что ж, пусть так.

Мы с Кайлом Крейгом смотрели в одну сторону, туда, где в высоких густых зарослях травы и жимолости велись раскопки. «Братские могилы, — думал я, наблюдая за жутким процессом. — Братские могилы девяностых годов».

Лысоватый солдат высокого роста выпрямился в глубокой яме, вырытой в мягкой земле, и помахал длинными руками над блестящей от пота головой.

— Боб Шоу здесь! — выкрикнул он свое имя громким зычным голосом.

Если землекоп выкрикал себя по имени, это означало, что найден очередной женский труп. Целый корпус медэкспертов Северной Каролины тоже присутствовал при этих чудовищных раскопках, которые могут пригрезиться лишь в страшном сне. Один из них тут же помчался к землекопу такой забавной иноходью, что при других обстоятельствах мы с Кайлом не преминули бы похихикать. Медик подал Шоу руку и помог выбраться из могилы.

Телевизионная камера поползла на землекопа, солдата американской армии из Форт-Брэгга. Миловидную тележурналистку пришлось погуще загримировать прежде, чем выпустить перед объективом.

— Только что найдена жертва номер двадцать три, — объявила она с подобающей случаю скорбью. — До сих пор все обнаруженные жертвы оказывались молодыми женщинами. Зверские убийства...

Я отвернулся от компании телевизионщиков и судорожно вздохнул, представив себе, как дети, вроде моих Деймона и Дженни, будут смотреть эту передачу, сидя у себя по домам. Это мир, в котором они живут. Чудовища в человеческом образе бродят по земле, по большей части в Америке и Европе. Но почему? Вода плохая? Слишком высококалорийная пища? Не те передачи по субботам с утра передают по телевизору?

— Проваливай-ка домой, Алекс, — сказал мне Кайл. — Все кончено. Тебе его не поймать. Можешь мне поверить.

Глава 115

Никогда не говори «никогда». Это был один из моих профессиональных девизов. Я с головы до ног обливался холодным потом. Сердце словно взбесилось. Да или нет? Я должен был поверить, что да, именно так.

Я ждал в жаркой неподвижной мгле у маленького дощатого домика в даремском районе Эджмонт. Вполне обыкновенный район на Юге, заселенный представителями среднего класса. Симпатичные недорогие дома, американские и японские марки автомобилей, приблизительно поровну, аккуратно подстриженные газоны, знакомые кулинарные запахи. Вот где поселился Казанова и жил последние семь лет.

Весь вечер я провел в редакции газеты «Геральд сан». Перечитал все, что когда-то публиковалось о нераскрытых убийствах Ро Тирни и Тома Хатчинсона. Имя, упомянутое в «Геральд сан», помогло мне установить логическую связь и подтвердило подозрения и предчувствия. Сотни часов изнурительного расследования. Чтение и перечитывание отчетов даремской полиции. И наконец безумная догадка, благодаря единственной газетной строчке.

Имя было упомянуто в одной из далеко не центральных статей даремской газеты. И всего один раз. И все-таки я отыскал его.

Долго, не в силах оторваться, я смотрел на это знакомое имя, напечатанное в информационной колонке, вспоминал то, что бросилось в глаза во время перестрелки в Чепел-Хилле и переосмысливал схему «безупречных» убийств. Теперь все встало на свои места. Игра, матч, сет, бинго.

Всего один неверный ход совершил Казанова. Но случилось это на моих глазах. Имя на газетной полосе оказалось лишь подтверждением. Оно впервые наглядно связало Уилла Рудольфа и Казанову. Оно же объяснило мне, как они встретились и почему.

Казанова был психически здоров и полностью отвечал за свои поступки. Каждый шаг он планировал хладнокровно. И это было самое поразительное и страшное во всей длинной цепи преступлений. Он знал, что делает. Мерзавец, решивший посвятить себя похищениям

юных студенток. Посвятить свою жизнь бесконечным изнасилованиям и убийствам. У него была страсть владеть красивыми женщинами, «любить» их, как он говорил.

Ожидая подле дома в машине, я мысленно проводил допрос Казановы. Лицо его стояло у меня перед глазами так же ясно, как цифры на приборном щитке.

«— Вы не испытываете каких-либо чувств, так?»

— Вовсе нет, конечно, испытываю. Чувствую невероятный подъем. Оказываюсь на вершине блаженства, овладевая новой женщиной. Переживаю различную градацию возбуждения, предвкушения, животной похоти. Окунаюсь с головой в невероятное ощущение свободы, которое не дано испытать большинству людей.

— А чувство вины? — Я как будто воочию увидел ухмылку на его лице. Эту ухмылку мне уже приходилось видеть и раньше. Я знал, кто он такой.

— Мне никогда не доводилось испытать чувство, которое заставило бы меня прекратить начатое.

— Вас баловали в детстве? Любили ли вы своих родителей, а они вас?

— Пытались. Но детства как такового у меня не было. Я не помню, чтобы вел себя или мыслил, как ребенок».

Я снова следовал образу мыслей монстров. Я воплотился в чудовище-убийцу, что было мне отвратительно. Я ненавидел эту свою ипостась. Но остановить перевоплощение был уже не в состоянии.

Я находился у даремского дома Казановы. В душе тихо позванивали колокольчики страха. Я ждал четыре ночи подряд.

Без напарника. Без прикрытия.

Ну и что? Я так же осторожен, как и он.

Теперь на охоту вышел я.

Глава 116

У меня резко, болезненно перехватило дыхание и слегка закружилась голова. Вот он!

Казанова выходил из дома. Я жадно вглядывался в его лицо, следил за каждым движением. Он абсолютно, непререкаемо уверен в себе.

Следователь Дэйви Сайкс вышел из дома и направился к своей машине в начале двенадцатого четвертой ночи моего бдения. Сложения он был мускулистого, атлетического. Одет в джинсы, темную ветровку и высокие кроссовки. Машину свою — десятидвенадцатилетнюю «тойоту-крессида» — он держал в гараже.

По всей видимости, этот седан он использовал как патрульный автомобиль, как личное средство передвижения для тайных прогулок. «Безупречные» преступления. Да, Дэйви Сайкс был специалистом высшего класса. Работал следователем по особо важным делам уже более десяти лет. Он знал, когда в расследовании участвует ФБР, оно проверяет каждого местного полицейского, и готов был представить самое «безупречное» алиби. Даже переносил дату похищения, чтобы не находиться в этот день в городе и «доказать» тем самым свою непричастность.

«Неужели Сайкс отважится теперь похитить еще одну женщину, — думал я. — Может быть, уже успел за кем-нибудь поохотиться, кого-то выследить? Какие чувства он сейчас испытывает? О чем думает в эту минуту, — гадал я, следя за тем, как темная „тойота“ выезжает задним ходом с подъездной дороги на окраине Дарема. Тоскует ли по Рудольфу? Станет ли продолжать их любимую игру или все-таки остановится на этом? Способен ли он остановиться?»

Мне отчаянно хотелось схватить его. Еще в самом начале этого расследования Сэмпсон сказал, что оно для меня чересчур личное. Он был прав. Не было никогда в моей жизни дела настолько личного, как это.

Я пытался мыслить, как он. Стремился влезть в его шкуру. Подозревал, что он уже наметил себе очередную жертву, хотя не

отваживался до сей поры напасть на нее. Опять красивая умная студентка? А может быть, он решил нарушить традицию? Я сомневался. Слишком он любил свой образ жизни, оберегал сотворенный им мир.

Я следовал за чудовищем в человеческом образе по темным безлюдным улицам юго-западного Дарема. Кровь настойчиво стучала в висках, заглушая все остальные звуки. Фары я не включал до тех пор, пока Дэйви Сайкс ехал по закоулкам. Может быть, он просто решил подкупить сигарет и пива в супермаркете?

Мне казалось, я наконец понял, что произошло в восемьдесят первом году, разрешил загадку убийства золотой парочки, потрясшего университетские круги здесь и в Чепел-Хилле. Уилл Рудольф, еще будучи студентом, задумал и совершил зверское сексуальное убийство. Он «влюбился» в Ро Тирни, но ее интересовали лишь звезды футбола. Следователь Сайкс допрашивал Рудольфа во время расследования по этому делу.

Настало время, когда он решил поделиться своими грязными тайными мыслями и чувствами со способным студентом-медиком. И они познакомились, узнали друг друга ближе. Поняли, прочувствовали. Обоим неудержимо хотелось поведать кому-нибудь о своих тайных страстях. И они нашли друг друга. Близнецы-братья. Родственные души.

А теперь я убил его единственного друга. Намерен ли Дэйви Сайкс уничтожить меня за это? Знает ли он, что я слежу за ним? О чем он думает в этот момент? Мне хотелось не просто поймать его. Я страстно желал заполучить его мысли.

Казанова свернул на Сороковое шоссе и поехал по направлению к югу, в сторону Гарнера и Маккаллера, следуя дорожным бело-зеленым знакам. На этом шоссе движение было довольно активное, и мне удавалось следовать за ним на безопасном расстоянии, оставляя между нами машины четыре-пять. Ну что ж, любопытно. Следователь против следователя.

Он свернул с шоссе на Тридцать пятом съезде с черно-белым указателем: Маккаллерс. Проехал чуть более тридцати миль. Было 11.30 ночи. Дело к полуночи.

Я собирался во что бы то ни стало взять его этой ночью. Никогда такого со мной не случалось, за все долгие годы работы следователем

по уголовным делам в Вашингтоне.
Это дело было для меня личным.

Глава 117

В миле от Сорок первого съезда с неприметной боковой дороги выскочил на шоссе «форд». Появился совершенно неожиданно и к счастью для меня. Бестолковый красный пикап вклинился между мной и Сайксом, обеспечив мне некоторое прикрытие. Не слишком надежное, но вполне достаточное еще на несколько миль.

«Тойота» съехала с главной дороги, не доезжая пары миль до Маккаллера. Сайкс припарковал машину на забитой до отказа стоянке у бара под названием «Спортс Пейдж паб». Еще один ничем не приметный автомобиль.

Что же давало ему возможность оставаться вне подозрений и почему в моем списке подозреваемых значился даже Кайл Крейг? Казанове заранее было известно, что предпримет полиция. Наверняка он похищал некоторых женщин, являясь за ними в качестве полицейского. Следователь Дэйви Сайкс! Именно он вполне профессионально участвовал в нашей уличной перестрелке в Чепел-Хилле. И я знал, что под маской Казановы скрывается полицейский.

Перечитывая газетные статьи об убийстве золотой парочки, я наткнулся на его имя. Сайкс был молодым начинающим сыщиком в группе расследования. Он допрашивал тогда студента по имени Уилл Рудольф, но никогда ни словом не обмолвился ни об этом, ни о том, что познакомился с Рудольфом в восемьдесят первом году.

Я проехал мимо «Спорте Пейдж паб» и встал на обочине сразу за следующим поворотом. Тут же вышел из машины и отправился напрямиком в бар. Поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дэйви Сайкс переходит на другую сторону шоссе.

Казанова шел по обочине перекрестной с шоссе дороги, засунув руки в карманы брюк. Шел как ни в чем не бывало, как будто жил здесь поблизости. «Держишь в одном из глубоких карманов пистолет с глушителем, приятель? Чувствуешь знакомый зуд в одном месте? Тебя снова разбирает?»

Оказавшись в сосновом бору, Сайкс прибавил шагу. Для такого крупного мужчины он двигался довольно быстро и вполне мог оставить меня далеко позади. А чья-то жизнь в этом мирном поселке,

вероятно, теперь висит на волоске. Очередная Липучка Кросс или Кейт Мактирнан. Я вспомнил слова Кейт: «Забей ему кол в сердце, Алекс».

Я достал из кобуры под мышкой «глок» 9-го калибра. Легкий. Надежный. Полуавтоматический. Двенадцать смертоносных пуль. Я так крепко сжимал зубы, что челюсть ныла. Снял предохранитель. Готовился брать Дэйви Сайкса.

Надо мной зловеще нависали раскидистые сосновые ветви. Впереди на фоне полной бледно-желтой луны чернел дом с двухскатной крышей. Я быстро шел по мягкому ковру из сосновых иголок. Шел бесшумно. С его скоростью, в его ритме. Я перевоплотился в монстра.

По мере приближения к дому Казанова ускорял шаг. Он знал, куда идет. Он здесь уже бывал. Бывал, чтобы выяснить обстановку, выследить жертву и схватить ее без лишнего шума.

Я бросился к дому бегом. И вдруг потерял его из виду. В какую-то долю секунды он исчез. Может быть, вошел внутрь?

В доме тускло светило лишь одно окно. Если я не выстрелю в него, мое сердце взорвется. Я держал палец на спусковом крючке.

Забей кол ему в сердце, Алекс!

Глава 118

Хватай Сайкса.

Подбегая к скрывавшемуся в темноте и зыбких ночных тенях заднему крыльцу, я старался взять себя в руки, охладить пыл. Из дома доносилось тихое жужжание кондиционера. На белой входной двери я заметил табличку: «Пеку пирожные „Герлскаут“».

Еще одну красотку нашел себе здесь и теперь собирался до нее добраться. Этого зверя ничто не может остановить.

— Привет, Кросс. Бросай-ка свою пушку. И не суетись, дерьмо собачье, — раздался из темноты за моей спиной низкий голос.

Я инстинктивно зажмурился, опустил пистолет и бросил его на травяной газон, засыпанный сосновыми иголками. Чувствовал себя словно сорвавшийся с тросов лифт.

— А теперь повернись, сукин сын. Упрямый ублюдок.

Я повернулся и посмотрел в лицо Казановы. Вот он стоит передо мной, совсем близко — руку протянуть. В грудь мне направляет дуло полуавтоматического браунинга.

«Размышлять некогда, — думал я, — надо действовать по наитию». Я подогнул левую ногу и сделал вид, что споткнулся. А затем нанес Сайксу молниеносный удар в голову, в висок. Удар был точный, сокрушительный, боксерский.

Сайкс упал на одно колено, но тут же поднялся. Я схватил его за полы куртки и швырнул о стену дома. Рука у него хрустнула, ударившись о доски, и пистолет вылетел из пальцев. Я резко оттолкнулся от земли обеими ногами и снова бросился на него. На мгновение возникло ощущение старой доброй уличной драки. Этого мне и хотелось. Все тело ныло от желания физической расправы и облегчения вслед за ней.

— Шевелись, ублюдок, — подзуживал он. Тоже, вероятно, не терпелось со мной расправиться.

— Не волнуйся, — сказал я. — Я шевелюсь.

В доме вспыхнул свет еще в одном окне.

— Кто там? — Женский голос застал меня врасплох. — Кто там, отзовитесь.

Он размахнулся и нанес удар — наотмашь. Быстро и точно. Он и драться умел, не только трахаться. Я помнил, как Кейт говорила, что он невероятно силен. Но долго восхищаться его ловкостью я был не намерен.

Следующий удар пришелся по плечу, и оно сразу онемело. И вправду силен как бык. «Не давай ему пользоваться своей силой, — наставлял я себя, — бей сам. Бей как следует».

Я заделал ему стоящий апперкот ниже пояса и вспомнил о Кейт, о том, каким избиениям она подвергалась за непослушание. Вспомнил и то, что натворили с ней в последний раз.

И тогда я снова засадил ему правой в живот. Плоть под кулаком была мягкой, как тесто. Попал куда надо. Сайкс застонал и согнулся, как проигравший боксер. Но это был лишь фокус, обманный ход.

Удар пришелся мне в висок. Засандалил по первому разряду. Но я только хмыкнул и попрыгал, чтобы показать ему, что жив и здоров. Уличная драка в стиле Вашингтона. Давай, белый. Подходи, чудовище. Как долго и страстно желал я подобной встречи.

Я снова ударил туда же, ниже пояса. Убьешь тело — умрет голова. Но мне хотелось и голову ему расколошматить. И с этой целью я звезданул ему в нос. Это было до сей поры лучшее мое достижение. Сэмпсону понравилось бы. Мне тоже.

— Это за Сэмпсона, — процедил я сквозь стиснутые зубы. — По его просьбе. Передаю из рук в руки.

Затем я ударил его в горло, и он задохнулся. Я продолжал подпрыгивать, как боксер на ринге. Я не только похож был на Али, но и драться мог, как он, когда надо. Я способен защитить то, что стоило защищать. И если требовалось, я превращался в уличного хулигана.

— А это за Кейт. — Я снова угодил ему прямехонько в нос. Затем в левый глаз — и опять-таки точное попадание. Лицо его уже распухло так, что любо-дорого было смотреть. *Забей кол ему в сердце, Алекс.*

Он был силен, в хорошей форме и все еще опасен. Я понимал это и не ошибся. Он снова бросился на меня. Разъяренный, словно бык на корриде. Я отступил в сторону, и он врубился кулаком в стену дома, как будто хотел снести его. Маленький домик заходил ходуном.

Я наотмашь саданул Сайкса в висок. Он так стукнулся затылком об алюминиевую обшивку досок, что оставил в ней вмятину. Теперь он уже шатался, дыхание стало прерывистым. Внезапно вдалеке

послышался вой сирен. Вероятно, женщина в доме вызвала полицию. А я что, разве не полиция?

Кто-то ударил меня сзади, и ударил не слабо.

— О Господи, это еще что? — застонал я и затряс головой, пытаюсь прийти в себя.

Кто меня ударил? За что? Я не мог сообразить, голова была словно в тумане.

Я едва держался на ногах, но все же обернулся.

Передо мной стояла кудрявая блондинка в огромного размера футболке с надписью «Кухарка». В руках у нее была лопата, которой она меня и огрела.

— Оставь в покое моего друга, — визжала она. Лицо и шея у нее густо покраснели от ярости. — Отстань от него, а то я тебе снова врежу! Не трогай моего Дэйви!

«Моего Дэйви»?.. Господи! Голова у меня кружилась, но я уловил смысл. Во всяком случае, так мне показалось. Дэйви Сайкс явился сюда на свидание со своей подружкой. Он ни за кем не охотился. Никого не собирался убивать. Он приятель этой кухарки.

«Может быть, я потерял способность соображать, думал я, — пятась от Сайкса. — Может, у меня мозги отшибло и я впал в беспамятство? А может быть, со мной случилось то, что бывает с каждым следователем по уголовным делам — перетрутился, изработался вконец?» Я дал маху. Ошибся насчет Дэйви Сайкса. Только как это все-таки могло случиться?

Кайл Крейг прибыл к дому в Маккаллерсе через час. Как всегда спокойный, такого ничто не проймет. Со мной он разговаривал, как с больным.

— У следователя Сайкса уже больше года роман с женщиной, живущей в этом доме. Нам об этом известно. Следователь Сайкс вне подозрений. Он не Казанова. Отправляйся домой, Алекс. Немедленно отправляйся домой. Ты здесь все свои дела закончил.

Глава 119

Домой я не поехал. Отправился навестить Кейт в Медицинский центр Дьюк. Выглядела она плохо: бледная, изможденная, худая как щепка. И чувствовала себя, вероятно, неважно. И все же состояние ее улучшилось, и значительно. Она вышла из комы.

— Гляньте-ка, кто проснулся, — сказал я, входя к ней в палату.

— Ты разделался с одним из негодяев, Алекс, — прошептала Кейт, увидев меня. Улыбка была слабая, и говорила она медленно, запинаясь. Это была Кейт, но не совсем на себя похожая.

— Тебе это приснилось? — спросил я.

— Ага. — Она улыбнулась снова, на этот раз знакомой мне милой улыбкой. Но говорила медленно, ох как медленно. — Наверное.

— Я принес тебе маленький подарочек. — Я протянул ей плюшевого медвежонка, одетого в белый врачебный халат.

Она все с той же улыбкой взяла медвежонка. Эта волшебная улыбка делала ее вновь похожей на себя.

Я наклонился и поцеловал ее перебинтованную голову так бережно, как будто это был самый прекрасный на земле цветок. Между нами проскочили искры, не похожие на прежние, но самые, вероятно, яркие.

— Я так скучал по тебе, что не могу выразить это словами, — прошептал я ей на ухо.

— А ты вырази, — шепнула она в ответ и снова улыбнулась. Мы улыбались теперь оба. Речь ее была замедленна, но не разум.

Десять дней спустя Кейт уже стояла при помощи нелепых четырехногих металлических ходунков. Она жаловалась, что терпеть не может эту механическую штуковину, и грозилась в ближайшее время от нее избавиться, что на самом деле произошло лишь через четыре недели, но и то считалось чудом.

Слева на лбу у нее осталась от побоев вмятина, но Кейт отказывалась от косметической операции, считала, что этот дефект подчеркивает ее индивидуальность.

В некотором роде так оно и было. Верная себе, истинная Кейт Мактирнан.

— Никуда не денешься, теперь эта вмятина — часть моей жизни, — говорила она. Речь ее почти вернулась к норме и улучшалась с каждым днем.

Глядя на след на лбу Кейт, я вспоминал Реджинальда Денни, водителя грузовика, зверски избитого во время лос-анджелесских беспорядков. Я помнил, как он выглядел после того, как его отделал Родни Кинг. У него был жуткий вид, голова практически проломлена с одной стороны. Точно так же он выглядел, когда я увидел его год спустя по телевизору. А еще мне вспоминался рассказ Натаниеля Готорна ^[34] под названием «Родимое пятно». Вмятина стала единственным телесным изъяном Кейт. Однако благодаря ему, на мой взгляд, Кейт теперь еще красивее и необыкновеннее, чем раньше.

Почти весь июль я провел дома, в Вашингтоне, с семьей. Дважды ездил ненадолго в Дарем повидаться с Кейт, но это, пожалуй, все. Сколько отцов выкраивают по месяцу, чтобы провести его со своими детьми, пытаюсь галопом догнать их и собственное детство? Тем летом Деймон и Дженни учились играть в бейсбол, но это не мешало им по-прежнему сходить с ума по музыке, бегать в кино, переворачивать все вверх дном и объедаться шоколадом, чипсами и пирожными. Примерно неделю, пока я приходил в себя и пытался забыть недавнее прошлое, проведенное в преисподней, они спали по ночам вместе со мной на стеганом лоскутном одеяле.

Я опасался, что Казанова бросится за мной и попытается уничтожить в отместку за убийство лучшего друга, но он пока не объявлялся. В Северной Каролине женщин больше не похищали. Теперь было совершенно очевидно, что он не Дэйви Сайкс. Проверили по всем статьям полицейских, работавших в самых разных районах, включая его напарника Ника Раскина и даже шефа полиции Хэтфилда. У всех были алиби и все оказались ни при чем. Так кто же тогда Казанова, черт побери? Может быть, он собирался просто-напросто исчезнуть, как его знаменитый подземный дом? Ускользнуть безнаказанным после всех своих зверских убийств? А может быть, решил сделать паузу?

У моей бабушки по-прежнему имелись для меня в запасе целые тома самых разнообразных психологических полезных советов. Большинство из них касалось сферы моих взаимоотношений с женщинами и возвращения к нормальной жизни, хотя бы для

разнообразия. А еще она уговаривала меня заняться частной практикой, чем угодно, только уйти из полиции.

— Детям нужна бабушка и мать, — вещала мама Нана со своих подмоетков у плиты, готовя как-то утром завтрак.

— Значит, я должен отправиться на поиски матери для Деймона и Дженни? Ты это хочешь сказать?

— Да, именно, Алекс. И думаю, надо сделать это до того, как ты навсегда расстанешься с молодостью и мужской привлекательностью.

— Отправляюсь немедленно, — пообещал я. — Этим же летом доставлю жену и мать.

Мама Нана шлепнула меня кулинарной лопаточкой. А потом еще разок для пущей верности.

— Не умничай.

Последнее слово всегда оставалось за ней.

Однажды в конце июля около часу ночи зазвонил телефон. Нана с детьми уже спали. Я поигрывал на пианино кое-что из джаза, развлекая нескольких зевак на Пятой улице импровизациями из Майлза Дэвиса и Дэйви Брубэка.

Звонил Кайл Крейг. Я застонал, услышав его невозмутимый голос вестового.

Я, конечно, предполагал, что ничего хорошего он мне не сообщит, но такого рода плохих новостей никак не ожидал.

— Что там стряслось, черт тебя побери. Кайл? — спросил я, с ходу попытавшись обратить неожиданный ночной звонок в шутку. — Я ведь просил тебя больше мне не звонить.

— Пришлось, Алекс. Ты должен знать. — Голос звучал издали — явно междугородная линия. — А теперь слушай меня внимательно.

Кайл разговаривал со мной полчаса, и услышал я нечто неожиданное. То, что он сообщил, было хуже, гораздо хуже всех моих предположений.

Положив трубку после разговора с Кайлом, я вышел на веранду. Сидел там долго и думал, как быть. Сделать я ничего не мог. Совсем ничего.

— Конца этому не предвидится, — шептал я стенам своего дома. — Правда?

А потом я встал и пошел за пистолетом. Терпеть не могу носить его при себе дома. Проверил все окна и двери и отправился спать.

Лежа в постели в своей комнате, я снова и снова слышал страшные пророческие слова Кайла. Повторял про себя его жуткую весть. Перед глазами стояло лицо, которое я не желал больше видеть. Я помнил все.

«Гэри Сонеджи убежал из тюрьмы, Алекс. И оставил записку. В ней говорится, что он тебя из-под земли достанет».

Этому нет конца.

Я лежал в постели и думал о том, что Гэри Сонеджи по-прежнему намерен меня убить. Он сам мне это говорил. А в тюрьме у него хватило времени обдумать, как, когда и где привести приговор в исполнение.

В конце концов, я заснул. Уже рассветало. Начинался следующий день. Это и в самом деле никогда не кончится.

Глава 120

Оставались две загадки, которые требовали разрешения или, по меньшей мере, тщательного изучения. Первая — Казанова, и кто он таков. Вторая — мы с Кейт, и что с нами будет.

В конце августа мы поехали в Аутер-Бэнкс в Северной Каролине. Провели шесть дней неподалеку от живописного городка под названием Нэгз-Хед.

Неуклюжими металлическими ходунками Кейт уже не пользовалась, но старомодную ореховую палку с набалдашником временами брала с собой на прогулку. Эту крепкую палку она использовала для упражнений по каратэ, которыми занималась по большей части на пляже: с удивительным проворством и ловкостью вращала ее вокруг туловища и головы.

Глядя на Кейт, мне казалось, что она излучает свет. Она практически полностью вернула былую форму. И лицо стало почти прежним, если не считать отметки над виском.

— Она наглядное свидетельство моего упрямого нрава, — говорила Кейт, — и такой я останусь до самой смерти.

То была во всех отношениях замечательная пора. Сплошная идиллия. Мы с Кейт понимали, что заслужили отдых — и даже более длительный.

Каждое утро мы завтракали вместе на веранде, сколоченной из длинных, покрашенных серой краской досок и выходившей на сияющий в солнечных лучах Атлантический океан. Готовили завтрак по очереди, но по-разному: я, стоя у плиты, а она ходила в магазин в Нэгз-Хед и приносила оттуда свежие булочки или баварские пончики с кремом. Мы подолгу гуляли вдоль берега моря. Ловили в прибое тунца и жарили его тут же на пляже. А иногда просто смотрели на сверкающие белизной патрульные катера. Съездили на целый день в Национальный парк Джокиз-Ридж посмотреть на ненормальных, рискующих сломать себе шею планеристов, прыгавших с вершин высоких дюн.

Мы ожидали появления Казановы. Надеялись, что он явится. До сих пор он не показывался, судя по всему, не проявлял к нам интереса.

Я вспомнил книгу и фильм «Властитель судеб». Мы с Кейт были чем-то похожи на Тома Уинго и Сьюзан Ловенстайн, связанные совсем иными, но не менее крепкими узами. Ловенстайн вызвала в Томе скрытое стремление любить и быть любимым, как мне помнится. Мы с Кейт старались узнать друг о друге самое сокровенное, и оба преуспевали в этом.

Однажды ранним августовским утром мы зашли глубоко в чистое, прозрачное, голубое море, плескавшееся совсем рядом с нашим домом. Большинство любителей позагорать и поплавать еще спали. Одинокий бурый пеликан скользил по волнам.

Мы стояли в воде и держались за руки. Красота вокруг была писаная, словно на открытке. Так почему же меня не покидало такое чувство, будто вместо сердца в груди огромная зияющая рана? Почему я не мог выкинуть из головы Казанову?

— У тебя дурные мысли. — Кейт шутливо толкнула меня бедром. — Ты ведь в отпуске. Значит, мысли тоже должны быть отпускные.

— На самом деле мысли у меня вполне приличные, но чувства они вызывают просто отвратительные, — признался я.

— Эту дурацкую песню я наизусть знаю, — сказала она и обняла меня в доказательство того, что во всем этом со мной заодно.

— Давай пробежимся. Наперегонки до Кокин-Бич, — предложила она. — На старт, внимание, приготовься проиграть.

Мы побежали. Кейт даже не прихрамывала. Бежала легко, задорно. Сильная она была во всех отношениях. Нам обоим сил хватало. Под конец мы уже бежали во весь дух и повалились в серебристо-голубую волну прибоя. «Не хочу терять Кейт, — думал я на бегу. — Не хочу, чтобы это кончалось. Не могу ничего с собой поделаться».

Однажды теплым субботним вечером мы лежали на берегу, на старом индейском одеяле, и нас обдувал легкий морской ветерок. Говорили сразу обо всем. Мы уже поужинали жареной уткой с черничной подливой собственного приготовления. На Кейт была майка с надписью «Верь мне, я — доктор».

— Мне тоже не хочется, чтобы это кончалось, — сказала Кейт и глубоко вздохнула. А потом добавила: — Алекс, давай поговорим о

причинах, по которым, как нам кажется, всему этому должен наступить конец.

Я покачал головой и улыбнулся ее прямолинейности.

— На самом деле конца этому не будет, Кейт. Такие счастливые дни будут перепадать снова и снова, как сокровище, которое время от времени находишь.

Кейт схватила меня за руку и, стиснув изо всех сил, пытливо посмотрела на меня своими бездонными карими глазами.

— Тогда почему это должно закончиться здесь? Некоторые причины, хотя и не все, нам обоим были известны.

— Слишком мы похожи. Ужасно рассудочны. Так все можем разложить по полочкам, что приведем как минимум с полдюжины причин неудачи. Мы упрямы и настойчивы. Думаю, далеко зайдём, — сказал я полушутя.

— Все, что ты говоришь, очень похоже на самовнушение.

Но мы оба знали, что я прав. Горькая правда. Бывает такая штука? Думаю, да.

— Наверное, мы и вправду можем далеко зайти, — сказала Кейт с улыбкой. — А после уже даже дружить не станем. Но я и думать не желаю об этом. Наша дружба — часть моей жизни, и я не в силах пока, отважиться на такую огромную потерю.

— Мы слишком оба сильны физически. Ненароком убьем друг друга. — Мне хотелось хоть как-то разрядить обстановку.

Она еще крепче прижалась ко мне.

— Не надо шутить над этим. И не заставляй меня смеяться, Алекс, дуралей. Пусть эта минута будет печальной. Я даже заплакать могу, так она печальна. Уже плачу. Видишь?

— Конечно, она печальна, — сказал я. — Самая печальная из всех.

Мы до самого утра лежали в обнимку на колючем шерстяном одеяле. Засыпали под взглядом звезд и под мерный рокот Атлантического океана. Этой ночью в Аутер-Бэнксе все казалось окутанным пеленой вечности. Почти все.

Задремав, Кейт внезапно проснулась и посмотрела на меня.

— Алекс, он ведь снова следит за нами, правда? Точно я не знал, но замысел был именно таков.

Глава 121

Тик-трах.

Тик-трах.

Тик-трах.

Он по-прежнему не мог избавиться от мыслей о Кейт Мактирнан. Только теперь мысли эти вызывали гораздо более сложные и тревожные чувства, чем сама по себе доктор Кейт и ее участь. Она и Алекс Кросс сговорились уничтожить его уникальное творение, его бесценное произведение искусства, созданное только для себя, — его жизнь, такую, какой она была. Почти все, что было ему когда-либо дорого, безвозвратно погибло или разрушено. Час расплаты настал. Пришло время покончить с ними раз и навсегда. Показать им свое истинное лицо.

Казанова понимал, что больше всего на свете скорбит о потере единственного друга. В конце концов, это ли не свидетельство здравости его ума? Он способен любить, способен чувствовать. Не веря собственным глазам, он смотрел, как Алекс Кросс стреляет в Уилла Рудольфа на улице в Чепел-Хилле и как тот падает. Рудольф стоил десяти таких, как Алекс Кросс, а теперь он мертв.

Рудольф обладал необыкновенным талантом. Он был Джекилом и Хайдом одновременно, но лишь Казанове дано было оценить эти обе его ипостаси. Ему приходили на память годы, проведенные вместе, и он не мог заставить себя забыть их. Они оба остро чувствовали всю несравненную сладость запретного плода, тайную прелесть недозволенных удовольствий. Именно эта пагубная страсть заставляла их охотиться за умными, красивыми и талантливыми женщинами и коллекционировать их, именно она привела их к длинной череде убийств. Невероятное, ни с чем не сравнимое наслаждение от нарушения священных запретов, наложенных обществом, от претворения в жизнь сокровенных фантазий влекло и того и другого непреодолимо. Более острых ощущений невозможно было себе представить. С ними сравним лишь сам процесс охоты: выбор красивой женщины, слежка за ней и, наконец, обладание ею.

Но Рудольфа больше нет. Казанова не просто остался один, он вдруг познал страх одиночества. Ему казалось, будто от него отсекали половину. Надо обрести уверенность в себе, снова стать хозяином положения. Именно этим он теперь и занимался.

Надо отдать должное Алексу Кроссу. Он подобрался к нему уже совсем близко. Интересно, понимает ли он это сам? Знает ли, насколько близок? Алекс одержим желанием раскрыть преступление и этим превосходит всех остальных преследователей. Пока жив. Кросс не отступится.

Кросс соорудил в Нэгз-Хеде прелестную ловушку для него? Без сомнения, Кросс предполагал, что он обязательно бросится вслед за ним и Кейт Мактирнан, так почему бы не воспользоваться его идеей, перехватив инициативу? В самом деле, почему бы нет?

В ночь, когда он появился в Аутер-Бэнксе, луна была почти полной. Казанова заметил на дюне, поросшей высокой волнистой травой, двоих. Это были фэбээровцы, которым поручено следить за Кроссом и доктором Кейт. Самые лучшие отборные охранники.

Он включил фонарь, чтобы эти двое заметили его приближение. Да, он везде свой, и в этом тоже гениальность его замысла, впрочем, лишь малая толика ее.

Подойдя достаточно близко, чтобы можно было расслышать, Казанова окликнул агентов:

— *Эй, это я.*

Он поднял фонарь к лицу. Пусть посмотрят, увидят, что это он.

Тик-трах.

Глава 122

Была моя очередь готовить завтрак, и я решил проявить демократизм — добавить к своему снискавшему дурную славу сыру «Монтрей-Джек» и омлету с луком любимые сдобные булочки Кейт.

Я решил пробежаться до маленькой и безумно дорогой булочной в Нэгз-Хеде и обратно. Бег трусцой иногда помогает сосредоточиться.

Я бежал по извилистой дорожке, заросшей по обе стороны высокой волнистой травой и спускавшейся с дюны на асфальтированную дорогу, которая, огибая болота, тянулась до самого города. Стоял один из последних прекрасных дней лета.

На бегу я постепенно отвлекался от тревожных мыслей. Своего охранника, распластавшегося на земле, я заметил не сразу.

Блондин в синей ветровке и пятнистых военного образца брюках лежал, раскинувшись, в высокой траве прямо у дороги. Скорее всего у него была сломана шея. Умер он совсем недавно. Тело еще не остыло, когда я пытался нащупать пульс.

Погибший был из ФБР. Профессионал, такого голыми руками не возьмешь. Его поставили сюда следить за мной и Кейт, помочь в поимке Казановы. Предложил это Кайл Крейг, и мы с Кейт согласились.

— О Господи, только не это, — простонал я и, выхватив пистолет, помчался обратно к дому, где осталась Кейт. Она была теперь в страшной опасности. Оба мы были в опасности.

Я попытался думать, как Казанова, сообразить, что он станет делать дальше, на что способен. Ясно, что оборона вокруг дома прорвана.

Как же ему это удастся? Кто он такой, будь трижды проклят? С кем я тягаюсь?

Я не ожидал увидеть второе тело и чуть не споткнулся о него. Оно было скрыто в высокой густой траве. Этот агент тоже был одет в синюю ветровку. Он лежал на спине, рыжие волосы не растрепаны. Никаких признаков борьбы. Неподвижный взор устремлен на паривших над головой чаек и ярко-желтый солнечный диск. Второй телохранитель из отряда ФБР мертв.

Меня охватила паника. Я несся как сумасшедший навстречу тугому ветру, сквозь высокую волнистую траву к дому на берегу. Дом казался спокойным и безмятежным, каким был, когда я уходил.

Я был почти уверен, что Казанова уже там. Он охотился на нас. Настало время расплаты. Он надеялся получить ее сполна. И проделать это безупречно. А может быть, просто хотел отомстить за Рудольфа?

С пистолетом наготове я осторожно открыл входную застекленную дверь. В гостиной как будто никого. Тишину нарушало только назойливое жужжание старого холодильника в кухне.

— Кейт! — заорал я во все горло. — Он здесь! Кейт! Он здесь! Казанова здесь!

Я помчался через гостиную к спальне на первом этаже и рывком распахнул дверь.

Ее там не было.

Кейт не было там, где я оставил ее всего несколько минут назад.

Я снова метнулся в прихожую. Внезапно открылась дверь шкафа, оттуда показалась рука и схватила меня.

Я резко обернулся.

Кейт. На лице ее была написана твердая решимость и откровенная ненависть. Страха в глазах я не увидел. Она приложила палец к губам.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептала она. — Со мной все в порядке, Алекс.

— Со мной тоже. Пока.

Стараясь шагать бесшумно и нога в ногу, мы направились в сторону кухни, к тому месту, где находился телефон. Мне надо было немедленно вызвать полицию из Кейп-Хэттераса, а они связались бы с Кайлом и ФБР.

В узкой прихожей было темно, и я слишком поздно заметил блеск стали. Резкая боль пронзила меня, когда длинная игла пропорол левую сторону груди.

Превосходный был выстрел. В самое яблочко. Он стрелял в меня из электрошокового пистолета «тензор» новейшей системы.

Мощный электрический поток разливался по телу. Сердце затрепыхалось. Я почувствовал резкий запах собственной горелой плоти.

Не знаю, как это получилось, но я бросился на него. В том-то вся загвоздка с электрошоковым оружием, даже таким дорогим, как «тензор», мощностью в восемьдесят тысяч вольт. Им не всегда удается сразу свалить крупного мужчину. Особенно сдвинутого на чувстве долга.

Сил у меня оставалось немного. На Казанову их точно не хватало. Ловкий и сильный убийца сделал мне подножку и изо всех сил врезал по шее. Вторым ударом он поставил меня на колени.

На этот раз на нем не было маски.

Я поднял голову и посмотрел на него. У него была светлая борода, как у Гаррисона Форда в начале фильма «Беглец». Зачесанные назад русые волосы отросли. Прическа потеряла былую безукоризненность. Он, видно, меньше следит за собой. Скорбит о своем лучшем друге?

Без маски. Хочет, чтобы я увидел, кто он такой. Его карты раскрыты.

Вот он, Казанова, наконец. Я был недалек от истины, подозревая Дэйви Сайкса. Не сомневался, что это кто-то из даремской полиции. Чувствовал, что он должен был участвовать в расследовании по делу об убийстве золотой парочки. Но он сумел замести все следы. Устраивал себе такие алиби, что просто невозможно было заподозрить.

Я смотрел в бесстрастное лицо следователя Ника Раскина.

Раскин был Казановой. Раскин был чудовищем.

— Я могу делать все, что пожелаю! Не забывай об этом. Кросс, — сказал мне Раскин.

Он достиг совершенства в своем искусстве перевоплощения. Надел на себя личину лихого детектива, растворился в этом образе, создал себе безукоризненную маску. Местная звезда, местный герой. Тот, кто вне подозрений.

Я лежал парализованный электрошоком, а он сделал шаг к Кейт.

— Я скучал по тебе, Кэти. А ты? — Он залиvisto рассмеялся. И все же в глазах его светилось безумие. В конце концов выдержка и благородие оставили его. Может быть, оттого, что умер его «двойник»? — Ну скажи, ты скучала по мне? — повторил он, подходя к ней с мощным парализующим «тензором» в руке.

Кейт не ответила на вопрос. Вместо ответа она бросилась на Казанову. Давно ждала этого момента.

Стремительный удар ногой по правому плечу выбил из протянутой руки Ника Раскина пистолет. Превосходный удар. Прямо в цель. Ударь его еще раз и беги отсюда, хотелось мне крикнуть Кейт.

Но говорить я еще не мог. Ничего не получалось, как ни пытался. А вот приподняться на одном локте мне все же удалось.

Кейт атаковала решительно и бесстрашно, как во время тренировок на пляже. Казанова был мужчиной крупным и недюжинной силы, но сила Кейт, порожденная гневом и ненавистью, не уступала его мощи. «Пусть попробует сунуться, посмотрим, кто кого», — сказала она однажды.

Кейт действовала молниеносно, дралась великолепно, даже лучше, чем я мог предположить.

Следующего удара я не видел. Раскин оказался ко мне спиной. Я видел только, как внезапно его голова откинулась и длинные волосы рассыпались по плечам. Он с трудом устоял на ногах. Видимо, как следует досталось.

Кейт развернулась и ударила снова. Молниеносный удар обрушился на левую половину лица. Молодец, Кейт, хотелось мне крикнуть ей. И все-таки этот удар его не остановил. Он был неугомонным и упрямым. Но и она тоже.

Раскин бросился к ней, и Кейт снова его ударила. Левая щека его превратилась в сплошное месиво.

Она с силой выбросила кулак, удар пришелся ему в нос, и он рухнул. Раздался громкий стон. Он был повержен. Не мог подняться с пола. Кейт победила.

И тут сердце мое гулко заколотилось в груди. Я заметил, как Раскин потянулся к кобуре на лодыжке. Казанова не собирался никому проигрывать, тем более женщине.

Пистолет чудом появился у него в руке, словно у фокусника. Это был полуавтоматический «смит-и-вессон». Казанова отступал от честных правил драки.

— Не-е-ет! — крикнула ему Кейт.

— Эй ты, ублюдок, — произнес я хриплым шепотом. Я тоже решил нарушить правила.

Казанова обернулся. Он увидел меня и прицелился. Я держал свой «глок» обеими руками. Руки слегка дрожали, но мне удалось сесть. Я

опустошил в него почти всю обойму. *Загони кол ему в сердце!* Именно это я и сделал.

Казанова отлетел назад и ударился спиной о стену. Тело его задергалось в конвульсиях. Ноги безвольно подогнулись, весь он тяжело обмяк. На лице появилось удивленное выражение. Он внезапно понял, что тоже смертей.

Глаза его закатились, как будто провалившись в череп. Виднелись только белки. Ноги дернулись раз, другой и замерли. Казанова умер почти мгновений на полу пляжного домика.

Я поднялся. Ноги были словно из ваты, и я вдруг почувствовал, что взмок от пота с головы до пят. Холодного пота. Чертовски неприятное ощущение. Я проковылял к Кейт, и мы долго стояли обнявшись. Мы оба дрожали — от страха, но и от радости. Мы победили.

— Как я его ненавидела! — прошептала Кейт. — До сих пор я и не представляла себе, что это значит — ненавидеть.

Я позвонил в полицию Кейп-Хэттераса. Потом позвонил в ФБР, детям и Нана в Вашингтон. Все кончилось.

Глава 123

Я сидел на веранде любезного моему сердцу дома в Вашингтоне и потягивал холодное пиво с Сэмпсоном на пару.

Стояла осень, и в зябком прозрачном воздухе уже чувствовалось приближение зимы. Наши драгоценные и презренные «Краснокожие» отправились на футбольные сборы, а «Иволги» снова выпали из борьбы за главный приз. «Да будет так», — писал Курт Воннегут в те времена, когда я учился в университете Джонса Хопкинса и увлекался подобными изречениями.

Мои дети сидели рядышком на диване в гостиной и в сотый раз смотрели по телевизору «Красавицу и Чудовище». Я не возражал. Сказка хорошая и увлекательная, пусть смотрят, раз не надоела. Завтра будут показывать моего любимого «Аладдина».

— Я сегодня видел в Вашингтоне полицейских в три раза больше, чем во всей Америке, — рассказывал Сэмпсон.

— Да, но у нас и преступлений раз в двадцать больше. Не понапрасну столицей числимся, — сказал я. — Как говорил один из наших бывших мэров: «Если бы не убийства, в Вашингтоне, был бы самый низкий уровень преступности в стране».

Сэмпсон рассмеялся. Я вторил ему. Жизнь постепенно возвращалась в привычное русло.

— Как дела-то? — спросил Сэмпсон, помолчав. Этого вопроса он не задавал с тех пор, как я вернулся с юга, из Аутер-Бэнкса, из моего «летнего отпуска», как я его называл.

— Прекрасно. Я такой же непобедимый лихой сыскарь, как и ты.

— Лапшу на уши вешаешь, Алекс. По десять фунтов на каждое.

— Не без этого. Куда деваться? — пришлось признаться. Его не проведешь.

— Я задал тебе серьезный вопрос, — сказал он, глядя на меня строго и холодно из-под темных очков. Ни дать ни взять боксер Картер по кличке Ураган на ринге. — Скучаешь по ней, приятель?

— Конечно, скучаю. Еще бы, черт побери. Но ведь я сказал — со мной все в порядке. Такой подруги у меня никогда в жизни не было. А у тебя?

— Нет. Такой не было. Ты хоть понимаешь, что вы оба чудаки? — Он покачивал головой, не зная, что со мной поделать. Я тоже этого не знал.

— Она хочет открыть частную практику там, где родилась. Пообещала родным. На этом пока и порешила. А мне надо оставаться здесь, проследить, чтобы вы тут от рук не отбились. Так я решил. Так мы решили в Нэгз-Хеде. И решили правильно.

— Угу.

— Мы так решили вместе, Джон, и так должно быть.

Сэмпсон задумчиво отхлебывал пиво, как и подобает настоящим мужчинам вроде нас. Он покачивался в кресле-качалке и внимательно наблюдал за мной из-за горлышка пивной бутылки. «Следил» за мной, так скажем.

Позже тем же вечером я сидел на веранде в одиночестве.

Играл на рояле «Судный день» и «Боже, благослови дитя». [35] Думал о Кейт и размышлял на такую трудную тему, как утрата. Каждому приходится рано или поздно узнать, что это такое. Иногда это идет на пользу.

Когда мы были в Нэгз-Хеде, Кейт рассказала мне увлекательную историю. Она вообще была прекрасной рассказчицей.

Когда ей было двадцать лет, рассказывала Кейт, она узнала, что отец ее содержит бар в каком-то притоне на границе Кентукки. И однажды вечером она решила сходить в этот бар. Отца, по ее словам, она не видела лет шестнадцать. С полчаса просидела в этом захудалом вонючем баре и смотрела на отца. То, что она видела, ей отчаянно не нравилось. Потом встала и ушла, не представившись, не сказав, кто она такая, собственному отцу. Просто ушла, и все.

Вот такая она сильная, и это совсем неплохо. Поэтому смогла пережить смерть почти всех своих близких. Поэтому, вероятно, была единственной, кто смог удрать от Казановы.

Я помнил, как она мне сказала когда-то: «Останься хотя бы на одну ночь, Алекс».

Эту ночь мы с ней никогда не сможем забыть. Я не мог. И надеялся, что Кейт тоже будет помнить.

Глядя из окна веранды в темноту, я никак не мог отделаться от мерзкого чувства, что за мной следят. Эту проблему я разрешил

достойным для доктора-следователя способом. Просто перестал пялиться в грязное пыльное окно.

И все же я знаю, что они там.

А им известно, где я живу.

Наконец я встал и отправился спать, но не успел задремать, как услышал стук. Громкий. Настойчивый. Тревожный.

Прихватив табельный револьвер, я помчался вниз. В дверь по-прежнему колотили. Я взглянул на часы. Половина четвертого. Зловещий час. Беда.

За дверью черного хода притаился Сэмпсон. Это он стучал.

— Убийство, — сообщил он, когда я отпер замок, снял цепочку и открыл ему дверь. — Нечто из ряда вон, Алекс.

notes

Примечания

1

Воан Сара, Холидей Билли, Смит Бесси — известные чернокожие певицы, исполнительницы блюзов.

Мой дом — твой дом (*исп.*).

Холмс Оливер Венделл — известный американский юрист.

4

Приап — в античной мифологии олицетворение фаллоса.

Колтрейн Джон — американский чернокожий джазовый тенор-саксофонист.

6

Намек на известный фильм Уолта Диснея «Красавица и Чудовище» по одноименной сказке.

Сунь-Цзы — древнекитайский военный теоретик и полководец в VI–V вв. до н. э.

Фамилия Харт созвучна английскому слову «сердце».

Мунк Эдвард (1863–1944) — норвежский художник.

Фанон Франц — современный американский ученый.

Мюррей Альберт — современный американский социолог.

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ.

Гувер Джон Эдгар — директор ФБР с 1924 по 1972 г.

Гинекократия — правление женщин.

Лос-Анджелес — город ангелов (*исп.*).

Стэнфорд — один из элитарных колледжей.

Бенинг Аннета — киноактриса.

«Вутеринговы высоты» — художественный фильм.

Великая южная страна (*исп.*).

Амброзия — здесь: тертая мякоть кокосового ореха с апельсинами.

Поллок Джексон, Ротко Марк — американские художники.

Гесс Рудольф — один из главных нацистских преступников.

Будничная одежда (*фр.*).

Сегодняшняя, дежурная (*фр.*).

«Похититель трупов» — название кинофильма.

Хилл (Hill) — в переводе с английского — «холм».

ДМ — доктор медицины.

«Веревка» — фильм режиссера Альфреда Хичкока.

Исход — часть Ветхого Завета.

«Желтые страницы» — телефонный справочник.

Сексуальные извращения (*лат.*).

Весьма польщен (*фр.*).

УСК — сокращенное от университет Северной Каролины.

Готорн Натаниель (1804–1864) — американский прозаик-романтик.

«Судный день», «Боже, благослови дитя» — негритянские религиозные гимны.